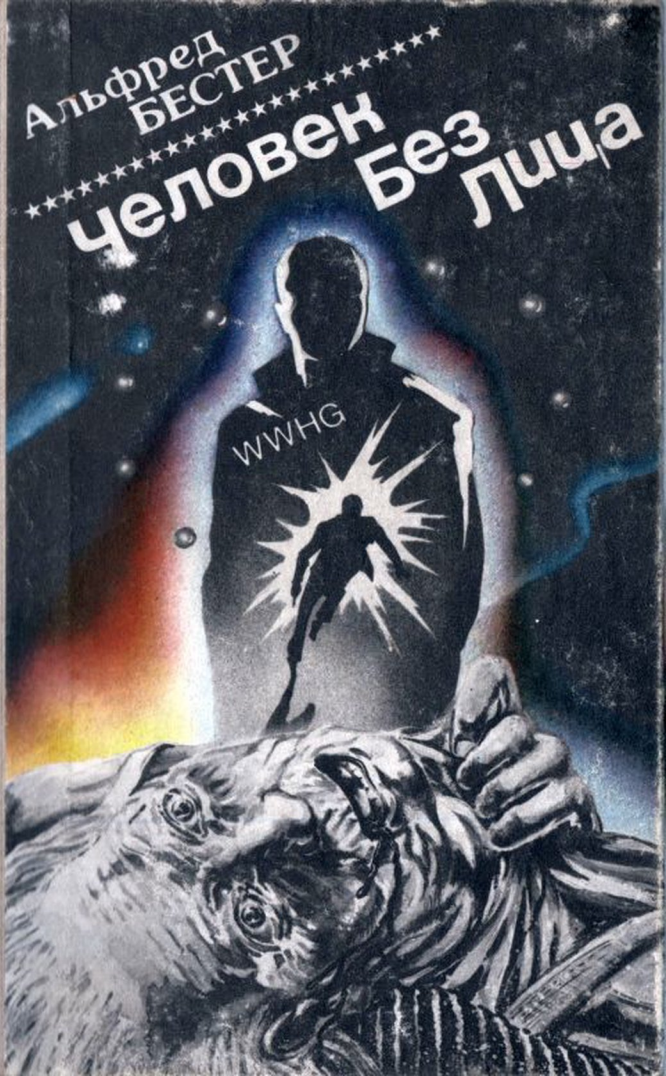
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Альфред БЕСТЕР

Человек Без Лица



Человек без лица. Тигр! Тигр! Выбор. Пи-человек. Феномен исчезновения

Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. Человек Без Лица
Человек Без Лица. (пер. с англ. Е. Коротковой)
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII

Тигр! Тигр!. (Пер. с англ. В. Баканова)
Пролог
Часть I
1
2
3
4
5
6
7
Часть II
8
9
10
11
12
13
14
15
16
Выбор. (пер. с англ. В. Баканова)
Пи-человек. (пер. с англ. В. Баканова)
Феномен исчезновения. (пер. с англ. Ю. Абызова)

Аннотация

В сборник включены наиболее популярные произведения одного из крупнейших американских писателей-фантастов.

Альфред Бестер
Человек Без Лица

Человек Без Лица[1]
(пер. с англ. Е. Коротковой)

[1] Примечания: 1

Печатается по изд. Бестер А Человек Без Лица: БСФ, т. 24./ Пер с англ. — М.: Молодая гвардия, 1972.

Глава I

Удар! Взрыв! Двери подвала настежь! Там, внутри, навалом денег. Хватай, тащи, тяни! Но кто это? Кто это, там, стоит? Бог мой! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать… Бежать…

Скорей бежать, а то я пропущу парижский пневматический и больше не увижу эту прелестную девушку, чье лицо как цветок, а тело создано для страсти. Я еще могу успеть. Но кто там у ворот? Это не сторож. Боже! Снова он, Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный… Только бы не закричать. Да перестань…

Но я и не крину. Я пою на сцене, на ослепительной мраморной сцене, льется музыка, горят огни. А в зале ни души. Зал — пустая темная яма, и там один лишь зритель. Как пристально он глядит! Безмолвный. Огромный. Опять Человек Без Лица.

Он закричал. Теперь и вправду закричал.

Бен Рич проснулся.

Он лежал не двигаясь в своей гидропатической постели, и сердце его бешено стучало, а глаза, казалось бы, спокойно — хотя какое уж тут спокойствие — оглядывали все вокруг. Нежно-зе-

леные стены, фарфоровый ночник — китайский мандарин, дотронься до него, он будет бесконечно кивать и кивать головой, — разнопланетные часы, фиксирующие время трех планет и шести спутников; и наконец, постель — кристально-прозрачный бассейн, где струится нагретый до 99,9 градуса по Фаренгейту карбонизированный глицерин.

Дверь тихо отворилась, в полумраке возник Джонас, тень в бордовой ночной пижаме, бесплотный дух с лошадиным лицом и манерами гробовщика.

— Опять? — спросил Рич.

— Да, мистер Рич.

— Громко?

— Очень громко, сэр. И так испуганно.

— Черт бы побрал ваши ослиные уши! — буркнул Рич. — Я никогда ничего не боюсь.

— Убирайтесь.

— Слушаю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонас сделал шаг назад, притворил дверь.

— Джонас! — крикнул Рич.

Лакей появился опять.

— Простите меня, Джонас.

— О, все в порядке, сэр.

— Нет, вовсе не в порядке. — Рич обаятельно

улыбнулся. — Я обращаюсь с вами как с родственником. За такую привилегию я слишком мало вам плачу.

— Ну что вы, сэр!

— В следующий раз, когда я на вас заору, гаркните и вы на меня. Будем квиты.

— О, мистер Рич…

— Сделайте так, и вы получите прибавку. — Снова улыбка. — Это все, Джонас. Благодарю.

— Спасибо, сэр. — Камердинер ушел.

Рич вышел из постели и, обтираясь перед большим зеркалом, репетировал улыбку. «Выбирай себе врагов сам, а не заводи их случайно», — бормотал он. Рич внимательно разглядывал себя: мощные плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги, влажные прямые волосы, большие глаза, точеный нос и капризный тонкогубый рот с жесткой складкой.

— Ну отчего? — спросил он. — Отчего? Внешностью я не поменялся бы и с дьяволом. Положением — не захочу меняться с богом. Отчего я ору?

Он надел халат и взглянул на часы, не ведая о том, что его предкам показалась бы непостижимой та бессознательная легкость, с которой он единым разом охватил временно-числовую панораму Солнечной системы. На циферблатах

стояло:

2301 н. э.

ВЕНЕРА	ЗЕМЛЯ	МАРС
Среднесолнечный день 22	Февраль 15, Дуодецембер 35	
(В зените)	0205 Гринвич	2220
ЛУНА	ГАНИМЕД	КАЛЛИСТО
2 д. 3 ч 1 д. 1 ч	6 д. 8 ч.	13 д. 12 ч
	(Затмение)	
ТИТАН	ТРИТОН	
15 д. 3 ч.	4 д. 9 ч.	
(Проходит меридиан)		

Ночь, день, лето, зима... Рич мог с лета перечислить час и время года на любых меридианах всех небесных тел, входящих в Солнечную систему. Здесь, в Нью-Йорке, отвратительное зимнее утро сменило полную безобразных кошмаров ночь. Несколько минут придется потратить на собеседование с психиатром Эспер Лиги, которого он нанял. Сколько еще можно вопить по ночам?

— «Э» — это - «Эспер», — бормотал он. — Эспер — это экстрасенсорная перцепция. Телепаты, про-

щупыватели мыслей, щупачи! Предполагается, что врач из Эспер Лиги может отучить меня орать во сне. Предполагается, что доктор медицины, умеющий влезать людям в мозги, даром денег не берет. Ему лишь стоит заглянуть ко мне в башку, и крикам конец. Этих проклятых щупачей считают венцом развития Homo sapiens'а. «Э» — это эволюция. Черта с два! Эксплуатация — вот что такое «Э»!

Его трясло от ярости.

— Но я же не боюсь! — крикнул он, распахнув дверь. — Никогда ничего не боюсь.

Он вышел в коридор и звонко застучал подошвами домашних туфель по серебряным плиткам: ки-тат-ки-тат-ки-тат-ки-тат, — не тревожась о том, что жутковатый дробный стук, разбудив спозаранок прислугу, посеет страх и ненависть в двенадцати сердцах.

Толчком распахнув дверь в покои психиатра, Рич вошел и сразу лег на кушетку.

Карсон Брин, врач-эспер второй ступени, уже проснулся и ждал его. Будучи домашним психоаналистом Рича, он всегда спал «одним ухом», и во сне поддерживая с пациентом связь, готовый пробудиться по первому зову. Крик Рича разбудил его. Брин сидел возле кушетки, очень

элегантный в своем роскошном вышитом халате (Рич платил ему 20 тысяч кредиток в год), и был полон внимания, поскольку знал, что наниматель щедр, но требователен.

— Я слушаю вас, мистер Рич.

— Опять Человек Без Лица, — буркнул Рич.

— Кошмары?

— Влезь мне в голову, упырь проклятый, сам увидишь. Хотя нет, простите. Это глупо. Да, опять кошмары. Я пробовал ограбить банк. Потом догонял поезд. Потом кто-то пел. По-моему, я сам. Сейчас я вспоминаю все это как только могу подробно. Кажется, не пропускаю ничего…

Долгая пауза. Наконец Рич не выдержал:

— Ну! Нащупали что-нибудь?

— Вы продолжаете настаивать, мистер Рич, что не можете опознать этого Человека Без Лица?

— Как мне его опознать? Его лица я никогда не вижу. Я только знаю…

— Думаю, что вы могли бы его опознать. Вы просто не хотите…

— Послушайте-ка, вы… — Рича бесило ощущение, что доктор, очевидно, прав. — Я вам плачу двадцать тысяч. А вы мне тычете свои идиотские домыслы и не способны…

— Вы и вправду так полагаете, мистер Рич, или

это просто общий синдром обеспокоенности?

— Да при чем тут обеспокоенность? — крикнул Рич. — Я не боюсь. Я никогда… — он замолчал, почувствовав, как бесполезно защищать себя словами перед щупачом, чей разум мог с великой легкостью проникнуть сквозь словесные заслоны, — Вы все же ошиблись, — сказал он угрюмо. — Человек Без Лица. Вот все, что мне о нем известно.

— Вы все время обходите самые существенные пункты, мистер Рич. Вас надо натолкнуть на них. Прибегнем к способу свободных ассоциаций. Пожалуйста, без слов, просто мысли. Ограбление…

— *Драгоценные камни — часы — бриллианты — слитки — соверены — фальшивые монеты — боны — акции — курт…*

— А это еще что?

— *Простите, ошибка. Курс — наличные — шлифовка — драгоценность.*

— Нет, не ошибка, мистер Рич, а очень важная поправка или, вернее, переделка. Продолжим. Пневматический…

— *Кондиционированный — длинный — вагон — поезд — следует — катастрофа…* Чепуха все это!

— Не чепуха, мистер Рич. Подсознательная игра слов. Подставьте вместо «следует» — «наследует»,

и убедитесь сами. Продолжайте, прошу вас.

— Очень уж вы, щупачи, ловки. Что там у нас? Пневматический — *поезд — подземный — сжатый воздух — ультразвуковая скорость — «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — вот девиз… — как называлась эта фирма? Выскочило вдруг откуда-то…*

— Из подсознания, мистер Рич. Еще одна проба, и вы поймете. Амфитеатр…

— *Кресла — партер — ярус — ложи — балкон — стоячие места — стойло — лошади — марсианские лошади — марсианские пампасы…*

— Ну вот вам, мистер Рич. Марс. За последние полгода вам девяносто семь раз снились кошмарные сны с Человеком Без Лица. Он неизменно был вашим врагом, срывал все ваши планы, внушал вам ужас в этих сновидениях, которые объединены тремя общими знаменателями — Финансы, Транспорт и Марс. Все это повторяется снова и снова… Человек Без Лица и Финансы, Транспорт и Марс.

— Мне это — ничего не говорит.

— И все же это не случайность, мистер Рич. Я думаю, что вы способны опознать эту путающую вас фигуру. Зачем бы иначе вам так упорно избегать его лица?

— Я ничего не избегаю.

— В качестве ключа к разгадке можно использовать слово «курт», подставленное вместо «тсурс», и забытое вами название фирмы, девиз которой «Мы транспортируем вас…»

— Я уже сказал — не знаю! — Рич сердито встал с кушетки. — Вашими ключами ничего не отопрешь. Я не могу его опознать.

— Этот человек пугает вас не потому, что у него нет лица. Вы знаете, кто он. Вы его ненавидите, боитесь, но вы знаете, кто он.

— Тогда сами и скажите мне. Вы же щупач.

— Мои способности ограничены, мистер Рич. Без вашей помощи я не могу проникнуть глубже.

— Какая еще помощь? Вы лучший врач-эспер, которого я мог нанять. И если уж…

— Мистер Рич, не лукавьте ни со мной, ни с собой. Вы для того и наняли врача второй ступени, чтобы обезопасить себя именно в подобном случае. Сейчас вы расплачиваетесь за свою осторожность. Вылечить вас от кошмаров сможет лишь специалист первой ступени… Скажем, Огастес Тэйт, или Гарт, или Самюэль Экинс.

— Ладно, я подумаю, — буркнул Рич и пошел к двери. Когда он растворил ее, Брин сказал ему вслед:

— Да, кстати… «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — девиз картеля де Куртнэ. Вам не кажется, что это как-то связано с оговоркой «курт» вместо «курс»?

— Человек Без Лица!

Быстро и решительно перехватив шальную мысль и задержав ее, Рич бросился по коридору к своим апартаментам. Приступ дикой ненависти охватил его. *Он прав. Де Куртнэ — вот кто заставляет меня кричать во сне. Не потому, что я его боюсь. Я себя боюсь. Я всегда это знал. Знал в глубине души. Я чувствовал, что рано или поздно мне придется убить мерзавца. Я потому и не вижу лица, что это лицо убийства.*

Вскоре Рич, уже как следует одетый, но хмурый, вихрем вылетел из своих комнат, спустился вниз и оказался на улице, где его тотчас подхватил прыгун компании «Монарх» и грациозным прыжком перенес к гигантской башне, которая вмещала сотни этажей и тысячи сотрудников, обслуживающих Нью Йоркскую контору «Монарха». Башня «Монарха» являла собой нервный центр корпорации, неслыханной по объему Корпорация эта колоссальной пирамидой возвышалась на разветвленной сети транспорта и связи, предприятий тяжелой и легкой промыш-

ленности, внеш ней и внутренней торговли, исследовательских и изыскательских работ. «Компания Монарх. Предприятия общественного пользования, инкорпорейтид» покупала и продавала, наделяла и обменивала, созидала и разрушала Система ее филиалов и акционерных обществ была так сложна, что приходилось держать на полном окладе бухгалтера-эспера второй ступени, обязанностью которого было следить за общей тенденцией циркуляции финансов.

Рич вошел в кабинет, куда за ним проследовала старшая секретарша (эспер-3), окруженная помощницами, которые тащили целый ворох утренней почты.

— Сбросьте все сюда и убирайтесь, — буркнул Рич.

Девушки свалили на его письменный стол бумаги и саморегистрирующие кристаллы памяти и торопливо вышли. Они не обиделись на шефа: к его вспышкам гнева здесь давно привыкли. Рич сел за стол, трясясь от жгучей, нестерпимой ярости к Крею де Куртнэ. Наконец он пробормотал:

— Дам еще один шанс мерзавцу.

Рич открыл ключом стол, потом отпер ящик-сейф и вытащил оттуда административный справочник шифров, издание, распределенное

только среди руководителей фирм, причисляемых Ллойдом к группе «4 А-1». Раскрыв справочник посредине, он сразу нашел все, что ему требовалось:

QQBA. УЧАСТИЕ В ДОЛЕ
RRCB… ОБА НАШИ
SSDC. ОБА ВАШИ
TTED СЛИЯНИЕ
UUFE…. КАПИТАЛ
VVGF…..ИНФОРМАЦИЯ
WWHG... ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО
XXIH…. ОБЩЕПРИНЯТЫЙ
YYJI. ПРЕДЛАГАЮ
ZZKJ … СЕКРЕТНЫЙ
AALK. РАВНОПРАВНЫЙ
BBML КОНТРАКТ

Заложив нужную страницу, Рич включил внутренний видеофон и, когда появилось изображение видеофонистки, распорядился:

— Дайте шифровальную.

Яркая вспышка, и на экране возникла небольшая комната, где плавал табачный дым и повсюду валялись книги и рулоны телетайпной ленты. Белесый мужчина в полинялой рубахе встрепенулся, взглянув на экран.

— Слушаю, мистер Рич.

— Здравствуйте, Хэссоп. Мне кажется, вам не мешает отдохнуть, — *Выбирай себе врагов сам*— Слетайте на недельку на Космическую Ривьеру. Отпуск за счет «Монарха».

— Спасибо, мистер Рич. Большое вам спасибо.

— У меня секретная шифровка Крею де Куртнэ. Передавайте… — Рич заглянул в справочник. — Передавайте: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. Ответ доставьте тотчас же. Понятно?

— Понятно, мистер Рич. Я мигом.

Рич выключил «видео». Запустив руку в груду лежавших на столе бумаг и кристаллов, он выудил один кристалл и включил его. Голос старшей секретарши произнес: компания «Монарх»: валовой доход понизился на 2,1134 процента. Картель де Куртнэ: повышение валового дохода на 2,1130 процента…

— Черт бы его драл! — озлился Рич. — Так и гребет из моего кармана. — Он сердито щелкнул выключателем и вскочил. Его снедало нетерпение. Ответ придет лишь через несколько часов. Теперь вся его жизнь зависит от решения де Куртнэ. Он вышел из кабинета и начал бродить с этажа на этаж, из отдела в отдел с таким видом, будто просто проверял хозяйским строгим глазом, как идет работа. Эспер-секретарша скромно

и незаметно следовала за ним, как дрессированная собачка.

— *Дрессированная сука!* — подумал Рич. И вслух:

— Простите. Вы это прощупали?

— Неважно, мистер Рич. Я поняла вас правильно.

— Вот как? Я и сам себя не понял. Чертов де Куртнэ!

В отделе найма проводились испытания, проверка и отсев, как всегда, многочисленных претендентов на должность. Тут находились клерки, мастера, специалисты, административные работники среднего масштаба и эксперты высшей квалификации. Все эти люди уже подверглись предварительному отбору, который был произведен и на этот раз из рук вон плохо, по мнению эспера-начальника отдела. Когда в кабинете появился Рич, начальник отдела найма, кипя от гнева, расхаживал из угла в угол. Он бровью не повел, приняв телепатический сигнал, посланный ему секретаршей еще из-за двери.

— Мною отведено десять минут для окончательного собеседования с каждым кандидатом, — распекал он одного из своих помощников. — Шесть человек в час, сорок восемь за день. Когда я бра-

кую по тридцать пять процентов испытуемых, я попусту трачу свое время, а точней — время «Монарха». Компания пригласила меня не для того, чтобы я отсеивал явно негодных кандидатов. Это ваше дело. Займитесь им. — Он повернулся к Ричу и с достоинством кивнул: — Доброе утро, мистер Рич.

— Привет. Неприятности?

— Все было бы в порядке, если бы мои сотрудники уразумели, что экстрасенсорная перцепция — отнюдь не чудо, а искусство, подлежащее почасовой оплате. Каково ваше решение по поводу Блонна, мистер Рич?

Секретарша:

— Он еще не читал вашей докладной записки.

— Позвольте вам, милейшая, заметить, что, не используя мои услуги с максимальной эффективностью, компания выбрасывает деньги на ветер. Докладная записка о Блонне пролежала на столе мистера Рича целых три дня.

— Что это еще за Блонн такой свалился мне на голову? — спросил Рич.

— Мистер Рич, сперва я обрисую вам общее положение. В состав Эспер Лиги входит около ста тысяч эсперов третьего класса. Каждый эспер-три способен проникать в область сознания объекта

и обнаруживать, что думает объект в данный момент. Это низший класс телепатов. Большая часть охраны и младший технический персонал компании «Монарх» — эсперы-три. Мы наняли более пятисот…

— *Он это знает. Это каждому известно. Ближе к делу, трепач!*

— *Осмелюсь испросить вашего позволения излагать дело так, как я считаю нужным.* Далее: в Лиге числится около десяти тысяч эсперов второго класса, — ледяным тоном продолжал начальник. — Все эти специалисты, в том числе и я, способны проникать глубже сознательного уровня, добираясь до области подсознания. Большая часть эсперов-два — врачи, адвокаты, инженеры, педагоги, архитекторы, экономисты и так далее.

— И каждому из вас приходится платить целое состояние.

— А почему бы нет? Наши услуги стоят того. Компания «Монарх» признает это. В данный момент компания держит на службе более ста эсперов-два.

— *Вы перестанете болтать?*

— И наконец, в числе членов Лиги насчитывается менее тысячи эсперов первого класса. Эспер-один обладает способностью проникать

глубже областей сознания и подсознания… в область глубоких инстинктов. Все эти люди, конечно, занимают выдающееся положение на различных поприщах. Преподаватели, врачи, психоаналисты, такие, как Тэйт, Гарт, Экинс, Мозель, криминалисты, например Линкольн Пауэл из парапсихологического отдела полиции, руководители внешней торговли, специальные консультанты правительства и так далее. До сих пор у компании «Монарх» не было нужды приглашать на службу эспера-один.

— И что же? — буркнул Рич.

— Сейчас нужда возникла, мистер Рич, и, я надеюсь, Блонн согласится. Короче говоря…

— *Давно бы так!*

— Короче говоря, мистер Рич, «Монарх» пользуется услугами такого количества эсперов, что я предлагаю создать специальный отдел, комплектующий штаты служащих эсперов и поставить во главе его какого-нибудь эспера первого класса, того же Блонна, к примеру.

— *Он не понимает, почему вы сами не справляетесь.*

— Я намеренно обрисовал вам общую картину, мистер Рич, чтобы объяснить, из-за чего я сам не в состоянии справиться с такой работой. Я

эспер-два. Нетелепатов я опрашиваю быстро и результативно, но моя результативность падает при опросе эсперов. Все эсперы имеют обыкновение блокировать телепатический опрос, и успешность этих контрманевров зависит от категории опрашиваемого. Чтобы основательно проверить эспера-три, мне требуется час. На собеседование с эспером второго класса уйдет три часа.

А сквозь блок эспера-один мне, наверное, вообще не пробиться. Для всей этой работы мы должны пригласить эспера первого класса, такого специалиста, как Блонн. Разумеется, это будет стоить огромных денег, но у Вас нет другого выхода.

Вот как! Почему? — спросил Рич.

— *Бога ради! Что вы делаете? Приводить ему этот довод — все равно что махать красным перед носом у быка. Вы его не раззадорите, а окончательно обозлите.*

— *Я выполняю свой долг, мадам.* Дело в том, сэр, — пояснил начальник, обратившись к Ричу, — что мы с вами нанимаем далеко не лучших эсперов. Картель де Куртнэ уже не в первый раз перебегает нам дорогу. Из-за плохой постановки дела нам неизменно достаются те, кто поплоше,

а тем временем де Куртнэ преспокойно снимает сливки.

— Чтоб вам сгореть! И вашему де Куртнэ тоже! — крикнул Рич. — Добро. Валяйте. Пусть теперь этот Блонн сам перебегает де Куртнэ дорогу. Да подключитесь заодно и вы.

Рич бросился к дверям и отправился в отдел информации. Здесь его тоже ожидали неприятные вести. «Компания Монарх. Предприятия общественного пользования» терпела поражение за поражением в единоборстве с картелем де Куртнэ. Он теснил их на всех фронтах: и в области рекламы, и в строительстве, и в исследовательских работах, и в информации. Дальше обманывать себя было нельзя. Рич понял, что его приперли к стенке.

Вернувшись к себе, он несколько минут как бешеный метался по кабинету.

— Хватит валять дурака! — пробормотал он. — Я знаю, что должен его убить. Он не согласится на слияние. Да и зачем ему это? Он же отлично понимает, что положил меня на обе лопатки. Мне остается только убить его, а для этого нужен помощник. Помощник-эспер. — Он щелчком включил видеофон и распорядился: — Комнату отдыха!

На экране появился сверкающий никелем и эмалью зал со столиками для игры и с автоматическим баром. Судя по виду, в этом зале приятно было отдохнуть, и служащие «Монарха» действительно захаживали сюда с этой целью. В то же время зал являлся центром мощной сети шпионажа, обслуживающей компанию. Управляющий залом бородатый интеллектуал по фамилии Уэст, погруженный в обдумывание шахматной задачи, взглянул на экран и тут же встал.

— Доброе утро, мистер Рич.

Официальное обращение «мистер» было предупреждением, и Рич принял его к сведению.

— Доброе утро, мистер Уэст Решил наведаться к вам для порядка (отеческая, так сказать, забота) Как развлекаются мои подопечные?

— Каждый по-своему, мистер Рич. Впрочем, сэр, я должен вам пожаловаться, что-то слишком стали увлекаться азартными играми. — Уэст озабоченно бубнил в видеофон до тех пор, пока двое ни о чем не подозревающих клерков скромно допили свои коктейли и ушли. После этого Уэст вздохнул с облегчением, опустился в кресло и сказал:

— Выкладывайте, Бел, путь свободен.

— Скажите, Эллери, Хэссоп уже раскодировал

секретную шифровку?

Бородач отрицательно покачал головой.

— Все еще возится?

Уэст ухмыльнулся и кивнул.

— Где сейчас де Куртнэ?

— Держит путь на Землю на борту «Астры».

— Вам известно, что он намерен тут делать? Где остановится?

— Не знаю. Выяснить?

— Пока не нужно. Это зависит…

— От чего? — Уэст с любопытством посмотрел на шефа. — Жаль, что чтение мыслей не осуществляется через «видео».. Хотелось бы мне знать, что у вас сейчас на уме.

Рич угрюмо усмехнулся:

— Слава богу, хоть одно убежище у нас осталось. Как вы относитесь к преступлениям, Эллери?

— Так же как все..

— Все люди?

— Как все члены Лиги. Наша Лига не одобряет преступлений, Бен.

— И что вы с ней так носитесь, с вашей Лигой? Вы же знаете цену успеху, деньгам. А Лига — что она вам даст? Не пора ли вам наконец обзавестись собственным мнением и не заглядывать в рот Лиге?

— Вам этого не понять, Бен. В Эспер Лиге все мы рождены, в ней мы живем и в ней умрем. У нас есть право избирать руководителей, единственное наше право. Зато деятельность каждого из нас находится в полном распоряжении Лиги. Эспер-Лига учит и воспитывает нас, присваивает ступени, устанавливает этические нормы и следит за тем, чтобы мы соблюдали их. Так же как медицинские учреждения, Лига оберегает нрава непосвященных и тем самым оберегает посвященных, то есть нас. У нас есть своя Гиппократова клятва. Она называется Заветом Эспера. И да поможет бог тому, кто рискнет этот завет нарушить… на что вы, кажется, меня подбиваете…

— Может быть, и так, — не улыбаясь, отозвался Рич. — Может быть, я подбиваю вас и намекаю, что вашу эспер-клятву стоит нарушить. Если речь пойдет о сумме… о такой громадной сумме, какой ни вы, ни кто-либо из ваших второступенных щупачей в жизни своей не видывал…

— Оставьте это, Бен. Я пас.

— Но все же предположим, что вы нарушили Завет. Что вам грозит?

— Остракизм.

— И только-то? Подумаешь! Да ведь у вас в кармане будет огромный куш, целое состояние.

Те из щупачей, кто потолковее, давно порвали с Лигой. Их подвергли остракизму. Ну и что? Не разыгрывайте из себя младенца, Эллери.

Уэст снисходительно улыбнулся:

— Вы этого не поймете, Бен.

— Так растолкуйте мне.

— Вы говорите об отверженных… о людях вроде Джерри Черча. Не такие уж они толковые. Как бы вам пояснить… — Уэст задумался. — В ту пору, когда хирургия была в зачаточном состоянии, среди людей существовали группы увечных, называемых глухонемыми.

— Это те, что не могли ни говорить, ни слышать?

— Они самые. Между собой они общались языком жестов. А с остальными людьми общаться они не могли. Вы понимаете? Чтобы существовать, они должны были держаться друг за дружку. Человек лишится разума, если ему не с кем обменяться словом.

— Дальше.

— Дальше, кто-то из них додумался заняться вымогательством. Эти люди обложили еженедельным налогом самых богатых глухонемых. Тех, кто отказывался платить, подвергали остракизму. Но никто не отказывался. Каждый

предпочитал выложить деньги и спастись от перспективы медленно сходить с ума в полнейшем одиночестве.

— Значит, вы, щупачи, такие же глухонемые?

— О нет, Бен. Глухонемые — это вы. Если кому-нибудь из нас придется жить одному среди вас, то он спятит. Поэтому не нужно соблазнять меня и посвящать в ваши черные замыслы. Я знать их не желаю.

Уэст без церемоний выключил видеофон. Взревев от злобы, Рич схватил со стола золотое, пресс-папье и с размаху запустил им в хрустальный экран. Осколки еще не осыпались, а он уже мчался по коридору к выходу.

Его эспер-секретарша знала, куда он уводит. Эспер-шофер знал, куда его везти. Дома его встретила эспер-экономка, которая тут же, составив меню в точном соответствии с невысказанным желанием Рича, распорядилась подать ленч. Поев и слегка поостыв, Рич прошествовал в свой кабинет и сразу направился к сейфу, мерцавшему в дальнем углу кабинета.

Сейф представлял собой небольшой открытый шкаф со множеством ячеек, расстроенный по фазе с некоторым ритмическим колебанием. Когда фаза сейфа и фаза колебания совпадали,

сейф вспыхивал ярким светом. Не успевал свет померкнуть, как новое совпадение фаз вызывало очередную вспышку. Таким образом сейф непрестанно пульсировал, излучая мерцающее силовое поле, которое не позволяло ни проникнуть в шкаф, ни даже увидеть его содержимое. Ключом к сейфу был отпечаток левого указательного пальца Рича, что исключало возможность подделки.

Рич коснулся пальцем точки, из которой излучалось сияние. Сияние померкло, появился шкаф. Не отрывая пальца, Рич вынул из одной ячейки черную записную книжечку, а из другой — большой красный конверт. Потом убрал палец, произошло фазовое рассогласование, и сейф замерцал снова.

Рич торопливо перелистывал страницы записной книжки - «авантюристы»... «анархисты»... «аферисты»... «банкроты (злостные)»... «взяточники (разоблаченные)». «взяточники (потенциальные)». Под рубрикой «потенциальные» стояло пятьдесят семь фамилий именитых граждан, и в том числе Огастес Тэйт, эспер-врач первой ступени. Рич удовлетворенно кивнул.

Потом он вскрыл красный конверт и исследовал его содержимое. В конверте оказалось пять

листков, исписанных убористым старомодным почерком, каким писали несколько веков назад. Это было послание потомкам от основателя компании «Монарх» и клана Ричей. На четырех листках значилось «План А», «План В», «План С», «План Д». Пятый был озаглавлен «Вступление». Рич стал читать, не без труда разбирая старинные завитушки:

«Моим наследникам. Только слабые разумом спорят с очевидностью. Если ты открыл это письмо, мы поймем друг друга.

Возможно, тебе пригодятся четыре плана убийств, подготовленные мной в общих чертах. Я завещаю их тебе как часть наследства Ричей. Это только схемы. Ты можешь сам детально разработать их, сообразуясь с требованиями времени, среды и обстоятельств.

Предупреждение: сущность убийства остается неизменной. Во все века убийство есть конфликт общества и убийцы, а ставкой является жертва. Основа этого конфликта с обществом всегда одна. Будь смелым, будь целеустремленным, будь дерзким, и общество не сумеет противопоставить тебе ничего.

Джеффри Рич».

Рич не спеша проглядел планы, искренне восхищаясь предусмотрительностью своего предка, который не упустил ни одной случайности. Сами схемы, хотя и оказались устарелыми, — воспламеняли воображение; идеи одна за другой зарождались и зрели в его мозгу, он обдумывал их, находил уязвимые пункты и наконец отвергал. Потом его внимание привлекла одна фраза из послания.

Не обдумывай свой план слишком подробно, если ты считаешь себя прирожденным убийцей. Доверься инстинкту. Разум может подвести тебя, но инстинкт убийцы непобедим.

— Инстинкт убийцы! — шепотом воскликнул Рич. — Господом богом клянусь, этот инстинкт у меня есть.

Прозвенел видеофон, и тотчас заработал телетайп. Под торопливый треск рывками поползла лента. Рич бросился к столу, и впился в нее глазами. Сообщение было коротким и убийственным.

Шифровка Ричу. Ответ: WWHG.

WWHG! Предложение отклонено.

— Отказ! Отказ! Я так и знал! — выкрикнул Рич. — Ну хороше же, де Куртнэ. Держись! Не ты сживешь меня со света, а я тебя отправлю на

тот свет.

Глава II

Огастес Тэйт, эспер д.м.-I, получал за час психоанализа 1000 кредиток — не столь уж крупный гонорар, если иметь в виду, что редкий пациент решался больше часа злоупотреблять разрушительным для своего бюджета временем доктора. И все же ежедневный доход Тэйта составлял восемь тысяч кредиток, а в год он выколачивал два миллиона, с добрым гаком. Мало кто знал, какую долю этой суммы забирала Эспер Лига на воспитание новых телепатов и осуществление Евгенического Плана Лиги, поставившего целью наделить экстрасенсорной перцепцией все человечество.

Огастес Тэйт, который эту цифру знал, не мог смириться с тем, что 91 процент заработанных денег уплывает из его рук. Потому он и стал членом Союза Эспер-патриотов, крайне правой группировки внутри Лиги, домогающейся сохранения автократии и неприкосновенности доходов эсперов высшего класса. Как и все члены этого союза, Тэйт попал под рубрику «Потенциальные взяточники», в записной книжке Бена Рича. Стремительно прошествовав в элегантный

кабинет доктора Тэйта, Рич бегло взглянул, на хозяина, чья щуплая и не вполне пропорциональная фигура выглядела изящной благодаря усилиям портных, затем сел и буркнул:

— Прощупайте меня, быстро!

Он сосредоточенно уставился на Тэйта, а миниатюрный психиатр-щупач, впившись в него заблестевшими глазами, отрывисто бросал фразу за фразой:

— Вы Бен Рич из компании «Монарх». Фирма стоит десять миллионов кредиток. Вы полагаете, что я слышал о вас. Это так. У вас идет смертельная борьба с картелем де Куртнэ. Верно? Вы люто ненавидите де Куртнэ. Так? Сегодня утром вы предложили ему объединиться. Послали шифровку: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. Он ответил отказом. Верно? В отчаянии вы решили… — Тэйт осекся.

— Продолжайте, — сказал Рич.

— …убить Крэя де Куртнэ и сделать тем самым первый шаг к тому, чтоб завладеть его картелем. Вам нужна моя помощь… Мистер Рич, это смешно?! Если вы не прекратите это думать, я должен буду на вас донести. Закон вам известен.

— Так помогите мне обойти его. Не вас учить.

Нет, мистер Рич, я вам помочь не могу.

Не можете! И это говорит первостатейный эспер? Как я поверю вам, когда знаю, что вы способны провести любого хитреца, не одного — десяток, сотню… Если захотите, то и весь мир.

Тэйт улыбнулся.

— Подсластить пилюлю, — начал он. — Излюбленный прием…

— Прощупайте меня, — перебил Рич, — Не тратьте времени даром. Прочтите мои мысли. Ваш — талант Мои капиталы. Против нас никто не устоит. Бог ты мой! Пусть скажут мне спасибо, что я решил прикончить только одного. Да мы с вами могли бы распять всю Вселенную.

— Нет., — решительно ответил Тэйт. — Я не согласен. Мистер Рич, мне придется на вас донести.

— Погодите. Неужели вам не интересно, сколько я намерен предложить? Прощупайте-ка глубже. Нашли? До какой суммы я могу дойти?

Тэйт закрыл глаза. Его бесстрастное, как у манекена, лицо окаменело в напряжении. Но вот глаза изумленно открылись.

— Вы шутите! — воскликнул он.

— Отнюдь, — негромко буркнул Рич. — И что самое главное: вы, надеюсь, поняли, что от обещанного я не отступлюсь.

Тэйт медленно кивнул.

— К тому же вам известно, что «Монарх» плюс картель де Куртнэ в состоянии осуществить все это.

— Готов вам поверить.

— Еще бы не поверить! Я пять лет финансирую ваш Союз Патриотов. Прощупайте меня поглубже, и вы поймете почему. Так же, как вы, я ненавижу эту сволочную Эспер Лигу. Ее этические установки наносят бизнесу смертельный вред. В бизнесе нельзя распускать сопли. Но рано или поздно ваш Союз расколошматит Эспер Лигу…

— Я уже прочел все это, — нетерпеливо прервал Тэйт.

— Человеку, которому принадлежат и компания «Монарх» и картель де Куртнэ, по плечу и более серьезные дела, чем помочь вашей фракции распатронить Лигу. Я назначу вас пожизненным президентом новой Лиги. Считайте, что этот пост вам обеспечен. В одиночку вы никогда бы не добились этого, но вдвоем со мной добьетесь.

Зажмурив глаза, Тэйт еле слышно произнес:

— Вот уже семьдесят девять лет как ни одно преднамеренное убийство не прошло безнаказанно. Мало кому удается скрыть свои намерения от эсперов. Но даже если это удалось, убийца все

равно разоблачит себя впоследствии.

— Эсперы не имеют права давать показания в суде.

— Это так, но если эспер нападет на след, он всегда сумеет найти объективные данные, подтверждающие то, что он нащупал. Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела полиции, кремень, а не человек. — Тэйт поднял веки. — Что, если мы забудем этот разговор?

— Нет, — отрезал Рич. — Сперва давайте разберемся. Вы говорите, что убийство невозможно скрыть. Почему? Да потому, что щупачи прочитывают наши мысли. Чем же можно заслонить себя от щупача? Еще одним щупачом. Но до сегодняшнего дня ни один убийца не додумался нанять хорошего щупача для страховки. Или, может быть, додумался, но не сумел. Я буду первым.

— Вы уверены, что будете?

— Я вступил в войну, — продолжал Рич. — Мне предстоит жестокая схватка с обществом. Необходимо разработать стратегию и тактику. Любая армия, вступив в войну, разрабатывает стратегию и тактику. Одной смелости, напористости, дерзости еще мало. Чтобы выиграть войну, армии нужна разведка. Моим лазутчиком можете стать только вы.

— Это так.

— Я буду сражаться. А вы вести разведку Мне необходимо знать, куда направится де Куртнэ, мне нужно выяснить, где и когда удобней нанести удар. Убивать я буду сам, но вы должны сказать мне, где и когда это удобней всего сделать.

— Ясно.

— Я нападу первым… мне нужно пробиться сквозь линию обороны, окружающую де Куртнэ. Рекогносцировку предстоит проделать вам. Прощупать всех не-телепатов, предупредить меня о щупачах и, если я все же столкнусь с ними, блокировать мои мысли. После убийства мне придется отступать сквозь новые ряды щупачей и нетелепатов. Вы будете в арьергарде. Останетесь на поле боя уже после убийства и установите, кого и почему подозревает полиция. Если я узнаю, что подозрение направлено на меня, я сумею отвести его. Если же я узнаю, что заподозрен другой человек, я смогу очернить его еще больше. Станьте моей разведкой, и я смело вступлю в войну и выиграю ее. Разве это неправда? Прощупайте меня.

После долгой паузы Тэйт сказал:

— Правда. Мы сумеем это сделать.

— Так вы беретесь мне помочь?

Тэйт помолчал, колеблясь, и наконец реши-

тельно ответил:

— Да. Берусь.

Рич с облегчением вздохнул:

— Прекрасно. А теперь я познакомлю вас со своим планом действий. Добраться до де Куртнэ мне поможет некая старинная игра под названием «Сардинки». Я воспользуюсь возможностью, которую предоставит мне эта игра, и убью де Куртнэ. Я уже придумал, как именно убить его, чтоб замести следы. Я пущу в ход старинный револьвер, но стрелять буду не пулей.

— Стойте, — вдруг воскликнул Тэйт. — Как вы не понимаете, что все эти ваши замыслы с легкостью прочтет первый попавшийся щупач. Я могу вас прикрывать, только когда я рядом. Но я не буду постоянно возле вас.

— Можно подставить временный мыслеблок. Я зайду в Музыкальный тупик к одной девице, сочиняющей песенки, что-нибудь ей навру, и она поможет мне.

— Что ж, пожалуй, — согласился Тэйт, быстро прощупав его. — Но вот что меня беспокоит. Де Куртнэ, возможно, будут охранять. Вы станете стрелять и по охране?

— Нет. Надеюсь, до этого не дойдет. Некто Джордан, физиолог, работающий для моей компании,

недавно изобрел слепящие капсулы. Мы собирались их использовать во время столкновений с забастовщиками. Я испробую их на охране де Куртнэ.

— Ясно.

— Вы будете работать на меня все время, постоянно все разведывать и разузнавать, но одну вещь необходимо выяснить прежде всего остального. Приезжая в наш город, де Куртнэ обычно останавливается у Марии Бомон.

— У Золоченой Мумии?

— Да. Узнайте, собирается ли он и в этот раз быть ее гостем. Тогда все решится.

— Это нетрудно. Я сумею раскопать и где он остановится, и что намерен делать. Линкольн Пауэл устраивает у себя сегодня вечеринку. Врач Крэя де Куртнэ, наверно, тоже будет там. Он уже неделю гостит на Земле. С него я и начну разведку.

— А вы не боитесь Пауэла?

Тэйт надменно улыбнулся.

— Если бы я его боялся, я бы не рискнул принять ваше предложение. Не заблуждайтесь на мой счет, мистер Рич. Я ведь не Джерри Черч.

— Кто?

— Не нужно делать таких удивленных глаз.

Джерри Черч, эспер второго класса. Его выставили из Лиги десять лет тому назад, после того как вы однажды пригласили его на пикник.

— Черт бы вас взял! Нащупали?

— Что-то нащупал, а кое-что знал раньше.

— Ничего, это не повторится на сей раз. Черч по сравнению с вами слабак. Вам не потребуется к нынешнему вечеру что-нибудь для антуража? Женщины? Костюм? Драгоценности? Деньги? Вам стоит только позвонить в «Монарх».

— Ничего не нужно, но очень благодарен вам.

— Таков уж я — преступник, но… широкая душа. — Рич встал, улыбнулся и двинулся к выходу, не попрощавшись с Тэйтом за руку.

— Мистер Рич! — окликнул тот, когда гость был уже возле двери.

Рич обернулся.

— Крики по ночам не прекратятся. Человек Без Лица — это не символ убийства.

— Что? О господи! Значит, опять кошмары? Чтоб ты сдох, чертов щупач! Как ты узнал? Как ты…

— Не будьте дураком. Вы что, шутки хотели шутить с эспером первой ступени?

— Кто с тобой шутит, сволочь? Что ты знаешь о кошмарах?

— А вот этого-то я вам не скажу. Я очень сомневаюсь, мистер Рич, что кто-то, кроме «первоступенного», сумеет просветить вас… К тому же… после беседы со мной вы вряд ли осмелитесь с кем-то еще консультироваться.

— Как вас понять? Вы не поможете мне?

— Нет, мистер Рич. — Тэйт злорадно улыбнулся. — Нужно же и мне чем-то пополнить свой арсенал. Равновесие сил — залог того, что стороны будут действовать на паритетных началах. Взаимная зависимость обеспечит верность общим интересам. Таков уж я — преступник, но… щупач.

Как все эсперы высшей ступени, Линкольн Пауэл жил в собственном особняке. Это была не роскошь, а скорее необходимость. Ток мыслей, слишком слабый для того, чтобы проникать через каменную и кирпичную кладку, все же пробивался сквозь пластиковые стены квартир. Жизнь в многоквартирном доме, где на тебя обрушиваются мысли и чувства множества людей, сущий ад для эспера.

Префект полиции Пауэл мог позволить себе небольшой особнячок на Гудзон Рэмп с видом на Норт Ривер. В доме было всего четыре комнаты: кабинет и спальня наверху, а внизу — гостиная

и кухня. Слуг у Пауэла не было. Как почти все эсперы высшей ступени, он должен был подолгу находиться в одиночестве и предпочитал вести хозяйство сам Сейчас он готовил на кухне угощение для предстоящей вечеринки и, следя за приборами на кухонном пульте, насвистывал какой-то жалобный и замысловатый мотив.

Пауэлу было уже под сорок; высокий, тонкий, он двигался медленно и небрежно. Большой рот, всегда, казалось бы, готовый растянуться в улыбке, сейчас был скорбно сжат. Пауэл распекал себя за глупый и ребяческий поступок, один из многих, на которые нет-нет да и толкал его самый тяжкий его порок.

Главное свойство эсперов — непосредственность реакции. Любая перемена обстоятельств вызывает у них немедленный отклик. Слабостью Пауэла было чрезмерно развитое чувство юмора, принимавшее порой весьма причудливые формы под влиянием какого-нибудь толчка со стороны. Пауэл говорил, что в таких случаях в него вселяется Нечестивый Эйб. Что на него находило, он и сам не знал. Кто-нибудь задавал Линкольну Пауэлу самый невинный вопрос, и Нечестивый Эйб внезапно вступал в дело. С чистосердечным и серьезным видом Пауэл плел

неслыханные небылицы, созданные в один миг его разбушевавшейся фантазией. Побороть себя он был не в силах.

Не далее как сегодня полицейский комиссар Крэб, справляясь о каком-то заурядном деле шантажиста, произнес одну фамилию неправильно, и это вдохновило Пауэла на сочинение необычайно драматической истории. Там шла речь о вымышленном преступлении, о дерзком рейде, совершенном полицией в полночь, во время которого проявил чудеса героизма несуществующий лейтенант Копеник. Сейчас Пауэл узнал, что комиссар намерен наградить Копеника медалью.

— Нечестивый Эйб, ты замучил меня, — сокрушенно жаловался Пауэл.

Прозвенел дверной звонок. Пауэл удивленно взглянул на часы (для гостей было еще не время) и поставил в положение «Открыто» чувствительный элемент замка. Замок откликался на телепатический сигнал, как камертон на соответствующую частоту Парадная дверь отворилась.

Сразу же возник знакомый сенсорный импульс *снег! мята! тюльпаны! тафта.*

— Мэри Нойес! Пришла помочь холостяку подготовиться к приему гостей? Как мило!

— Я надеялась, что нужна тебе, Линк.

— Каждому хозяину нужна хозяйка Мэри, с чем мне приготовить канапе?

— Я как раз недавно изобрела одну штуку Взять острую приправу и пережарить.

Она зашла на кухню, в зрительном восприятии маленькая, а в мысленном — высокая, осанистая Темноволосая смугляночка внешне, а в душе холодная, морозно-белая, как монахиня в белоснежной одежде. Но ведь не то реально, что мы видим. Внешность обманчива.

— Жаль, что я не в состоянии измениться внутренне.

— Ты хочешь измениться, моя радость? (Спешу поцеловать тебя такою, как ты есть.)

— (И всегда лишь мысленно.) Очень бы хотела, но увы. Мне до смерти надоел вкус мяты, который ты ощущаешь при каждой нашей встрече.

— В следующий раз добавлю льда и бренди. Хорошо смешать и vo'а *— отличный ерш. Мэри-коктейль.*

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Мэри.

— Спасибо, Линк. — Но эти слова он сказал. Он всегда их говорит Говорит, а не думает Мэри быстро отвернулась. Прощупав ее слезы, он опечалился.

— Мэри, ты снова?

— Не снова, а всегда. Всегда. — Из глубины ее сознания рвалось, как крик: *— Линкольн, я люблю тебя. Люблю тебя. Образ моего отца. Символ надежности, теплоты, нежной защиты Не отвергай меня всегда… всегда., и навсегда..*

— Мэри, послушай…

— Линк, зачем же говорить? К чему слова? Невыносимо, когда между нами стоят слова.

— Ты мой друг, Мэри. Навсегда Я разделю с тобой все свои горести. Все радости…

— Но не любовь.

— Нет, не любовь, моя голубка. Не надо так терзать себя. Все, кроме любви.

— Но у меня — пусть бог меня помилует — хватит любви и для двоих.

— Пусть бог помилует обоих нас, но для двоих нужно, чтобы любили двое.

— Все эсперы должны жениться до сорока лёт Этого требует устав. Ты знаешь, Линк.

— Знаю.

— Мы дружны. Женись на мне, Линкольн. Дай мне год, я больше не прошу. Один короткий год, чтобы любить тебя. Я не стану тебя удерживать. Я отпущу тебя. Тебе не придется меня ненавидеть. Милый, как мало я прошу… как мало

у тебя прошу.

Зазвенел звонок. Пауэл растерянно взглянул на Мэри.

— Гости, — пробормотал он и поставил чувствительный элемент звонка в положение *«Открыто».* В ту же секунду Мэри направила более мощный импульс: *«Закрыто».* Сигналы сложились, дверь осталась закрытой.

— Сперва ответь мне, Линкольн.

— Я не могу ответить так, как тебе хочется.

Опять звонок.

Он крепко взял ее за плечи и, не отпуская, очень пристально посмотрел ей в глаза.

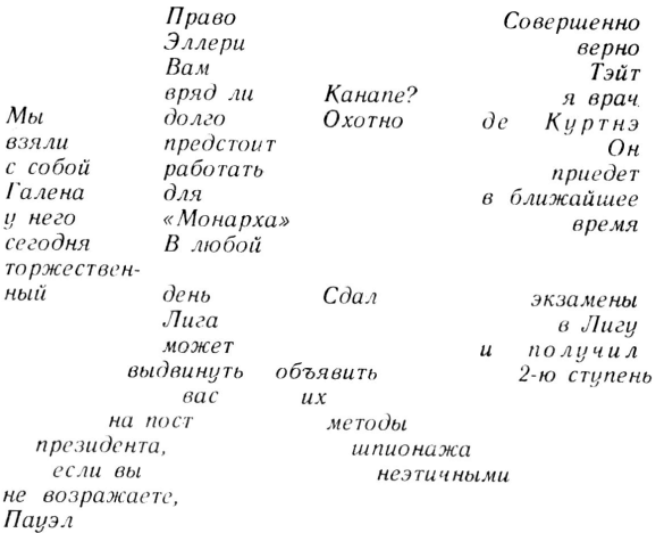
— Ты вторая. Загляни в меня как можно глубже. Что у меня в мыслях? Что на сердце? Каков мой ответ?

Он снял все блоки. Образы, чувства, мысли с грохотом ринулись и закружили ее в жарком и грозном водовороте… Она и боялась, и замирала в радостном ожидании, но…

— Снег. Мята. Тюльпаны. Тафта, — произнесла она устало. — Идите встречать гостей, мистер Пауэл. Я приготовлю вам канапе. *Это единственное, на что я пригодна.*

Пауэл поцеловал ее, потом прошел через гостиную и отпер парадную дверь. Тотчас же в дом

ворвался сверкающий, искрометный невидимый поток, а вслед за тем вошли и гости. Началась вечеринка эсперов.



— Экинс! Червил! Тэйт! Помилосердствуйте! Да вы взгляните только, что мы тут наплели.

Телепатическая болтовня умолкла. Прошло мгновение, затем, собравшись с мыслями, гости весело расхохотались.

— Точно так мы лопотали когда-то в детском саду. Пожалейте беднягу хозяина. От этой мешанины можно помешаться. Должна же быть какая-то система, я уж не говорю о красоте.

— Предложите схему, Линк.

— Что бы вы хотели?

— Математическая кривая? Музыка? Плетенка? Архитектурный проект?

— Все, что угодно. Все, что вам угодно. Только чтобы свербило мозги.

Простите, Линкольн Мы исправим все Сейчас
Тэйт ожидали повсюду
но Алана развелось
я Сивера так много
Не выбирают у нас в президенты неженатых
вправе числе эсперов
сообщать прочих что

Вам ясно что наша затея провалится
что он весь
делает вряд ли евгенический
де Куртнэ тогда придумает новый план
прийти

Новый взрыв хохота приветствовал слово «прийти», которое по недосмотру Мэри Нойес проскочило за край плетенки Еще раз прозвенел звонок, и в комнату вошел адвокат-2 интерпланетного суда совести. Он привел девушку, застенчивую, тихую, на редкость привлекательную внешне. Телепатически она была наивна и поверхностна. Типичная третьяшка.

— *Приветствую, друзья. Приветствую. Слезная просьба извинить за опоздание. Причина — флердоранж, обручальные кольца... весь этот ассоциативный ряд... Только что сделал предложение.*

— И боюсь, что оно принято, — сказала девушка с улыбкой.

— *Не вслух!* — оборвал адвокат. — *Тут не галдят, как на сборище третьеступенников. Я же предупреждал тебя.*

— Я забыла, — опять невольно вырвалось у девушки, и по гостиной заметались горячие волны

испуга и смущения. Но тут к бедняжке подошел Линкольн Пауэл и ласково взял ее за руку. Рука дрожала.

— *Не обращайте на него внимания, дорогая. Это всего лишь второступенный сноб. Я хозяин этого дома. Линкольн Пауэл. Шерлок Холмс на жалованье. Если жених вас колотит, я помогу ему раскаяться. Сейчас я познакомлю вас с вашими соущербниками.* — Он повел ее по гостиной. — *Это вот Гас Тэйт, он знахарь-шарлатан. Рядом с ним Сэм и Салли Экинс. Сэм тоже шаманит, а Салли микропедиатр-два. Они только что прилетели с Венеры. Гостят у нас…*

— Здрав… *ой, то есть здравствуйте.*

— *Толстяк, сидящий на полу, Уолли Червил, архитектор-два. Блондиночка, которую он держит на коленях, его супруга, Джун. Она редактор-два. Их сын, Гален, разговаривает с Эллери Уэстом. Галли — студент политехник-три.*

Молодой Гален Червил с негодованием стал объяснять, что получил — как раз сегодня получил — вторую ступень, что он может хоть год обходиться без слов. Пауэл прервал его и на уровне, недоступном восприятию девушки, растолковал, по какой причине допустил он эту вполне сознательную ошибку.

— О! — воскликнул Гален. — Братья и сестры третьячки, нашего полку прибыло. Это отрадно. Я совсем было струхнул тут в одиночестве, среди глубинных щупачей.

— Да что вы! Мне сперва тоже стало страшновато, а теперь как будто ничего.

— *А вот наша хозяйка Мэри Нойес.*

— *Добрый вечер. Канапе?*

— *Спасибо. Какие они у вас красивые, миссис Пауэл!*

— *Что, если нам поиграть?* — быстро вмешался Пауэл. — *Кто хочет играть в шарады?*

В темной нише, прильнув к двери, ведущей из сада в дом, прятался Джерри Черч и жадно слушал. Джерри Черч, продрогший и окоченевший, молчаливый и жаждущий Джерри Черч. Обида, ненависть, уязвленная гордость и жажда терзали его. Бывший эспер-2 умирал от жажды, утолить которую ему мешала мертвая хватка остракизма. Сквозь тонкую кленовую филенку просачивались одна за другой телепатемы; переливчатый и переменчивый пестрый узор. И Джерри Черч, который уже десять лет томился на голодной, словесной диете, жаждал всей душой общения со своими, с навсегда потерянным для него миром эсперов.

— Я вспомнил о де Куртнэ, так как недавно наткнулся на подобный случай.

Это Огастес Тэйт подъезжает к Экинсу.

— В самом деле? Очень любопытно. Нужно бы сравнить истории болезней. Кстати, я ведь прибыл на Землю только из-за де Куртнэ, досадно, что он… м-м… недоступен.

Экинс явно не договаривает, а Тэйт, похоже, хочет до чего-то докопаться. Может быть, это и не так, подумал Черч, но только слишком уж напоминает дуэль их изящная манера скрещивать блоки и контрблоки.

— Послушайте, щупач. По-моему, вы довольно по-хамски ведете себя с этой бедной девочкой.

— Поглядите-ка вы на него, — пробурчал Черч. — Достопочтенный Пауэл, Его Прохиндейство, тот, что выставил меня из Лиги, читает проповеди адвокату.

— С бедной девочкой? С кретинкой, было бы верней сказать. Господи! Бывают же такие нескладехи!

— Вы несправедливы к ней. Ведь у нее всего лишь третья ступень.

— Мне от нее тошно.

— И вы считаете порядочным жениться на девушке, которая внушает вам такие чувства?

— Вы сентиментальный осел, Пауэл. Сами знаете: нам можно жениться только на щупачках. А эта хоть хорошенькая.

Посреди гостиной играли в шарады. Мэри Нойес тщательно маскировала образ старинным стихотворением.

Что бы это могло быть? Какая-то планета и сосна. Марс и сосна? Э нет. Марс и ель. Ну конечно, Марсель, не так уж трудно.

— Как вам кажется, Эллери, Пауэл подходящая кандидатура?

Это уж Червил с всегдашней елейной улыбкой и с поповским брюхом.

— На пост президента?

— Да.

— Пауэл дьявольски толковый малый. Романтик и в то же время очень толковый. Лучшего президента не найти, если бы он был женат.

— Вы же сами сказали, что он романтик. Хочет жениться по любви.

— Вы, глубинные, кажется, все женитесь по любви? Слава богу, у меня только вторая ступень.

Тут в кухне с грохотом разлетелся стакан, и святоша Пауэл, не теряя времени, уже принялся обрабатывать мозгляка Раса Тэйта.

— Не беспокойтесь, Тас, я уберу. Я его нарочно сбросил, чтобы прикрыть вас. Вы излучаете тревогу, как новая звезда.

— Вы что, с ума сошла?

— Нет, это вы сегодня не в своем уме. Что там у вас такое с Бенам Ричем?

Мозглячок, как видно, был настороже. Его духовная броня буквально на глазах затвердела.

— Бен Рич? Я о нем и не думаю.

— Думаете, да еще как. Он весь вечер не выходит у вас из головы. Трудно было не заметить.

— Вы перепутали, Пауэл. Наверно, вы наткнулись не на мои телепатемы.

Образ хохочущей лошади.

— Пауэл, клянусь вам…

— Гас, вы столковались с Ричем?

— Нет.

Но блоки так и грохнули.

— Послушайтесь доброго совета, Гас. Рич втянет вас в неприятности. Будьте благоразумны. Помните Джерри Черча? Рич погубил его. Остерегайтесь и вы.

С непринужденным видом Тэйт направился в гостиную. Пауэл остался в кухне: спокойно, не спеша убрал осколки. На ступеньке за дверью, съежившись, лежал замерзший Черч, и

ненависть бурлила в его сердце. Юный Червил выкаблучивал перед девушкой адвоката: пел любовную балладу и визуально ее пародировал. Студенческие штучки. Дамы оживленно сплетничали синусоидами. Экинс и Уэст крест-накрест плели разговор с таким заманчиво сложным узором сенсорных образов, что Джерри изнывал от зависти.

— *Хотите выпить, Джерри?*

Дверь открылась. На пороге темные силуэтом вырисовывалась фигура Пауэла с пенящимся бокалом в руке. На лицо его падал неяркий свет звезд. Из-под тяжелых век сочувственно смотрели умные глубокие глаза. Изумленный Черч с трудом поднялся на ноги и робко взял протянутый ему бокал.

— *Не сообщайте, об этом в Лигу, Джерри. Мне чертовски нагорит за то, что я нарушил табу. Вечно я что-то нарушаю. Бедный Джерри… Десять лет — огромный срок. Нужно как-то вам помочь.*

Внезапно Джерри выплеснул вино в лицо Пауэлу, повернулся и убежал.

Глава III

В понедельник в девять часов утра Рич увидел на экране своего видео безжизненное, как у манекена, лицо Тэйта.

— Эта линия не прослушивается? — резко бросил Тэйт.

Рич молча указал на предохранительную изоляцию.

— Отлично, — сказал Тэйт, — По-моему, я справился с заданием. Вчера вечером я прощупал Экинса. Но прежде чем дать отчет, я должен вас предупредить. При глубинном прощупывании первоступенного никогда не исключается вероятность ошибки. Экинс к тому же довольно тщательно блокировался.

— Понятно.

— Крей де Куртнэ прибывает с Марса на борту «Астры» утром в ближайшую среду. Он сразу же направится в городской дом Марии Бомон, где пробудет негласно, втайне от всех до следующего утра… Не долее.

— Только одну ночь, — вполголоса произнес Рич. — А потом? Что он намерен делать?

— Я не знаю. Похоже, что де Куртнэ готовится к

решительному ходу…

— Против меня! — угрюмо вставил Рич.

— Возможно. Судя по тому, что я узнал, де Куртнэ гнетет какая-то тяжесть, и из-за этого нарушился его приспособительный баланс. Инстинкт жизни и инстинкт смерти расслоились. Эмоциональная несостоятельность быстро ведет его к упадку.

— Бросьте ваши выкрутасы, черт бы вас побрал! — вспыхнул Рич, — Вся моя жизнь висит на волоске. Рассказывайте просто.

— Сейчас объясню. Каждый из нас представляет собой сочетание двух противоположных стимулов — инстинкта жизни и инстинкта смерти. Причем цель обоих стимулов одна — нирвана. Инстинкт жизни стремится достичь ее, сметая все препятствия. А инстинкт смерти — путем самоуничтожения. У приспособляемого индивидуума оба инстинкта сосуществуют в прочном сочетании. Но под воздействием психической нагрузки они расслаиваются. Именно это происходит сейчас с де Куртнэ.

— Да, черт возьми! А жертвой буду я.

— Экинс встретится с де Куртнэ в четверг утром и попытается отговорить его от того, что он затевает. Экинс не знает его планов, но считает их

опасными и потому решил им помешать. Для этого-то он и прилетел сюда с Венеры.

— Я обойдусь и без него. Меня не нужно защищать. Я себя сам защищу. Это самозащита, Тэйт, а не убийство! Самозащита! Вы молодец, справились как следует. Мне больше ничего не нужно.

— Вам много чего нужно, Рич. Например, вам не хватает времени. Сегодня уже понедельник. Вы должны подготовиться к среде.

— Подготовлюсь, — буркнул Рич. — Кстати, вы и сами будьте наготове.

— Мы не можем позволить себе сорваться, Рич. Срыв — это Разрушение. Вы понимаете?

— Разрушение для нас обоих. Понимаю. — Голос Рича дрогнул. — Да, Тэйт, мы с вами связаны одной веревочкой до самого конца… вплоть до самого Разрушения.

Весь понедельник он обдумывал свои планы, смелые, дерзкие, целеустремленные планы. Осторожно обозначил контуры, как делает художник, прежде чем начнет наносить краски. Но красок наносить не стал, решил довериться инстинкту и не обдумывать деталей до среды. Вечером он лег спать и вновь проснулся с криком: ему опять приснился Человек Без Лица.

Во вторник днем он вышел из «Башни Монарха»

и отправился на Шеридан-плейс в аудиокнижный магазин «Столетие». Магазин торговал главным образом пьезоэлектрическими кристаллами, сделанными в виде драгоценностей в изящной оправе. Последним криком моды были оперы-брошки, лучший подарок даме.

В магазине было также несколько полок архаических печатных книг.

— Мне нужен оригинальный подарок для возобновления старинного знакомства, — обратился Рич к продавцу.

Тот засыпал его образцами.

— Нет, это все не то, — заметил Рич. — Отчего бы вам не нанять щупача, чтобы избавить покупателей от затруднений. Вы слишком старомодны.

Сопровождаемый свитой перепуганных приказчиков, Рич начал сам обходить магазин. Вдоволь поморочив им голову, однако, прежде чем встревоженный хозяин успел послать за приказчиком-щупачом, Рич вдруг остановился перед книжными полками.

— А это еще что? — сказал он удивленно.

— Древние книги, мистер Рич.

Служащие магазина принялись объяснять ему теорию и практику архаической визуальной книги, а Рич слушал их и не спеша разыскивал

потрепанный коричневый том, за которым он сюда явился. Он отлично помнил эту книгу. Просмотрев ее пять лет назад, он сразу сделал пометку в черном блокноте. Старый Джеффри Рич был не единственным в их роду предусмотрительным человеком.

— Интересно… Очень… Очень увлекательно. Ну а это что за книга? — Рич снял с полки коричневый том. — «Развлечения для вечеринки». Когда же это напечатано? Не может быть! Неужели уже тогда устраивали вечеринки?

Продавцы его заверили, что пращуры порой отличались удивительно современными вкусами.

— Поглядим-ка содержание, — посмеиваясь, сказал Рич. — «Бридж новобрачных»… «Прусский вист»… «Почта»… «Сардинки»… Что бы это могло быть? Страница девяносто шесть. Ну-ка, ну-ка.

Небрежно листая книгу, он увидел набранный жирным шрифтом заголовок: «Веселые затеи при смешанном составе игроков».

— Ишь ты! — рассмеялся он, с деланным удивлением указывая на хорошо знакомый ему абзац.

САРДИНКИ

Один игрок водит. В доме гасят все ог-

ни, и ведущий прячется. Через несколько минут все остальные, порознь отправляются его искать. Тот, кто первым находит ведущего, не сообщает об этом другим, а присоединяется к ведущему и остается там, где тот прячется. Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся «сардинок» и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому.

— Я это беру, — сказал Рич. — Это то, что мне нужно.

Вечером он потратил три часа на то, чтобы сделать неудобочитаемой почти всю книгу. Он кромсал страницы ножницами, прожигал их огнем, кислотой и усеивал пятнами. Каждый ожог, порез, царапину он наносил с таким ожесточением, будто перед ним было тело ненавистного де Куртнэ. В конце концов в книге не осталось ни одного пояснения к игре, из которого можно было бы что-то уразуметь. Единственным исключением были «Сардинки».

Потом Рич обернул книгу и послал ее пневматической почтой оценщику Грэхему. Книга с шумом устремилась — в путь, а через час вер-

нулась с оценкой и с удостоверяющей оценку печатью. Грэхем не заметил, что том испорчен.

В красивой подарочной обертке Рич отправил книгу (приложив к ней по обычаю оценку) все тем же способом к Марии Бомон. Через двадцать минут пришел ответ.

«Мой, милый! Милый! Милый! Я уж думала, что ты савсем зобыл (записку явно писала сама Мария) старую прилестницу. Щаслива получить такой подарок. Приходи севодня, у меня будут гости и мы поиграим в какую-нибудь игру из твоей семпатичной книжки». В капсуле вместе с запиской находилась синтетическая рубиновая звездочка с портретом Марии в центре. Мария, разумеется, была изображена обнаженной.

Рич ответил:

«Увы!.. Не сегодня. Прогорает один из моих миллионов».

Мария отозвалась:

«Приходи в среду, умник. Я тибе подарю один из моих».

На это Рич послал ответ:

«С восторгом принимаю приглашение. Приведу с собой приятеля. Целую тебя всю». И отправился в постель.

Ему приснился Человек Без Лица, и Рич

проснулся с криком.

В среду утром Рич посетил Научный Центр «Монарха» (отеческая, так сказать, — забота) и потратил час на то, чтобы подогреть энтузиазм молодых и одаренных сотрудников Центра. Он поговорил с ними об их работе и блестящем будущем, которое их ждет, если они и впредь будут верны «Монарху». Рассказал им неприличный бородатый анекдот о пионере-девственнике, который совершил вынужденную посадку в глубоком космосе на катафалке, а покойница вдруг объявила: «Я просто туристка». Одаренные молодые люди деликатно посмеялись, ощущая некоторое презрение к шефу.

Воспользовавшись непринужденностью обстановки, Рич проскользнул в секретную лабораторию и унес оттуда «нок-капсулу». Капсулы представляли собой небольшие медные кубики, действующие очень эффективно. Разрываясь, они извергали слепящее голубое пламя, которое полностью разлагало родопсин — зрительный пурпур в сетчатке глаза, — ослепляя жертву и лишая ее способности воспринимать пространство и время.

В среду днем Рич отправился в Музыкальный тупик, расположенный в центре театрального

района, и зашел в контору «Психопесни, инкорпорейтид». Владелица этой конторы, очень неглупая молодая особа, сочиняла великолепные созвучия для рекламы и песенки-штрейкбрехериады, когда «Монарху» срочно требовалось уничтожить следы очередного конфликта с рабочими. Ее звали Даффи Уиг. Рич считал, что Даффи — символ преуспевающей современной девицы — девственная соблазнительница.

— Ну-с, Даффи, — он небрежно поцеловал ее. Даффи была очень недурна собой, но слишком молода на его вкус.

— Ну-с, мистер Рич? — Даффи как-то странно на него взглянула. — Знаете, что я сделаю в один прекрасный день? Найму эспер-ходатая по любовным делам, чтобы проанализировать ваш поцелуй. По-моему, вы ко мне равнодушны.

— Совершенно верно.

— Свинья.

— Нужно выбирать одно из двух, моя красавица. Или с девушками целоваться, или делать деньги.

— Но вы целуете меня.

— Лишь потому, что вы точная копия леди, изображенной на кредитке.

— Пим, — сказала она.

— Пом, — сказал он.

— Бим, — сказала она.

— Бам, — сказал он.

— Я с удовольствием убила бы негодника, который это выдумал, — мрачно сказала Даффи. — Добро, красавец мой. Что у вас нынче за печаль?

— Картежники, — ответил Рич. — Эллери Уэст, мой управляющий клубом, жалуется, что многие пристрастились к азартной игре. По его мнению, слишком многие. Лично меня это не тревожит.

— Тот, кто сидит по уши в долгах, не смеет просить о прибавке.

— Вы слишком проницательны, моя радость.

— Значит, вам нужны антикартежные куплеты?

— Что-нибудь в этом роде. Доходчивое и не слишком в лоб. Нечто скорее отвлекающее, чем агитационное. И притом такое, что всплывает в памяти само собой.

Даффи кивнула, делая пометки.

— Подберите к куплетам мелодию, которую приятно слушать. Ведь ее теперь начнут насвистывать, мурлыкать и напевать все мои служащие.

— Нахал! Каждую из моих мелодий приятно

слушать.

— Не более одного раза.

— Между прочим, вы их слушаете и по тысяче раз.

Рич засмеялся.

— Кстати, об однообразии, — добавил он непринужденно.

— Этим грехом мы не грешим.

— Какой самый прилипчивый мотив из тех, что вы когда-то сочинили?

— Прилипчивый?

— Вы знаете, о чем я говорю. Что-нибудь вроде этих рекламных куплетов, которые потом не выбросишь из головы.

— А-а… Мы их называем «пепси».

— Почему?

— Кто его знает. Говорят, их изобрел впервые еще несколько веков назад какой-то Пепси. Я этого товара не держу. Когда-то написала одну штучку… — Даффи скорчила гримасу. — Даже сейчас не могу вспомнить без содрогания. Такая дрянь, стоит раз услышать — привяжется не меньше чем на месяц. Меня она промучила год.

— Вы шутите.

— Честное скаутское, мистер Рич. Песенка называлась «Смотри в оба». Я ее написала для той

злополучной пьесы о сумасшедшем математике, которая потом с таким треском провалилась. Они просили что-нибудь въедливое, и я уж постаралась. Публика так негодовала, что спектакль сняли со сцены и потеряли на этом целое состояние.

— Спойте мне ее.

— Я слишком хорошо к вам отношусь.

— Нет, правда, Даффи. Я умираю от любопытства.

— Вы раскаетесь.

— Я вам не верю.

— Ну ладно, свинтус, — Даффи пододвинула к себе переносную панель с клавиатурой. — Это вам расплата за ваш ледяной поцелуй.

Ее рука грациозно заскользила по панели. Комнату наполнила предельно монотонная мелодия, мучительно банальная, въедающаяся своей банальностью в мозги. Это была квинтэссенция всех мелодических клише, которые когда-либо слышал Рич. Какой бы ты мотив ни начал вспоминать, ты неизбежно соскальзывал на изъезженную дорожку этой мелодии.

— «Смотри в оба».

И Даффи запела:

Три, два, раз…

Три, четыре —
Горячо!
Ах ты, камбала
Не вобла,
Смотри в оба!
Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»,
Получил синяк под глаз.
Три, четыре Три, два, раз![2]

— О господи! — воскликнул Рич.

— У меня тут есть неплохие находки, говорила Даффи, продолжая играть. — Заметили вы этот такт после слов «Смотри в оба»? Это полукаденция. После слов «три, два, раз» такт снова повторяется. Это превращает и концовку в полукаденцию, и песню можно продолжать без конца. Такт как бы гонит вас по кругу. «Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!» Тррам. «Ах ты, камбала, смотри в оба! Смотри…»

— Будет вам, чертенок! — Рич вскочил, зажав уши ладонями. Что вы со мной сделали? Сколько продлится это наваждение?

---

[2] Примечания: 2
Перевод Ю. Петрова.

— Не меньше месяца.

— Ах ты, камбала, не вобла, смотри… Я погиб. Можно как-нибудь от этого спастись?

— Конечно. Очень просто. Погубите меня, — Даффи прижалась к нему и поцеловала со всем пылом юности. — Дурачок, — шептала она. — Олух. Балбес. Недотепа. Для кого ты меня бережешь, глупыш? Втащи меня в сточную канаву. А я-то думала, ты человек без предрассудков.

— У меня их еще меньше, чем ты думала, — ответил он и вышел.

Его расчет оправдался, песенка накрепко засела у него в мозгу и, пока он спускался по лестнице, трещала без перерыва. *Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Трамм.* Отличный мыслеблок для неэспера. Какой щупач пролезет сквозь этот заслон? *Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба!*

— Еще меньше предрассудков, чем ты думала, — пробормотал он и нацелил своего прыгуна на ссудную кассу Джерри Черча, расположенную на западной окраине города.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба!..

Ростовщичество, что бы ни утверждали завистники, одна из старейших профессий. Еще в

далекой древности люди занимались тем, что ссужали своим ближним деньги под залог движимого имущества. Уходя истоками в глубины прошлого и устремляясь в будущее к самым его отдаленным рубежам, эта профессия не подвергается переменам, как и сама ссудная касса. Заваленный реликвиями разных эпох погребок Джерри Черча в глазах посетителей выглядел музеем вечности. И даже сам Черч с любопытным уклончивым взглядом, со сморщенной физиономией, покореженной и почерневшей от невидимых ударов — следы душевных мук, — казался существом без возраста, олицетворением извечного ростовщика.

Черч вылез из полутьмы и оказался перед Ричем, который стоял у прилавка, освещенный косо падающим на него солнечным лучом. Черч не вздрогнул. Он не узнал посетителя. Прошмыгнув мимо того, кто уже десять лет был его злейшим врагом, Черч забрался за прилавок и спросил:

— Чем могу вам служить?

— Здравствуйте, Джерри.

Не поднимая глаз, Черч протянул через прилавок руку. Рич хотел ее пожать, но Черч ее отдернул.

— Нет уж, — произнес он с истерическим смеш-

ком. — Нет уж, спасибо. Просто дайте мне то, что вы принесли в заклад.

Щупач, оказывается, подстроил ему мелкую ловушку, и он в нее попался. Наплевать.

— Я ничего не принес вам в заклад.

— Так обеднели? Подумать только, какой человек споткнулся. Но мы ведь все под этим ходим. Все мы спотыкаемся. Все спотыкаемся.

Черч искоса глядел на Рича, пробуя прощупать его мысли. Ну что же, пусть попробует. *Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!* Пусть пробьется через эту идиотскую мелодию, которая трещит у него в голове.

— Все мы спотыкаемся, — сказал Черч. — Все как один.

— Вы это верно заметили, Джерри. Но я пока что не споткнулся. Мне повезло.

— А мне не повезло, — ответил Черч, злобно блеснув глазами. — Я встретился с вами.

— Нет, Джерри, — мягко сказал Рич. — Вам не оттого не повезло, что вы меня встретили, а оттого, что так вам на роду написано. Не…

— Дрянь паршивая! — произнес Черч зловеще-мягким голосом. — Гад ползучий! Чтоб тебе сгнить заживо! Паразит! А ну мотай отсюда. Ничего больше от тебя не хочу Ничего! Понятно?

— Даже моих денег? — Рич вынул из кармана десять матово блестящих соверенов и положил их на прилавок.

В этом был тонкий расчет. В отличие от кредитки соверен имел хождение в преступном мире. *Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!*

— А денег твоих и подавно. Чтоб тебя разорвало! Чтоб ты истек кровью! Чтоб у тебя, у живого, черви выели глаза… Вот чего я хочу, а не денег твоих.

— Ну а чего же вы все-таки хотите, Джерри?

— Я же сказал тебе! — взвизгнул щупач. — Сволочь, мерзавец…

— Чего же вы хотите, Джерри, — холодно повторил Рич, не спуская глаз с его морщинистой физиономии. *Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!* С Черчем он может справиться. Ему наплевать на то, что Черч второступенный. Тут не уменье читать мысли главное, а сила воли. *Три, два, раз, а ну еще! Три четыре — горячо…* С Черчем он всегда справлялся… справится с ним и впредь.

— Что вам нужно? — угрюмо спросил Черч.

Рич хмыкнул.

— Вы щупач. Ответьте сами, вам и карты в

руки.

Черч помолчал и нерешительно пробормотал:

— Не знаю. Я ничего не пойму. Эта дурацкая музыка все перепутала…

— Ну, тогда мне придется ответить вам. Мне нужен револьвер.

— Как вы сказали?

— Ре-воль-вер. Старинное оружие. Оно выбрасывает пули после того, как внутри у него происходит взрыв.

— У меня нет ничего такого.

— Есть, Джерри. Кено Киззард мне об этом как-то говорил. Кено видел у вас револьвер. Он сделан из стали, разбирается на части. Занятная вещь.

— Зачем он вам нужен?

— Прочтите мои мысли, Джерри, и вы все узнаете. Мне нечего скрывать. Нужен для самой невинной цели.

С отвращением сморщившись, Черч выбрался из-за прилавка.

— Мне-то что, — пробормотал он и, шаркая ногами, скрылся в полутьме.

Рич услышал, как в дальнем конце погребка Черч лязгал металлическими ящиками. Потом он вернулся, неся небольшой предмет из тусклой стали, и положил его на прилавок рядом с

деньгами. Он нажал на кнопку, и кусок металла неожиданно превратился в кастет, револьвер и стилет. Это был пистолет с ножом, изделие двадцатого столетия — квинтэссенция убийства.

— Зачем он вам нужен? — снова спросил Черч.

— Вы, кажется, надеетесь выудить из меня что-нибудь пригодное для шантажа, — усмехнулся Рич. — Увы. Это подарок.

— Довольно опасный подарок. — Бывший эспер украдкой смерил покупателя смеющимся и злобным взглядом. — Задумали еще кого-то погубить?

— Вовсе нет, Джерри. Я подарю его моему другу, доктору Огастесу Тэйту.

— Тэйту! — Черч внимательно на него поглядел.

— Вы его знаете? Он собирает старинные вещи.

— Я его знаю. Я знаю его. — Черч астматически захихикал. — Но сейчас я вижу, что не тая уж хорошо его знал. И мне делается жаль его. — Он перестал смеяться и метнул на Рича испытующий взгляд. — Да, конечно. Какой приятный подарок. Именно то, что ему требуется. Револьвер-то заряжен.

— Да ну? Он заряжен?

— Представьте себе. Он заряжен. Пять славненьких таких патрончиков. — Черч снова захихикал. — Пять патрончиков. Гасу в подарок. — Он открыл цилиндрический барабан с пятью гнездами, в которых были вставлены медные патроны. Он посмотрел на патроны, потом перевел взгляд на Рича. — Пять змеиных зубов получит в подарок Гас.

— Я уже сказал вам, что вы заблуждаетесь, — жестко произнес Рич. — Я прошу вас вырвать эти пять зубов.

Черч с удивлением уставился на него, затем куда-то торопливо вышел и вскоре вернулся назад с инструментами. Он быстро извлек из патронов пули. Потом вставил холостые патроны в барабан и положил револьвер рядом с деньгами.

— Теперь порядок, — сообщил он радостно. — Теперь бедняжке Гасу ничто не грозит.

Он выжидательно посмотрел на Рича. Тот протянул к прилавку руки. Одной он пододвинул деньги к Черчу, другой — потянул к себе револьвер. В то же мгновение с Черчем произошла новая перемена. Веселенький сумасшедший исчез. Будто железными когтями схватил он Рича за руки и, перегнувшись через прилавок, жарко заговорил:

— Нет, Бен, — он первый раз назвал его по име-

ни. — Нет, нет. Мне не такая нужна плата. Вы это знаете. Знаю, что знаете, и ваша малахольная песенка не может помешать мне это знать.

Пусть так, — спокойно сказал Рич, не выпуская револьвера из руки. — Назначьте вашу цену. Сколько?

— Я хочу быть восстановленным в правах, — сказал щупач. — Хочу вернуться в Лигу. Хочу снова стать живым. Вот моя цена.

— Чем я могу вам помочь? Я не щупач и не член Лиги.

— И все-таки можете, Бен. Вы много чего можете. Можете повлиять и на Лигу. Добиться, чтобы меня восстановили…

— Это невозможно.

— Вы можете подкупить, запугать, шантажировать… можете подольститься, вскружить голову, очаровать… Сделайте это, Бен. Сделайте ради меня. Помогите мне. Я ведь помог вам однажды.

— За вашу помощь я с вами расплатился сполна.

— А я? Чем расплатился я? — взвизгнул щупач. — Я расплатился своей жизнью.

— Вы своей глупостью расплатились.

— Ради бога, Бен. Помогите мне. Помогите или убейте меня. Я ведь и так все равно что покойник.

Просто не хватает смелости покончить с собой.

Рич помолчал и вдруг грубо сказал:

— Я думаю, самоубийство для вас лучший выход, Джерри.

Щупач отпрянул, будто в него ткнули раскаленной головешкой. Остекленевшим взглядом он уставился на Рича.

— Ну, назовите же вашу цену, — сказал Рич.

Черч, примерившись, не спеша плюнул на кучку соверенов и с ненавистью посмотрел на Рича.

— Возьмите его даром, — сказал он, повернулся и исчез в сумраке погребка.

Глава IV

Нью-Йоркский вокзал Пенсильвания до того, как он почему-то был разрушен в конце XX столетия (смутный период, о котором мало что можно узнать), посещали миллионы пассажиров. Никому из них не приходило в голову, что вокзал осуществляет связь времен. А между тем внутри он представлял собой точную копию знаменитых бань Каракаллы в Древнем Риме. То же самое можно сказать и о вместительном особняке, принадлежавшем мадам Марии Бомон, более известной среди сотен ее интимнейших врагов в качестве Золоченой Мумии.

Спускаясь вниз по эскалатору в восточной части дома с доктором Тэйтом под боком и убийством, притаившимся в кармане, Бен Рич, как чуткая струна, отзывался на все убыстряющееся стаккато своих чувств. Толпа гостей внизу… Блеск мундиров, туалетов, сверкающая кожа и пастельные пучки лучей, падающие от торшеров, раскачивающихся на тонких ножках… *Три, четыре — горячо.* Слышатся голоса, музыка, возгласы, отзвуки… *И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз*…Восхитительное попурри тел и запахов,

еды, вина, мишурного блеска… *Три, два… раз!*

Мишурный убор смерти… Верней, того, чего — свидетель бог — уже семьдесят лет никому не удавалось осуществить… Забытое искусство… Забытое, как алхимия, умение отворять кровь, делать операции с помощью скальпеля. Я верну людям смерть. Не жалкий акт уничтожения себе подобных, наскоро осуществленный в приступе ярости или безумия, а здравое, расчетливое, преднамеренное, хладнокровное…

— Богом вас заклинаю, — прошипел Тэйт. — Осторожней. Убийство так и прет из вас.

Три, два, раз! А ну еще! Три, четыре — горячо.

— Вот то-то. К нам направляется один из эспер-секретарей. Он выслеживает тех, кто здесь без приглашения. Пойте дальше.

Секретарь Марии, тонкий и стройный юноша, весь порыв, подстриженные золотистые волосы, лиловая блуза, брыжи с воланами.

— Доктор Тэйт! Мистер Рич! Я немею. Буквально немею. Я не нахожу слов. Входите же! Входите!

Три, четыре — горячо…

Мария Бомон, рассекая толпу, тянулась к нему руками, глазами, обнаженным бюстом… пневматическая операция превратила ее тело в несколько преувеличенное подобие индийской

статуи: раздутые бедра, раздутые икры, раздутые позолоченные груди. Будто раскрашенная фигура на носу корабля порнографии, подумал Рич… знаменитая Золоченая Мумия.

— Бен, голубчик мой, — воскликнула она, заключая его в мощные пневматические объятия и прижимая к себе его руку, — как все это поэтично!..

— Как все это хирургично! — прошептал он ей на ухо.

— А что твой миллион?

— Едва не выскользнул из рук.

— Поосторожнее, бедовый мой любовничек. Этот прелестный бал у меня весь до капелюшечки записывается.

Рич искоса взглянул на Тэйта.

Тэйт одобрительно кивнул.

— Ну, иди там пообщайся, — сказала Мария. Она взяла его за руку. — У нас с тобой еще уйма времени впереди.

Под крестовым сводом потолка люстры загорелись другим светом, и весь спектр зала сразу переменился. Изменили цвет костюмы. Отсвечивавшие розовым перламутром тела излучали теперь призрачное сияние.

С левого фланга Тэйт подал предупредитель-

ный сигнал. Внимание! Опасность! Опасность! Опасность!

Смотри в оба, смотри в оба! И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз. Три, четыре! Три, два, раз! Трамм!

Мария знакомит с ними еще одного среднего пола, — весь порыв, подстриженные волосы, пурпурная блуза, голубые прусские брыжи с воланами.

— Это Ларри Ферар, Бен. Мой второй секретарь. Ларри умирает от желания с тобой познакомиться.

Три, четыре — горячо…

— Мистер Рич! Я счастлив. Я не нахожу слов.

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

Рич одарил юношу улыбкой, и тот удалился. Тэйт одобрительно кивнул Ричу, все еще продолжая его прикрывать защитным кольцом. Снова переменились огни в люстрах. Часть туалетов на гостях как бы растаяла. Рич, который отрицательно отнесся к моде вставлять в одежду ультрафиолетовые оконца, был в полной безопасности в своем непроницаемом костюме и с гадливостью наблюдал, как другие торопливо шарят глазами в толпе, высматривая, оценивая,

сравнивая, вожделея.

Тэйт сигнализировал: Опасность! Опасность!

Ах ты, камбала, не вобла…

Рядом с Марией возник секретарь.

— Мадам, — пролепетал он, — маленький конфуз.

— В чем дело?

— Юный Червил. Гален Червил.

У Тэйта вытянулось лицо.

— Ну и что такое с ним? — Мария поискала в толпе глазами.

— Слева от фонтана. Он здесь без приглашения, мадам. Я его прощупал. Он студент колледжа. Побился об заклад, что проберется на бал незваным. В доказательство хочет похитить вашу фотокарточку.

— Мою карточку! — Мария с интересом глянула в оконца на костюме молодого Червила. — А что он обо мне думает?

— Видите ли, мадам, его очень трудно зондировать. Мне кажется, что он не прочь похитить у вас кое-что еще, кроме фотокарточки.

— Да что вы! — умилилась Мария.

— Это так, мадам. Прикажете его вывести?

— Нет, — Мария бросила еще один взгляд на стройного юношу. — Он получит доказательство.

— Не прибегая к краже, — сказал Рич.

Мария пискнула:

— Ревнует! Ревнует! Ну а теперь прошу к столу.

Тэйт встревоженно поманил Рича, и тот поспешно отошел вместе с ним в сторону.

— Рич, сегодня ничего не выйдет.

— Это еще почему?

— Здесь молодой Червил.

— Ну и что же?

— Он эспер второй ступени.

— А, черт!

— У этого юнца не по летам блестящие способности… В прошлое воскресенье я видел его у Пауэла. Мария Бомон не приглашает щупачей на свои вечеринки. Я на это и рассчитывал. Меня самого пустили только из-за вас.

— И надо же, чтобы этот чертов щупачонок пролез сюда без приглашения. Такая дрянь.

— Будьте благоразумны, Рич.

— А может быть, он до меня не доберется?

— Рич, я могу блокировать вас от секретарей. У них всего лишь третья ступень. Но я не могу ручаться, что плюс к ним сумею справиться еще и с эспером-два… пусть даже совсем зеленым. Он, конечно, еще мальчишка. От волнения может

запутаться. Но я не отвечаю ни за что.

— Я не отступлюсь, — отрезал Рич. — Я не могу. Такого случая больше не подвернется. И даже если бы была возможность попытаться еще раз, я не стал бы тянуть. Сил нет. Я нюхом чувствую этого вонючего де Куртнэ. Я…

— Рич, вы же не сможете…

— Не спорьте. Я решил довести дело До конца. — Рич яростно взглянул прямо в испуганное лицо Тэйта. — Я знаю, что вам хочется найти лазейку и улизнуть, но ничего у вас не выйдет. Мы в этом деле так увязли, что вам от меня не избавиться вплоть до самого конца, до Разрушения.

Спрятав за ледяной улыбкой перекосившую его лицо злобную мину, Рич присоединился к хозяйке, которая уже устроилась на одной из кушеток, расставленных вдоль столов. На пиршествах такого рода все еще сохранялся обычай каждой парочке кормить друг друга. Порожденный восточной учтивостью и восточным гостеприимством, обычай этот выродился в эротическую игру. Пищу слизывали друг у друга с Пальцев языком, часто передавали из уст в уста. Таким же образом поили вином Сладостями угощали еще более интимным способом.

Рич, которого смертельно раздражали эти

штучки, с нетерпением ждал Тэйта Тэйт должен был определить, в какой части дома прячется де Куртнэ. Крошка щупач сновал между гостей, принюхиваясь, приглядываясь и примериваясь, но, вернувшись в конце концов к Ричу, отрицательно покачал головой и указал на Марию Бомон. Во всем зале, конечно, одна только Мария знала, где де Куртнэ, но разве к ней подступишься, когда она так взбудоражена от сладострастия. В бесконечном ряду препятствий, преодолеть которые должен был инстинкт убийцы, появилось новое. Рич встал и зашагал к фонтану. Тэйт бросился ему наперерез.

— Что вы хотите делать, Рич?

— А разве вам не ясно? Вышибить молодого Червила у нее из башки.

— Как вы это сделаете?

— Есть только один способ.

— Ради бога, Рич, не приближайтесь к нему.

— Отойдите.

Волна необузданной воли, налетев на Тэйта, отшвырнула его прочь. Он стал в ужасе сигнализировать, и Рич попробовал взять себя в руки.

— Это, конечно, риск, но не такой уж страшный, как вы думаете. Прежде всего он молод и зелен. Во-вторых, он здесь без приглашения и трусит.

В-третьих, он, наверное, еще не насобачился в ваших делах, если эти эсперы на побегушках так быстро его нащупали.

— Умеете вы контролировать свое сознание? Как у вас получается процесс параллельного мышления?

— С меня хватит этой песий. Слишком много у меня хлопот, чтобы развлекаться параллельным мышлением. Займитесь Марией и не путайтесь у меня под ногами.

Червил ел в одиночестве возле фонтана, довольно неловко пытаясь изобразить, что он тут свой человек.

— Пим, — сказал Рич.

— Пом, — сказал Червил.

— Бим, — сказал Рич.

— Бам, — сказал Червил.

После этой «разминки», с которой модно было начинать любой непринужденный разговор, Рич уселся рядом с юношей.

— Я — Бен Рич, — сказал он.

— Я — Галли Червил. То есть… Гален. Я… — На молодого Червила явно произвела впечатление фамилия его собеседника.

И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз…

— Вот идиотская песня, — проворчал Рич. — На днях ее услышал и никак не отделаюсь. Мария знает, что вы заяц, Червил.

— Знает?!

Рич кивнул. *Получил синяк под глаз…*

— Значит, я должен смываться?

— А фотография?

— Вы и об этом знаете? В доме, наверное, есть щупач.

— Целых два. Секретари хозяйки. Их обязанность — выслеживать таких господ, как вы.

— Как же мне быть с фотографией, мистер Рич? Я на нее поставил пятьдесят кредиток. Вы должны понимать, что такое пари. Ведь вы сами игр… мм… финансист.

— Небось рады, что я не щупач? Я не обиделся, не беспокойтесь. Видите ту арку? Пройдите через нее, и сразу же направо. Там будет кабинет. Все стены в нем увешаны фотопортретами Марии, заключенными в синтетические камни. Позаимствуйте один, а Мария его никогда и не хватится.

Юноша вскочил, рассыпав еду.

— Спасибо, мистер Рич. Когда-нибудь я, в свою очередь, окажу вам услугу.

— Каким образом?

— Вы ни за что не догадаетесь, ведь я… — Гален

прикусил язык и покраснел. — Там увидите, сэр. Еще раз спасибо. — Огибая столики, Гален заторопился к арке.

Три, два, раз — а ну еще!..

Рич вернулся к хозяйке дома.

— Изменник, — сказала она. — Кого ты там кормил? Я ей глаза выцарапаю.

— Молодого Червила, — ответил Рич. — Он меня спрашивал, где ты держишь свои фото.

— Бен! Неужели ты сказал ему?

— Ага. — Рич усмехнулся. — Он туда уже навострил лыжи А потом смотается. Я ведь ревнивый, ты знаешь.

Мария вскочила и понеслась к кабинету.

— Есть такое дело, — сказал Рич.

К одиннадцати часам гости до того взвинтились, потчуя друг дружку, что жаждали только уединения и темноты. Мария Бомон никогда не обманывала ожиданий своих гостей, и Рич надеялся, что она и в этот раз не отступит от правил. По его расчетам Мария непременно должна была затеять игру в «Сардинки». Он в этом уже совсем не сомневался, когда из кабинета вышел Тэйт, принесший точные данные о местонахождении де Куртнэ.

— Не представляю, как это вам удалось себя не

выдать, — шепотом сказал Тэйт. — Вы излучаете жажду крови на всех телепатических волнах. Он здесь. Один. Без слуг. При нем только два человека охраны, которых предоставила ему Мария. Экинс был прав. Де Куртнэ в самом деле очень серьезно болен.

— Ничего, я его вылечу. Где он?

— Выйдите из зала через Западную арку. Поверните направо и поднимитесь по лестнице вверх. Пройдите по крытому переходу и снова сверните направо. Там будет картинная галерея. Дверцу между полотнами, изображающими «Соблазнение Лукреции» и «Похищение сабинянок»...

— Какие удачные ориентиры!

— Дверцу откроете. За ней будет небольшая лестница, ведущая в прихожую. В прихожей охрана, дальше — де Куртнэ. Это покои для новобрачных, построенные еще дедом нашей хозяйки.

— Для новобрачных? Бог ты мой, вот и прекрасно. Я обручу его со смертью! А сам выйду сухим из воды. Да, да, малютка Гас, выйду, не сомневайтесь.

Мария что-то собиралась сообщить гостям. Облитая розовым светом, распаренная, красная, она стояла на помосте между двумя фонтанами

и хлопала в ладоши, требуя тишины. Хлопки ее потных ладоней отдавались в ушах у Рича громким отзвуком: «Смерть. Смерть. Смерть».

— Слушайте, миленькие мои, слушайте! — вопила Мария. — Сегодня у нас будет очень весело Мы будем сами себя развлекать.

По рядам гостей пронесся сдавленный стон и чей-то пьяный голос выкрикнул:

— Я просто туристка!

— Не смейте жаловаться, негодники, — продолжала Мария, не дожидаясь, когда смолкнет смех. — Мы будем играть в чудесную старинную игру, и играть в нее мы будем в темноте.

Освещение начало меркнуть, толпа оживилась. Лампы гасли одна за другой, и только помост по-прежнему был залит ярким светом.

Мария достала потрепанную книжечку, подарок Рича.

…И когда сказал «четыре»…

Мария медленно листала страницы, всматриваясь в непривычный печатный шрифт.

Получил синяк под глаз.

— Эта игра, — провозгласила Мария, — называется «Сардинки». Ну не прелесть ли?

Она взяла наживку. Она на крючке. Через три минуты я буду невидим. Рич пошарил по карма-

нам. Револьвер. Родопсин. *Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!*

— «Один игрок водит», — читала Мария. — Этот игрок буду я. «В доме гасят все огни, и ведущий прячется».

Пока Золоченая Мумия по складам разбирала пояснение к игре, зал погрузился в кромешную тьму, и только на помост все еще падал розовый луч света.

— «Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся „сардинок“ и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому». — Мария закрыла книгу. — И, куколки вы мои, нам нужно очень пожалеть бедняжку проигравшего, потому что эту интересную старинную игру мы с вами прелестно подновим.

Стало темнеть и на помосте. Но не успел еще погаснуть свет, как Мария сбросила платье, обнажив свое удивительное тело, чудо пневматической хирургии.

— Вот как мы будем играть в «Сардинки»! — крикнула она.

Погас последний отблеск света. В темном зале раздались громкие аплодисменты, ликующий хохот гостей, а вслед за тем отовсюду послышался

шелест торопливо сбрасываемой одежды. Время от времени раздавался треск порванной материи, досадливое восклицание, и это вызывало новый взрыв смеха.

Рич наконец-то стал невидим. У него было полчаса на то, чтобы проникнуть внутрь дома, разыскать де Куртнэ, убить его и после этого опять присоединиться к играющим. Обязанностью Тэйта было устроить так, чтобы секретари Марии не оказались у него на дороге. Рич мог чувствовать себя свободно. Единственное, что ему угрожало, это молодой Червил. Тут уж ничего поделать было нельзя.

Он пересек главный зал и у Западной арки наткнулся на чьи-то тела. Выйдя из арки, Рич оказался в маленьком концертном зале, потом., свернул направо и стал ощупью искать лестницу.

Возле самых ступеней ему пришлось перелезть через груду тел, и чьи-то руки хватали его, как щупальца осьминога, пытаясь повалить. Затем он преодолел семнадцать ступенек, семнадцать бесконечных ступенек, и стал пробираться по узкому крытому переходу, обитому велюром изнутри. Вдруг его схватили, на нем повисла какая-то женщина.

— Сардиночка, примет! — прошептала она ему на ухо.

Потом женщина разобрала, что он одет.

— Бр-р! — фыркнула она.

Ее рука наткнулась на револьвер, лежавший у него в грудном кармане.

— Что это у тебя?

Он оттолкнул ее руку.

— Не теряйся, сардинка, — захихикала женщина. — Вылезай из баночки.

Наконец он от нее избавился, забрел в тупик и расшиб нос, наткнувшись на стену. Выбравшись из перехода, он двинулся направо, открыл дверь и очутился в сводчатой галерее более пятидесяти футов длиной. Здесь тоже были погашены лампы, но подсвечиваемые ультрафиолетовыми прожекторами картины наполняли галерею призрачным светом. В галерее было пусто.

Между мертвенно-синей Лукрецией и ордой сабинянок блестела бронзовая дверца. Остановившись перед ней, Рич достал из заднего кармана слепящую капсулу. Его руки так тряслись, что он еле смог удержать между большим и указательным пальцами крохотный медный кубик. Ненависть и гнев кипели в нем; он воображал себе корчащегося в смертельной муке де Куртнэ

и вновь и вновь упивался этим зрелищем.

— Господи! — воскликнул он. — Если не я, так он. Это ведь он схватил меня за горло. Я только защищаюсь.

Он троекратно вознес мольбы к небу, трижды повторяя каждую:

— Господи, не оставь! Ныне, присно и во веки веков. Не оставь! Не оставь! Не оставь!

Дрожь унялась. Он крепко зажал в пальцах капсулу, потом распахнул бронзовую дверь, и перед ним открылось девять ступенек, ведущих к прихожей брачных покоев. Рич щелкнул по медному кубику ногтем большого пальца с такой энергией, будто намеревался запулить его на луну. В тот миг, когда капсула влетела в прихожую, Рич зажмурился. Полыхнуло холодным пурпурным огнем. Словно тигр, Рич бросился вверх по ступенькам к прихожей. Двое из охраны, обслуживающей особняк «Бомон», словно окаменели на скамейке. Их челюсти отвисли, глаза ничего не видели, сознание отключилось.

Если кто-нибудь войдет, пока он здесь, и обнаружит охранников в таком состоянии, Разрушение неминуемо. Если охранники очнутся, пока он здесь, Разрушение неминуемо. Чем бы ни кончилась игра, ставка — Разрушение. Оставив за

порогом последние крохи благоразумия, Рич толкнул богато инкрустированную дверь и вошел в брачные покои.

Глава V

Рич оказался в сферической комнате, напоминавшей сердцевину исполинской орхидеи: золотистая чашечка пола, изогнутые лепестки стен. Все в комнате: стулья, столики, кушетки — тоже было золотое или под цвет лепестков. Но комната была старая, лепестки выцвели и облупились, между стертыми золотыми плитками виднелись щели. На одной из кушеток лежал старик, высохший и хилый, как увядший сорняк. Этот вытянувшийся, будто труп, старик был де Куртнэ.

Рич в гневе хлопнул дверью.

— Неужели сам подох, мерзавец? — вскрикнул он. — Быть этого не может.

Старик привстал, внимательно в него вгляделся, вдруг заулыбался и с усилием поднялся с кушетки.

— Ага, еще живой, — обрадовался Рич.

Де Куртнэ, продолжая улыбаться, шагнул к Ричу, простирая к нему руки, как библейский старец, встречающий блудного сына. Опешивший Рич проворчал:

— Вы что, глухое?

Старик отрицательно покачал головой.

— Вы говорите по-английски! — крикнул Рич. — Вы слышите мои слова? Что вы дурачитесь? Я — Рич. Рич из — «Монарха».

Де Куртнэ кивнул, все еще улыбаясь. Его губы беззвучно шевелились. На глазах неожиданно заблестели слезы.

— Что с вами, черт возьми, творится? Я — Бен Рич. Бен Рич! Вы меня знаете? Отвечайте же.

Де Куртнэ снова помотал головой и указал на свое горло. Он опять зашевелил губами. Послышался какой-то хрип, и тихо-тихо, будто сыплется песок, зашелестели слова.

— Бен… Милый Бен… Так долго ждал… А теперь… Не могу говорить. Горло… Не могу говорить.

Де Куртнэ снова потянулся, чтобы обнять его.

— Фу, черт! Отцепитесь от меня, идиот вы безмозглый!

Рич надвинулся на него, ощетинившись, как хищник; убийство бурлило в его крови.

Де Куртнэ с трудом выговорил:

— Милый Бен…

— Вы знаете, зачем я здесь. Чего ж вы голову мне морочите? Хотите обольстить меня? — Рич рассмеялся. — Ловкач. Неужели вы подумали,

что я размякну от вашего маразматического хлюпанья?

Он размахнулся и влепил де Куртнэ пощечину. Старик отлетел от удара назад и свалился в красное, как рана, кресло — лепесток багровой орхидеи.

— Послушай, ты, — Рич подошел к де Куртнэ вплотную и, нагнувшись над ним, стал бессвязно кричать: — Я жду расплаты много лет. Я хочу получить чистоганом, а ты подсовываешь мне Иудин поцелуй. А может быть, убийцам тоже подставляют другую щеку? Если да, то обнимемся, брат душегуб. Облобызаем смерть. Возлюбим ее. Да пребудет на нас благочестие и позор, и кровь, и… Нет. Постой. Я…

Он замолк и по-бычьи затряс головой; исступление давило его, как тугой недоуздок сдавливает шею быка.

— Бен, — в ужасе прошептал де Куртнэ, — послушай, Бен…

— Десять лет ты держишь меня за горло. Мы друг другу не мешали, ты и я, «Монарх» и де Куртнэ. Нам не было тесно ни во времени, ни в пространстве, но тебе хотелось моей крови. Хотелось слопать меня. Угробить. Хотелось все прибрать к своим, поганым загребущим лапам.

Человек Без Лица!

Де Куртнэ недоуменно покачал головой.

— Нет, Бен, нет…

— Какой я тебе Бен? Тоже мне друг-приятель нашелся! На той неделе я представил тебе последний шанс с достоинством выбраться из этой грязи. Я, Бен Рич. Я просил о согласии. Я умолял тебя покончить дело миром, стать моим компаньоном. Умолял, как перепуганная истеричка. Отец, будь он жив, в лицо бы мне плюнул. Да и не только он. У нас в роду такого срама еще не было. И все же я просил тебя о мире. Так? Так или нет? — в бешенстве допытывался он у де Куртнэ. — Отвечай!

Побелевший от страха де Куртнэ ошеломленно глядел на него. Наконец он прошептал.

— Да. Ты просил, я согласился.

— Что ты сделал?

— Согласился. Я ждал этого столько лет. Конечно, согласился.

— Ах, ты согласился!

Де Куртнэ кивнул головой. Его губы беззвучно выговорили буквы WWHG.

— Что ты там лопочешь? WWHG? И это значит согласился?

Старик снова кивнул.

Рич расхохотался.

— Жалкий старый лгун! Это отказ. Решительный и окончательный отказ. Объявление войны.

— Нет, Бен…

Протянув руку, Рич рывком поставил де Куртнэ на ноги.

И хотя старик так исхудал, что стал легким как перышко, Ричу почему-то показалось, что на его руке повис невыносимо тяжкий груз, а прикосновение к коже де Куртнэ обожгло ему пальцы.

— Что ж, значит, война? Война и смерть?

Качая головой, де Куртнэ пытался что-то объяснить ему знаками.

— Ты сам отверг сотрудничество. Ты отверг мир. Значит, остается смерть. Таков твой выбор.

— Бен… Нет.

— Ты согласишься на мои условия?

— Да, — прошептал де Куртнэ. — Да, Бен. Да.

— Ты лгун. Ты жалкий старый лгун. — Рич засмеялся. — Но ты опасный тип. Я тебя раскусил. Вон какой придумал фокус. Изображаешь слабоумного, а простаки на это ловятся. Только меня тебе не поймать. Ни за что не поймать.

— Я не… враг тебе, Бен.

— Это верно, — отрезал Рич. — Ты больше мне не враг, ты покойник. С того мгновения, как я

вошел в этот цветочный гроб, ты покойник. Человек Без Лица! Ты в последний раз слышишь мой крик. Тебе конец!

Рич выхватил из кармана револьвер. Нажал на кнопку, и оружие раскрылось, будто расцвел стальной цветок. Де Куртнэ тихо застонал и в ужасе попятился. Рич подошел к нему, схватил, зажав как в тиски. Де Куртнэ дергался, тщетно пытаясь освободиться, и умоляюще смотрел ему в лицо остекленевшими, слезящимися глазами. Рич запрокинул ему голову. Чтобы осуществить свой план, он должен был выстрелить прямо в рот де Куртнэ.

В это мгновение в комнату влетела полуодетая девушка. Ошеломленный Рич увидел за нею коридор и в конце его открытую дверь спальни. Девушка едва успела второпях набросить серебрящийся, как иней, шелковый халатик, ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга… Ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась к де Куртнэ. Не отпуская старика, Рич быстро заслонил его. Девушка остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом вдруг, вскрикнув, бросилась к ним сбоку. Мгновенно

обернувшись, Рич со страшной яростью занес над ней стилет. Девушка ускользнула от удара, но не могла теперь приблизиться к ним: ей мешала кушетка. Рич просунул кончик стилета между зубами старика и разжал его челюсти.

— Нет! — крикнула девушка. — Не надо! Ради всего святого! Папа!

Ей удалось выбраться из-за кушетки, и она снова к ним подбежала. Рич сунул дуло револьвера в рот де Куртнэ и спустил курок. Раздался приглушенный взрыв, и из затылка де Куртнэ с силой выбросило сгусток крови. Рич выпустил из рук обмякшее тело старика, бросился к девушке и схватил ее. Она вырывалась, кричала.

Внезапно закричал и Рич. Страшная судорога свела его тело, и он не мог удержать девушку. Она упала на колени и поползла к отцу. Застонав, как от боли, девушка вытащила револьвер, все еще торчавший у него изо рта. Потом она прильнула к вздрагивающему телу старика и застыла, молча, пристально вглядываясь в его восковое лицо.

Рич с усилием глотнул воздух и, сжав кулаки, так сильно ударил друг о друга костяшками пальцев, что стало больно. Когда шум в ушах немного стих, он двинулся к девушке, пытаясь собраться с мыслями и на ходу перестроить свой план. Ему

и в голову не приходило, что здесь окажется дочь де Куртнэ. Никто о ней ни разу не упомянул. Паршивец Тэйт! Девчонку придется убить. Ему..

Девушка обернулась и метнула на него взгляд, полный панического ужаса Опять ударом молнии сверкнула ее дикая краса: желтые волосы, темные глаза и брови. Она вскочила, увернулась от его еще непослушных рук, подбежала к инкрустированной драгоценностями двери и, распахнув ее, выбежала в прихожую. Дверь захлопнулась не сразу; Рич успел увидеть оцепеневших на скамье охранников и девушку, которая молча сбегала вниз по ступенькам, унося в своих руках револьвер… унося Разрушение.

Рич пришел в себя. Кровь опять пульсировала в его жилах. Тремя огромными прыжками он добрался до двери, вихрем вылетел из прихожей, скатился с лестницы и очутился в картинной галерее. В галерее было пусто, но он успел увидеть, как затворяется дверь, ведущая в крытый переход. Девушка по-прежнему бежала молча. Она не подняла тревоги. Сколько времени еще пройдет, прежде чем она всполошит своим криком весь дом?

Рич пронесся по галерее и вбежал в крытый переход. Там по-прежнему стоял кромешный мрак.

Он, спотыкаясь, ощупью добрался до противоположной двери, вышел на площадку, которая вела в концертный зал, и опять остановился. В доме ни звука. Все спокойно.

Рич спустился по ступенькам. Ему было жутко в этом безмолвном мраке. Почему она не кричит? Где она? Рич вышел из Восточной арки и по тихому плеску фонтанов определил, что он находится в конце большого зала. Где же девушка? Где прячется она в этом непроницаемо-черном безмолвии? А револьвер? О господи! Если найдут револьвер, ему не удастся сбить с толку полицию.

Кто-то тронул его за руку. Рич дернулся как ошпаренный. Он услышал шепот Тэйта:

— Я вас все время прикрывал. У нас ушло ровно…

— Сукин ты сын! — взорвался Рич. — С ним была дочка. Какого дьявола…

— Тихо! — цыкнул на него Тэйт. — Я это сейчас прощупаю. Не мешайте.

Прошло секунд пятнадцать жгучей тишины; щупача вдруг начало трясти.

— Боже мой, — заскулил он испуганным голосом. — Господи боже мой…

Его испуг подействовал на Рича как катализа-

тор. К нему вернулось самообладание. Он снова мог думать.

— Заткнитесь! — буркнул Рич. — Пока еще вам не грозит Разрушение.

— Нужно убить и ее тоже, Рич. Вам нужно…

Заткнитесь! Сперва разыщите ее. Обшарьте весь дом. Вы уже извлекли из моего сознания ее приметы. Найдите ее. Я буду ждать у фонтана. Мигом!

Он оттолкнул от себя Тэйта и, неуверенно ступая в темноте, подошел к фонтану. Перегнувшись через выложенный яшмой край фонтана, Рич обмыл свое разгоряченное лицо. Оказалось, что из фонтана бьет не вода, а бургундское. Рич вытер лицо, не обращая внимания на глухую возню с другой стороны фонтана. Несомненно, там кто-то купался в вине, то ли один, то ли в компании.

Рич лихорадочно соображал. Девчонку найти и убить. Если револьвер все еще у нее, то убить, конечно, так же, как ее отца, — из револьвера. А если его нет? Как поступить? Задушить ее? Нет… утопить в фонтане. Она ведь совершенно голая под этим шелковым халатиком. Халатик сбросить. Когда обнаружится труп, все подумают, что это одна из приглашенных, чересчур увлекшаяся хмельной ванной. Но ему нужно спешить… спе-

шить... спешить... Успеть, пока не кончится эта дурацкая игра в «Сардинки». Куда девался Тэйт? Где девушка?

Спотыкаясь в темноте и тяжело дыша, подошел Тэйт.

— Ну?

— Ее нет в доме.

— Вы подозрительно быстро вернулись.

— Подозревайте кого вам угодно, только не меня. Зачем мне вас обманывать? В доме нет никого с такими данными. Она ушла.

— Ее кто-нибудь видел?

— Нет.

— Господи! Где же ее искать?

— Нам тоже следовало бы уйти.

— Это, конечно, так, но сбежать не попрощавшись мы не можем Разумеется, нам нужно как можно скорей приняться за поиски. И все же мы должны уйти из дома так, чтобы это никому не показалось странным. Где Золоченая Мумия?

— В кинозале.

— Смотрит передачу?

— Нет, они еще не кончили играть в «Сардинки» Их там как сельдей в бочке. Собрались уже все, кроме нас с вами.

— В одиночестве бродящих по темному дому.

Ну что ж, пора и нам примкнуть к большинству.

Он крепко сжал дрожащий локоть Тэйта и потащил щупача в кинозал. На ходу он выкрикивал жалобным голосом:

— Э-э-эй!.. Где вы там прячетесь? Мария! Мари-и-ия! Где вы прячетесь?

Тэйт истерически всхлипнул. Рич грубо его встряхнул.

— Не раскисать! Через пять минут мы выберемся отсюда. Тогда волнуйтесь на здоровье.

— Но если нас задержат, мы не сможем разыскать эту девушку. И тогда…

— Нас не задержат. Смелость, дерзость, Целеустремленность. Вот три кита, Гас, на которых все стоит.

Рич распахнул дверь в зал. Здесь было жарко от множества скопившихся в комнате тел, но так же темно, как и всюду.

— Эй! — крикнул Рич. — Где вы попрятались? Никого не могу найти.

Молчание.

— Мария, долго мне бродить тут в темноте?

Послышался бессвязный приглушенный говор, потом смех.

— Ах ты мой бедненький! — воскликнула Мария. — Все самое интересное-то пропустил.

— Мария, где ты? Я пришел попрощаться.

— О, не уходи еще.

— Уже поздно, дорогая. Не могу. Завтра с утра я должен околпачить одного приятеля. Где ты там, Мария?

— Поднимись на сцену, миленький мой.

Рич прошел по проходу, нащупал ступеньки и поднялся на сцену. Спиной он ощутил холодное прикосновение проекционного шара. Кто-то крикнул:

— Порядок! Теперь он попался. Свет!

Белый поток света залил экран, ослепив Рича. Расположившиеся в креслах вокруг сцены гости сперва было загоготали, но, разглядев его, возмущенно взвыли.

— Бен, ты обманщик, возмутилась Мария. — Так нечестно: ты одет. Знаешь, как мы тут застукали всех остальных? Это же сказка!

— В другой раз расскажешь, моя прелесть, — Рич вытянул руку, готовый склониться в изящном прощальном поклоне. — Мое почтение, мадам. Благодарю за… — Он вдруг осекся, потрясенный. На его ослепительно белой кружевной манжете гневно загорелось красное пятно.

Не в силах вымолвить ни слова, Рич глядел, как рядом с первым появилось второе пятно,

потом третье. Он отдернул руку, и красная капля шлепнулась на пол перед ним, а вслед за тем неумолимо и медленно одна за другой посыпались сверкающие алые капельки.

— Это кровь! — завизжала Мария. — Кровь! Там наверху кто-то истекает кровью. Ради бога, Бен… Не можешь же ты меня бросить в такой момент. Свет! Свет! Скорей зажгите свет!

Глава VI

В 12.30 ночи аварийный полицейский патруль прибыл в особняк Марии Бомон, получив из местного участка извещение: «GZ Бомон YLP— R», что означало «Есть сведения, что по адресу Бомон Хауз, 9, Парк Саут, произошло нечто противозаконное».

В 12.40 патруль доложил: «Акт криминального характера, возможно, уголовное преступление 3-А», после чего в Бомон Хауз выехал из местного участка капитан полиции.

В час пополуночи в Бомон Хауз прибыл Линкольн Пауэл, срочно вызванный взволнованным помощником инспектора.

— Уверяю вас, Пауэл, что это «преступление 3-А». Готов поклясться. У меня просто дух захватило. Я уж не знаю, радоваться мне или дрожать, но одно несомненно — с этим делом никому из нас не справиться.

— Что вас так напугало?

— Судите сами. Убийство — это отклонение от нормы. Насильственно оборвать жизнь себе подобного способен только человек с деформированным душевным строем, что неизбежно

отражается и на его телепатических приметах, ведь так?

— Да.

— По этой причине уже больше семидесяти лет никому не удавалось осуществить «З-А». В наше время невозможно оставаться незамеченным, замышляя убийство. Человек с искаженным душевным строем так же бросается в глаза, как, скажем, если б он имел три головы. Вы, щупачи, выуживаете их задолго до того, как они что-нибудь предпримут.

— Мы пытаемся это делать… В тех случаях, когда сталкиваемся с ними лично.

— Ну, знаете ли, сейчас на каждом шагу развелось такое множество щупаческих рогаток и фильтров, что человеку, ведущему нормальный образ жизни, невозможно сквозь них проскочить. Для этого нужно быть отшельником. Но отшельники никого не убивают.

— И то правда.

— В данном же случае имело место тщательно подготовленное убийство, а убийцу никто не заметил. О нем никто ни разу нам не сообщил. В том числе даже эспер-секретари Марии Бомон. Отсюда можно сделать вывод, что замечать было нечего. Патологический душевный строй, ис-

каженный до такой степени, что человек стал убийцей, почему-то не отразился на его телепатемах. Вот парадокс, который, черт возьми, я не в силах решить.

— Понятно. Что вы намерены сделать?

— В этом деле чертова гибель неувязок, с них и надо начать. Во-первых, мы не знаем, чем убит де Куртнэ. Во-вторых, исчезла его дочь. В-третьих, кто-то обокрал охранников де Куртнэ ровно на час жизни, и мы понятия не имеем, каким образом это сделано. В-четвертых…

— Достаточно и трех… Я еду.

Большой зал Бомон Хауза залит резким белым светом Повсюду мундиры полицейских. Суетливые, как жуки, снуют эксперты в белых халатах. Гостей (уже одетых) собрали в середине зала, и они мечутся, как стадо перепуганных быков на бойне.

Скользя вниз по восточному эскалатору, Пауэл, высокий, стройный, в черном смокинге с белой манишкой, уже с первых секунд ощутил хлынувшую на него волну неприязни. Он торопливо бросил находившемуся в зале Джексону Беку, полицейскому инспектору-2.

— *Как ситуация, Джекс?*

— *Сложная.*

И тут же, перейдя на неофициальный арго полицейских, созданный на искаженной семантической и образной основе и системе персональных символов, Бек добавил:

— Осторожней. Здесь есть щупачи.

После чего за микродолю секунды познакомил Пауэла с обстоятельствами.

— Ясно. Дело дрянь. Что это все они сгрудились посреди зала? Вы затеваете представление?

— Да. Злодей и избавитель.

— Это необходимо?

— Здесь одни подонки. Избалованные. Распущенные. Помощи от таких ждать нельзя. Что-то узнать от них можно только хитростью, и в данном случае игра стоит свеч. Я буду злодеем. Вы их избавителем.

— Одобряю. Молодец. Хороший план.

На середине спуска Пауэл приостановился. Он сурово сжал губы. Глубокие темные глаза уже не светились дружелюбием. На лице появилось возмущенное выражение.

— Бек, — рявкнул он, и его голос эхом прогремел по залу. Наступила мертвая тишина. Все взгляды обратились к нему.

Инспектор Бек сердито повернулся к Пауэлу и с вызовом ответил:

— Здесь, сэр.

— Это вы тут распоряжаетесь, Бек?

— Да, сэр.

— Любопытные у вас, однако, представления о том, как вести следствие. Сгоняете гуртом, будто скотину, ни в чем не повинных людей.

— Нечего сказать, неповинные, — огрызнулся Бек. — Эти ни в чем не повинные человека убили.

— Все эти люди, Бек, невиновны. До тех пор пока не будет выяснена истина, всех присутствующих здесь вы должны считать ни в чем не повинными и обращаться с ними со всей возможной учтивостью.

— Что? — фыркнул Бек. — С этой бандой лжецов?

Учтиво обращаться? С этим великосветским быдлом, сволотой, погаными гиенами…

— Да как вы смеете? Сейчас же извинитесь.

Бек засопел и свирепо сжал кулаки.

— Инспектор Бек, вы меня слышите? Немедленно извинитесь перед этими леди и джентльменами.

Бек бросил взгляд на Пауэла и повернулся к гостям, которые во все глаза таращились на эту сцену.

— Прошу прощения, — буркнул он.

— И зарубите себе на носу, Бек, — грозно добавил Пауэл. — Если что-нибудь подобное повторится, я вас разжалую. Из грязи вылезли и снова плюхнетесь туда же. Ну а теперь убирайтесь и не показывайтесь мне на глаза.

Пауэл спустился в зал и улыбнулся гостям. В один миг он вновь преобразился. Нечто неуловимое в его манерах наводило гостей на мысль, что в душе он такой же, как они. Даже в его произношении чуть проскальзывало модное пришепетывание.

— Леди и джентльмены, разумеется, каждого из вас я знаю в лицо. Но поскольку сам я не столь знаменит, позвольте представиться вам — Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела. Префект, да к тому же еще парапсихологический отдел. Не правда ли, какой старомодный титул? Пусть он не смущает вас, — Пауэл направился к хозяйке дома, приветственно протянув руку. — Дорогая мадам Мария, какое волнующее завершение изысканного вечера. Я всем вам завидую. Вы войдете в историю.

Гости оживились, по их рядам пробежал довольный ропот. Мрачная туча враждебности рассеивалась. Мария, машинально охорашива-

ясь, словно зачарованная взяла его руку.

— Мадам… — он смутил и растрогал Марию, с отеческой нежностью запечатлев на ее лбу поцелуй. — Очень вам сочувствую. Эти мужланы в полицейских мундирах были, конечно, несносны.

— Ах, дорогой префект! — с доверчивостью ребенка Мария уцепилась за его руку, — Я так напугалась.

— У вас в доме найдется тихая комната, где все мы могли бы уютно устроиться и посидеть, пока не завершится эта тягостная процедура?

— Да, конечно. Мой кабинет, дорогой префект Пауэл.

Мария так вошла в роль милой крошки, что начала картавить.

Махнув рукой стоящим сзади полицейским, Пауэл щелкнул пальцами и приказал тут же выступившему вперед капитану:

— Проводите мадам и ее гостей в кабинет. Караульных не ставить. Леди и джентльмены должны чувствовать себя вполне свободно.

— Мистер Пауэл, сэр… — капитан откашлялся. — По поводу гостей мадам. Один из них прибыл сюда уже после того, как было сообщено о преступлении. Частный поверенный, мистер

¼мэйн.

Пауэл разыскал среди гостей Джо '/4мэйна, эспер-поверенного-2, и послал ему телепатический привет.

— Джо?

— Он самый.

— Что вас привело в этот гадюшник?

— Дело. Меня вызвал кли (Бен Рич) ент.

— Эта акула? Очень подозрительно. Останьтесь здесь вместе с ним. Произведем разведку.

— Здорово вы все это изобразили с Беком.

— Чтоб вам пусто было! Разгадали наш жаргон?

— Какое там! Просто я знаю вас обоих. Добрейший Бек в роли зверюги-полисмена, это же цирк.

Бек, с угрюмым видом удалившийся в конец зала, подал оттуда реплику:

— Не выдавайте нас, Джо.

— Вы что, с ума сошли? — обиделся ¼мэйн. Обращаться к нему с такой просьбой было все равно что призывать его не втаптывать в грязь святая святых Эспер Лиги. От ¼мэйна с такой силой рвануло негодованием, что Бек усмехнулся.

Все это произошло в течение одной секунды, а Пауэл в это время, запечатлев на лбу Марии еще один невинный поцелуй, мягко освободился от

ее трепетно уцепившейся за него ручки.

— Леди и джентльмены, мы встретимся в кабинете.

Сопровождаемая капитаном толпа гостей повалила к дверям. Снова слышалась оживленная болтовня.

Трагедия принимала облик захватывающе-увлекательной новой игры. В плеске голосов и смеха Пауэл вдруг наткнулся на железную решетку непроницаемого телепатического блока. Он узнал ее тотчас же и позволил себе не скрыть удивления.

— Гас! Гас Тэйт!

— 01 Добрый вечер, Пауэл.

— Что вы здесь притаились?

— Гас? — встрепенулся Бек. *— Гас здесь? Как это я его не осалил?*

— Какого дьявола вы прячетесь?

Хаотический ответ, в котором перемешались злость, досада, боязнь за свою репутацию, самоуничижение, стыд…

— Отключитесь, Гас. Ваша телепатема блокирована обратной связью. И чего вы так разволновались? Вам не повредит, что вы оказались причастны к скандалу. Напротив. Это придаст вам человечности. Помогите мне немного. Хотя

вы так трясетесь, что, чует мое сердце, помощи от вас я не дождусь.

Когда зал освободился, Пауэл оглядел трех оставшихся. Джо '/4мэйн был плотный, крепкий, грузный, с блестящей лысиной и грубоватым добродушным лицом. Крошка Тэйт — нервозный, возбужденный… больше, чем обычно.

И, наконец, пресловутый Бен Рич. Пауэл видел его впервые. Высокий, широкоплечий, решительный. Из него ключом бьют обаяние и сила. Сила в общем-то добрая, но подпорченная привычкой властвовать. У него хорошие глаза, красивые и проницательные, а вот губы, пожалуй, слишком тонкие и чувственные, и рот чем-то напоминает шрам. Привлекательный человек, но есть в нем что-то темное, отталкивающее.

Пауэл улыбнулся ему. Рич улыбнулся тоже. Их руки встретились в рукопожатии.

Пауэл спросил:

— Вы всех обезоруживаете таким образом?

— Секрет успеха, — ухмыльнулся Рич.

«Он сообразил, на что я намекаю, — подумал Пауэл. — Достойный противник».

— В таком случае пусть хотя бы все остальные не видят, как вы меня очаровываете. Они заподозрят сговор.

— Вас они не заподозрят. Вы обведете их вокруг пальца, и они решать что сговор у вас с ними.

Опять улыбка. Несомненно, их влекло друг к другу. Это было и неожиданно, и опасно. Пауэл попробовал избавиться от наваждения. Он повернулся к ¼мэйну.

— Ну что там у вас, Джо?

— *Насчет прощупывания, Линк…*

— Объясняйтесь так, чтобы было понятно и Ричу, — перебил Пауэл, — Мы никого не собираемся обманывать.

— Рич вызвал меня для того, чтобы я его представлял. Никакой телепатии, Линк. Все на равных условиях. Я для того сюда и прибыл. Я буду присутствовать на всех допросах.

— Джо, у вас нет права запрещать прощупывание. Мы выясним все, что сможем выяснить…

— Только с согласия спрашиваемого. Я буду сообщать вам, есть это согласие или нет.

Пауэл обернулся к Ричу.

— Что здесь произошло?

— А вы не знаете?

— Хотел послушать вашу версию.

— Почему именно его? — запальчиво вмешался Джо ¼мэйн.

— Мне хочется узнать, из-за чего он так по-

спешно вызвал адвоката. Вы что, замешаны в этой истории?

— В чем я только не замешан, — усмехнулся Рич. — Попробуйте руководить такой — махиной, как «Монарх», и не увязнуть в омуте разных секретов.

— Но убийства, я надеюсь, в вашем омуте не водятся?

— Линк, поворачивайте-ка назад.

— Уберите блоки, Джо. Я прощупываю вашего клиента только потому, что он мне нравится.

— Вы не могли бы проявить свою приязнь как-нибудь в другое время?

— Джо не хочет, чтобы я вам симпатизировал. — Пауэл снова улыбнулся Ричу. — Жаль, что вы вызвали адвоката. Это внушает мне подозрение.

— Профессиональная болезнь? — со смехом спросил Рич.

— Нет. — На сцену вдруг прорвался Нечестивый Эй б и начал заливать: — Вы никогда не поверите, но профессиональное заболевание детективов — латеральность[3]. Одни из нас все делают только левой рукой, другие — только правой. Причем

---

[3] Примечания: 3

Латеральность — однобокость.

самое неприятное, что у большей части детективов эти отклонения ни с того ни с сего почему-то сменяют друг друга. Я, например, был левшой и вдруг во время дела Парсона…

Спохватившись, Пауэл замолк на середине фразы. Он отошел на несколько шагов от заинтригованных слушателей, глубоко вздохнул. Когда он снова к ним вернулся, Нечестивый Эйб был изгнан.

— Я расскажу об этом как-нибудь в другой раз, — сказал он. — А сейчас лучше вы расскажите, что здесь произошло после того, как Мария и все остальные увидели падающие на вашу манжету капли крови.

Рич покосился на красные пятнышки на своей манжете.

— Мария начала вопить, что наверху в брачных покоях кого-то прирезали, и все мы ринулись наверх.

— Как вы нашли дорогу в темноте?

— Было светло. Мария крикнула, чтобы включили свет.

— И уж при свете вы без труда разыскали эти покои, э?

Рич зло усмехнулся.

— Это не я искал покои. Их местоположение

держали в тайне. Мария сама отвела нас туда.

— Там находились охранники… кажется, их оглушили?

— Да. Они казались мертвыми.

— Будто каменные, а? Шелохнуться не могли?

— А я откуда знаю?

— В самом деле, откуда? — Пауэл в упор взглянул на Рича. — Ну а де Куртнэ?

— На вид и он казался мертвым… фу ты, черт, он и был мертвым.

— И вы все там столпились и смотрели на труп?

— Нет, некоторые разошлись по другим комнатам: искали дочку.

— Барбару де Куртнэ? По-моему, никто из вас не знал, что де Куртнэ и его дочь находятся в доме Почему же ее искали?

— Сперва мы этого не знали. Но Мария нам сказала, и мы начали искать.

— Вы удивились, что ее нет?

— Мы уже ничему не удивлялись. Куда она могла исчезнуть?

— Мария говорит, что девушка убила старика и смылась.

— Вам это кажется возможным?

— Как знать? Вся эта история — сплошное су-

масшествие. Если девушка так ошалела, что, ни слова никому не сказав, улизнула из дому и голая мчалась по улицам, она была способна прихватить с собой папашин скальп.

— Вы позволите мне прощупать вас, чтобы уяснить кое-какие детали и общую обстановку?

— Как решит мой адвокат.

— Я против, — отрезал ¼мэйн. — Согласно конституции каждый может отказаться от эспер-обследования, не подвергая себя никаким подозрениям. Считайте, что Рич отказался.

— Темный лес, и хоть бы маленький просвет. — Пауэл вздохнул, пожал плечами Ну что ж, приступаем к расследованию.

Они двинулись к кабинету Стоявший в дальнем конце зала Джексон Бек, не выдержав, спросил на непонятном для Тэйта с ¼мэйном полицейском жаргоне:

— Линк, зачем вы ему позволили вас дурачить?

— Он меня дурачил?

— А то нет? Этот чертов стервятник вьет из вас веревки.

— Бросьте, Джекс. Стервятник сам запутался и угодил в силки, из которых только один выход — разрушение.

— Что?!

— А вы разве не заметили, как он проболтался, пока с таким усердием вил из меня веревки? Он, видите ли, не знал о том, что была дочка. Этого никто не знал. Он ее не видел. Ее никто не видел. Он до пускает мысль что она выбежала из дому после убийства. Все допускают эту мысль. Ну, а откуда он узнал, что она голая?

Изумленное молчание, и затем уже в арке между залом и кабинетом Пауэла догоняет волна пылкого восхищения.

— Я преклоняюсь перед вами, Линк. Я преклоняюсь перед Мастером.

Кабинет Бомон Хауза спроектирован по образцу турецких бань. Пол выложен мозаикой из ярких камней — гиацинта, шпинеля, солнечного камня. В украшенные золотой сеткой стены вделаны синтетические камни — рубины, изумруды, гранаты, хризолиты, аметисты, топазы — и в центре каждого из них портрет хозяйки в разных видах. Повсюду бархатные коврики, множество кресел, диванов.

Пауэл вошел в кабинет и, оставив позади Рича, Тэйта и '/4мэйна, сразу направился в середину комнаты. Гул голосов смолк, и Мария Бомон томно привстала. Пауэл жестом попросил ее не подниматься. Он огляделся, тщательно прики-

дывая в уме духовный потенциал собравшихся здесь сластолюбцев и обдумывая тактику, которую следовало применить. Наконец он начал.

— Закон, — сказал он, — глупо и нелепо усложняет такое заурядное явление, как смерть. Люди каждый день мрут тысячами, тем не менее согласно закону тот смельчак, который взял на себя инициативу подтолкнуть старичка де Куртнэ к неизбежной кончине, почему-то считается врагом человечества. По-моему, это идиотизм, но прошу на меня не ссылаться.

Он помолчал и закурил сигарету.

— Все вы, конечно, знаете, что я щупач. Некоторых это, может быть, даже пугает. Я представляюсь вам чудовищем, которое, не сходя с места, ревизует все ваши мысли и чувства. Так вот... Если бы даже я это умел, Джо ¼мэйн помешал бы мне. Кроме того, признаюсь вам, будь это так, я не стоял бы сейчас здесь. Я возвышался бы на троне повелителя вселенной и практически не отличался бы от господа бога. Но, мне кажется, никто из вас этого сходства пока не заметил?

Прошелестел смешок. Пауэл обаятельно улыбнулся и продолжал:

— Увы, массовое чтение мыслей не по зубам ни одному щупачу. Исследовать отдельную

личность и то не так просто. А телепатические сигналы большой группы людей создают хаос, в котором вовсе невозможно разобраться. И если к тому же эта группа состоит из неповторимых, ярких индивидуальностей, вроде собравшихся здесь, нам остается лишь одно — сдаться на вашу милость.

— И он еще говорит, что это я умею очаровывать, — прошептал Рич.

— Сегодня вечером, — продолжал Пауэл, — вы играли в игру, называемую «Сардинки». Мне очень жаль, мадам, что я не был в числе приглашенных. Надеюсь, в следующий раз вы обо мне не забудете…

— Ну конечно! — вскричала Мария. — Ну конечно, милый префект!..

— Пока шла игра, убили старого де Куртнэ. Можно почти не сомневаться, что убийство было преднамеренным. Мы установим это точно, получив отчет лаборатории. Впрочем, допустим, не дожидаясь отчета, что мы имеем дело с преступлением 3-А. Это даст нам возможность сыграть еще в одну игру… мы назовем ее «убийство».

По рядам гостей прошел неясный говорок. Пауэл продолжал все с тем же небрежным видом, исподволь превращая самое страшное преступ-

ление, совершенное за последние семьдесят лет, в нечто невещественное.

— Играя в «убийство», — объяснял он, — мы представим себе, что кто-то из нас убит. Один из нас Пусть будет «сыщиком», цель которого найти «убийцу». Другие станут изображать «подозреваемых». Все игроки обязаны говорить правду, и только «убийце» разрешается лгать. Сравнив все версии, «сыщик» определяет, кто лжет, и находит «убийцу». По-моему, это очень увлекательно.

Кто-то спросил:

— Что это?

Еще кто-то крикнул:

— Я просто туристка!

Снова смех.

— При расследовании убийства, — с улыбкой продолжал Пауэл, — рассматриваются три аспекта преступления. Во-первых, мотив. Во-вторых, метод. И в-третьих, обстоятельства. Двумя последними аспектами занимаются наши эксперты. Что же касается первого, то в процессе игры мы можем сами его выявить. Если это нам удастся, мы разрешим и остальные две проблемы, над которыми сейчас ломают головы наши эксперты-криминалисты. Вам известно, что они не могут установить, каким образом был убит де Куртнэ?

Известно вам, что дочь убитого исчезла? Она вышла из дома, когда вы были заняты игрой. Известно вам, что охрану каким-то таинственным образом отключили на один час? Да, представьте себе. Кто-то выкрал у них ровно по часу жизни. Нам бы хотелось узнать как.

Слушатели, зачарованные, затаив дыхание, уже вплотную приблизились к западне. Нужно было с безграничной осторожностью захлопнуть их в ловушке.

— Один умер, у двоих похищено по часу жизни, исчезла девушка… и мы можем все это разгадать, выяснив мотив. Итак, представьте, что я сыщик. А вы будете изображать подследственных. Вы говорите мне только правду… все, кроме убийцы, разумеется. Ему полагается врать. Но мы его поймаем и достойно завершим этот необычайный вечер, если вы мне позволите провести телепатический опрос каждого из вас.

— О-о! — в тревоге вскрикнула Мария.

— Одну секундочку, мадам. Позвольте объяснить. От вас не требуется ничего, кроме согласия. Мне не придется прощупывать никого из вас. Потому что, видите ли, если все невиновные дадут свое согласие, то отказаться может только один человек, и этот человек и есть убийца. Лишь ему

необходимо оградить себя от прощупывания.

— Как вы думаете, может у него пройти этот номер? — шепотом спросил Рич у ¼мэйна.

¼мэйн кивнул.

— Представим себе на миг, как все это происходит. — Пауэл втягивал их в спектакль, комната превратилась в сцену. — Я официально обращаюсь к одному: «Разрешите мне произвести телепатический опрос?» Затем обхожу всех. — Пауэл медленно двинулся вкруговую по комнате, поочередно кланяясь каждому из гостей. — Мне отвечают: «Да… Да… Конечно Отчего же?.. Разумеется… Да… Да…» И внезапно драматическая пауза. — Пауэл, грозно выпрямившись остановился перед Ричем. — «А вы, сэр, — говорю я, вы позволите мне вас прощупать?»

Все обмерли. Даже Рич словно к полу примерз под этим испытующим и грозным взглядом.

— Он не знает, как быть. Кровь бросилась ему в лицо, потом отхлынула, и он становится мертвенно-бледным. С мучительным усилием от выдавливает из себя ответ: «Не согласен». И в этот момент… — Пауэл со стремительным жестом поворачивается к своим слушателям, и у них перехватывает дыхание, — в этот волнующий момент мы понимаем, что поймали убийцу!

Он почти уговорил их. Почти уговорил. Его затея показалась им дерзкой, волнующей, новой. Еще немного, и откроются ультрафиолетовые оконца. Сквозь одежду и плоть удастся заглянуть в чужую душу. Но чего только не кроется в их душах — клятвопреступления… внебрачные дети… измены… сам сатана. Боязнь разоблачения поглотила любопытство.

— Нет! — крикнула Мария.

И все вскочили на ноги, крича:

— Нет! Нет! Нет!

— *Вы были изумительны, Линк, и тем не менее… Вам не дождаться помощи от этих гиен.*

Пауэл и побежденный не утратил своего обаяния.

— Мне очень жаль, леди и джентльмены, но, право же, я не могу вас винить. Только идиоты доверяют полисменам. — Он вздохнул. — Если есть желающие сообщить что-нибудь устно, один из моих помощников запишет их показания на магнитофон. Мистер ¼мэйн будет при этом присутствовать, чтобы, помогая вам советом, ограждать ваши интересы *А на мои наплевать,* — он грустно взглянул на ¼мэйна.

— *Линк, не давите мне на психику Это первое З-А за семьдесят с лишком лет. Я должен очень*

осторожно действовать, чтобы не погубить свою карьеру.

— И моя карьера под угрозой. Если дело останется нераскрытым, мне больше не служить.

— Значит, каждый щупач за себя. Примите мои наилучшие помышления.

— Подите к черту, — сказал Пауэл.

Подмигнув Ричу, он с беспечным видом вышел из комнаты.

В багряно-золотистых брачных покоях закончили свою работу эксперты. Начальник лаборатории де Сантис, взвинченный, беспокойный, резкий, вручил Пауэлу данные экспертизы и измученным голосом произнес:

— Бред собачий.

Пауэл посмотрел на тело и саркастически осведомился:

— Самоубийство?

Он всегда разговаривал с де Сантисом на повышенных тонах: тот неуютно себя чувствовал, если с ним говорили иначе.

— Что?! Ни в коем случае! Не найдено оружие.

— Что же его убило?

— Мы не знаем.

— Все еще не знаете? Вы провозились три часа.

— И ничего не знаем, — яростно повторил де

Сантис. — Я потому и говорю, что это бред собачий.

— Так трудно что-нибудь установить, когда у человека в голове такая огромная дырища?

— Да! Да! Да! Представьте себе, я ее тоже заметил. Вход над твердым нёбом. Выход в затылке. Смерть наступила немедленно. Но откуда взялась рана? Чем просверлили ему эту скважину в черепе? Может быть, вы угадаете?

— Жесткие лучи?

— Нет ожога.

— Кристаллизация?

— Нет обморожения.

— Кислота?

— Не тот характер повреждений. Вообще-то, кислотой можно прожечь такую рану, но не разломать при этом весь затылок.

— Холодное оружие?

— Вы имеете в виду нож или кинжал?

— Что-нибудь в этом роде.

— Невозможно. Вы представляете себе, с какой силой нужно ударить, чтобы нанести такую рану? Это практически неосуществимо.

— Гм… Кажется, я выдохся. Хотя постойте. Может быть, револьвер?

— А что это?

— Старинное оружие. В старину люди стреляли пулями. С шумом, с вонью.

— Нет, здесь это исключено.

— Почему же?

— Почему? — окрысился де Сантис. — А потому, что не найдена пуля. В ране ее нет. И в комнате нет. Вообще нигде ничего нет.

— Какая-то дьявольщина.

— Вполне с вами согласен.

— Значит, вам нечего мне сообщить? Абсолютно нечего?

— Не совсем так. Перед смертью де Куртнэ ел печенье. В ротовой полости убитого нашли полурастаявший кусочек глазури…

— Ну и?..

— Во всех покоях нет никаких следов печенья.

— Значит, он его съел.

— В желудке тоже ничего нет. Кстати, при его болезни горла он не мог есть печенья.

— А что у него было?

— Психогенный рак. Очень тяжелое состояние Он говорить не мог, не то что жевать сласти.

— Черт те что! Нужно найти это оружие… непременно найти.

Пауэл перелистал данные экспертизы, внимательно оглядывая труп и насвистывая затей-

ливый мотивчик. Он вспомнил, как в одной аудиокниге слышал об эспере, который умел прощупывать покойников… Это напоминало давнишний миф о том, как восстановили картину убийства, сфотографировав у убитого сетчатую оболочку глаза. Жаль, что и то и другое выдумки.

— Ну что ж, — сказал он наконец, вздохнув, — С мотивом мы сели в галошу и со способом убийства тоже. Надо надеяться, что мы хоть что-то выясним об обстоятельствах. Иначе Рич ускользнет от нас.

— Какой еще Рич? Бен Рич? При чем тут он?

— Хитрец Гас Тэйт, вот кто меня тревожит, — тихо сказал Пауэл. — Если и он замешан… Что? А, Рич. Так ведь убил-то он. Мне удалось это окончательно выяснить во время беседы в кабинете мадам Марии. Перед этим Рич нечаянно кое-что ляпнул. Чтобы окончательно убедиться, я разыграл в кабинете целое действо, заморочил голову Джо, а сам прощупал Рича. В отчет это, конечно, не пойдет, но я узнал достаточно, чтобы не сомневаться, кто убийца. Господи Иисусе! — ужаснулся де Сантис.

— Да, но мы еще очень далеки от того, чтобы собрать доказательства, которые удовлетворили бы судей. А стало быть, и Разрушение неблизко.

Весьма и весьма неблизко.

Пауэл уныло кивнул начальнику лаборатории, не спеша прошел через прихожую и стал спускаться к галерее.

— Ко всему тому он мне еще и нравится, этот молодчик, — пробормотал он.

В картинной галерее, где располагалась штаб-квартира следствия, между Пауэлом и Беком произошло совещание. Обмен мыслями, протекавший в стремительном темпе, характерном для телепатических разговоров, занял ровно тридцать секунд.

Итак, Джекс, это все-таки Рич. Мы его засекли уже во время разговора, а в кабинете я его еще разок щупнул, и развеялись последние сомнения. Попался мальчик.

Может быть, нам как-то поможет охрана?

Понятно

Вы никогда этого не докажете, Линк.

Какое там! Целый час они фактически были покойниками. Де Сантис говорит, что им временно разрушили родопсин, то есть зрительный пурпур — то самое, чем видит глаз.

Сами они уверены, что все это время добросо-

Хорошенькое ничего!

Представляю себе, как она вопила.

Но мы-то знаем, что это Рич.

Он пробрался на верхний этаж, пока гости играли в «Сардинки». Каким-то образом ослепил охранников, украв у них по часу жизни. Потом прошел в покои и убил де Куртнэ. Та девушка, наверное, тоже как-то связана с убийством и поэтому сбежала.

Я не знаю. Я ровно ничего не знаю... пока.

Это-то мне известно.

Да, да...

Да, да...

вестно выполняли свои обязанности и что в покоях ничего не произошло до тех пор, пока внезапно туда не влетела вся орава и Мария не принялась на них вопить, что они дрыхнут на посту... а они оба с негодованием это отрицали.

Вы-то знаете. А остальные ничего не знают.

Каким?

Как он убил его?

Кстати, последний вопрос: почему он убил де Куртнэ?

Значит, вам не на чем построить обвинение.

Вам нужно на основе объективных данных назвать мотив, способ убийства, обстоятельства. А у вас на руках всего-навсего один козырь, да и тот щупаческий.

Вы не прощупали, каким образом и почему он это сделал?

Я же только прошелся по верхам... Джо следил за мной.

И очень вероятно, глубже вам и не пробраться. Джо осторожный малый.

Черт бы их всех побрал! Джексон, нам необходимо найти эту девушку

Барбару де Куртнэ?

Да. Она ключ ко всему. Если она нам расскажет, что она видела и почему убежала, мы сможем передать дело в суд. Уточните и подшейте к делу все, что нам удалось выяснить. Хотя, пока нет девушки, этот материал бесполезен. Свидетелей отпустите по домам. Без девушки от них нет толку. Нужно как следует заняться Ричем... может быть, нам удастся собрать кое-какие косвенные улики, хотя...

Совершенно точно.

Я уже начинаю ее ненавидеть.

Без распроклятой девчонки и от улик не будет толку.

Мистер Бек, я временами тоже чувствую себя женоненавистником. Ума не приложу, чего ради все стараются меня женить.

Пауэл встал и покинул галерею. Он прошел крытым переходом, спустился в концертный зал и вышел в главный. У фонтана что-то увлеченно обсуждали Рич, ¼мэйн и Тэйт. И снова у Пауэла при одной мысли о Тэйте пробежали мурашки по спине. Если маленький щупач и впрямь связался с Ричем, как заподозрил Пауэл еще неделю назад у себя на вечеринке, он замешан и в убийстве.

Немыслимо вообразить себе, что эспер первой ступени, один из столпов Лиги, — соучастник убийства; но если это так, то черта с два его разоблачишь. Еще не было случая, чтобы у эспера-1 что-нибудь удалось выудить без его согласия. И если Тэйт (невероятно… невозможно… сто против одного) работает на Рича, то неуязвимым может оказаться и сам Рич. Решив последний раз попробовать убедить Рича, Пауэл направился к разговаривающим.

Перехватив взгляд ¼мэйна, он бросил щупачам:

— Джо, Гас, мотайте отсюда. Мне нужно кое-что сказать Ричу по секрету от вас. Я не буду его прощупывать и записывать его слова. Обещаю вам.

¼мэйн и Тэйт кивнули и, что-то буркнув Ричу, тихо удалились. Рич с любопытством поглядел

на них и перевел глаза на Пауэла.

— Это вы их спугнули? — осведомился он-.

— Нет, просто попросил. Садитесь, Рич.

Они присели на край фонтана и помолчали, дружелюбно глядя друг на друга.

— Нет, нет, — сказал наконец Пауэл, — я не прощупываю вас.

— Я этого и не думал. А вот в кабинете Марии было дело, а?

— Почувствовали?

— Нет. Догадался. Я бы и сам на вашем месте так поступил.

— Мы с вами, кажется, не очень-то надежные ребята?

— Надежные! — сердито фыркнул Рич, — Мы не в детские игры играем. Мы дело делаем. Только трусы, слабаки и нытики прячутся за всякими там правилами и честной игрой.

— Ну а как же этика и честь?

— Честь у нас есть, только кодекс мы себе выбираем сами… а не пользуемся кукольными правилами, которые какой-то слабонервный трус изобрел для таких же, как он сам, запуганных людишек. У каждого есть своя этика и своя честь, и пока человек придерживается их, никто не вправе осудить его. Вы можете не одобрять его

этику, это другое дело, но у вас нет права называть его неэтичным.

Пауэл грустно покачал головой.

— В вас как-то уживаются два человека, Рич, — заметил он. — Один хороший, а другой — негодяй Будь вы только убийцей, это бы еще куда ни шло. Но в вас перемешались мерзавец и святой, и в этом вся беда.

— Когда вы подмигнули мне, я сразу понял, что дело скверно. — Рич усмехнулся. — Ох и штучка же вы, Пауэл! Честное слово, я вас боюсь. Черт вас разберет, откуда вы ударите и как от вас увернуться.

— Так не увертывайтесь, бога ради, и покончим с этим раз и навсегда, — сказал Пауэл. Сказал с таким жаром, что Рича снова охватила паника. Его ожгли голос Пауэла, его взгляд. — Поверьте, Бен, — продолжал Пауэл, — что вам со мной не справиться. Я объявляю бой убийце, потому что восхищен святым. Для вас это начало конца. Вы и сами это знаете. Так стоит ли барахтаться?

Еще мгновение, и Рич бы сдался. Но он заставил себя не отступать.

— Капитулировать без боя? Проиграть величайшее сражение в моей жизни? Нет, Линк, хоть миллион лет дожидайтесь, но мы уж расхлебаем

эту кашу до конца.

Пауэл сердито пожал плечами. Оба встали. Их руки машинально встретились в крепком прощальном рукопожатии.

— Я потерял в вашем лице великолепного сообщника, — сказал Рич.

— Вы потеряли великого человека в своем собственном лице.

— Значит, враги?

— Враги.

Так был сделан первый шаг к Разрушению.

Глава VII

Полицейский префект города, насчитывающего семнадцать с половиной миллионов населения, не может быть прикованным к письменному столу. Он не держит в своем кабинете заметок, досье, картотек и рулонов, свернутых из канители. Но зато у него есть три эспер-секретаря, кудесники, хранящие в своей памяти мельчайшие подробности всех его дел. Они следуют за ним по отделу, как ходячий справочник в трех томах. Сопровождаемый своим летучим отрядом (сотрудники прозвали их Фигли, Мигли и Провернулл), Пауэл вихрем носился по Сент-стрит, собирая материалы для предстоящего сражения.

Перед комиссаром Крэббом он еще раз набросал общую схему действий.

— Нам нужно выяснить мотив, способ убийства и обстоятельства, комиссар. Мы воссоздали картину предполагаемых обстоятельств, но ничего определенного нам не известно. А старикашке Мозу, как вы знаете, подавай только факты да факты.

— Какому старикашке? — удивился Крэбб.

— Старому Мозу. — Пауэл усмехнулся. — Мы

прозвали так Мозаичный Следственный Компьютер. Не называть же его каждый раз полным именем. Так и подавиться можно.

— А, этот проклятущий агрегат! — фыркнул Крэбб.

— Да, сэр. Итак, я готов начать наступление на Рича и компанию «Монарх» с целью собрать доказательства для старикашки Моза. Но прежде я хочу спросить вас откровенно: вы до конца нас поддержите?

Комиссар Крэбб, ненавидевший и опасавшийся всех эсперов без исключения, побагровел и, как подброшенный пружиной, вскочил с кресла, сделанного из черного дерева и стоявшего за сделанным из черного же дерева столом, который красовался в его кабинете, сплошь отделанном черным деревом и серебром.

— На что вы, черт возьми, намекаете, Пауэл?

— Сэр, не ищите в моих словах тайного смысла, его нет. Я просто спрашиваю, не связаны ли вы каким-то образом с компанией «Монарх» и с Ричем? Не окажетесь ли вы в неловком положении, если мы припрем Рича к стене? Не может ли он в таком случае потребовать, чтобы вы открыли ему запасную дверцу?

— Нет, черт бы вас побрал.

— *Сэр,* — выскочил Фигли, — *четвертого декабря минувшего года вы обсуждали с комиссаром Крэббом дело «Монолита». Вот выдержки:*

«Пауэл: Случай довольно каверзный, комиссар. Я опасаюсь, как бы „Монарх“ не обвел нас вокруг пальца.

Крэбб: Рич обещал мне этого не делать. А Бену Ричу я привык доверять. Он поддерживал меня еще, когда я баллотировался на пост окружного прокурора».

Цитата окончена.

— *Молодчина, Фигли. Мне все время казалось, что у нас что-то такое есть на Крэбба…*

И Пауэл с места в карьер обрушился на комиссара:

— Что вы мне очки втираете? А как вы стали прокурором округа? Вы, кажется, уже забыли, что Рич вас поддерживал?

— Вовсе нет, я прекрасно это помню.

— И хотите меня убедить, будто Рич с тех пор ни разу вам не оказывал поддержки?

— Что за наглость, Пауэл… Да, так оно и есть… Тогда он мне помог. Но после этого у нас с ним никаких дел не было.

— Значит, я могу заняться Ричем?

— Почему вы так упорно утверждаете, что Рич

убил этого человека? Это несерьезно. У вас нет доказательств. Только домыслы. — Пауэл негодующе смотрел на комиссара. — Рич его не убивал. Бен Рич никого не станет убивать. Он вполне порядочный человек, который…

— Вы даете мне «добро»?

— Ладно, Пауэл. Даю.

— *Но с очень большими ограничениями. Сделайте заметку, мальчики. Комиссар до смерти боится Рича. Сделайте еще одну заметку. Я его тоже боюсь.*

Сотрудникам Пауэл сказал:

— Вот послушайте: всем вам известно, что за привередливое чудище наш старый Моз. Ненасытная утроба, вечно требующая фактов… фактов… доказательств… неопровержимых улик. Заставить эту стервозную машину начать судебное преследование можно, только если мы соберем все нужные доказательства. Чтобы их раздобыть, мы применим метод дубль-слежки. Он вам знаком. По каждому следу мы пускаем двух агентов: Недотепу и Ловкача. Недотепа не знает, что Ловкач работает с ним рядом. Не знает этого и объект слежки. Избавившись от Недотепы, он воображает, что за ним больше нет хвоста. А Ловкачу только того и нужно. Вот этот метод

мы и применим сейчас.

— Слушаюсь, — сказал Бек.

— Вы обойдете все полицейские участки. Подберите сотню самых бестолковых фараонов. Обрядите всех их в штатское и прикомандируйте к делу Рича. Из лаборатории выудите всех забракованных роботов-следопытов, каких им всучивали за последние десять лет. Одним словом, валите в кучу все, что поплоше, и приспосабливайте к делу Рича. Чем больше, тем лучше… Этакий длиннющий хвост, который он стряхнет, конечно, с легкостью, но все-таки потратит время, чтобы его стряхнуть.

— В каких направлениях вести расследование? — спросил Бек.

— Прежде всего почему там начали играть в «Сардинки». Кто предложил эту игру? Секретари мадам Бомон утверждают, что Рича невозможно было прощупать из-за песенки, мельтеши вшей в его мозгу. Что за песенка? Кто ее сочинил? Где Рич ее услышал? Эксперты сообщили, что охрана была выведена из строя каким-то «ионизатором родопсина». Проверить все исследовательские работы, ведущиеся в этой области. Чем был убит де Куртнэ? Изучить все возможные виды оружия. Выяснить, какие отношения были у Рича с де

Куртнэ. Известно, что они конкурировали. Существовала ли между ними острая, смертельная вражда? Было ли убийство вызвано корыстными соображениями? Страхом? Что именно и в каком размере Рич приобрел в результате кончины де Куртнэ?

— Господи! — ужаснулся Бек. — И все это для блезиру? Мы погорим.

— Возможно. Но не думаю. Рич человек удачливый. Он привык побеждать, и это сделало его самонадеянным. По-моему, он клюнет. Каждый раз, общелкав очередную нашу приманную птичку, он будет думать, что перехитрил нас. Пусть думает. Нам с вами придется публично себя оплевать. Газетчики на нас живого места не оставят. А мы им подыграем. Будем возмущаться. Оправдываться. Делать необдуманные заявления. Иными словами, изображать бестолковых дурней-полисменов. И когда Рич как следует отъестся на наших харчах…

— То вы слопаете Рича, — усмехнулся Бек. — А как быть с девушкой?

— Она — единственное исключение. На ее счет мы не будем темнить. Ее описание и фото должны быть в течение часа разосланы всем полицейским офицерам в стране; кроме того, объявите,

что тот, кто обнаружит ее местопребывание, будет автоматически повышен в должности на пять чинов.

— *Сэр, уставом запрещается повышать в звании более чем на три чина сразу*, — вмешался Мигли.

— Начхать мне на устав, — отрезал Пауэл. — Повышение на пять чинов человеку, который найдет Барбару де Куртнэ. Она мне необходима.

В «Башне Монарха» Рич смахнул со стола саморегистрирующие кристаллы в дрожащие руки своих секретарш.

— Выметайтесь вон отсюда и унесите все это дерьмо, — прорычал он. — С конторской работой отныне справляйтесь без моего участия. Ясно? Меня не беспокоить.

— Мистер Рич, у нас создалось впечатление, что вы намереваетесь скупить акции всех предприятий де Куртнэ в случае его смерти. Если вы…

— Именно этим я сейчас и занимаюсь. И потому прошу мне не мешать. Кончено. Брысь!

Грозно надвинувшись на свою перепуганную свиту, он выставил ее из кабинета, захлопнул дверь и заперся на ключ. Подойдя к видеофону, он набрал В. Д. — 12,232 и с нетерпением ждал отзыва. В конце концов на экране появилось

изображение Джерри Черча, окруженного обломками минувших эпох.

— Вы? — ощерился Черч и потянулся к выключателю.

— Да, я. Постойте, у меня серьезный разговор. Вас по-прежнему интересует восстановление в правах?

Черч недоверчиво взглянул на него.

— А в чем дело?

— Выгорело ваше дело. С нынешнего дня я принимаюсь хлопотать о том, чтоб вас восстановили. Это осуществимо, Джерри. Мне принадлежит Союз Эспер-патриотов. Но и я, в свою очередь, кое-что потребую от вас.

— Ради бога, Бен. Требуйте все, что возможно.

— Мне именно это и нужно.

— Все возможное?

— И невозможное. Да. Неограниченные услуги. Цену вы уже знаете. Ну, по рукам?

— Я согласен, Бен. По рукам.

— Мне будет нужен также Кено Киззард.

— Зачем он вам? Он скользкий человек. Он продаст вас ни за грош.

— Нам нужно увидеться. Место встречи — прежнее. Время тоже. Точь-в-точь как бывало, а, Джерри? Только на этот раз конец будет счаст-

ливый.

В приемной Института Эспер Лиги, куда вошел Линкольн Пауэл, как всегда, толпилась очередь. Сотни энтузиастов обоих полов, всех возрастов, всех классов общества, мечтающие обнаружить у себя магическое свойство, которое превратит их жизнь в сказку наяву, и не имеющие представления о том, какую тяжкую ответственность налагает это свойство на людей, обладающих им. Как всегда, мечты их были так наивны, что Пауэл не мог сдержать улыбки. *Буду читать чужие мысли и сорву на бирже огромный куш…* (Устав Лиги запрещал щупачам заниматься биржевыми спекуляциями.) *Буду читать чужие мысли и узнаю, что отвечать на экзамене* (это школьник, не подозревающий, что для предотвращения такого рода жульничества все экзаменационные комиссии пользуются услугами эспер-инспекторов). *Буду читать чужие мысли и узнаю, кто что обо мне думает… Буду читать чужие мысли и узнаю, какая девушка не прочь… Буду читать чужие мысли и стану жить по-королевски…*

За столом секретарша устало повторяла на широчайшей телепатической волне:

— Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для

служащих».

Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для служащих»...

Одновременно она говорила самоуверенной светской молодой особе с чековой книжкой в руке:

— Нет, мадам. Ваше предложение неосуществимо. Лига не практикует платного обучения. Пожалуйста, возвращайтесь домой, мадам. Мы ничем не можем вам помочь.

Глухая к основному тесту Лиги, женщина сердито повернулась. На ее место встал школьник.

Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для служащих».

Из очереди вдруг вышел молодой негр, нерешительно взглянул на секретаршу и двинулся к двери с табличкой «Только для служащих». Он открыл дверь и вошел. У Пауэла захватило дух. «Скрытые» эсперы большая редкость. Просто здорово, что он оказался здесь в этот момент.

Кивнув секретарше, Пауэл последовал за «скрытым». В кабинете двое служащих с энтузиазмом пожимали руку удивленному молодому человеку и хлопали его по спине. Поздравил его и Пауэл. В

Лиге считался праздником тот день, когда удавалось откопать нового эспера.

Пауэл прошел по коридору в ректорат. Он миновал детский сад, где тридцать детей и десять взрослых переплетали речь и мысли в ужасающе бесформенный клубок. Воспитательница терпеливо передавала: *Всем думать. Думать Обходитесь без слов. Думайте. Не забывайте пресекать речевой рефлекс. Повторяйте за мной первое правило…*

Класс нараспев громко заголосил:

— Забудьте, что у вас есть голос.

Пауэл сморщился и двинулся дальше. Всю стену против дверей детского сада занимала золотая мемориальная доска, на которой были вырезаны слова священной Клятвы Эспера:

«Я обещаю, что обучивший меня этому Искусству станет для меня таким же близким, как отец и мать. Я разделю с ним свое имущество и помогу ему во всем, в чем он испытает нужду. К его отпрыскам я буду относиться как к родным братьям и обучу их этому Искусству всеми возможными способами. Я также буду обучать этому Искусству и всех остальных.

В соответствии со своими суждениями и в полную меру способностей я буду действовать

на благо человечества, а не во вред ему, не ради лжи. И никогда не причиню я мыслью огорчение или боль человеку, даже если он будет просить об этом сам.

В чье бы сознание я ни проник, я это сделаю для блага человечества всегда с самыми чистыми и благородными намерениями Каждый раз, когда я услышу или увижу в чужом сознании не подлежащую огласке мысль, я буду хранить молчание, почитая ее священной тайной».

В аудитории группа третьеступенников обсуждала международные события, с усердием располагая мысли простой плетенкой. Среди старших затесался двенадцатилетний вундеркинд на уровне второй ступени. Он украшал скучную дискуссию причудливыми зигзагами и нанизывал на каждый зубчик произнесенное вслух слово. Слова рифмовались между собой и складывались в ехидные замечания по поводу выступавших. Парнишка был, как говорится, молодой, да ранний, и это получалось у него занятно.

В ректорате стоял дым коромыслом. Все двери настежь, клерки и секретарши носятся сломя голову. Старик Цун Хсай, ректор (он же президент Эспер Лиги), дородный мандарин с бритым чере-

пом и благодушным лицом, пылая гневом, стоял посреди кабинета. Он был так рассержен, что кричал, и произнесенные вслух слова наводили трепет на его служащих.

— Мне плевать на то, как именуют себя эти негодяи, — гремел Цун Хсай. — Для меня они банда себялюбивых и своекорыстных реакционеров. Чистота расы их волнует, вот оно что! Мнят себя аристократами, вот как! Я с ними побеседую. Я дам работу их барабанным перепонкам! Мисс Принн! Мисс При-и-нннн!

Мисс Принн, повергнутая в ужас перспективой устной диктовки, робко пробралась в кабинет.

— Отправьте этим дьяволам письмо. «В Союз Эспер-патриотов. Джентльмены…» *Доброе утро, Пауэл. Сколько вечностей, сколько эпох? Как поживает Нечестивый Эйб?* «…кампания, организованная вашей кликой с целью сокращения доходов Лиги, предназначенных на воспитание новых эсперов и повсеместное распространение эспер-обучения, проникнута духом предательства и фашизма». Абзац…

Вынырнув из глубин своей грозной филиппики, Цун мысленно подмигнул Пауэлу:

— Ну как, нашли вы эспер-девушку своей мечты?

Пока нет, сэр.

Черт бы взял вас, Пауэл. Женитесь! — рявкнул Цун. — Я не намерен торчать тут всю жизнь. С новой строки, мисс Принн: «Вы жалуетесь на обременительность налогов, толкуете о том, что нужно сохранить аристократию Лиги, что среднему индивиду не под силу эспер-обучение…» *Что вы хотели, Пауэл?*

— Воспользоваться тайной сигнальной сетью, сэр.

— Так не отвлекайте меня. Поговорите с моей секретаршей-два. С новой строки, мисс Принн: «Почему бы вам не высказаться откровенно? Вы паразиты, которые решили сохранить телепатические дарования в пределах ограниченного круга и, присосавшись, вытягивать соки из остальной части человечества. Вы пиявки…»

Пауэл деликатно притворил за собой дверь и повернулся ко второй секретарше, которая тряслась мелкой дрожью в углу.

— Вы в самом деле так боитесь?

Образ подмигивающего глаза.

Образ трясущегося мелкой дрожью вопросительного знака.

— Когда папаша Цун развоюется, мы всегда делаем вид, что умираем от страха. Это его

утешает. Он терпеть не может, когда ему напоминают, что он Санта Клаус.

— Кстати, я тоже Санта Клаус. Положите это в свой рождественский чулок.

Пауэл опустил на стол описание примет и фотокарточку Барбары де Куртнэ.

— Какая красавица! — воскликнула секретарша.

— Отправьте все это по тайной сети. Индекс: срочно. За выполнение награда. Пустите слух, что щупач, который найдет Барбару де Куртнэ, на год освобождается от налогов.

— Ой ты! — секретарша так и подпрыгнула. *— Вам это позволят?*

— Думаю, что я смогу провернуть такое предложение в Совете.

— От такого предложения вся наша сеть взовьется.

— Я этого и хочу. Пусть взовьется каждый щупан. Единственный рождественский подарок, о котором я мечтаю, — сведения об этой девушке.

Казино Киззарда было убрано и вычищено до блеска во время обеденного перерыва, единственного перерыва, который позволяют себе игроки. Со столов для рулетки и ЭО была стерта пыль, «птичья клетка» сверкала, зеленели карточные

столики. В хрустальных шарах поблескивали, как кусочки сахара, игральные кости. На конторке кассира выстроились соблазнительные столбики соверенов, расхожей монеты уголовников и игроков.

Бен Рич сидел возле биллиардного стола с Джерри Черчем и Кено Киззардом, слепым крупье. Киззард был огромный, рыхлый человек, толстый, с огненно-рыжей бородой, мертвенно-белой кожей и недобрыми, мертвенно-белыми глазами.

— Цену вы уже знаете, — говорил Рич, обращаясь к Черчу. — Но предупреждаю вас, Джерри. Если вы желаете себе добра, не пытайтесь меня прощупать. Для вас это опасно, это смертельно опасно для вас. Если вы заберетесь мне в голову, вам останется только один путь — к Разрушению. Поберегитесь.

— Иисусе, — недовольно сказал Киззард, — вон, значит, какие пироги? Нет, Рич, Разрушение меня совсем не прельщает.

— Вы не оригинальны. Что же вас прельщает, Кено?

— Вопрос! — Кено протянул назад руку, уверенным движением снял с конторки стопку соверенов и пересыпал их в ладонь другой руки.

Монеты хлынули звонкой струйкой. — Вот что меня манит.

— Назовите самую высокую цену, которая придет вам в голову, Кено.

— Цену за что?

— Неважно. Я покупаю у вас услуги, не ограниченные никакими лимитами, и плачу сполна. А вы мне говорите, сколько с меня причитается, чтобы их… оплатить.

— Многовато же причитается с вас.

— Не разорюсь.

— Сотня «кусков» сыщется у вас в кубышке?

— Сотня тысяч. Вас устроит такая цена?

— Силы небесные! — У Черча чуть глаза на лоб не выскочили. — Сто тысяч?

— Ну, решайтесь, Джерри, — насмешливо проворчал Рич, — что вас больше привлекает — деньги или восстановление в правах?

— Да с этаким богатством я, пожалуй… хотя. Нет! Я с ума сошел. Восстановление в правах.

— Тогда перестаньте скулить. — Рич повернулся к Киззарду. — Итак, цена — сто тысяч.

— В соверенах?

— А в чем же еще? Теперь скажите, вы сразу приступите к делу или хотите, чтобы я вам сперва заплатил?

— Бог с вами, Рич, — ответил Киззард.

— Не виляйте, — прикрикнул Рич. — Я вас знаю, Кено. Вы решили разнюхать, чего я хочу, а потом вступить со мной в торг. Договоримся сразу. Я вам поэтому и позволил назначить вашу собственную цену.

— М-м-да, — пожевал губами Киззард. — Ваша правда. Была у меня такая идея, Рич. — Он улыбнулся, и его молочно-белые глаза скрылись в складках кожи. — Была и… осталась.

— Тогда я сразу вам посоветую, кому предложить товар. Покупателя зовут Линкольн Пауэл. Я, правда, к сожалению, не знаю, чем он будет вам платить.

— Чем бы он ни платил, от Пауэла мне ничего не нужно, — отрезал Киззард.

— Не я, так он, Кено. Нас только двое в аукционе. Я назначил цену. Теперь слово за вами.

— По рукам, — решился Киззард.

— Отлично, — сказал Рич. — Теперь послушайте меня. Прежде всего вам нужно найти одну девушку. Ее имя Барбара де Куртнэ.

— Убийство? Так и знал, — сказал Киззард, угрюмо кивнув головой.

— У вас есть возражения?

Киззард пересыпал из руки в руку звонкие зо-

лотые монеты и помотал головой.

— Найти ее необходимо. Вчера вечером она выскочила из Бомон Хауза, и ни одна душа не знает, где она сейчас. Найдите мне ее, Кено. Найдите прежде, чем до нее доберется полиция.

Киззард кивнул.

— Ей лет двадцать пять. Рост — немного выше среднего. Вес приблизительно фунтов сто двадцать. Стройная фигура. Тонкая талия. Длинные ноги…

Жирные губы жадно улыбнулись Блеснули мертвенно-белые глаза.

— Волосы желтые. Глаза черные. Овал лица — сердцевидный. Полные губы, нос с горбинкой… Запоминающееся лицо. На нее посмотришь — словно электричеством ударит.

— Одежда?

— Когда я ее видел в последний раз, на ней был шелковый халатик. Белый, полупрозрачный… как заиндевевшее окно. Ни туфель, ни чулок, ни драгоценностей, ни шляпы. Она была как ненормальная… вылетела из дома, и след простыл. Разыщите ее и доставьте мне. — Что-то заставило его добавить: — В полной сохранности, понятно?

— Такой товар без утруски? Будьте человеком, Рич. — Киззард облизал свои жирные губы. — Не

получится это у вас. У нее не получится.

— Найдите ее, не теряя времени, и все получится. Сто «кусков» — приз за скорость доставки.

— Мне, наверное, придется перерыть все наше городское «дно».

— Ну что ж. Обшарьте все публичные дома, притоны и «малины». Включите в дело тайную сигнальную сеть. За мной не пропадет. Только без лишних разговоров. Мне нужна девушка, и больше ничего. Понятно?

Продолжая позвякивать золотом, Киззард кивнул:

— Я вас понял.

Внезапно Рич, перегнувшись через стол, стукнул ребром ладони по жирным рукам Киззарда. Соверены звякнули и раскатились по всем четырем углам.

— Только не вздумайте меня дурачить, — пригрозил Рич. — Мне очень нужна эта девушка.

Глава VIII

Сражение длится семь дней.

Всю неделю наносятся и отражаются удары, броски наталкиваются на оборону, но все эти стычки происходят на поверхности, в то время как в самых глубинах взбаламученных вод безмолвно, как акулы, кружат Пауэл и Огастес Тэйт, дожидаясь, когда начнется настоящая борьба.

Переодетый в штатское начальник патруля считал, что всего лучше захватить противника врасплох Он подстерег Марию Бомон в театре во время антракта и, к ужасу ее спутников, вдруг заорал:

— Знаю я ваши штуки! Вы в сговоре с убийцей У вас все подстроено. Иначе для чего бы вы затеяли игру в «Сардинки»? А ну выкладывайте все как есть!

Золоченая Мумия взвизгнула и убежала. Недотепа ринулся за ней в погоню, не подозревая, что в этот момент его тщательно и глубоко прощупывают.

Тэйт Ричу: Полисмен говорил правду. В его отделе Марию считают сообщницей убийцы.

Рич Тэйту: Очень хорошо. Бросим ее на съе-

дение волкам. Пусть полисмены заберут ее. И в результате мадам Бомон осталась без защиты. Убежищем она избрала не что иное, как биржу — главный источник доходов семейства Бомон. Там ее и обнаружил через три часа ретивый начальник патруля и препроводил в мясорубку, называемую Отделом Прощупывания Побуждений. Он не знал, что, спрашивая Марию, начальник отдела переговаривался с сидевшим в смежной комнате Пауэлом.

Пауэл своим секретарям: Она нашла эту игру в старинной книге, подаренной ей Ричем.

Книга, возможно, куплена в «Столетии». У них бывает такой товар. Сообщить всем агентам. Купил ли он книгу случайно? Проверить также Грэхема, оценщика. Выяснить, как получилось, что единственный в книге удобочитаемый текст оказался описанием игры в «Сардинки». Старый Моз все это пожелает знать. И наконец, где девушка?

Переодетый в штатское автоинспектор был сторонником обходных маневров. Явившись в аудиокнижный магазин «Столетие», он стал канючить:

— Мне нужны старые книги с описанием различных игр. Что-нибудь вроде той, которую у

вас спрашивал на той неделе мой закадычный друг Бен Рич.

Тэйт Ричу: Прощупывание показало, что их интересует купленная вами для Марии книга.

Рич Тэйту: Там все шито-крыто. Пусть проверяют. А я займусь вплотную поисками этой девушки.

Служащие магазина «Столетие» так обстоятельно отвечали на деликатные расспросы Недотепы, что почти все покупатели, потеряв терпение, ушли. Остался лишь один: сидя в углу, он увлекся прослушиванием музыкальной записи и не заметил, что рядом с ним нет никого из продавцов. Никто не знал, что слух Джексона Бека был совершенно невосприимчив к музыке.

Пауэл секретарям: По всей вероятности, Рич нашел эту книгу случайно. Наткнулся на нее, когда искал подарок для Марии Бомон. Сообщить всем агентам. И где эта девушка?

На совещании в рекламном агентстве, занятом распространением прыгунов «Монарха»: «Единственный в своем роде семейный аэромобиль» — Рич выдвинул новую программу рекламирования.

— Вы обратили внимание, — сказал он, — что люди всегда очеловечивают окружающие их

предметы. Наделяют их человеческими чертами. Придумывают им ласковые прозвища да и обращаются с ними как с комнатными животными. Покупатель охотней приобретает прыгуна, если тот внушит ему приязнь. Ему плевать на мощность и на скорость. Он хочет любить свою машину.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Нашего прыгуна нужно очеловечить, — продолжал Рич. — Объявим конкурс на звание «прекрасной покровительницы прыгунов Монарха». Тогда в воображении наших покупателей и машина как бы будет олицетворять свою прекрасную покровительницу.

— Великолепно! — вскричал руководитель агентства. — Мистер Рич, это идея глобального размаха. Нам с нашими идейками до вас, что до небес.

— Немедля приступите к поискам прекрасной покровительницы прыгунов. Включите в дело всех продавцов и коммивояжеров. Прочешите весь город. Мне эта девушка представляется так: лет около двадцати пяти. Рост выше среднего, вес фунтов сто двадцать? Хорошо сложена. Обаятельна.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Пусть она будет блондинка с темными глазами. Полные губы. Красивый нос. Вот тут я набросал ее воображаемый портрет. Ознакомьтесь, размножьте и передайте вашим огольцам. Того, кто найдет такую девушку, как я задумал, ожидает повышение.

Тэйт Ричу: Я прощупал полицейских. Они собираются подослать в «Монарх» своего человека, чтобы выявить связи между вашими и оценщиком Грэхемом.

Рич Тэйту: Пусть их. Связи между нами нет, к тому же Грэхем укатил из города. Нечего сказать, додумались! Я считал Пауэла умнее. Очевидно, я его переоценивал.

Переодетый в штатское сержант в порыве служебного рвения решил прибегнуть к услугам пластической хирургии. Не теряя времени, он обзавелся новенькой физиономией монгольского типа и устроился на работу в бухгалтерию фирмы «Монарх», где рассчитывал обнаружить финансовую зависимость, связывающую оценщика Грэхема с Ричем. Ему и в голову не приходило, что его намерение было сразу же прощупано начальником отдела найма, который сообщил об этом выше, а «выше» только усмехнулись.

Пауэл секретарям: Наш остолоп пытался разыс-

кать следы взяточничества среди финансовых отчетов «Монарха». Это заставит Рича потерять к нам уважение на пятьдесят процентов и соответственно сделает его на пятьдесят процентов уязвимее. Сообщить всем агентам. Где девушка?

На заседании редакционной коллегии «Ауэр», единственной на земле ежечасной газеты (двадцать четыре выпуска в сутки), Рич объявил о новом благотворительном начинании «Монарха».

— Мы назовем его «Убежище», — объявил он, — Мы предлагаем помощь, уход и пристанище миллионам несчастных этого города, попавшим в беду. Если вы лишились крова, потерпели банкротство, стали жертвой шантажа или мошенничества… Если вы чего-либо боитесь и не знаете, куда обратиться… Если вы в отчаянии… Вспомните об «Убежище».

— Потрясающий почин, — сказал главный редактор, — но вы ухлопаете на него уйму денег. Зачем вам это?

— Для рекламы, — огрызнулся Рич. — Напечатать в ближайшем же выпуске. Ясно?

Рич вышел из редакции, спустился на улицу и вошел в кабину видеофона-автомата. Он позвонил в Зал Отдыха и дал подробные распоряжения

Эллери Уэсту.

— Пусть в каждой конторе «Убежища» сидит наш человек. Немедленно пересылать мне описание и фото всех просителей! Вы слышите, Эллери? Тотчас же пересылать, ни секундой позже!

— Я ни о чем не спрашиваю, Бен, но сожалею, что не могу вас прощупать.

— Я, кажется, вызвал ваше подозрение? — вспыхнул Рич.

— Нет, просто любопытство.

— Боритесь с ним, оно к добру не приведет.

Когда Рич вышел из кабинки, какой-то нескладный субъект ринулся к нему как одержимый.

— О, мистер Рич! Что за счастливая случайность! Я только что услышал об «Убежище» и как раз подумал, что интервью с инициатором этой восхитительной новой кампании представляет большой человеческий интерес для…

Счастливая случайность! Чудаковатый тип был знаменитый эспер-репортер из «Индастриэл критик». Наверно, выследил его и… *Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!*

— Мне нечего вам сообщить, — промямлил Рич. — *Три, два, раз, а ну еще! Три четыре — горячо!*

— Какие воспоминания детства породили в

вашем сердце острую жажду…

— И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз…

— Был у вас в жизни случай, когда вы не знали, куда обратиться? Вам угрожала смерть, убийство? Или, может…

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

В этот момент к стоянке подлетел общественный прыгун. Рич нырнул в него и скрылся.

Тэйт Ричу: Полиция всерьез занялась поисками Грэхема. Вся их лаборатория ищет оценщика. Не знаю, что там взбрело Пауэлу в голову, но он явно взял фальшивый след. По-моему, наш коэффициент безопасности возрастает.

Рич Тэйту: Мы сможем чувствовать себя спокойнее только тогда, когда найдем девушку.

Маркус Грэхем скрылся в неизвестном направлении, задав немало хлопот шести недоделанным роботам-следопытам. Их недоделанные создатели ринулись каждый вслед за своим детищем в разные части Солнечной системы. Маркус Грэхем тем временем прибыл на Ганимед, где на аукционе антикварных книг, проводимом с бешеной скоростью щупачом-аукционщиком, его застукал Пауэл. Примитивные старинные книги,

распродававшиеся с аукциона, были получены из библиотеки «Дрейка», обширного поместья, унаследованного Беном Ричем от матери. Их появление на книжном рынке явилось полной неожиданностью.

Пауэл беседовал с Грэхемом в фойе аукциона, расположенного против хрустальной стены космического порта. Вокруг простиралась арктическая тундра Ганимеда, и почти все черное небо заполнял перепоясанный красновато-коричневый силуэт Юпитера. Затем Пауэл отправился обратно на Землю, и за две недели пути чары красотки-стюардессы заставили Нечестивого Эйба проявить себя не с лучшей стороны. Пауэл вернулся в свою штаб-квартиру в довольно подавленном настроении, и Фигли, Мигли и Провернулл скабрезно перемигивались.

Пауэл секретарям: Номер пустой. Не знаю, для чего понадобилось Ричу спроваживать оценщика на Ганимед.

Бек Пауэлу: Что выяснилось насчет книги?

Пауэл Беку: Рич купил ее, отослал на оценку и преподнес в подарок. Книга была в скверном состоянии, поэтому единственной игрой, которую могла выбрать Мария, оказались «Сардинки». Для Моза этого, конечно, недостаточно. Уж я-то знаю,

как работают мозговые извилины этой машины. Вот черт!

И где, наконец, девушка?

Трое переодетых в штатское агентов один за другим попытались подъехать к мисс Даффи Уиг, один за другим были разбиты наголову и с позором удалились. Тогда за дело принялся сам Пауэл и, встретившись с мисс Уиг на «бале» 4000, совершенно очаровал ее.

Пауэл сотрудникам: Я говорил с Эллери Уэстом из «Монарха», и он подтверждает показания мисс Уиг. Уэст и в самом деле жаловался Ричу на картежников. Похоже, что Рич случайно подцепил этот мыслеблок, когда заказывал антикартежные куплеты. Что выяснено о штуковине, которой Рич заколдовал охрану? И где эта девушка?

В ответ на злобные нападки и насмешки прессы Комиссар Крэбб устроил пресс-конференцию для избранного круга журналистов, которым сообщил, что криминалистическими лабораториями разработана новая техника расследования. Это позволит, сказал комиссар Крэбб, справиться с делом де Куртнэ в двадцать четыре часа. Фотографический анализ зрительного пурпура, находящегося в глазу покойника, позволит воспроизвести портрет убийцы. Ученые, работа-

ющие над проблемой родопсина, будут опрошены полицией.

Рич, которому совсем не улыбалось, чтобы допросу полицейских подвергся Уилсон Джордан, физиолог, создавший для «Монарха» ионизатор родопсина, Позвонил Кено Киззарду и попросил помочь ему выманить доктора за пределы планеты. Чтобы это осуществить, Рич изобрел одну уловку.

— У меня есть имение на Каллисто, — сказал он. — Я ликвидирую свое право владения и подстрою так, что юридически Джордан сможет претендовать на него.

— А я его об этом извещу? — брюзгливо спросил Киззард.

— Нет, лучше действовать не так открыто, Кено. Чтобы не наследить, сделаем так: вы позвоните Джордану, притворившись, что хотите нагреть на этом деле руки. А остальное пусть он выясняет сам.

Вскоре после этого разговора Уилсону Джордану позвонил какой-то неизвестный и с деланным равнодушием брюзгливым голосом спросил, не продаст ли доктор Джордан по умеренной цене свою долю поместья «Дрейк» на Каллисто. Брюзгливый полос показался подозрительным доктору

Джордану, отродясь не слыхавшему о поместье «Дрейк», и он позвонил своему адвокату. Так он узнал, что только что сделался претендентом на полмиллиона кредиток. Через час ошеломленный физиолог вылетел на Каллисто.

Пауэл секретарям: Одного мы спугнули. Думаю, что именно от Джордана мы сможем узнать все связанное с родопсином. Доктор Джордан — единственный из ученых, работающих в области глазной физиологии, который скрылся после заявления, сделанного на пресс-конференции комиссаром Крэббом. Передайте Беку приказ разыскать Джордана на Каллисто и все выяснить. Что слышно о девушке?

Между тем давно уже неприметно включилась в работу вторая линия операции «Недотепа и Ловкач». В то время, когда Рич, посмеиваясь, наблюдал за перипетиями панического бегства Марии, из юридического отдела «Монарха» весьма искусно выманили на Марс молодого способного адвоката и втихомолку придержали его там, предъявив устарелое, но не утратившее законной силы обвинение в безнравственности. Служебные обязанности молодого юриста выполнял тем временем двойник, с которым они были схожи как две капли воды.

Тэйт Ричу: Проверьте ваш юридический отдел. Не могу прощупать, что там происходит, но дело нечисто. Это опасно.

Под предлогом текущей проверки Рич пригласил эспер-инспектора-1 по определению квалифицированности кадров и установил подмену. Тогда он обратился к Кено Киззарду. Слепой крупье сыскал субъекта, который тут же подал в суд жалобу на способного молодого юриста за злоупотребление служебным положением. Так безболезненно и благовидно была пресечена связь двойника с «Монархом».

Пауэл секретарям: А, черт! Снова опростоволосились. Рич захлопывает у нас прямо перед носом все двери. Продолжаем операцию «Недотепа и Ловкач». Узнайте, кто добывает для него сведения, и, кстати, узнайте наконец, где эта девушка.

Пока переодетый в штатское сержант с благоприобретенной азиатской физиономией рылся в бухгалтерских отчетах «Монарха», в лабораторию компании вернулся из больницы пострадавший во время взрыва сотрудник. Он возвратился на неделю раньше срока, и хотя был весь в бинтах, стремился поскорее приступить к работе. Добрый старый «монархистский» дух.

Тэйт Ричу: Я наконец их раскусил. Пауэл не так

глуп. Он ведет расследование по двум линиям параллельно. Не обращайте внимания на ту, что заметна. Следите за скрытой. Я прощупал, что с больницей что-то нечисто. Проверьте.

Рич проверил. Проверка заняла три дня, а затем он снова позвонил Кено Киззарду. Сразу же после этого в лабораторию «Монарха» наведались взломщики, которые унесли с собой на 50 тысяч кредиток лабораторной платины, перевернув вверх дном и приведя в негодность секретный отдел. Вскоре выяснилось, что забинтованный энтузиаст-лаборант оказался самозванцем, его разоблачили и как сообщника грабителей передали в руки полиции.

Пауэл сотрудникам: Иными словами, нам не удалось доказать, что Рич взял ионизатор родопсина из своей собственной лаборатории. Ума не приложу, как ему удалось разловкачить нашего Ловкача? Обе наши линии слежки перекрыты. И где, наконец, девушка?

В то время как Рич потешался над нелепой погоней роботов за Маркусом Грэхемом, дирекция «Монарха» приветствовала континентального налогового инспектора, эспера-2, давно уже собиравшегося обследовать документацию компании «Монарх. Предприятия общественного пользо-

вания, инкорпорейтид». В числе помощников инспектора была щупачка, состоявшая при шефе в качестве «негра», — она писала для него отчеты. Эта особа привыкла выполнять специальные задания… главным образом задания полиции.

Тэйт Ричу: Помощники нашего инспектора не вызывают у меня доверия. Будьте осторожней.

Рич злорадно усмехнулся и передал помощникам инспектора открытую документацию. После этого он отправил своего старшего шифровальщика Хэссопа в обещанный отпуск на Космическую Ривьеру. Хэссоп любезно согласился прихватить с собой среди обычных фотопринадлежностей маленькую кассету с проявленной пленкой. В кассете содержалась секретная документация «Монарха», помещенная в термоизоляционную оболочку. Чтобы не испортить запись, пленку следовало вынимать совершенно особым способом. Единственный запасной экземпляр пленки находился в доме Рича, в его недоступном сейфе.

Пауэл сотрудникам: Пожалуй, это конец. Но все-таки пошлите вслед за Хэссопом два хвоста — Ловкача и Недотепу. Возможно, он увез с собой серьезные улики; и Рич, наверно, позаботился, чтобы они не попали к нам в руки. Полный провал, скажу я вам. Старина Моз наверняка скажет

то же самое. Да вы и сами видите. Силы небесные! Куда же, наконец, девалась чертова девчонка?

Как на анатомической схеме кровеносной системы, где артерии нарисованы красным, а вены — синим, по городу раскинулись две сети — заброшенная Пауэлом и заброшенная Ричем. Ректорат Эспер Лиги сообщил приметы Барбары де Куртнэ инструкторам и студентам, те передали их своим друзьям, затем друзьям друзей, знакомым, сослуживцам. Из казино Киззарда запрос пошел гулять от крупье к игрокам, к шулерам и к гангстерам, к мелким воришкам, к хулиганам и жуликам и их дружкам, еще не успевшим перешагнуть грани закона.

В пятницу утром Фред Дил, эспер-3, проснулся, встал, принял душ, позавтракал и отправился на службу. Он работал старшим дежурным по этажу *в* Межпланетном банке на Мейден-Лейн, обменивающем марсианскую валюту. На станции пневматической дороги Фред задержался, чтобы купить сезонку, и перекинулся словцом с девушкой из справочного, эспер-3, которая сообщила ему о поисках Барбары де Куртнэ. Ее телепатически переданный портрет запечатлелся в его памяти как моментальный фотоснимок — головка, обрамленная кредитными билетами.

В пятницу же утром Сним Ази проснулся, разбуженный громкими воплями: хозяйка дома Чука Фруд требовала, чтобы Сним заплатил наконец за квартиру.

— Да отстань ты, Чука, — отругивался Сним. — Мало, что ли, ты гребешь монет с этой своей желтоволосой психой, которую ты намедни подцепила? Этот ваш рэкет с привидениями в подвале — чистые золотые прииски. Чего же ты от меня-то хочешь?

Чука Фруд возразила на это, что а) девушка с желтыми волосами совсем не сумасшедшая, она настоящий медиум; б) сама она (Чука) не занимается рэкетом, она гадалка с патентом; в) если он (Сним) не рассчитается сегодня же за кров и хлеб, которыми бесплатно пользовался полтора месяца, то она (Чука) сумеет предсказать его судьбу без всяких затруднений. Сним вылетит на улицу.

Сним вылез из постели и, так как был уже одет, сразу отправился в город раздобыть несколько кредиток. Было еще слишком рано для того, чтобы идти в казино к Киззарду и пытаться что-то выклянчить у более удачливых клиентов. Сним хотел проехать «зайцем» на «пневматичке», но щупач-кондуктор его выгнал, и пришлось идти пешком. До ссудной кассы Джерри Черча был

порядочный конец, зато в кассе лежало заложенное Снимом золотое карманное пианино, украшенное жемчужинками, и он надеялся упросить Джерри выплатить ему еще хоть соверен в счет залога.

Черч куда-то ушел по делу, а приказчик ничего не мог сделать для Снима. Они немного поболтали. Сним поплакался приказчику на старую каргу хозяйку — сама купается в деньгах с тех пор, как завернула этот свой новый гадальный рэкет с призраками, да еще его пытается доить. Толстокожий приказчик не раскошелился даже на чашку кофе Сним ушел.

Когда в кассу ненадолго заглянул Джерри Черч, весь день как безумный колесивший по городу в поисках Барбары де Куртнэ, приказчик рассказал ему о посещении Снима и об их разговоре. То, чего приказчик не смог рассказать, Черч прощупал, чуть не свалившись в обморок, он с трудом добрел до телефона и позвонил Ричу. Рича нигде не было. Черч судорожно перевел дыхание и позвонил Кено Киззарду.

Снима тем временем начинало охватывать чувство отчаяния. Оно и натолкнуло его на шальную мысль — попытать счастья в каком-нибудь банке. Сним поплелся на Мейден-Лейн. Будучи

человеком недалеким, он избрал полем своей деятельности Межпланетный банк, где обменивалась марсианская валюта. Банк выглядел старомодным и провинциальным. Сним не знал, что только очень богатые и могущественные учреждения могут позволить себе иметь неказистый вид.

Сним вошел в банк, пересек заполненный людьми центральный зал, направляясь к конторкам, которые длинным рядом выстроились против касс, и потихоньку стащил толстую пачку бланков и авторучку. Когда Сним выходил из банка, Фред Дил мельком взглянул на него и небрежно махнул рукой своим подручным.

— Видали поганца? — Он указал на Снима, проскользнувшего через главный вход. — Этот тип собирается провернуть махинацию с «пересчетом».

— Задержать его, Фред?

— А что толку? Не выйдет у нас, он полезет куда-то еще. Пока не вмешивайтесь. Возьмем его с поличным, тогда хоть будет за что его притянуть. Пусть отдохнет голубчик. В Кингстоне места хватит.

Не подозревая об этом разговоре, Сним притаился у входа в банк, внимательно наблюдая

за кассами. У кассы Z стоял какой-то важный господин. Кассир вручал ему крупные пачки бумажных денег. Вот бы эту «рыбку» ему на крючок. Сним торопливо сбросил пиджак, закатал рукава рубахи и сунул ручку за ухо.

Когда «рыбка», пересчитывая деньги, выплыла из банка, Сним незаметно подкрался сзади и тронул свою жертву за плечо.

— Извините, сэр, — заговорил он бойко Я из отдела Z. Боюсь, что наш кассир по ошибке обсчитал вас. Вы, может быть, вернетесь, чтобы мы произвели пересчет? — Помахивая пачкой бланков, Сним грациозно вымел деньги из-под «рыбкиного» плавника и повернулся ко входу в банк, — Пожалуйте сюда, сэр, — пригласил он услужливо. — Вам недодали целую сотню кредиток.

Когда удивленный вкладчик двинулся следом за ним, Сним деловито прошмыгнул в зал и, смешавшись с толпой, направился к боковому выходу. Он бы наверняка успел благополучно смыться, прежде чем «рыбка» уразумела, что попалась на удочку. Но тут вдруг чья-то грубая рука сграбастала Снима за шиворот, резко крутнула, и он оказался лицом к лицу с дежурным по этажу. В одно мгновение в смятенном сознании

Снима промелькнули потасовка, побег, взятка, суд, Кингстонский госпиталь, старая сука Чука Фруд со своей желтоволосой призрачной девкой, карманное пианино и тот ротозей, у которого он его свистнул. Потом он скис и расплакался.

Щупач-дежурный отшвырнул его к другому служащему в форме и закричал:

— Подержите-ка его, ребята! Ну, братцы, я разбогател!

— За этого огарка полагается награда, Фред?

— Не за него. За то, что у него в башке. Я иду звонить в Лигу.

В конце дня в пятницу, почти в один и тот же момент Бен Рич и Линкольн Пауэл получили совершенно одинаковое сообщение: девушку, соответствующую описанию Барбары де Куртнэ, можно найти у гадалки Чуки Фруд, 99, Бастион Уэст Сайд.

Глава IX

Знаменитый Бастион Уэст Сайд, последний оплот американцев во время осады Нью-Йорка, решено было сохранить в качестве памятника войны. Десять акров изувеченной земли должны были до скончания веков служить горькой эпитафией безумству, породившему последнюю войну. Но последняя война, как водится, оказалась предпоследней, и мало-помалу бездомный люд заселил и приспособил для жилья руины, превратив разрушенные здания и выжженные переулки Бастиона Уэст Сайд в какие-то фантастические трущобы.

Номер 99 представлял собой выпотрошенное помещение керамической фабрики. Снаряды, рвавшиеся один за другим среди многотысячного скопления синтетической керамики, расплавили сосуды и расплескали вокруг яркую радужную массу, превратив внутренность дома в подобие лунного кратера. В каменные стены вплавились желтые, ярко-красные, фиолетовые, бирюзовые и бурые гигантские кляксы. Извергнутые из дверей и окон оранжевые, малиновые и пурпурные струи исполосовали размашистыми мазками

ближние мостовые и развалины. Это здание и стало Радужным Домом Чуки Фруд.

Верхние этажи кое-как зачинили, настроили перегородок и превратили эту часть здания в составленный из множества каморок лабиринт, такой запутанный и сложный, что ориентироваться в нем могла лишь Чука, да и та порою путалась. Ловить здесь кого-нибудь было совершенно безнадежным делом, так как, перебираясь из ячейки в ячейку, беглец мог с легкостью скрываться от своих преследователей до тех пор, пока у них не кончится терпение. Эта необычность планировки ежегодно приносила Чуке немалый доход.

Нижние этажи были отведены под знаменитый «Парадиз», куда стекались люди, наделенные всеми возможными пороками, и где их принимал квалифицированный консультант, который за достаточную сумму находил способ удовлетворить всех алчущих, а временами изобретал и новые пороки для пресыщенных. Но самой доходной частью предприятия являлся подвальный этаж дома, где жила Чука Фруд.

Обстрелы, превратившие здание в радужный кратер, растопили всю имевшуюся на заводе керамику, металл, пластик и стекло. Расплав-

ленная смесь просачивалась с этажа на этаж и наконец скопилась в подвале, где залила весь пол и, затвердев, образовала светящуюся кристаллическую массу, откликающуюся странным поющим звуком на каждое движение и шум.

Путь к Бастиону был небезопасен, но игра стоила свеч. Вы пробирались по кривым переулкам, пока не натыкались на оранжевую полосу, зигзагами устремлявшуюся к дверям Радужного Дома Чуки. У порога вас встречал чопорный мужчина в парадном костюме двадцатого века и спрашивал: «Парадиз или предсказание, сэр?» Если вы отвечали: «Предсказание», вас вели к двери какого-то склепа, взимали огромную плату и вручали фосфорную свечу. Держа ее в поднятой руке, вы спускались по крутой каменной лестнице. У основания лестница круто поворачивала, и вашим глазам представал длинный и широкий сводчатый погреб, залитый озером поющего огня.

Вы ступали на поверхность озера. Она была гладкой и скользкой. Под поверхностью мягко искрились и мерцали сполохи Северного сияния. Кристаллическая гладь озера отзывалась на каждый шаг приглушенными мелодичными аккордами, которые долго трепетали в воздухе, подобно тому как разливается звон бронзовых ко-

локольчиков. Даже если вы сидели неподвижно, озеро продолжало петь, откликаясь на вибрации, доносившиеся с отдаленных улиц.

На каменных скамьях, расположенных вдоль стен, уже дожидались другие клиенты, каждый с фосфорной свечой в руке. Они сидели присмиревшие, испуганные, и у зрителя внезапно возникала мысль, что они похожи на святых — окружены сиянием, и каждое их движение сопровождает музыка. Свечи сияли как звезды в морозную ночь.

Жгучая, трепещущая тишина захватывала вас, и вы ждали молча, пока не раздавался звон серебряного колокола. Он повторялся вновь и вновь, озеро откликалось на этот звон мелодией и переливами внезапно сделавшихся ослепительно яркими сполохов. И вот в каскаде пламенеющей мелодии в подвал входила Чука Фруд и направлялась на середину озера.

— И тут иллюзия кончается, — пробормотал Линкольн Пауэл.

Лицо у Чуки было грубое: толстый нос, пустые глаза, бесформенный рот. Яркие сполохи, которые пробегали по ее лицу и фигуре, плотно закутанной в какую-то хламиду, не могли скрыть того, что старуха при всем своем незаурядном

честолюбии, изобретательности и жадности совершенно лишена проницательности и чутья.

«Может, она хоть играть умеет», — подумал Пауэл.

Чука остановилась на середине озера — вульгарная трущобная Медуза — и задрала вверх руки, должно быть стараясь вложить в этот жест мистическую опасность.

«Нет, и играть не умеет», — заключил Пауэл.

— Я пришла сюды, — хриплым голосом нараспев завела Чука, — чтобы помочь вам заглянуть в глубину ваших сердец. Все вы пришли сюды из-за того, что чего-то хочете. Пусть заглянет к себе в сердце и та, что хочет… — Чука замялась, потом продолжала: — Хочет отомстить человеку с Марса по имени Зерлен… и тот, кто хочет иметь любовь с красноглазой женщиной с Каллисто… и тот, кто хочет получить все кредитки богатого дядюшки из Парижа… и тот…

— Вот так номер! Бабка-то щупачка!

Чука оцепенела, разинув рот.

— Ты принимаешь мои мысли, так ведь, Чука Фруд?

От испуга ее телепатический отклик был бессвязным, отрывочным. Чука явно никогда не тренировала свой природный дар.

— Чево?.. Как?.. Это который… ты?

Очень тщательно, словно общаясь с третьеступенным младенцем, Пауэл проскандировал:

— Имя: Линкольн Пауэл. Занятие: префект полиции. Намерение: допросить девушку по имени Барбара де Куртнэ. Я слышал, что она участвует в твоем представлении.

Пауэл мысленно передал изображение девушки.

Чука сделала жалкую попытку за блокироваться.

— Уйди отсюда! Вон! Уходи вон! Уйди! Уйди вон! Вон…

— Почему ты не явилась а Лигу? Почему не общаешься со своими?

— Вон отсюда! Уходи! Щупач! Пошел вон!

— Ты тоже щупачка. Отчего ты не пришла к нам учиться? Разве это жизнь? Шаманство…. Заглядываешь разным дуракам в мозги и изображаешь гадалку. У нас для тебя нашлась бы настоящая работа, Чука…

— Настоящие деньги?

Пауэл подавил закипевшее в нем раздражение Он сердился не на Чуку. Его возмущала безрассудная сила эволюции, которая наделяла людей все большим могуществом, не освобождая их

от пороков, мешающих воспользоваться этим могуществом.

— Мы поговорим об этом позже, Чука. Где девушка?

— Нету. Никакой девушки нету.

— Не глупи. Прощупаем твоих клиентов вместе Вот, например, этот старый козел, помешанный на красноглазой… — Пауэл осторожно его исследовал, *— Он здесь уже бывал. Он ждет, когда появится Барбара де Куртнэ. Ты наряжаешь ее в платье с блестками. Она должна здесь появиться через полчаса. Ему приятно на нее смотреть. Когда она тут появляется, его в жар бросает. Ее платье распахивается, обнажая тело, и ему это нравится. Она…*

— Он ненормальный. Я никогда….

— Теперь женщина, с которой так по-свински обошелся человек по имени Зерлен. Она не раз видела девушку. Она ей верит. Она ждет ее. Где эта девушка, Чука?

— Нету!

— А, понятно! Наверху. Где именно наверху? Не пробуй заслоняться, я прощупываю глубже. Ты не можешь наврать первому… Ага, так, так… Четвертая комната влево от поворота. Ну и запутанный же у тебя лабиринт! А ну-ка еще раз

для верности...

Беспомощная и униженная, Чука вдруг завопила:

— Пошел воя отсюда, чертов фараон! Убирайся!

— Не нужно сердиться, — сказал Пауэл. — Я ухожу.

Он встал я вышел.

Весь этот телепатический допрос длился одну секунду, именно ту секунду, в течение которой Рич, спускавшийся в подвальный этаж, передвинулся с восемнадцатой до двадцатой ступеньки. Рич услышал яростный вопль Чуки и ответ Пауэла. Он тут же повернулся и побежал наверх.

Проскользнув мимо привратника, он сунул ему в руку соверен и прошипел:

— Меня здесь не было. Понятно?

— У нас здесь никогда никого не бывает, мистер Рич.

Рич торопливо обошел «Парадиз». *Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!* Не обращая внимания на девиц, которые разными способами пытались соблазнить его, Рич добрался до видеофона-автомата и набрал ВД-12, 232. На экране появилась встревоженная физиономия Черча.

— Ну что там, Бен?

— Мы погорели. Здесь Пауэл.

— Боже мой!

— Куда девался Киззард?

— Разве он не с вами?

— Я не могу его найти.

— Мне казалось, что он там, в подвале… Он…

— В подвале только что был Пауэл и прощупал Чуку. В том, что там не было Киззарда, можете не сомневаться. Где его черти носят?

— Не знаю, Бен. Они с женой ушли и…

— Слушайте, Джерри. Пауэл, наверное, узнал, где девушка. Но, если постараться, я бы сумел опередить его минут на пять. Я рассчитывал, что мне поможет Киззард. Но его нигде нет — ни в подвале, ни в «Парадизе».

— Значит, он наверху, в «крольчатнике».

— Как раз туда я и хотел подняться. Кстати, вы не знаете кратчайший путь к «крольчатнику»? Мне нужно оказаться там раньше Пауэла.

— Если Пауэл прощупал Чуку, то ему известен и кратчайший путь.

— Наверно, да. Хотя чем черт не шутит! Все его мысли были сосредоточены на девушке. Я, пожалуй, рискну…

— Тогда слушайте. За парадной лестницей есть

мраморный барельеф. Поверните голову женщины, изображенной на барельефе, направо. Тела раздвинутся, и вы увидите дверь пневматического лифта.

— Прекрасно.

Рич отключил «видео», вышел из кабины и побежал к парадной лестнице. Спустившись по мраморным ступенькам, он нашел барельеф, торопливо повернул голову женщины, и тела на барельефе плавно разомкнулись. Показалась стальная дверца. На ней была укреплена вертикальная панель с кнопками. Рич нажал верхнюю, распахнул дверь и шагнул в открытую шахту. Тотчас о его подошвы ударилась выскочившая снизу металлическая плита и сжатый воздух со свистом подбросил его на восемь этажей вверх. Магнитный тормоз удерживал плиту, пока Рич открывал дверь шахты и выходил из лифта.

Он оказался в коридоре, который шел влево от лифта, с наклоном вверх примерно в тридцать градусов. Пол был устлан брезентом. На потолке то вспыхивали, то гасли радоновые шарики. В коридор выходило много дверей, все без номеров.

— Киззард! — крикнул Рич.

Ответа не было.

— Кено Киззард!

Опять молчание.

Рич побежал по коридору и где-то в середине наугад толкнулся в одну из дверей. За дверью оказалась узкая комнатушка, вся занятая овальной гидропатической кроватью. Рич споткнулся о край кровати и упал. Он пополз по пенистому матрасу к противоположной двери, толкнул ее и кубарем скатился за порог. Рич оказался на площадке лестницы, ведущей вниз к круглому холлу, в который выходило несколько дверей. Он торопливо сбежал вниз и остановился, шумно дыша и растерянно глядя на окружающие его двери.

— Киззард! — закричал он снова. — Кено Киззард!

Кто-то невнятно отозвался. Резко повернувшись, Рич бросился к двери и, распахнув ее, чуть не налетел на женщину с красными, как у альбиноски, глазами — результат пластической операции. Она ни с того ни с сего расхохоталась, потом подняла кулаки и ударила его по лицу. Растерянный, он заморгал, попятился и, наверное, нащупал ручку не той двери, через которую вошел, а какой-то другой, поскольку очутился теперь уже не в холле. Его ноги увязли в толстом и мягком, как стеганое одеяло, пластике Рич растянулся навзничь, успев захлопнуть дверь, и

так больно ударился головой о край изразцовой печки, что все поплыло у него перед глазами.

Когда его зрение прояснилось, он увидел прямо перед собой разъяренную физиономию Чуки Фруд.

— Какого черта ты вломился ко мне в комнату? — пронзительно заорала Чука.

Рич быстро вскочил.

— Где она? — спросил он.

— Катись отсюда к дьяволу, Бен Рич!

— Я спрашиваю, где она? Где Барбара де Куртнэ? Куда ты ее спрятала?

Чука взвизгнула:

— Магда!

В комнату вошла красноглазая. Она держала в руке нейронный дезинтегратор. Женщина все еще хохотала, но ее рука не шевелилась, и пистолет, нацеленный прямо в голову Рича, ни разу не дрогнул.

— Пошел вон отсюда! — повторила Чука.

— Мне нужна эта девушка, Чука. Я должен увидеть ее прежде, чем до нее доберется Пауэл. Где она?

— Магда, выстави его отсюда! — завизжала Чука.

Рич тыльной стороной ладони ударил Магду

по глазам.

Она упала, выронила пистолет и судорожно задергалась в углу, продолжая смеяться. Даже не глянув в ее сторону, Рич поднял пистолет и приставил его к виску Чуки.

— Где девушка?

— Пошел ты к черту, ты…

Рич сдвинул курок до первой отметки. На нервную систему Чуки обрушилось низкочастотное излучение. Старуха одеревенела, затряслась, ее кожа заблестела от пота. И все же она продолжала отрицательно качать головой. Рич передвинул курок к следующей отметке. Теперь все тело Чуки колотила мучительная, лихорадочная дрожь. Ее глаза полезли из орбит. Она глухо урчала, как замученное животное. Рич продержал ее так пять минут и отпустил курок.

— Третья отметка — смерть, — сказал он, — Там стоит большая буква «С». Мне ведь на все наплевать, Чука. Если я не найду девушку, Разрушение неминуемо. Так где она?

Чука была почти полностью парализована.

— Там… за дверью, — проскрипела она. — Четвертая комната… за поворотом.

Рич выпустил ее, и старуха свалилась на пол. Выскочив из спальни, Рич увидел винтовую

лестницу, поднялся вверх, повернул влево, отсчитал три двери и остановился перед четвертой. Он прислушался на миг. За дверью было тихо. Толкнув дверь, он вошел в комнату. Он увидел пустую кровать, туалетный столик, пустой шкаф и один-единственный стул.

— Одурачили! А, чтоб вам! — крикнул он.

Он подошел к кровати. Казалось, ею никто не пользовался. Шкафом тоже. Однако, прежде чем уйти, Рич потянул к себе средний ящик. В нем оказался шелковый, серебрящийся, как иней, халатик и испещренный пятнами стальной предмет, похожий на какой-то зловещий цветок. Это был револьвер, орудие убийства.

— Господи! — прошептал он. — Господи боже мой!

Он схватил револьвер и оглядел его. В барабане по-прежнему лежали холостые патроны. Тот, что вышиб затылок Крея де Куртнэ, все еще оставался на месте, прижатый ударником.

— С Разрушением пока что можно погодить, — пробормотал Рич. — Дудки! Клянусь богом, вам до меня не добраться.

Он сложил нож-револьвер и спрятал в карман. В это мгновение до него издали донесся смех… брюзгливый, поганенький смех. Это смеялся

Киззард.

Рич быстро направился к винтовой лестнице и, прислушавшись, пошел туда, откуда доносился смех. Он увидел нишу и в ней обитую плюшем дверь на медных петлях. Дверь была широко открыта. Рич вошел, держа наготове нейронный дезинтегратор с курком, поставленным на большое «С». Послышалось шипение сжатого воздуха, и дверь затворилась.

Рич оказался в маленькой круглой комнате. Ее стены и потолок были обтянуты черным бархатом, но сквозь прозрачный хрустальный пол отлично можно было разглядеть будуар, находившийся этажом ниже. Чука пользовалась этой комнаткой, чтобы наблюдать за посетителями «Парадиза».

В будуаре в мягком кресле сидел Киззард, его невидящие глаза блестели, он держал на коленях Барбару де Куртнэ. На девушке было причудливое одеяние с блестками и большим разрезом. Ее желтые волосы были гладко причесаны, глубокие темные глаза смотрели безмятежно, она сидела смирно, не замечая грубых ласк крупье.

Возле стены стояла маленькая увядшая женщина с измученным лицом. Это была жена Киззарда.

Рич выругался и поднял пистолет. Из нейронного пистолета можно убить и сквозь хрустальный пол. Из него можно убить сквозь что угодно. И сейчас он это сделает. В этот момент в будуар вошел Пауэл.

Женщина сразу же его увидела. Со страшным криком «Кено, спасайся! Беги!» она бросилась к Пауэлу и вцепилась в него, стараясь выцарапать ему глаза.

Потом она споткнулась и упала. Падая, она, наверное, лишилась сознания, потому что так и осталась лежать на полу, совершенно неподвижная. Киззард встал было с девушкой на руках, вытаращив свои слепые глаза, и тут Рич с ужасом понял, что женщина упала не случайно: Киззард тоже, не успев и шагу сделать, свалился. Девушка выпала из его рук и опустилась в кресло. Пауэл, несомненно, применил какой-то телепатический прием, и в первый раз за время их единоборства Рич почувствовал, что боится Пауэла… боится самым примитивным образом. Он снова поднял пистолет, целясь на этот раз в голову Пауэла, направлявшегося к креслу.

— Здравствуйте, мисс де Куртнэ, — сказал Пауэл.

— До свиданья, мистер Пауэл, — пробурчал

Рич, стараясь унять дрожь в руке, держащей дезинтегратор.

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? — спросил Пауэл, и, так как девушка молчала, он нагнулся и, внимательно посмотрев ей в лицо, встретил ее безмятежный, ничего не выражавший взгляд. Он тронул ее за руку и повторил:

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? Мисс де Куртнэ! Вам нужна помощь?

При слове «помощь» девушка выпрямилась в кресле и замерла, как бы прислушиваясь. Потом соскочила на пол. Она пробежала мимо Пауэла, внезапно остановилась и сделала резкое движение, будто хватается за ручку двери. Она повернула ручку, распахнула воображаемую дверь и бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась вперед, но вдруг остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом, вскрикнув, попробовала забежать сбоку. Отскочив, будто спасаясь от удара, она заметалась, отчаянно крича:

— Нет! Не надо! Ради всего святого! Папа!

Потом она снова вернулась на то же место и пыталась вырваться из невидимых рук, которые

ее удерживали. Она боролась и кричала, все время глядя в одну точку прямо перед собой, и вдруг замерла, прижав к ушам ладони, как будто рядом с ней раздался нестерпимо громкий шум. Она упала на колени и, застонав как от боли, поползла по полу. Потом остановилась, прильнула к чему-то невидимому, лежавшему на полу и застыла молча, а ее лицо вновь стало кукольно безмятежным и мертвым.

Рич понял, что все это значит, и похолодел. Девушка только что воспроизвела всю сцену гибели своего отца. Воспроизвела ее для Пауэла. И если Пауэл сумел прочесть все остальное…

Пауэл подошел к девушке и поднял ее. Она встала грациозно, как танцовщица, безмятежно, как сомнамбула. Поддерживая девушку, Пауэл повел ее к дверям. Они не видели Рича, не знали, что он держит их на мушке, а он выжидал удобного момента. Один выстрел, и ему уж ничто не грозит. Пауэл открыл дверь, потом внезапно повернул девушку, прижал к себе и посмотрел наверх. У Рича перехватило дыхание.

— Ну чего же вы? — крикнул Пауэл. — Стреляйте, мишень хоть куда. Сразу избавитесь от обоих. Стреляйте, чего там!

Краска гнева залила его худое лицо. Над тем-

ными глазами хмурились черные густые брови. С полминуты он в упор глядел на невидимого ему Рича, глядел дерзко, зло, без страха. Потом Рич опустил глаза и отвернулся, пряча лицо от взгляда человека, который не мог его видеть.

Пауэл вывел девушку — она была все так же послушна — из комнаты, тихо прикрыл за собой дверь, и Рич понял, что упустил шанс на спасение Он был теперь на полпути к Разрушению.

Глава X

Представьте себе испорченный фотоаппарат, который постоянно воспроизводит один кадр — тот самый кадр, фиксируя который аппарат поломался… Представьте себе исковерканный записывающий кристалл, который повторяет лишь одну музыкальную фразу, ужасную, незабываемую фразу.

— У нее состояние навязчивых воспоминаний, — так объяснил, сидя в гостиной у Пауэла, доктор Джиме из Кингстонского госпиталя внимательно слушавшим его Пауэлу и Мэри Нойес. — Она реагирует только на ключевое слово «помощь» и воспроизводит сцену, с которой для нее связано какое-то ужасное воспоминание…

— Смерть отца, — сказал Пауэл.

— О? Тогда понятно. Что же касается остального… кататония.

— Это неизлечимо? — спросила Мэри Нойес.

Молодой доктор Джиме взглянул на Мэри с удивлением и возмущением. Хоть он и не был щупачом, но в Кингстонском госпитале считался одним из самых способных молодых ученых и был фанатически предан науке.

— В наше время, в наши дни? Сейчас нет ничего неизлечимого, мисс Нойес, за исключением физической смерти, но и над этой проблемой уже начали работать у нас в Кингстоне. Исследуя смерть с симптоматической точки зрения, мы приходим к выводу…

— В другой раз, доктор, — перебил Пауэл. — Сегодня лекция не состоится. Прежде всего дело. Как, по-вашему, могу я работать с этой девушкой?

— Каким образом?

— Обследовать ее телепатически.

Джиме задумался.

— А почему бы нет? Я лечу ее методом Dejä Eprouvë. Вам это не должно помешать.

— Метод Dejä Eprouvë? — переспросила Мэри.

— Величайшее изобретение, — взволнованно объяснил Джиме. — Его автор — Гарт, один из ваших щупачей. Больной впадает в кататонию. Это бегство. Уход от действительности. Его сознание противится конфликту между окружающей реальностью и тем, что заложено в его подсознании. Отсюда стремление не существовать, перечеркнуть весь свой жизненный опыт, вернуться к зачаточному состоянию. Вы меня понимаете?

Мэри кивнула:

— Пока да.

— Отлично. Dejä Eprouvë — старинный термин, введенный в употребление психиатрами в девятнадцатом веке. Буквально он означает: нечто уже пережитое, испытанное. Многие больные так горячо чего-то хотят, что в конце концов им и впрямь начинает казаться, будто они сделали или испытали то, к чему стремятся все их помыслы. Это понятно?

— Постойте, — неуверенно сказала Мэри. — Выходит, я…

— Ну вот, представьте себе, например, — оживленно перебил Джиме, — что вас одолевает жгучее желание… э-э, скажем, сделаться женой мистера Пауэла и матерью его детей. Так?

Мэри вспыхнула и принужденно ответила:

— Так.

Пауэлу в этот момент ужасно захотелось вздуть доброжелательного нескладеху доктора.

— Итак, — в блаженном неведении продолжал распространяться Джиме, — утратив равновесие, вы можете вообразить себе, что вышли замуж за Пауэла и родили ему троих детей. Это и будет Dejä Eprouvë. Наш метод состоит в том, что мы синтезируем для пациента искусственное Dejä Eprouvë. Например, помогаем сознанию этой девушки осу-

ществить кататоническое стремление бежать от действительности. Желаемое делается реальным. Мы возвращаем ее разум назад к зачаточному состоянию и не препятствуем ей ощупать себя только что рожденной к новой жизни. Понятно?

— Понятно.

Мэри уже овладела собой и даже попыталась улыбнуться.

Что же касается сознания, то пациент вторично, хотя и в ускоренном темпе, проходит через все стадии развития. Младенчество, детство, отрочество и, на конец, зрелость.

— Вы хотите сказать, что Барбара де Куртнэ превратится в младенца, будет снова учиться говорить, ходить?

— Именно так. На все это уйдет около трех недель. К тому времени как ее сознание достигнет уровня, соответствующего ее возрасту, она уже будет готова к восприятию реальности, от которой пытается сейчас спастись. Как говорится, созреет для этого Но, как я уже объяснял, все эти перемены затронут лишь ее сознание. Глубже все останется без изменений. Вы можете обследовать ее телепатически. Беда лишь в том, что под влиянием шока там, в глубине, все перепутано. Вам нелегко будет докопаться до того, что вас

интересует. Но, конечно, вы специалист. Рано или поздно какой-то ключ вы подберете.

Доктор Джиме вдруг встал.

— Мне пора, — он направился к выходу. — Счастлив был помочь вам. Я всегда очень рад, если ко мне обращаются эсперы. Мне совершенно непонятна эта враждебность к вашему брату, которая с некоторых пор начала распространяться…

Доктор вышел.

— Гм-м. Многозначительное заявление под занавес.

— Что ты имеешь в виду, Линк?

— Наш могущественный приятель Бен Рич… ведь это он поддерживает антиэсперовекую кампанию. Весь этот вздор — щупачи держатся особняком, им нельзя доверять, они не патриоты, устраивают межпланетные заговоры, едят детей, которых похищают у нетелепатов, и прочее.

— Какая гадость! И при этом тот же Рич поддерживает Союз Эспер-патриотов. Отвратительный, опасный человек.

— Опасный, но не отвратительный. В нем есть обаяние, Мэри, и это делает его вдвойне опасным. Обычно ведь считается, что у злодея должен

быть и вид злодейский Что ж, надеюсь, мы все же успеем вовремя обезвредить его. Приведи сюда Барбару, Мэри.

Мэри сходила на второй этаж за девушкой и, введя ее в гостиную, усадила на возвышение возле стены Барбара села, невозмутимая, как статуя. Мэри переодела ее в голубой трикотажный спортивный костюм, зачесала назад белокурые волосы и подвязала их голубой лентой. Чистенькая и опрятная, Барбара напоминала красивую восковую куклу.

— Снаружи все прелестно, зато внутри... Мерзавец Рич!

— Что еще он устроил?

— Я уже говорил тебе, Мэри. Там, в «крольчатнике» у Чуки, когда я нащупал Рича, спрятавшегося на верхнем этаже, я решил преподнести ему тот же подарок, который перед этим сгоряча выдал Киззарду с женой...

— А что ты сделал с Киззардом?

— Это у нас называется ОНШ — «основательный неврошок». Зайди как-нибудь в лабораторию, и мы тебе покажем. Одна из наших последних новинок. Если ты будешь держать экзамен на первую ступень, тебе придется это освоить. Похоже на нейронный дезинтегратор, но психо-

генного характера.

— Это смертельно?

— Ты забыла Завет Эспера? Конечно, нет.

— И ты сквозь пол нащупал Рича? Как это удалось тебе?

— Телепатическое отражение. Между темной комнатой и будуаром были открытые акустические каналы. Рич этого не учел. Я уловил его телепатемы и, клянусь честью, всей душой надеялся, что он рискнет пальнуть. Его выстрел я предупредил бы добрым ОНШ и с блеском бы вошел в историю криминалистики.

— Почему же он не выстрелил?

— Не знаю, Мэри, право, не знаю. Он считал, что у него есть предостаточно причин, чтобы убить нас. Считал, что сам он в полной безопасности. Он не подозревал о неврошоке, хотя видел, как упали супруги Киззард, и это его ошеломило… И все же он не смог выстрелить в нас.

— Боялся?

— Рич не трус. Он не боялся. Не мог, и все. Не знаю почему. Возможно, в следующий раз все сложится иначе. Поэтому я и оставил Барбару де Куртнэ у себя. Здесь ей ничто не угрожает.

— В Кингстонском госпитале ей тоже ничего не угрожало бы.

— Да, но там нет условий, нужных для работы, которую я должен проделать.

— ?

— В ее больном сознании завязла сцена убийства со всеми подробностями... Мне нужно по кусочкам выудить ее, и тогда Рич будет у меня в руках.

Мэри встала.

— Мэри Нойес удаляется.

— Сядь, голубка моя. Зачем, по-твоему, я тебя пригласил? Ты будешь жить здесь вместе с этой девушкой. Ее нельзя оставлять одну. Вы можете поселиться в моей спальне, а я переберусь в кабинет.

— Линк, постой, не тарахти так. Тебя что-то смущает. Сейчас попробую отыскать щелочку в этом мыслеизвержении.

— Знаешь что...

— Ага! Не пускаете, мистер Пауэл? — Мэри засмеялась. *— Тогда все ясно. Я понадобилась вам в качестве компаньонки. Викторианское слово, верно? Но ты и сам такой же, Линк. Типичный анахронизм.*

— Клевета. Меня считают очень современным в самых пижонских кругах.

— А что это за образ промелькнул там? Ба-

тюшки, да ведь это рыцари круглого стола. Сэр Галахад Пауэл. А глубже еще что-то спрятано. Я… — Мэри вдруг перестала смеяться и побледнела.

— *Что ты там откопала?*

— *Лучше не спрашивай.*

— *Ну, полно, Мэри.*

— *Забудь об этом, Линк. И не пытайся выщупать. Если ты сам не разобрался, то не стоит узнавать от постороннего лица. Тем паче от меня.*

Он посмотрел на нее с любопытством, потом пожал плечами.

— *Хорошо. В таком случае приступим к делу.*

Он повернулся к Барбаре де Куртнэ и сказал:

— Помощь, Барбара.

Она тотчас же выпрямилась и замерла, как бы прислушиваясь, а он осторожно исследовал ее ощущения… Прикосновение постельного белья… издали донесся голос…

— *Чей голос, Барбара?*

Она откликнулась из подсознания:

— Кто это спрашивает?

— *Твой друг, Барбара.*

— Тут никого нет. Я одна, совсем одна.

Одна, совсем одна она стремительно пробе-

жала по коридору, распахнула дверь, влетела в багряно-золотую комнату и увидела…

— *Что, Барбара?*

— Человек. Двое людей.

— *Кто они?*

— Уйди. Прошу тебя, уйди. Мне неприятно слышать эти голоса. Один кричит. Он так страшно кричит.

Она и сама закричала, в ужасе шарахнувшись от кого-то, кто хотел схватить ее и оттащить от отца. Она увернулась и забежала сбоку…

— *Что делает твой отец, Барбара?*

— Он… Постой… Откуда ты? Тебя здесь нет. Нас только трое здесь. Мы с отцом и… — кто-то третий, кто схватил ее и держит. Его лицо промелькнуло на миг и исчезло. Ничего не видно.

— *Вглядись еще раз, Барбара. У него гладкие волосы. Большие глаза. Тонкий орлиный нос. Тонкие чувственные губы, похожие на шрам. Это тот человек, Барбара? Вот и я его подробно описал. Он это?*

— Да. Да. Да.

И все исчезло.

Девушка стояла на коленях, безмятежная, неживая, как кукла.

Пауэл вытер с лица пот и отвел Барбару к воз-

вышению у стены. Он был потрясен, измучен… сильней, чем она. Истерическое состояние служило для девушки как бы амортизатором. У Пауэла не было такого амортизатора. Незащищенный, неприкрытый, он принял на себя ее испуг, панику, боль.

— *Это был Бен Рич, Мэри. Ты тоже успела его разглядеть?*

— *Линк, я оставалась там недолго. Не могла, сил не хватило.*

— *Это был он, вне всякого сомнения. Но мне неясно, как Бен Рич убил ее отца. Чем он его убил? Почему старик не защищался? Придется повторить все снова. Жаль мучить бедняжку…*

— *А мне жаль смотреть, как мучаешься ты.*

— *Что поделаешь.*

Он глубоко вздохнул *и* сказал:

— Помощь, Барбара.

Девушка снова выпрямилась и прислушалась. Он тут же принялся ей подсказывать:

— *Потихоньку, дорогая моя. Не надо спешить. У нас много времени.*

— Снова ты?

— *Ты меня помнишь, Барбара?*

— Нет. Нет. Я не знаю тебя. Уходи.

— *Но я ведь часть тебя. Вот мы вдвоем бежим*

по коридору. Ты видишь? Вместе открываем дверь. Вместе все гораздо легче. Мы друг другу помогаем.

— Мы?

— *Да, Барбара, мы, нас двое — ты и я.*

— Отчего же ты сейчас не помогаешь мне?

— *Чем я могу тебе помочь?*

— Посмотри на отца! Помоги мне его остановить. Останови его. Останови! Что же ты не кричишь? Кричи! Меня никто не слышит! Бога ради, помоги мне!

И вдруг она опять опустилась на колени, безмятежная, неживая, как кукла.

Почувствовав, как кто-то тянет его за руку, Пауэл понял, что сам он последовал примеру Барбары. Распростертое на полу тело медленно исчезло. Исчезла комната, похожая на орхидею. Мэри Нойес пыталась его поднять.

На этот раз ты выдохся первым, — сказала она жестко.

Пауэл покачал головой. Он наклонился к Барбаре де Куртнэ, но не сумел помочь ей. Он упал.

— *Очень хорошо, сэр Галахад. Поостыньте немного.*

Мэри поставила девушку на ноги и отвела к возвышению. Потом вернулась к Пауэлу.

— Теперь могу помочь тебе. Как по-твоему, я парень что надо?

— Ты очень мужественный человек, я бы это так назвал. Но не трать на меня времени, потому что мне сейчас нужно собраться не с силами, а с мыслями Обнаружился неприятный сюрприз.

— Что ты нащупал?

— Де Куртнэ хотел, чтобы его убили.

— Как так?

— Да уж так. Он хотел умереть. Насколько я могу понять, он, возможно, даже сам и покончил с собой в присутствии Рича. Воспоминания Барбары очень невнятны. Этот вопрос надо выяснить. Я должен поговорить с врачом де Куртнэ.

— Он лечился у Сэма Экинса. Сэм и Салли несколько дней назад вернулись на Венеру.

— Тогда я должен вылететь туда же. Я успею на десятичасовой звездолет? Вызови такси.

Сэм Экинс, эспер-1, доктор медицины, получал тысячу кредиток за час психоанализа. Всему свету было известно, что Сэм зарабатывает два миллиона кредиток в год, зато мало кто знал, сколько сил и здоровья растрачивает он на неимущих пациентов, которых лечит бесплатно. Сэм был одним из самых преданных борцов за осуществление перспективного воспитательного плана

Лиги, убежденных в том, что телепатические способности не редкое свойство, что они присущи каждому живому организму и их можно развить путем упражнений.

Вот почему дом Сэма, расположенный в безводной пустыне неподалеку от Венусбурга, кишмя кишел неудачниками. Сэм призывал всех малоимущих переложить свои заботы на его плечи и, изыскивая способы помочь своим подопечным, одновременно силился раздуть в каждом из них телепатическую искру. Рассуждал он просто. Если исходить из того, что телепатические способности можно развить, упражняя не оттренированные прежде мускулы, напрашивается вывод, что большинство людей оказались жертвой собственной лени или отсутствия благоприятных обстоятельств. Когда же человек попал в беду, лень для него недопустимая роскошь; и Сэм старался предоставить этим людям возможность поупражняться и проявить себя.

В результате он выявлял среди своих подшефных около двух процентов скрытых эсперов, то есть меньше, чем отбиралось в среднем в приемной Института Эспер Лиги. Сэма это не обескураживало.

Пауэл разыскал его в саду, где доктор Экинс,

полагая, что занимается прополкой, безжалостно расправлялся с представителями местной флоры. Одновременно он беседовал с целой толпой пациентов, которые с унылым видом следовали за ним по пятам. Как всегда на Венере, было облачно, и яркий свет рассеивался, пробиваясь сквозь облака. Лысая голова Сэма отливала розовым. Он сердито покрикивал и на растения, и на людей.

— Чушь! Никакая это не светящаяся трава, а самый настоящий сорняк. Что я, по-вашему, сорняка не узнаю? Дайте тяпку, Бернард.

Низенький человечек в черном протянул ему тяпку и сказал:

— Меня зовут Уолтер, доктор Экинс.

— И в этом вся наша беда, — буркнул Экинс, извлекая из земли упругий красный клубень. Тот судорожно бросался из одной цветовой гаммы в другую и жалобно пищал, из чего следовало, что это не сорняк и не светящаяся трава, а совершенно фантастическое порождение природы — венерианский вербейник.

Экинс с неодобрением его разглядывал. Затем грозно посмотрел на человечка в черном.

— Семантическое бегство, Бернард. Вы ориентируетесь не на существо явления, а на ярлык. В этом и состоит ваше бегство от реальности. От

чего вы скрываетесь, Бернард?

— Я надеялся, что вы мне скажете это, доктор Экинс, — отозвался Уолтер.

Пауэл не торопился сообщать о своем присутствии, любуясь этим зрелищем. Оно напоминало патриархальную библейскую сцену. Раздражительный мессия Сэм, окруженный толпой смиренных учеников. Вокруг поблескивала испещренная кристалликами кварца каменистая почва, и во все стороны ползли пятнистые сухие растения. Над головой раскаленный перламутровый купол; а вдали, насколько хватает глаз, красные, пурпурные и фиолетовые пустоши планеты.

…Экинс негодующе бросил Уолтеру-Бернарду:

— Вы напоминаете мне нашу рыжую. Кстати, где эта квазикуртизанка?

Хорошенькая рыжеволосая девушка пробралась вперед и жеманно произнесла:

— Я здесь, доктор Экинс.

— Я вижу, вы взыграли духом. Ярлычок, которым я вас наделил, для этого не основание, — хмуро осадил ее доктор и продолжил на телепатической волне: — *Вы от себя в восторге только потому, что вы женщина, так ведь? В этом смысл вашего существования. «Я женщи-*

на, — говорите вы себе, — и оттого желанна для мужчин. Я знаю, что если бы я позволила, тысячи мужчин обладали бы мною, и я довольна. Это сознание делает меня реальной». Вздор! Вам не удастся спрятаться от действительности за рассуждениями такого рода. Секс не выдумка. И жизнь не выдумка. Не возводите девственность в апофеоз.

Ожидая ответа, Экинс сердито взглянул на девицу, но она молчала и только строила глазки. Сэм не выдержал:

— Неужели ни один из вас не слышал моих слов?

— Я слышал, господин учитель.

— Линкольн Пауэл! Каким ветром вас занесло сюда? Откуда вы?

— С Земли. Я приехал за консультацией, Сэм, и времени у меня в обрез. Хочу успеть вылететь следующим звездолетом.

— Отчего же вы не позвонили по межпланетной?

— Это было бы слишком сложно, Сэм. У *меня к вам конфиденциальный разговор. В связи с делом де Куртнэ.*

— О! А! Гм! Прекрасно. Идите в дом и выпейте чего-нибудь, через минуту я к вам присоеди-

нюсь. — Сэм гаркнул во всю телепатическую мочь. — САЛЛИ! ГОСТИ!

Один из его паствы неожиданно вздрогнул, и Сэм пришел в ажиотаж:

— Вы услышали, говорите, услышали?

— Я ничего не слышал, сэр.

— Неправда. Вы только что приняли телепатическое сообщение.

— Нет, доктор Экинс.

— Отчего же вы дернулись?

— Меня укусил комар.

— Это выдумки! — загремел Экинс. — В моем саду нет комаров. Вы слышали, как я кричал жене. — И Сэм пошел напролом: — *ВЫ ВСЕ МЕНЯ ОТЛИЧНО СЛЫШИТЕ. НЕ ОТРИЦАЙТЕ ЭТОГО. ВЕДЬ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ВАМ ПОМОГ. ОТВЕЧАЙТЕ МНЕ! БЫСТРЕЙ!*

Пауэл нашел Салли Экинс в просторной и прохладной гостиной с открытым потолком. На Венере нет дождей, а пластиковый купол вполне достаточная защита от нестерпимого блеска, излучаемого небосводом в течение семисотчасового венерианского дня. Когда же вступит в свои права семисотчасовая леденящая ночь, Экинсы сложат вещи и вернутся в утепленный городской блок в Венусбурге. На Венере вся жизнь расписа-

на по тридцатидневным циклам.

Сэм влетел в гостиную и залпом выпил большую кружку ледяной воды.

— Десять кредиток коту под хвост на нашем черном рынке, — бросил он Пауэлу. *— Вам это известно? У нас на Венере есть черный рынок, где торгуют водой. Интересно, о чем думает полиция? Не обижайтесь, Линк. Я знаю, что это вне вашей компетенции. Что вы хотели узнать о де Куртнэ?*

Пауэл рассказал о своих затруднениях. Картину гибели де Куртнэ, судя по горячечным воспоминаниям его дочери, можно представить себе двояко. Рич либо убил де Куртнэ, либо же просто был свидетелем его самоубийства. Старый Моз потребует, чтобы в этот пункт была внесена ясность.

— Понятно. Я выбрал бы второй вариант. У де Куртнэ была тяга к самоубийству.

— Тяга к самоубийству? Как это понять?

— Он находился в состоянии тяжелой депрессии. Его приспособительный баланс нарушился. Он регрессировал на почве эмоционального истощения и был на грани самоуничтожения. Опасаясь рокового исхода, я бросил все дела и последовал за ним на Землю.

— М-м-да... это удар. Значит, он был способен

продырявить себе голову?

— Что? Продырявить голову?

— Конечно. Вот фотоснимок. Мы еще не знаем, каким оружием он пользовался, но...

— Постойте-ка. В таком случае я смогу дать вам более определенный ответ. Если де Куртнэ умер таким образом, то это не самоубийство.

— Почему?

— А потому, что его внимание было фиксировано на отравлении. Он решил отравиться наркотиком. Вы не знаете самоубийц, Линк. Выбрав способ умертвить себя, они от него никогда не откажутся. Де Куртнэ, конечно, был убит.

— Поменяемся ролями, Сэм. Скажите, почему де Куртнэ решил прибегнуть именно к яду?

— Я вижу, вы шутник. Если бы я это знал, он бы остался в живых. Меня очень опечалила вся эта история, Пауэл. Из-за Рича все мои труды пошли прахом. Я мог бы спасти де Куртнэ...

— И вы не догадываетесь, что послужило причиной его депрессии?

— Кое-какие догадки у меня были. Де Куртнэ испытывал глубокое сознание вины.

— Перед кем?

— Перед своим ребенком.

— Перед Барбарой? Каким образом? Почему?

— Я не знаю. Ему не давали покоя какие-то непонятные иррациональные символы… одиночество… заброшенность, позор… отвращение… трусость. Вот все, что я знаю. Я еще только собирался заняться этим.

— Возможно ли, что Рич каким-то образом узнал об этом обстоятельстве и решил использовать его для осуществления своих планов? Старый Моз непременно найдет тут повод для придирки, когда мы представим дело в суд.

— Рич мог догадаться… Хотя нет. Исключено. Вот если бы ему помогал очень умелый…

— Минутку, Сэм. У вас что-то запрятано где-то там глубже. Как бы мне…

— Валяйте добирайтесь. Я перед вами весь как на ладони.

— Не старайтесь мне помочь. Вы еще больше все запутали. Постойте-ка… что-то связанное с развлечением… вечеринка… разговор во время вечеринки… у меня. В прошлом месяце. Гас Тэйт, ваш коллега, хотел посоветоваться по поводу пациента с аналогичным заболеванием. — Пауэл так огорчился, что заговорил вслух: — Что прикажете делать с этим субъектом?

— О ком вы говорите?

— Гас Тэйт был в Бомон Хаузе в ту ночь, когда

убили де Куртнэ. Он пришел вместе с Ричем, но я все же надеялся...

— *Линк, этого не может быть!*

Я тоже так считал, но против фактов не попрешь. Малютка Гас Тэйт оказался тем самым «умелым помощником», который подстраховывал Рича и подготовил почву для убийства. Он выудил из вас все, что вы знаете, и сообщил убийце. Как видно, ему наплевать на клятву Эспера.

— А заодно и на Разрушение, — яростно произнес Экинс.

Из холла позвала Салли:

— *Линк! Видеофон.*

— Что за черт? Никто, кроме Мэри, не знает, где я. Не случилось ли чего с дочкой де Куртнэ?

Пауэл бегом заторопился к нише, где стоял видеофон. Еще издали он увидел на экране лицо Бека. Лейтенант тоже заметил его и возбужденно замахал рукой. Он начал говорить прежде, чем Пауэл мог его услышать.

— ...сообщила мне, куда звонить. Рад, что успел перехватить вас, босс. У нас только двадцать шесть часов.

— Одну минуту. Рассказывайте по порядку, Джекс.

— Доктор Уилсон Джордан, тот, что занимал-

ся родопсином, вернулся на Землю с Каллисто. По милости Рича он теперь богатый человек. Я, разумеется, последовал за ним. Он оформит свои права, приведет дела в порядок, и уже через двадцать шесть часов новоиспеченный землевладелец махнет обратно на Каллисто. Если вы хотите что-нибудь от него узнать, я вам советую поторопиться.

— А он согласен дать показания?

— Был бы он согласен, я не стал бы вам звонить по межпланетной. Нет, босс. Он очень признателен Ричу, который (цитирую) «так благородно отступился от своих собственных притязаний» в пользу доктора Джордана и во имя справедливости. Так что я вам советую поскорее вернуться на Землю и лично заняться им.

— А это, — сказал Пауэл, — наша лаборатория, доктор Джордан.

На доктора лаборатория произвела большое впечатление Для исследовательских работ был отведен целый этаж здания Института Лиги. Помещение лаборатории представляло собой круглый зал около тысячи футов в диаметре, увенчанный куполом из двух слоев поляризированного кварца, который позволял менять освещение от предельно яркого до полной тем-

ноты. Сейчас, в полдень, солнечный свет был приглушен так, что столы и скамьи, серебряную и хрустальную аппаратуру и сотрудников в комбинезонах озаряло мягкое розоватое сияние.

— Хотите осмотреть лабораторию? — любезно предложил Пауэл.

— Вообще-то я спешу, мистер Пауэл, но… — Джордан колебался.

— Я понимаю. И все же нам так нужен ваш совет. Мы вам будем бесконечно благодарны даже за небольшую консультацию.

— Если речь идет о де Куртнэ… — начал Джордан.

— О ком? Ах да, это убийство. Что это вам пришло в голову?

— Меня выслеживали, — мрачно пояснил Джордан.

— Доктор Джордан, поверьте мне, мы ждем от вас научной консультации, а не сведений об убийстве. Что для ученого убийства? У нас иные интересы.

Джордан слегка оттаял.

— Вполне с вами согласен. Достаточно взглянуть на вашу лабораторию, чтобы убедиться в этом.

— Так пойдемте? — Пауэл взял Джордана под

руку. Одновременно он оповестил всех сотрудников лаборатории: *Прошу внимания, щупачи! Готовится розыгрыш.*

Нетелепату трудно было бы представить себе, какой гам внезапно поднялся в тихой и чинной лаборатории. Сквозь град ехидных образов пробился хриплый выкрик одного остряка: *«А кто украл погоду, Пауэл?»* Вопрос относился к малоизвестному эпизоду из деятельности Нечестивого Эйба. В чем состоял сам эпизод, ни разу никому не удалось прощупать, зато было замечено, что упоминание об этом случае всегда вгоняет Пауэла в краску. Покраснел он и сейчас под беззвучный гогот остальных.

— Нет, щупачи, это дело серьезное. Исход всей моей работы зависит от того, что мне удастся выудить из этого человека.

Веселье тотчас стихло.

— Это доктор Уилсон Джордан, — сообщил Пауэл. *— Он специализировался в области физиологии зрения и располагает сведениями, которые мне желательно от него получить. Пусть он почувствует себя метром среди желторотых новичков. Изобретите какие-нибудь несуществующие проблемы и взывайте о помощи. Заставьте его говорить.*

Они подходили поодиночке, по двое и целыми группами. Рыжеволосый изобретатель, занятый проблемой транзистора, воспроизводящего телепатемы, смиренно попросил доктора просветить его. Поделились своими затруднениями две хорошенькие девушки, поглощенные головоломным исследованием, — они пытались определить возможность телепатического общения на расстоянии. Группа японцев, изучавших экстрасенсорный узел — центр телепатической восприимчивости, — с вежливым пришепетыванием настойчиво осаждала доктора Джордана.

В час дня Пауэл сказал:

— Прошу извинения, доктор, но указанный вами срок подошел к концу… вас ждут дела.

— Ничего, ничего, неважно, — отмахнулся Джордан. — Так вот, милейший доктор, если вы попробуете разделить оптическую…

Через полчаса Пауэл напомнил снова:

— Уже половина второго, доктор Джордан. Вы вылетаете в пять. Право же…

— У меня еще уйма времени. Уйма… Звездолеты, знаете ли, как женщины. Ни на одном из них свет клином не сошелся. Беда в том, дорогой сэр, что в вашем замечательном исследовании есть существенное упущение. Вы ни разу не по-

пробовали исследовать узел жизни с помощью витальных красителей. Я посоветовал бы вам…

В два часа был сервирован ленч, не помешавший пиршеству умов.

В два тридцать раскрасневшийся от приятного возбуждения доктор Джордан признался, что ему претит мысль о роскошной жизни на Каллисто. Там нет ученых. Не с кем поговорить.

Разве там мыслимо что-либо хоть отдаленно напоминающее этот блистательный коллоквиум?

В три часа он без утайки поведал Пауэлу, как ему досталось это проклятое поместье. Сперва им, кажется, владел Крей де Куртнэ. Старому Ричу (отцу Бена), наверное, каким-то образом удалось оттягать поместье, и он записал его на имя жены. После ее смерти поместье перешло к сыну. Ворюгу Бена Рича, видно, мучила совесть, коль скоро он передоверил решение дела крючкам-юристам, а те, петляя в дебрях закона, неожиданно обнаружили, что имение принадлежит Уилсону Джордану.

— И конечно, это далеко не единственное, что есть на совести у Рича, — сказал Джордан. — Чего я только не нагляделся, когда работал на него! Но финансисты ведь все жулики. Разве не так?

— На мой взгляд, вы несправедливы к Бену Ри-

чу, — с благородным беспристрастием возразил Пауэл. — В нем многое достойно восхищения.

— О, конечно, конечно, — торопливо согласился Джордан. — Совесть у него все же есть, и это, право, восхитительно. Мне не хотелось бы дать ему повод подумать, будто я…

— Разумеется, — Пауэл с заговорщицким видом одарил Джордана пленительной улыбкой. — То, что как ученые мы можем порицать, нам приходится хвалить как светским людям.

— Мы друг друга понимаем, — сказал Джордан, с чувством пожимая Пауэлу руку.

В четыре часа доктор Джордан уведомил осчастливленного японца, что с радостью передаст самую секретную часть своей работы по зрительному пурпуру этим славным юношам, чтобы помочь им в исследованиях, над которыми они трудятся. Он вручает факел грядущему поколению. Его глаза увлажнились, голос срывался от волнения, и он двадцать ми нут подробно объяснял принцип ионизатора, разработанного им для «Монарха».

В пять часов доктор Джордан прибыл на аэроскутере на космодром. Доктора провожал весь штат сотрудников лаборатории. Они усыпали его каюту цветами и подарками. Они засыпали

его самого бурными изъявлениями благодарности, и Когда, набирая скорость, звездолет устремился к четвертому спутнику Юпитера, доктор ощущал приятное сознание, что он принес пользу науке и ни единым словом не нанес вреда своему щедрому и благородному патрону, мистеру Бенджамену Ричу.

В гостиной Барбара старательно училась ползать. Ее недавно покормили, и она перемазалась в желтке.

— Та-та-та-та-та-та, — говорила она. — Тата.

— *Мэри! Мэри! Где же ты? Иди скорей сюда. Она говорит!*

— *Не может быть!* — Мэри вбежала в комнату. — *Что она сказами?*

— *Она матам меня «папа».*

— Тата, — сказала Барбара, — Та-та-та-та-та-та.

Мэри облила его презрением.

— *Ишь что придумал. Ничего она не говорит, просто лопочет: «Та-та-та».*

Мэри направилась в кухню.

— *Она хотела сказать* «папа». *Она ведь еще маленькая, и ей трудно выговаривать слова.*

Пауэл наклонился к Барбаре:

— Скажи «папа», детка. Папа. Папа. Скажи «папа».

— Та-та, — милым детским голоском протяжно отозвалась Барбара.

Пауэл капитулировал. Минуя уровень сознания, он, как прежде, обратился к подсознанию:

— *Здравствуй, Барбара.*

— Это снова ты?

— *Ты меня помнишь?*

— Не знаю.

— *Конечно, помнишь. Я тот малый, что без спросу лазит к тебе в душу, чтобы помочь тебе унять ее смятение.*

— Значит, нас только двое?

— *Только двое. Ты знаешь, кто ты? Хочешь, я расскажу тебе, как получилось, что ты совсем одна и бесконечно далека от всех?*

— Я ничего не знаю. Расскажи.

— *Слушай, милое мое дитя, когда-то давным-давно все это с тобой уже было — тогда ты тоже просто-напросто существовала. Потом ты родилась. У тебя была мать, был отец. Ты выросла и стала красивой, стройной, грациозной девушкой с белокурыми волосами и темными глазами. Ты прилетела с Марса на Землю вместе с отцом, и вы…*

— Неправда. Кроме тебя, нет никого другого. Нас только двое в темноте.

— *Нет, Барбара, у тебя был отец.*

— Никого у меня не было. Никого нет.

— *Прости, милая. Мне очень жаль, но мы опять должны пройти через эту муку. Мне нужно кое-что узнать.*

— Нет. Нет, прошу тебя. Нас с тобой только двое. Дух, миленький, прошу тебя, не надо.

— *Мы и будем вдвоем. Иди сюда, моя хорошая. Твой отец в другой комнате… в комнате, похожей на цветок… и вдруг мы слышим…*

Пауэл глубоко вздохнул и крикнул:

— Помощь, Барбара. Помощь!

И они замерли, напряженно прислуживаясь. Прикосновение постельного белья. Холодный пол под босыми ногами… нескончаемый коридор… а потом, добежав да комнаты, похожей на орхидею, они врываются в дверь, с криком шарахаются прочь от страшного Бека Рича, который что-то прикладывает к губам отца. Что он к ним приложил? Задержи этот образ. Сфотографируй. О господи! Как ужасен был этот приглушенный взрыв! Голова проломлена, и тот, который вызывает столько нежности, почтения, любви, неестественно скорчившись, надает на пол, и сердце надрывается от боли, и нужно доползти и выхватить из помертвевших губ этот зловещий

стальной цветок…

— Встань, Линк! Ты с ума сошел!

Мэри Нойес, возмущенная и негодующая, силилась поставить его на ноги.

— Идиот! Тебя нельзя оставить даже на минуту.

— Я очень долго простоял здесь на коленях, Мэри?

— Не меньше получаса. Вхожу из кухни, и нате вам, любуйтесь!

— Ты знаешь, Мэри, я нашел то, что искал. Это был револьвер. Старинное огнестрельное оружие.

Я его очень отчетливо видел. Вот, взгляни…

— М-м-м. Это и есть револьвер?

— Да.

— Где Рич мог его достать? В музее?

— Сомневаюсь. Я хочу рискнуть, попробую одним выстрелом убить двух зайцев. Пожалуйста, стань так, чтобы тебя не было видно на экране.

Подойдя к видеофону, Пауэл набрал ВД-12, 232. Почти тотчас на экране возникло перекошенное лицо Черча.

— Привет, Джерри.

— Здравствуйте… Пауэл.

Черч держался крайне настороженно.

— Гас Тэйт покупал у вас какой-то револьвер?

— Револьвер?

— Да, огнестрельное оружие. Образца двадцатого столетия. Тот самый, что был пущен в ход при убийстве де Куртнэ.

— Не покупал.

— Неправда. Джерри, я уверен, что убийца — Гас Тэйт. Мне казалось, что пистолет приобретен у вас. Я сейчас приеду к вам и покажу, как выглядит тот револьвер, а вы мне скажете, прав я или нет. — Поколебавшись, Пауэл тихо, но веско добавил: — Вы нам очень поможете, Джерри, и я буду чрезвычайно признателен. Чрезвычайно. Ждите меня. Я буду у вас через полчаса.

Пауэл отключил видеофон. Взглянул на Мэри. Образ подмигивающего глаза.

— За полчаса малютка Гас должен успеть домчаться до ссудной кассы Черча.

— Но почему вдруг Гас? Я думала, Бен Рич... — Мэри перехватила схему, в общих чертах составленную Пауэлом для себя еще в доме Экинсов.

— Ага, понятно. Ловушка и для Тэйта, и для Черча сразу. Черч продал Ричу револьвер.

— Возможно. Наверняка, конечно, знать нельзя. И все-таки ссудная касса — это почти то же, что музей.

— Ну а Тэйт, выходит, помогал Ричу осуществить убийство? Не могу поверить.

— В этом почти нет сомнений.

— Ты хочешь натравить двух этих щупачей друг на друга?

— И обоих на Рича. В качестве следователей мы потерпели полный крах. Попробую их общупачить.

— Но если ты не сможешь натравить этих двоих на Рича? Что, если они сразу вызовут его в ломбард?

— Его нет в городе. Мы его выманили. Запугали Кено Киззарда так, что он кинулся в бега, а Рич пытается его перехватить, пока Кено не проболтался.

— Да ты и правда жулик, Линк. Держу пари, что не кто иной, как ты, украл погоду.

— Нет, — ответил он, — *не я, а Нечестивый Эйб.*

Покраснев, он поцеловал Мэри, поцеловал Барбару, снова покраснел и, сконфуженный, вышел из дома.

Глава XI

В ссудной кассе было темно. Горела только лампа на прилавке, отбрасывая круг неяркого света. В световом пятне время от времени появлялись лица и руки трех собеседников, то наклонявшихся друг к другу в пылу разговора, то распрямлявшихся и тут же исчезавших в темноте.

— Нет, — твердо сказал Пауэл. — Я не намерен вас прощупывать. Мне нужен откровенный разговор. Вам двоим как щупачам может показаться обидным, что я обращаюсь к вам вслух, но я поступаю так в знак доверия. Я не могу одновременно разговаривать и прощупывать.

— Ой ли? — сказал Тэйт, и в круге света появилось настороженное личико гнома. — Вы и не на такие фокусы способны.

— Только не сейчас. Если угодно, проверьте. Я хочу поговорить с вами в открытую. Вы сами знаете, я веду следствие по делу об убийстве. Прощупывание мне здесь не поможет.

— Что вам нужно, Пауэл? — вмешался Черч.

— Вы продали револьвер Гасу Тэйту?

— Ничего подобного, — ответил Тэйт.

— Тогда зачем вы здесь?

— Вам кажется, я должен был оставить без внимания ваше чудовищное обвинение?

— Черч вызвал вас сюда, так как продал вам револьвер и отлично знает, как он был использован.

В круге возникло лицо Черча.

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался: съели?!

— Съел, — ответил, усмехнувшись, Пауэл. — Я сам прекрасно знаю, что вы не продавали револьвера Гасу. Вы его продали Бену Ричу.

В световом круге снова появилась физиономия Тэйта:

— Тогда почему же вы…

— Почему? — Пауэл пристально взглянул ему в глаза. — Мне нужно было вызвать вас сюда для разговора. Но подождите минуту. Я закончу с Джерри. — Он повернулся к Черчу. — В вашей кассе был револьвер. Не могло не быть. Рич пришел сюда за ним. Единственное место, куда он мог прийти. Вы с ним уже обделывали делишки. Я не забыл ваших упражнении на бирже…

— Будьте вы прокляты! — выкрикнул Черч.

— В результате этих упражнений вы и вылетели вон из Лиги, — продолжал Пауэл. — Рискнули всем и потеряли все только потому, что Рич вас

попросил покопаться в мыслях у четырех биржевиков и сообщить ему, что вы узнаете. Он нажил миллион и пальцем не пошевельнув, просто нашел дегенерата щупача, готового к услугам.

— Он заплатил мне за услугу! — крикнул Черч.

— А я вас просто-напросто прошу ответить на вопрос о револьвере.

— Чем вы заплатите?

— Не глупите, Джерри. Я вас выставил из Лиги, потому что я ханжа и чистоплюй, ведь так? Стану ли я вступать в сомнительные сделки?

— Значит, вы ничего не обещаете?

— Ничего. Доверьтесь мне, рискните ответить честно. Только никаких посулов вы от меня не дождетесь.

— А от других дождался, — пробормотал Черч.

— Вот как? Должно быть, от Бена Рича. Обещать-то он горазд. Вот выполняет не всегда. Ну что ж, решайте, кому довериться — мне или Ричу… Так что вы знаете о револьвере?

Черч откинулся назад, и голова его скрылась в тени. Немного погодя из темноты раздался его голос:

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался. Вот вам мои честные и беспристрастные показания.

— Спасибо, Джерри. — Пауэл с улыбкой пожал плечами и повернулся к Тэйту. — Я хочу задать вам только один вопрос, Гас. Мы не будем говорить о том, что вы сообщник Бена Рича… что по его заданию вы расспрашивали Сэма Экинса о де Куртнэ… не будем говорить о том, что вы отправились вместе с Ричем на вечеринку в Бомон Хауз, где прикрывали его и блокировали, и что такие же услуги вы продолжаете ему оказывать…

— *Одну минуту…*

— Не паникуйте, Гас. Я лишь одно хочу узнать: правильно ли я угадал, чем Рич вас купил. Деньгами вас не подкупишь — вы слишком много зарабатываете. Не подкупишь и положением — вы достигли самых вершин. Власть — вот что он вам предложил. Я не ошибся?

Тэйт судорожно его прощупывал и, натыкаясь на спокойную уверенность Пауэла, приходил все в большее и большее волнение. Когда же он убедился, что Пауэл знает о его вине, нимало в ней не сомневается и даже не удивлен, его волнение перешло в панику. Он заразил ею и Черча. Пауэл на это и рассчитывал, чтобы использовать их смятение в нужный момент.

— Рич мог предложить вам власть в своем мире, в мире бизнеса, — рассуждал между тем

Пауэл, — но это сомнительно. Он вряд ли поступился бы частью своего могущества, да и вам оно ни к чему. Скорее он вам предложил власть в мире эсперов. Может он это осуществить? Он финансирует Союз Эспер-патриотов. Наверное, он собирался действовать через Союз… устроить переворот? Сделать вас диктатором Эспер Лиги? Возможно, вы уже состоите в Союзе.

— *Слушайте, Пауэл…*

— Таковы мои предположения, Гас, — сухо сказал Пауэл, — и что-то мне подсказывает, что я сумею их подтвердить. Неужели вы вообразили, что мы позволим вам с Ричем так запросто уничтожить Лигу?

— *Вам не удастся доказать…*

— Что доказать?

— *Ваши обвинения голословны. Я…*

— Вы недоумок. Разве вы никогда не видели, как у нас судят щупачей? Мы не прибегаем к судебной процедуре, состоящей в том, что все клянутся говорить правду, а присяжным нужно выяснить, кто же все-таки врет. У нас это иначе, крошка Гас. Вас будет инспектировать комиссия, а состоит она только из эсперов первой ступени. Вы тоже первый, Гас. Пожалуй, вам удастся блокировать двоих… Возможно, и троих. Но не всех

же. Говорю вам, вы погибли.

— *Погодите, Пауэл, прошу вас… погодите!* — Бесстрастное личико манекена передергивалось от ужаса. — *Лига принимает во внимание, если виновный признает свою вину. Если он добровольно сознается в ней. Я вам все расскажу. Все до последнего слова. Сам не знаю, что на меня нашло. Но сейчас я выздоровел. Скажите это в Лиге. Когда имеешь дело с таким психопатом, как Рич, то невозможно сохранить свою индивидуальность. Вы невольно себя с ним отождествляете. Но сейчас с этим покончено. Так и скажите в Лиге. Читайте, вот вам вся история. Он жаловался на кошмары, в которых ему снился Человек Без Лица. Он…*

— *Он к вам пришел в качестве пациента?*

— *Да. Так он заманил меня в ловушку. Принудил стать его сообщником! Но это уже позади. Скажите в Лиге, что я с вами. Я от него отрекаюсь. Я расскажу вам все чистосердечно. Пусть Черч будет свидетелем…*

— Не буду я свидетелем! — крикнул Черч. — Трус паршивый! После того, как Бен Рич обещал…

— Да заткнитесь вы. По-вашему, я хочу стать на всю жизнь отщепенцем вроде вас? Слуга покор-

ный. Только такой сумасшедший, как вы, мог с ним спутаться. А я пока еще в своем уме.

— Вы ничтожество и трус. Надеетесь, что спасете свою шкуру? Надеетесь…

— Плевать мне на все! — взвизгнул Тэйт. — Пропадать, так хоть не в одиночку. Я сперва утоплю Рича. Я приду в суд свидетелем и сделаю там все, что сумею, чтобы помочь вам, Пауэл. Скажите это в Лиге, Линк. Скажите им…

— Ни в какой суд вы не пойдете! — рявкнул Пауэл.

— Как так?

— Вас воспитала Лига. Вы пока что состоите в ней. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы щупач донес на пациента?

— Но у меня ведь все улики!

— Ну и что? Пусть и останутся при вас. А я не допущу, чтобы щупач трепался на суде и марал честь своих собратьев.

— Но если вы не уличите Рича, вы рискуете своим местом.

— Пес с ним. Мне было бы жаль расстаться со своей работой, жаль упустить Рича, но такой ценой я платить не собираюсь. При ясном солнышке легко не сбиться с курса, а в ненастье — гораздо трудней. Вы не устояли против непогоды, Гас. И

глядите теперь, до чего докатились!

— Но я хочу помочь вам, Пауэл.

— Вы мне не можете помочь. Во всяком случае, не такой ценой.

— Но я же сообщник убийцы! — крикнул Тэйт. — По-вашему, этично отпускать меня по-добру-поздорову? По-вашему…

— Смотрите на него, — засмеялся Пауэл. — Ишь как он рвется навстречу Разрушению! Нет, Гас. Мы вас возьмем вместе с Ричем. Но я его разоблачу, не прибегая к вашей помощи. Я сыграю так, чтобы не нарушить Клятву Эспера.

Пауэл повернулся и вышел из светового круга, скрывшись в темноте. Приближаясь к входным дверям, он ждал: возьмет ли Черч приманку? Вся эта сцена была разыграна лишь для него, чтобы в последнюю секунду… За крючок пока никто не дергал.

Когда Пауэл распахнул дверь и в комнату хлынул с улицы холодный серебристый свет, Черч вдруг окликнул его:

— Погодите-ка!

Темный силуэт Пауэла замер на пороге:

— Да?

— О чем это вы толковали Тэйту?

— О Клятве Эспера. Вам следовало бы ее пом-

нить.

— Дайте-ка мне вас прощупать.

— Валяйте. Я открыт.

Пауэл снял почти все блоки. То, чего Черчу знать не следовало, было тщательно замаскировано и затемнено тангенциальными ассоциациями и калейдоскопом телепатем, в которых эсперу второй ступени было не под силу разобраться.

— Не знаю, — произнес наконец Черч. — Сам не знаю, как быть.

— О чем вы, Джерри? Объясните вслух — я ведь вас сейчас не прощупываю.

— Да обо всей этой истории с револьвером. Бог вас знает. Хоть вы ханжа и чистоплюй, а может, мне и в самом деле следовало бы довериться вам.

— Вот этот разговор мне уже по душе. Вы помните, я вам сказал, что ничего не обещаю?

— Помню. Но, может быть, вы из таких, с кем и не нужно загодя сговариваться. Может быть, мое горе в том и состоит, что я всегда старался сторговаться загодя и не…

В это мгновение недремлющий локатор Пауэла уловил на улице смерть. Мгновенно отскочив назад, Пауэл захлопнул дверь.

— *Не стойте на полу! Скорей куда-нибудь взби-*

райтесь!

В три больших шага оказавшись у прилавка, Пауэл вспрыгнул на него.

— Сюда, ко мне! Джерри! Гас! Живей же, дурни!

Комната затряслась противной тошнотворной дрожью; вибрация усиливалась, наращивая темп. Пауэл сбросил ногой лампу. Свет погас.

— Прыгайте вверх и цепляйтесь за люстру. Это гармонический дезинтегратор. Прыгайте!

Судорожно глотнув воздух, Черч прыгнул вверх, в темноту. Пауэл схватил Тэйта за руку; рука дрожала.

— Боитесь не допрыгнуть, Гас? Высоковато для вас… Вытяните руки, я вас подброшу.

Он кинул Тэйта вверх и следом прыгнул сам. Вцепившись в стальные паучьи лапы люстры, Тэйт, Пауэл и Черч повисли в воздухе, спасаясь от смертоносной вибрации, которая создавала гармонию распада во всем, что находилось на полу или с ним соприкасалось. Стекло, металл, камень, пластик… все это со скрежетом разлеталось на куски. Слышно было, как потрескивает пол, глухо рокочет потолок. Тэйт застонал.

— Держитесь крепче, Гас. Это наемные убийцы Киззарда. Отчаянная шайка. Один раз чуть было меня не укокошили.

У Тэйта отключилось сознание. Он автоматически продолжал цепляться за люстру, но его связи с окружающим все больше и больше терялись, и Пауэл, почувствовав это, обратился к подсознанию.

— Держаться! Держаться! Держаться! Не отпускать! Не отпускать! Не отпускать!

В подсознании Тэйта так явственно обозначилась обреченность, что Пауэл понял: никакими мерами Лига не смогла бы уже спасти его. Он неуклонно двигался навстречу гибели. Последние остатки чувства самосохранения иссякли, руки маленького щупача разжались, и он упал на пол. Вибрация затихла сразу после того, как, глухо шмякнувшись об пол, распалось тело. Черч тоже слышал этот звук и вскрикнул.

— Тише, Джерри! Еще не кончено. Держитесь.

— В-вы это слышали? Вы слышали ЕГО?

— Слышал. Мы еще в опасности. Держитесь!

Дверь ссудной кассы приоткрылась. Острый, как бритва, луч пробежал по полу. Задержавшись на три секунды там, где размазалось страшное месиво, луч мигнул и исчез. Дверь закрылась.

— Отлично, Джерри. Эти молодчики опять решили, что со мной разделались. Теперь вопите на здоровье.

— Я не могу спрыгнуть, Пауэл. Я не могу на это наступить…

— Еще бы, Джерри, я вас понимаю.

Повиснув на одной руке, Пауэл схватил другой Черча за плечо и подтолкнул к прилавку. Черч спрыгнул. Пауэл последовал за ним. Их обоих мутило.

— Так вы говорите, что это кто-то из молодчиков Киззарда?

— Конечно. У него целая банда психопатов. Не успеем выловить и спровадить в Кингстон одних, а Киззард уже подбирает новых. Он их приманивает наркотиками.

— Но что они имеют против вас?

— Неужели не ясно Джерри? Они работают на Бена. А Бен начал паниковать.

— Бен? Бен Рич? Но ведь они явились в мою кассу. Я мог здесь оказаться.

— Вы и оказались здесь. Что это меняет, скажите на милость?

— Как что меняет? Рич не позволил бы им подвергать мою жизнь опасности.

— Вы в этом уверены? — Образ улыбающейся кошки.

Черч остолбенел. Потом вдруг вскрикнул, охваченный яростью:

— Ах сукин сын! Ах распроклятый сукин сын!

— Не стоит горячиться, Джерри. Рич спасает собственную жизнь. Едва ли от него можно ждать сейчас особой щепетильности.

— Ну что же, если он спасает свою жизнь, то я займусь спасением своей, и пусть не жалуется на меня, подлец… Готовьтесь, Пауэл. Я ничего не утаю, коль скоро уж я раскололся.

После страшной гибели Тэйта, беседы с Черчем и очередного посещения полиции приятно было, возвратясь домой, встретить белокурую озорницу малышку. В правой руке у Барбары был черный карандаш, в левой — красный. Высунув язык и скосив темные глаза от усердия, она что-то старательно малевала на стенах.

— Бэри! — строго воскликнул Пауэл. — Ты что это делаешь?

— Рисоваю картиноцки, — отозвалась Барбара, — славные картиноцки для папы.

— Спасибо, душенька, — сказал он. — Превосходная идея. Теперь пойди сюда и посиди с папой.

— Не-е, — ответила она, продолжая рисовать.

— Ты моя девочка?

— Дя.

— А разве моя девочка бывает непослушной?

Бэри слушается папу.

Барбара взвесила в уме этот довод.

— Дя, — ответила она, сунула карандаши в карман и села рядом с Пауэлом на тахту, взяв его за руки своими выпачканными в мелу ручонками.

— Право же, Барбара, — пробормотал он, — твоя шепелявость начинает меня беспокоить. Может быть, тебе нужно надеть пластиночку на зубы?

Он сказал это полусерьезно. Как-то забывалось, что рядом с ним сидит взрослая девушка. Он заглянул в темные глубокие глаза, сверкающие и пустые, как не наполненный вином бокал.

Медленно пробираясь сквозь верхние слои ее сознания, он приближался к густо затянутому покровом туч взбаламученному подсознанию. Слабый проблеск света там, за тучами, одинокий и трогательный, стал уже чем-то мил ему. Но сейчас его встретил не робкий проблеск, а острие луча, который мог бы исходить разве что от пышущей грозным жаром новой звезды.

— *Здравствуй, Барбара. Ты, кажется…*

Откликом был такой взрыв страсти, что Пауэл поспешно отступил.

— Эй, Мэри! — крикнул он. — Скорей сюда!

Из кухни выскочила Мэри Нойес.

— Новые осложнения?

— Пока еще нет. Но скоро будут. Наша пациентка пошла на поправку.

— Я не заметила в ней перемен.

— Загляни вместе со мной внутрь. В ней ожили глубокие инстинкты. Где-то в самой, в самой глубине. Мне чуть мозги не выжгло.

— А при чем тут я? Потребовалась компаньонка? Охранять секреты девичьего сердца?

— Ты шутишь? Это меня нужно охранять. Протянуть руку помощи.

— Барбара держит тебя за обе руки.

— Я выразился фигурально, — Пауэл смущенно посмотрел на спокойное кукольное личико, прохладные пальцы, вяло прикасавшиеся к его рукам. — Ну, пошли.

Снова вглубь по темным переходам к пылающему в ней — к пылающему в каждом из людей — горнилу, вечному источнику душевных сил и психической энергии; безжалостной, безрассудной, алчной. Он чувствовал, как Мэри Нойес на цыпочках пробирается следом за ним. На этот раз он остановился поодаль.

— *Привет, Барбара.*

— Убирайся!

— *Это же я, дух.*

Его полоснуло ненавистью.

— Ты меня помнишь?

Ненависть перешла в смятение, потом прихлынула жаркая волна страсти.

— Линк, спасайся, пока не поздно. Затянет в омут, потом не вырвешься.

— Мне нужно кое-что найти.

— Что ты найдешь? Там только страсть и смерть, во всей своей неприкрытой примитивности.

— Я хочу узнать об ее отношениях с отцом. Почему он чувствовал себя виноватым перед ней?

— Делай как знаешь. Я ухожу.

Новая вспышка. Мэри убежала.

То отходя, то приближаясь, Пауэл двинулся в обход, настороженный и собранный, как электрик, который ищет среди нескольких оголенных проводов один — обесточенный. Где-то близко полыхнул разряд. Пауэл потянулся в ту сторону, отступил, оглушенный, и сразу почувствовал, как его облепил покров инстинкта самосохранения. Собравшись с духом, он погрузился в водоворот ее ассоциаций и начал их классифицировать. Вокруг бушевал такой хаос энергии, что Пауэлу не без усилия удалось оградить свое сознание от внешних воздействий.

Сигнализация соматических клеток — топливо

всего этого котла. Реакции несметных биллионов клеток; их органические вопли; приглушенное гудение мышечных тонов; циркуляция крови и колебаний ее кислотности; все это пенилось и бурлило в неустойчивом равновесии, составлявшем душевный мир девушки. То тут, то там проскальзывали искаженные образы, полусимволы, незавершенные ассоциативные связи… Ионизированные атомы мысли.

Вот это вроде бы напоминает взрывной согласный звук… Пауэл проследил его до буквы «п»… и до сенсорной ассоциации с поцелуем, а дальше путем перекрестной связи перешел к сосательному рефлексу грудного младенца, к младенческим воспоминаниям о… матери? Нет, о кормилице. Сюда же вкраплено общение с родителями — отрицательная величина. Мать со знаком минус. Пауэла чуть не опалила вспышка детской обиды и гнева (комплекс заброшенности), но ему удалось уклониться. Снова подобрав «п», он подыскал соотносящееся с ним «па», потом «папа» и в конце концов «отец».

Неожиданно он оказался лицом к лицу с самим собой.

Уставившись на этот образ, Пауэл только ценою огромных усилии сумел удержаться на грани

вменяемости.

— Да *кто же ты такой, черт тебя побери?*

С чарующей улыбкой образ скрылся.

«П»… «па»… «папа»… «Отец». Жар преданности и любви, связанных с… Он снова оказался лицом к лицу со своим образом. На этот раз он обнаженный, могучий; он излучает ток желания и любви; он протягивает руки.

— *Я потерялся. Ты сбиваешь меня с толку.*

Образ исчез. *Влюбилась она в меня, что ли?*

— Здравствуй, дух.

Так вот, оказывается, какой видит себя Барбара, — умилительно карикатурной: белесые патлы, темные кляксы глаз, угловатая, нескладная фигура… Образ расплылся… и снова неудержимым потоком хлынул, обрушился, все вытеснил собой Пауэл — могучий и нежный защитник. На сей раз он не отступил перед своим двойником. Стиснул зубы, но удержался и принялся его разглядывать. Образ оказался двуликим:, спереди, как в зеркале, он видел свое лицо, а сзади — лицо де Куртнэ. Сверкнула цепь двойных ассоциаций: бог Янус, двойник, копия, парный, соединенный и вдруг… Рич? Невозмож… Да, в самом деле, Бен Рич и карикатурный образ Барбары срослись боками, как сиамские близнецы. Брат и сестра.

Барбара и Бен. Единство крови. Единство…

— Линк!

Оклик раздался где-то очень далеко. Непонятно откуда.

— Линкольн!

Пусть немного погодит. С этим Ричем придется…

— Линкольн Пауэл! Я здесь, идиот!

— Мэри?

— Не могу тебя найти.

— Через несколько минут буду с тобой.

— Линк, я уже третий раз пытаюсь тебя обнаружить. Если ты сейчас не выйдешь, ты пропал.

— Третий раз?

— За три часа. Линк, ну пожалуйста… пока я еще в силах.

Он начал выбираться на поверхность. Но не мог сообразить, куда он должен двигаться. Вокруг бесновался вневременной и внепространственный хаос. Снова появился образ Барбары де Куртнэ, на этот раз — карикатура на эротичную сирену.

— Здравствуй, дух.

— Линкольн, богом тебя заклинаю!

Он заметался было в панике, потом взяла свое щупаческая выучка. Автоматически он выполнял все, что требовалось для осуществления «отхода».

В строгой последовательности захлопывались блоки; каждый заслон — шаг назад, все ближе к свету. На середине, пути он ощутил, что Мэри рядом с ним. Она его сопровождала до самого конца, до тех пор, пока он вновь не оказался у себя в гостиной, рядом с Барбарой. Словно обжегшись, Пауэл отпустил ее руки.

— Мэри, я обнаружил какую-то загадочную связь между ней и Беном Ричем. Они каким-то образом…

Мэри держала намоченное в холодной воде полотенце. Размахнувшись, она больно хлопнула им Пауэла по лицу. Только тогда он понял, что трясется, как в ознобе.

— Вся трудность в том… Понимаешь, пытаться по кусочкам воссоздать целое из обрывков сенсорных сигналов — это все равно что пробовать осуществить химический анализ, находясь в середине солнца.

Снова удар полотенцем.

— И в том и в другом случае ты имеешь дело не с элементами, а с расщепленными частицами… — Пауэл увернулся от очередного удара полотенцем и внимательно посмотрел на Барбару. *— Подумай, Мэри, бедняжка, кажется, в меня влюбилась.*

Образ подмигивающей горлицы.

— *Серьезно. Я там все время натыкался на себя.*

— *Да ну? А за собой ты ничего не замечаешь?*

— *Я тебя не понял.*

— Чем объясняется, скажи мне, твой отказ послать ее в Кингстонский госпиталь? — спросила Мэри. — Чем ты объяснишь эти телепатические экскурсы, столь регулярно проводимые по два раза в день? И для чего тебе вдруг понадобилась компаньонка? Я вам скажу, что это значит, мистер Пауэл.

— Что же?

— То, что ты в нее влюблен. Влюблен еще с тех пор, когда увидел ее в доме Чуки Фруд.

— Мэри!

Вспыхнув, она бросила ему в лицо яркое комплексное изображение: он сам и Барбара, и то, что Мэри подглядела несколько дней назад… то, что заставило ее побледнеть от ревности и гнева. Пауэл знал, что она не ошиблась.

— *Мэри, милая…*

— Не беспокойся обо мне. На меня наплевать. Послушай, ты в нее влюбился, а она ведь не щупачка. Мало того, она помешанная. Что ты в ней любишь? Ее лицо? Инстинкты? Какую часть от

целого составляет предмет твоей страсти? Одну десятую? А остальные девять? Ты уверен, что ты их полюбишь? Будь ты проклят! И зачем я тебя вытащила, лучше бы ты сгинул там, в дебрях ее подсознания.

Мэри отвернулась и заплакала.

— *Мэри, я умоляю тебя…*

— Заткнись, — сказала она, всхлипывая. — Будь ты проклят! Тебе звонили. Из полиции. Ты должен срочно вылететь на Космическую Ривьеру. Там Бен Рич, он куда-то исчез. Одним словом, ты им нужен позарез. Ты нужен всем. Как видишь, я не исключение.

Глава XII

Пауэл уже десять лет не бывал на Космической Ривьере. Усевшись в полицейский аэроскутер, который прибыл, чтобы снять его с борта «Холиди Куин», роскошного космического лайнера, Пауэл с любопытством смотрел вниз, разглядывая порт и раскинувшуюся за ним панораму. То, что он видел, больше всего напоминало шитое серебром и золотом лоскутное одеяло. И, как всегда в эти минуты, он улыбнулся, представив себе сцену, которую его воображение рисовало ему каждый раз, когда он приближался к этому космическому курорту. Он вообразил себе, как исследуют Космическую Ривьеру, случайно натолкнувшись на нее во время путешествия, какие-нибудь первопроходцы из отдаленной галактики, суровые и серьезные диковинные создания. Как ни пытался он представить себе, что же они напишут в своих отчетах, ему это никогда не удавалось.

— Это уж работка для Нечестивого Эйба, — пробормотал он.

Ривьера начала свое существование больше столетия тому назад, когда некий энтузиаст, помешанный на культе здоровья, создал для своей

цели небольшой, всего пол мили в диаметре, искусственный астероид — плоское блюдечко в космическом пространстве. Он нарастил на этом блюдечке коллоидную воздушную полусферу, установил атмосферный генератор и стал основателем колонии. За сотню с лишним лет в космическом пространстве вокруг блюдечка вырос целый пиршественный стол, занявший сотни миль. Каждый новый владелец участка просто-напросто добавлял к общему столу очередную милю, наращивал над ней атмосферу, и дело было сделано. К тому времени, когда специалисты, спохватившись, посоветовали придать Космической Ривьере более удобную и экономную шарообразную форму, сделать это было уже невозможно. Колония просто продолжала размножаться.

Скутер вошел в вираж, и под лучами солнца сотни полусфер заискрились в темно-синем космосе как мыльные пузыри. В центре находился все еще функционирующий пансионат, построенный на участке основателя колонии. Вокруг были отели, луна-парки, санатории, лечебницы и даже кладбище. Со стороны Юпитера располагалась гигантская пятидесятимильная полусфера, покрывавшая Заповедник Космической Ривьеры.

Здесь посетитель получал с каждой квадратной мили куда больше природы и погоды, чем на любой естественно образовавшейся планете.

— Слушаю вас, — сказал Пауэл.

Сержант полиции, волнуясь, начал рассказывать.

— Мы все делали по инструкции. Выпустили за Хэссопом Недотепу. Ловкач шел следом. Потом девушка Рича выловила Недотепу…

— О, так это девушка его выловила?

— Ага… Бедовая такая красоточка, зовут Даффи Уиг.

— Вот дьявольщина! — вспыхнул Пауэл. Сержант поглядел на него с удивлением. — Как же так, я сам ее допрашивал, и хоть бы… — он осекся. — Выходит, и я сел в калошу. Да послужит мой пример вам уроком. Если имеешь дело с красивой девушкой… — Он не договорил и потряс головой.

— Так вот, значит, — продолжил свой рассказ сержант, — девушка выловила Недотепу, а едва только взялся за — дело Ловкач, как Рича понесла нелегкая сюда.

— На чем он вылетел?

— На собственной яхте. В космосе с ними произошла авария. Всю носовую часть вмяло внутрь. То ли на метеор они налетели, то ли на оставлен-

ный командой звездолет. На яхте один убитый и трое раненых, в том числе Рич. Его доставили в больницу, и мы считали, что хоть некоторое время он там пролежит. Но не успели мы оглянуться, как он исчез. Хэссоп тоже пропал. Я хватаю щупача-переводчика со знанием четырех языков, ищем, ищем — все впустую.

— А где вещи Хэссопа?

— Они тоже исчезли.

— Черт те что! Нам просто необходимо взять его с вещами. Только тогда мы сможем выяснить мотив. Ведь Хэссоп старший шифровальщик «Монарха». Нам необходимо узнать у него содержание последней телеграммы, отправленной Ричем Крэю де Куртнэ, и ответ…

— В понедельник, за два дня до убийства?

— Да. Возможно, именно этот обмен телеграммами и подтолкнул его к преступлению. К тому же не исключено, что Хэссоп захватил с собой финансовые отчеты фирмы. Они могли бы помочь суду узнать причину, из-за которой Ричу так приспичило расправиться с де Куртнэ.

— А… какую, к примеру, причину?

— В «Монархе» поговаривают, что де Куртнэ совершенно припер Рича к стенке.

— А вы уже выяснили обстоятельства и способ

убийства?

— И да и нет. Джерри Черч мне выложил все, что знал, но тут сложная механика. Мы можем рассказать, при каких обстоятельствах произошло убийство. Наши доводы сочтут достаточными, если при этом будут известны мотив и способ убийства. Способ описать мы можем. И суд будет удовлетворен, если мы прибавим к этому мотив и обстоятельства. То же самое и с мотивом. Это похоже на три шеста, которые подпирают вигвам. Каждый из них поддерживает два остальных. Но ни один не держится сам по себе. Вот такие же установки у старикашки Моза. И вот почему нам так нужен Хэссоп.

— Они ведь здесь, на Ривьере. Хоть за это я могу поручиться.

— Не стоит вешать голову из-за того, что Рич вас одурачил. Он многих одурачивал. Меня в том числе.

Сержант угрюмо качнул головой.

— Буду искать сразу обоих — и Хэссопа, и Рича, — сказал Пауэл, когда скутер проскользнул в воздушный шлюз. — Но сначала мне хотелось бы проверить один свой домысел. Покажите мне труп.

— Чей труп?

— Человека, который погиб во время катастрофы на аэрояхте.

В полицейском морге на воздушной подушке лежал замороженный изувеченный труп мужчины с очень белой кожей и огненно-рыжей бородой.

— Так, так, — негромко сказал Пауэл. — Кено Киззард.

— Вы его знаете?

— Да. Он работал на Рича, но оказался слишком дошлым. Теперь можно не сомневаться, что авария на яхте произошла не случайно, она была подстроена для того, чтобы замаскировать убийство.

— Да, но как же это! — вскрикнул полисмен. — Двое других тоже опасно ранены. Рич, может быть, и симулировал. Допустим. Но ведь и яхта погибла, а потом те двое…

— Те двое ранены. И погибла яхта. Ну и что ж из этого? Зато Киззард теперь уже наверняка не проболтается, а Ричу только этого и надо. Это его работа. Нам, правда, сроду не удастся доказать его вину, но нам это и ни к чему, если мы найдем Хэссопа. Мы тогда и так сможем спровадить нашего дружка на Разрушение.

Раскрашенный в яркий спортивный костюм

(в этом сезоне на Космической Ривьере было модно наносить одежду краской из пульверизатора) Пауэл пустился в стремительное турне по мыльным пузырям… «Отель Виктория», «Отель Спортсмена», «Магический», «Родина на Чужбине», «Новый Нью-Трепльсберг», «Марсианин» (очень шикарный), «Венусбург» (форменный бардак) и десятки других… В поисках незабвенных старинных друзей Пауэл перезнакомился со множеством народу и на шести языках описывал приметы Хэссопа и Рича, одновременно осторожно прощупывая собеседника. Убедившись, что собеседник вполне ясно представил себе и того и другого, Пауэл ждал ответа. Все отвечали одно и то же. Нет, не видел. Их ни разу никто не видел.

Со щупачами было легче… На Космической Ривьере работали и отдыхали целые сонмы щупачей… но и от них было не больше толку.

Традиционный сбор в Солнечном Реймсе… сотни коленопреклоненных фанатиков радостным пением приветствуют Празднество Летнего Утра. Результат поисков все тот же. Гонки в Марсе-на-Чужбине. Парусники скачут по воде, как с силой брошенные камешки. Результат тот же. Санаторий при лечебнице пластической хирургии… сотни забинтованных лиц и тел. Результат

поисков тот же. Лётное поле. Результат тот же. Горячие серные ключи, Белые серные ключи, Черные серные ключи… Результат все тот же.

Обескураженный Пауэл свернул наконец на кладбище «Рассветный Луч». Оно напоминало английский парк — украшены флагами дорожки, дубы, ясени и вязы и маленькие газончики ярко-зеленой травы. Слышна приглушенная музыка, это в укромно расположенных павильонах пиликают струнные квартеты роботов. Пауэл уже не мог сдержать улыбку.

В центре кладбища находилась очень добросовестно воспроизведенная копия собора Парижской богоматери. На соборе аккуратная табличка: «Наша славная шотландская часовенка». Одна из химер елейным голосом зычно вещала: В НАШЕЙ СЛАВНОЙ ШОТЛАНДСКОЙ ЧАСОВЕНКЕ ВЫ УВИДИТЕ ДЕЙСТВО РОБОТОВ, КОТОРЫЕ РАЗЫГРЫВАЮТ ДРАМУ БОГОВ. МОИСЕЙ НА ГОРЕ СИНАЙСКОЙ, РАСПЯТИЕ ХРИСТА, МАГОМЕД И ГОРА, ЛАО ЦЗЕ И ЛУНА, ОТКРОВЕНИЕ МЭРИ БЕЙКЕР ЭДДИ, ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО БУДДЫ, ЯВЛЕНИЕ ИСТИННОГО И ЕДИНОГО БОГА ГАЛАКТИКИ… Пауза и чуть более деловито: ВВИДУ БЛАГОЧЕСТИВОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВА ВХОД ТОЛЬКО ПО БИЛЕТАМ. БИЛЕТЫ МОЖНО

ПРИОБРЕСТИ У БЭЙЛИФА. Пауза, и уже новый голос, умоляющий и оскорбленный: ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ, ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ… НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО. Затем щелчок, и другая химера принялась вещать на другом языке. Пауэл расхохотался.

— Как вам не стыдно, — сказала стоявшая сзади девушка.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Извините. В самом деле, ясно сказано: не разговаривать и не смеяться громко. А вам не кажется, что это уморительнейшая… — И вдруг, узнав знакомые телепатемы, Пауэл быстро обернулся. Перед ним стояла Даффи Уиг.

— Даффи? Ну и ну! — сказал он.

Сердитое лицо девушки на миг стало растерянным, но тут же его осветила улыбка:

— Мистер Пауэл! — воскликнула она. — Неотразимый сыщик. Вы помните, за вами танец.

— И извинение, — добавил Пауэл.

— Прелестно. Хоть одно. Мне их столько задолжали! За что же в данном случае?

— Я вас недооценил.

— К этому мне не привыкать, — взяв Пауэла под руку, Даффи повлекла его за собой по

дорожке. — Ну, скажите же, благодаря чему восторжествовала справедливость? Вы на меня внимательнее взглянули и…

— …осознал, что вы умнее всех остальных работающих на Бена Рича.

— Я умна. Я в самом деле выполняла кое-какую работу для Бена… однако в вашем комплименте мне послышались минорные полутона. Намекните, что вас опечалило?

— Наш хвост за Хэссопом.

— Пожалуйста, чуть поотчетливее ритм.

— Вы сорвали наш хвост. Поздравляю с удачей.

— А-а, я поняла. У вас есть лошадь — Хэссоп. В жеребячьем возрасте несчастный случай лишил Хэссопа его лучшего украшения, и тогда вы заменили его хвост искусственным, который…

— Плохо, Даффи, никуда не годно. Придумайте что-нибудь поумней.

— Знаете, что я скажу вам, чудо-мальчик: дайте полный ток, хватит темнить. — Ее задорная мордочка повернулась к Пауэлу с полусерьезной, полунасмешливой миной. — Что вы такое городите?

— Сейчас все объясню; прямо по буквам. У нас был хвост за Хэссопом. Хвост — это соглядатай, шпион, тайный агент, которому поручено повсю-

ду следовать и наблюдать за подозреваемым…

— Усекла. А что такое Хэссоп?

— Хэссоп работает у Рича. Он его старший шифровальщик.

— И что я сделала с вашим шпионом?

— Выполняя инструкцию, полученную от Рича, вы очаровали нашего агента, вскружили ему голову, довели до того, что, забыв служебный долг, он целыми днями торчал с вами у рояля, а затем…

— Стойте! — резко перебила Даффи. — Я его знаю. Такой поганчик. Ну, ну, ну! Так он был полисмен?

— Право же, Даффи…

— Я задала вопрос.

— Да, он был полисмен.

— И следил за Хэссопом?

— Верно.

— Хэссоп… это такой белесый? Волосы и глаза будто пылью присыпаны? Глаза голубые?

Пауэл кивнул.

— Мерзавец, — прошептала Даффи. — Подлый мерзавец. А вы, значит, считаете, что я из тех, кто делает для него грязную работу? — яростно повернулась она к Пауэлу. — Вот оно что! Эх вы… щупач называется!

Так вот, послушайте, что я вам скажу. Рич попросил меня оказать ему услугу. Сказал, что этот человек обдумывает очень интересный музыкальный код. Мол, не возьмусь ли я его проинспектировать? Ну как мне было догадаться, что это какой-то там хвост? Как я могла узнать, что ваш агент вздумает выдавать себя за музыканта?

— То есть вы утверждаете, что Рич вас обманул? — удивился Пауэл.

— А что ж еще? — вскипела Даффи. — Я своих мыслей не таю, прощупывайте. Если бы Рич не был сейчас в Заповеднике, то вы легко бы убедились…

— Стоп! — нетерпеливо перебил Пауэл. Проникнув за барьер ее сознания, он за десять секунд четко и исчерпывающе обследовал ее. Затем он бросился бежать.

— Э-эй! — крикнула Даффи. — Каково решение присяжных?

— Выдать вам медаль, — не останавливаясь, отозвался Пауэл. — Я пришпилю вам ее лично, как только спасу чью-нибудь жизнь.

— Зачем мне чья-то жизнь? Мне нужны вы.

— Это ваш недостаток, Даффи. Вам нужны все.

— Кто-о-о-о?

— Все-э-э-э.

ПРОСЬБА НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО!

Пауэл нашел сержанта в местном театре «Глобус», где великолепная эспер-актриса своей игрой волновала тысячи сердец. Трудно сказать, в чем состояла главная прелесть исполнения — в отточенной ли сценической технике или в телепатической чуткости, с какой артистка откликалась на реакцию публики, но во всем зале только один человек остался равнодушным. То был сержант полиции, который угрюмо и методично оглядывал одно за другим лица зрителей. Пауэл взял его за руку и вывел из театра.

— Он в Заповеднике, — сообщил Пауэл сержанту. — Там же вместе с ним и Хэссоп. И там же вещи Хэссопа. Очень ловко все придумано. Человек только что побывал в катастрофе, и ему хочется развлечься, отдохнуть. Едет он, конечно, не один, а со спутником. Они опередили нас на восемь часов.

— Заповедник? М-м-да... — задумчиво пробормотал сержант. — Две с половиной тысячи квадратных миль, до отказа набитых такой прорвой флоры, фауны, рельефов и климатов, какой нигде больше не увидишь, даже если проживешь три жизни.

— Вы считаете вероятным, что Хэссоп может там погибнуть (если он уже не погиб)?

— Я гроша ломаного не дам за его голову.

— Чтобы спасти беднягу, нам придется взять вертолет и немедленно вылететь.

Сержант откашлялся:

— Кгм… На территории Заповедника не разрешается пользоваться механическим транспортом.

— Но это же особый случай. Старикашка Моз непременно потребует к себе Хэссопа.

— Тогда пусть ваша чертова машина уломает нашу мэрию. Недельки через три-четыре вы, может быть, получите специальное разрешение.

— К тому времени от Хэссопа и костей не останется. Ну а если применить телепатический радар или сонар? Мы могли бы определить телепатемы Хэссопа и…

— Кгм… — снова откашлялся сержант. — Никакие приборы, за исключением кино- и фотокамер, не допускаются на территорию Заповедника.

— Послушайте, что за чертовня творится в этом вашем знаменитом Заповеднике?

— Заповедник сулит встречу со стопроцентно девственной природой для тех, у кого шило в заднем месте. Все там делается на свой риск.

Опасность придает экскурсии еще большую пикантность. Представляете? Вы боретесь со стихией. Боретесь с дикими зверями. Вы вновь становитесь примитивным и обновленным. Так говорят рекламные объявления.

— И что там делают туристы: трут чурки одну о другую?

— Несомненно. Вы путешествуете пешим ходом. Припасы тащите на себе. А чтобы вас не слопали медведи, нужно захватить непроницаемый защитный барьер. Если вам нужен огонь, разведите костер. Желаете поохотиться, сами изготовьте себе оружие. Рыбку поудить — опять же делайте все сами. Честное состязание с природой. А на тот случай, если она вас победит, вы должны, пока живы, выдать расписку.

— Как же нам искать Хэссопа?

— Подмахнуть расписку и двинуться в путь.

— Вдвоем? Обшарить две с половиной тысячи квадратных миль этой первозданной географии? Сколько патрульных вы можете для меня выделить?

— Человек десять.

— То есть по двести пятьдесят квадратных миль на душу. Вы шутите.

— Может быть, вы сумеете уговорить наше

правление… хотя нет, вы и собрать-то их всех вместе сможете не раньше чем через неделю. Впрочем, стойте! Не сумели бы вы их объединить телепатическим путем? Послать какие-нибудь аварийные сигналы, что ли? Как там у вас, щупачей, это делается?

— Вашего брата мы только прощупываем. А что-либо передать мы можем лишь друг другу… Стоп! Ага, вот это уже идея!

— Что за идея?

— Человеческий организм не считается прибором?

— Пока нет.

— И не относится к плодам цивилизации?

— Это точно.

— В таком случае мне нужно как можно скорей кое с кем договориться, и я отбуду в Заповедник с персональным радаром.

Следствием осенившей Пауэла идеи явилось то, что знаменитый адвокат во время щекотливейших переговоров в роскошном, как все на Ривьере, зале заседаний внезапно ощутил непреодолимую тягу к природе. То же чувство овладело секретарем известного писателя, арбитром по вопросам семейного права, консультантом отдела найма при Объединенной Ассоциации Отелей,

специалистом по технической эстетике, председателем Вселенского Комитета Жалоб, главным кибернетиком Титана, секретарем Совета Политической Психологии, двумя членами кабинета министров, пятью парламентскими лидерами и десятками других работающих и отдыхающих на Ривьере эсперов.

Длинной вереницей входили они в ворота Заповедника, объединенные ощущением праздничной приподнятости и взаимосвязанности. Те, кто заблаговременно получил сообщение по тайной сети, успели переодеться. Остальные не успели: контролеры, занятые проверкой багажа туристов, с изумлением проводили глазами безумца, который прошествовал в ворота с рюкзаком на спине и при всех дипломатических регалиях. Зато все как один поклонники природы имели при себе большие карты Заповедника, тщательно разбитые на секторы.

Быстрым шагом они разошлись во все стороны миниатюрного искусственного континента. Воздух как бы гудел, насыщенный телепатемами; все сообщения и замечания пробегали по контурам живого радара, сходясь к его центральной точке, к Пауэлу.

— *Путь закрыт. Передо мной гора.*

— Тут снег. Ну и метель!

— Болота и (фу, дрянь!) москиты в моем секторе.

— Стоп. Линк! Впереди люди. Сектор двадцать один.

— Дайте мне на них взглянуть.

— Пожалуйста.

— К сожалению, не то.

— Впереди люди, Линк. Сектор девять.

— Перешлите их изображение.

— Держите.

— Нет. Не то.

— Впереди люди, Линк. Сектор семнадцать.

— Дайте изображение.

— А, черт! Это медведь.

— Не удирайте! Действуйте дипломатично!

— Впереди люди, Линк. Сектор двенадцать.

— Дайте изображение.

— Получите.

— Опять не то.

— Вот это да!

— Метель?

— Нет. Льет как из ведра.

— Впереди люди, Линк. Сектор сорок один.

— Дайте изображение.

— Пожалуйста.

— Не они.

— Линк, объясните, как лазят по пальмам.

— Перехватывайте ствол руками и ногами и взбирайтесь вверх.

— Мне нужно вниз, а не вверх.

— А как вы попали наверх, ваша честь?

— Не знаю. Спросите у носорога, которого я встретил возле этой пальмы.

— Впереди люди, Линк. Сектор тридцать семь.

— Перешлите их изображение.

— Держите.

— Не годится.

— Впереди люди, Линк. Сектор шестьдесят.

— Гоните их изображение.

— Пожалуйста…

— Шагайте мимо.

— Долго нам еще тут странствовать?

— Они опередили нас по меньшей мере на восемь часов.

— Нет, щупачи, поправка. Они взяли старт на восемь часов раньше нас, но это не значит, что нас разделяет восемь часов пути.

— Нельзя ли попонятней, Линк?

— Ричу не обязательно забираться в глубь Заповедника. Он мог и поближе к воротам облюбовать удобное местечко.

— Удобное для чего?

— Для убийства.

— Простите. Как уговорить дикую кошку, чтобы она вас не сожрала?

— Прибегните к политической психологии.

— Прибегните к защитному барьеру, мистер секретарь.

— Впереди люди, Линк. Сектор один.

— Дайте их изображение, мистер главный кибернетик.

— Пожалуйста.

— Пройдите мимо, сэр. Это Рич и Хэссоп.

— ЧТО?!

— Без паники. Не привлекайте к себе внимания. Спокойно проходите мимо. Когда скроетесь из поля зрения, сверните к сектору два. Всем возвратиться к воротам и разойтись по домам. Тысяча благодарностей. С этой минуты я начинаю действовать на свой риск.

— Возьмите нас в долю, Линк.

— Не выйдет. Здесь нужна ювелирная работа. Рич не должен знать, что я похитил Хэссопа. Все будет выглядеть естественно, закономерно и не вызовет подозрений. Так сказать, кража без взлома.

— И совершите ее, конечно, вы.

— Кто украл погоду, Пауэл?

Жаркая вспышка смущения догнала направлявшихся к воротам эсперов.

Облюбованная Ричем квадратная миля представляла собой густые заболоченные, насыщенные влажными испарениями джунгли. Когда спустилась темнота, Пауэл медленно пополз к костру, который Рич разложил на поляне у небольшого озерца. Вода кишела крокодилами, гиппопотамами и водяными. На земле и на деревьях тоже бурлила жизнь. Экологи Заповедника употребили немало усилий, чтобы совместить и сосредоточить максимум живности на крохотном клочке земли. И поскольку их усилия увенчались блестящим успехом, непроницаемый защитный барьер Рича работал с максимальной нагрузкой.

Пауэл слышал, как попискивают, ударяясь о барьер, москиты, как со щелчком отскакивают от невидимой стены более крупные насекомые. Он не рискнул установить свой собственный барьер: защитные барьеры слегка гудят, работая, а у Бена Рича острый слух. Пауэл подобрался поближе к костру и стал прощупывать.

Хэссоп был спокоен и беспечен; ему слегка кружила голову дружба могущественного ше-

фа, слегка пьянила мысль, что в его коробке с пленками хранится судьба Бена Рича. Рич лихорадочно мастерил огромный самострельный лук, обдумывая, как подстроить «несчастный случай» и устранить Хэссопа. Этот лук и лежавший рядом с Ричем на земле пучок стрел с закаленными на огне остриями съели восемь часов, на которые он опередил Пауэла. Но для того чтобы подстроить несчастный случай на охоте, нужно охотиться.

Пауэл встал на колени и подполз поближе, нацелив все свои чувства на восприятие Рича. Он замер как вкопанный, когда в сознании Рича звякнул сигнал тревоги. Рич, который только что доделал лук, вскочил и, напряженно вглядываясь в темноту, прицелился.

— Что случилось, Бен? — шепотом спросил Хэссоп.

— Не знаю. Там что-то есть.

— Вот страсть-то. Но ведь у нас барьер.

— Да, я о нем все забываю.

Он снова сел на землю и поворошил костер. Рич не забыл о барьере, но недремлющий инстинкт убийцы смутно и в то же время настойчиво предупреждал его… Пауэлу оставалось только удивляться изощренной чуткости человеческого сознания. Он опять прощупал Рича. Тот, как все-

гда, когда чувствовал приближение опасности, машинально прикрылся привычным блоком: *И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз. Три, четыре, три, два, раз!*

Глубже бушевал водоворот. Все острей желание убить… убить немедленно и беспощадно… и уж после «озаботиться о том, чтобы придать убийству видимость несчастного случая.

Стараясь не глядеть на Хэссопа, Рич взял лук. Ему не терпелось поскорее выпустить смертоносную стрелу. Пауэл двинулся вперед. Но не успел Рич пройти и десяти футов, как новый сигнал тревоги заставил его вскочить на ноги. Выхватив из костра горящее полено, он запустил им в темноту, туда, где скрывался Пауэл. Рич так быстро принял и осуществил свое решение, что Пауэл не успел его предугадать. Пылающая головня наверняка бы угодила в Пауэла, если бы не защитный барьер, о котором забыл Рич. На лету наткнувшись на преграду, полено упало на землю.

— А-а! — крикнул Рич и вдруг повернулся к Хэссопу.

— Да что случилось, Бен?

Вместо ответа Рич прицелился в Хэссопа, так туго натянув тетиву, что тупой конец стрелы коснулся мочки его уха.

Хэссоп испуганно вскочил.

— Бен, осторожнее! Вы можете в меня попасть!

Рич выстрелил, но Хэссоп неожиданно метнулся в сторону, и стрела пролетела мимо.

— Бен! Да что вы там…

Внезапно Хэссоп все понял. С приглушенным криком он побежал прочь от костра и от Рича, который положил уже новую стрелу на тетиву. Хэссоп, с разбегу врезавшись в барьер, отлетел назад. Стрела, просвистевшая над самым его плечом, тоже уткнулась в барьер.

— Бен! — взвизгнул Хэссоп.

— У, сукин сын! — прохрипел Рич, еще раз заряжая лук.

Пауэл был уже возле барьера. Но он не мог проникнуть внутрь. Хэссоп с визгом метался у дальней стены, а Рич на него надвигался, держа перед собою лук Вторично налетев на невидимую стену барьера, Хэссоп упал, пополз на четвереньках, потом встал на ноги и, словно загнанная крыса, шмыгнул в сторону от неотступно преследующего его Рича.

— Боже мой! — прошептал Пауэл и отступил в темноту. Нужно было что-то предпринять и предпринять немедленно. В ушах у него гудело от набегавшего волнами ропота и рева, которы-

ми джунгли откликнулись на вопли Хэссопа. Пауэл весь обратился в телепатическую восприимчивость. Слепой страх, слепой гнев, слепые инстинкты — вот все» что его окружало. Бегемоты, тяжелые, тупые… Глухие, злобные, голодные крокодилы… Огромные водяные, свирепые, как носороги, которых они вдвое превышали размером. Издали долетают приглушенные расстоянием телепатические сигналы слонов, вапити, гигантских кошек…

— Ну, была не была, — решился Пауэл. — Попробую взломать барьер. Другого пути нет.

Он задвинул все блоки, пригнал их впритирку и, оставив выход только для сообщения эмоций, начал передавать: *страх, страх, ужас, страх…* он посылал самые примитивные эмоции из всего ряда… *Страх. Страх. Ужас. Страх. СТРАХ — БЕГСТВО — УЖАС. СТРАХ — БЕГСТВО — УЖАС — БЕЖАТЬ!*

Во всех гнездах, пискнув, пробудились птицы. На птичий писк жалобным воплем отозвались обезьяны, и тысячи ветвей заколыхались под телами четвероруких беглецов. На озерце послышался нестройный залп громких чавкающих взрывов — то выскакивали из прибрежной отмели охваченные слепым ужасом бегемоты.

Стонала земля под ногами слонов, которые бежали в панике и оглашали джунгли пронзительным трубным ревом. Рич услыхал все это и застыл на месте, забыв о Хэссопе, который, плача и крича, все еще продолжал метаться между стенами барьера.

Бегемоты первыми наткнулись на барьер. За ними следовали гигантские водяные и крокодилы. Затем подоспели слоны. А дальше на барьер с тяжелым топотом обрушились стада зебр, гну, вапити. История Заповедника еще не знала такого массового бегства животных. Не мудрено, что и создатели непроницаемого защитного барьера не предусмотрели возможности столь интенсивного напора. Барьер рухнул с пронзительным скрежетом, будто кто-то резал ножницами стекло.

Бегемоты раскидали и затоптали костер. Пробравшись в темноте к ополоумевшему от ужаса Хэссопу, Пауэл схватил его за руку и потащил к краю поляны, где были сложены вещи. Удар копыта чуть не сбил Пауэла с ног, но он не выпустил Хэссопа и вскоре обнаружил драгоценную коробку с пленкой. В кромешной, напоенной страхом тьме Пауэл различал телепатемы бегущих в панике животных, и ему удалось выбраться, таща за собой Хэссопа, из середины живого потока.

Спрятавшись за широким стволом тукового дерева, он приостановился, чтобы отдышаться и спрятать в карман коробку. Хэссоп все еще всхлипывал. Затем Пауэл поймал телепатемы Рича — тот стоял прижавшись спиной к дереву всего лишь в сотне футов и сжимал оцепеневшими руками лук и стрелы. Он был растерян, взбешен, перепуган… и пока что невредим. Больше всего на свете Пауэлу хотелось сберечь его в целости и сохранности для Разрушения.

Отцепив свой собственный защитный барьер, Пауэл швырнул его через поляну к выжженной костром проплешине, где Ричу уже нетрудно было бы его найти. Потом он повернулся и повел к воротам покорно следовавшего за ним шифровальщика.

Глава XIII

Дело Рича можно было наконец передать окружному прокурору. Пауэл надеялся, что оно достаточно подготовлено и для того, чтобы им мог заняться толстокожий скептик, ненасытный пожиратель фактов, старикашка Моз.

Пауэл и его сотрудники собрались в кабинете Моза. В середине кабинета стоял круглый стол. На столе находился прозрачный макет Бомон Хауза, населенный миниатюрными андроидами. Сотрудники лаборатории, изготовляя модели, изображающие главных действующих лиц, превзошли себя. Крохотные Рич, Тэйт, Мария Бомон и другие передвигались по макету, воспроизводя все особенности походки оригиналов. Рядом с макетом на столе лежала кипа документов, подготовленных для Моза сотрудниками парапсихологического отдела.

Сам «старикашка» занимал всю окружность стены своего гигантского круглого кабинета. Помаргивали и мерцали холодным блеском его многочисленные глаза. Гудели и жужжали многочисленные блоки памяти. Конус рта чуть приоткрылся, словно в изумлении перед челове-

ческой глупостью. Многочисленные руки-рычаги застыли над рулоном перфорированной ленты, готовые сразу же вслед за получением данных отстучать логический вывод. Моз, Он же Мозаичный Следственный компьютер окружной прокуратуры, держал в страхе всех сотрудников полиции, контролируя и оценивая каждое их действие, решение и заключение.

— Сперва не будем беспокоить Моза, — сказал Пауэл прокурору. — Включим модели и посмотрим, насколько точно их действия совпадут с имеющимся у нас графиком. У ваших сотрудников есть таблицы времени. Сверяйтесь с ними: если наши куклы что-нибудь сделают не так, дайте знать, и мы выбросим макет на помойку.

Он кивнул де Сантису, вспыльчивому заведующему лабораторией, и тот, сдерживая раздражение, — спросил:

— Один к одному?

— Нет, это слишком быстро. Сделайте один к двум. Вдвое медленней нормальной скорости движения.

— При таком темпе андроиды выглядят неестественно, — вскипел де Сантис. — Их не смогут оценить. Мы как проклятые вкалывали две недели…

— Не тревожьтесь. Мы повосхищаемся ими потом.

Употребив титаническое усилие воли, де Сантис сдержался, затем нажал на кнопку. В макете зажегся свет, и куклы ожили. Возник звуковой фон, котором угадывались музыка, смех, разговоры. В главном зале Бомон Хауза пневматическая модель Марии медленно взобралась на помост, держа крохотный томик в руках.

— Это происходило в одиннадцать ноль девять, — пояснил Пауэл сотрудникам прокуратуры. — Следите за часами над макетом. Они, как и модели, будут работать в два раза медленней обычного.

Все умолкли и затаив дыхание следили за сценой, на которой андроиды воспроизводили события рокового вечера. Вновь, как и тогда, Мария Бомон, стоя на помосте в главном зале, прочитала объяснение к игре в «Сардинки». Свет стал меркнуть и погас. Бен Рич осторожно пробрался из главного зала в концертный, повернул направо, поднялся по ступенькам в картинную галерею, через бронзовую дверцу проник в прихожую брачных покоев, оглушил охрану и вошел в багряно-золотую комнату в форме цветка.

И снова Рич там встретил де Куртнэ, подошел

к нему вплотную, вытащил из кармана нож-револьвер и лезвием разомкнул челюсти старика, который и не пробовал сопротивляться. Снова резко распахнулась дверь, впустив Барбару де Куртнэ в белом, искрящемся, как иней, халатике. Снова она все пыталась подбежать к отцу, а Рич никак не мог ее поймать, а потом вдруг выстрелил в рот де Куртнэ и пробил ему череп.

— Подлинные кадры, — шепотом сообщил Пауэл. — Я раздобыл этот материал, прощупывая ее подсознание.

Барбара подползла к телу отца, вынула револьвер и неожиданно выбежала из комнаты. Рич бросился за ней вслед, но не сумел ее найти в темном доме, и девушка через парадный вход проскользнула на улицу. Затем Рич встретил Тэйта, и они оба, сделав вид, что играют в «Сардинки», проследовали б просмотровый зал. Драма закончилась, когда толпа испуганных гостей, ворвавшись в брачные покои, окружила бездыханное тело старика. Куклы застыли в неподвижности, являя собой причудливую живую картину в миниатюре.

Наступила длинная пауза; сотрудники прокуратуры обдумывали увиденное.

— Ну вот, — сказал Пауэл. — Происходило это

так. А сейчас давайте вручим наши данные Мозу и посмотрим, что он думает. Сначала — замысел. Вы ведь не станете отрицать, что игра в «Сардинки» предоставила Ричу отличную возможность осуществить его замысел.

— Как мог Рич знать, что там будут играть в «Сардинки»? — буркнул прокурор.

— Рич купил книгу и послал ее Марии Бомон. Он это сделал неспроста.

— Как мог он предугадать, какую игру выберут?

— Он знал, что Мария любит игры. А игра в «Сардинки» была единственной во всем томике, объяснение к которой осталось удобочитаемым.

— Ну, не знаю, — прокурор почесал голову. — Моза не так-то легко убедить. Подайте этот материал. Вреда не будет.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет прошествовал комиссар Крэбб с таким видом, словно он командовал парадом.

— Господин префект Пауэл, — произнес он официальным тоном.

— Господин комиссар?

— Мне стало известно, сэр, что вы пытаетесь при помощи этой машины обвинить моего друга Бена Рича в гнусном и вероломном убийстве

Крэя де Куртнэ. Мистер Пауэл, ваши намерения абсурдны. Бен Рич один из наших самых уважаемых и выдающихся сограждан. Кроме того, сэр, я никогда не одобрял тенденции передоверять решение важных вопросов электронному мозгу. Избиратели доверили вам пост префекта, чтобы вы работали своей головой, а не пресмыкались…

Пауэл кивнул Беку, и тот начал вставлять перфокарты.

— Вы совершенно правы, комиссар, — ответил Пауэл. — Теперь коснемся обстоятельств. Первое: скажите-ка, де Сантис, каким образом Рич оглушил охрану?

— К тому же, господа… — продолжил Крэбб.

— Ионизатором родопсина, — резко отчеканил де Сантис. Он достал пластмассовую горошину и перебросил Пауэлу, который продемонстрировал ее всем остальным. — Человек по фамилии Джордан придумал эту штуку для частной полиции Рича. У меня есть эмпирическая формула изготовления ионизатора, которую можно ввести в компьютер, а также созданный в нашей лаборатории образец. Не желает ли кто-нибудь его испытать?

Прокурор не проявил энтузиазма.

— В этом нет необходимости. Моз и без испыта-

ний может сделать вывод.

— И в связи с этим, господа… — подводил итог Крэбб.

— Нет уж, позвольте, — с деланной приветливостью возразил де Сантис. — Не увидев собственными глазами, вы нам не поверите. Это совсем не больно. Вы всего-навсего становитесь non compos на каких-нибудь шесть или семь…

Шарик начал расползаться в пальцах Пауэла. Яркая вспышка голубого пламени метнулась Крэббу прямо в нос. Комиссар умолк на полуслове и свалился как пустой мешок. Пауэл в ужасе озирался.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Что я наделал? Эта горошина сама растаяла в моей руке. — И, повернувшись к де Сантису, строго сказал: — Слишком тонкая оболочка, де Сантис. Полюбуйтесь, что вы натворили с комиссаром.

— Я натворил?

— Передайте эти материалы — Мозу, — вмешался прокурор, стараясь говорить бесстрастно и сухо. — Такие данные он примет.

Тело комиссара бережно уложили в глубокое кресло.

— Итак, об обстоятельствах убийства, джентльмены, — продолжал Пауэл. — Вот, не угодно

ли взглянуть? Рука быстрее глаза. — Он продемонстрировал собравшимся револьвер из музея полиции. Вынул патроны, затем из одного вытащил пулю. — Именно так поступил Рич с револьвером, полученным им накануне убийства от Джерри Черча. Он сделал вид, что обезвредил револьвер. Ложное алиби.

— Кой черт ложное? Револьвер действительно не может выстрелить. Это показания Черча?

— Да. Там у вас записано.

— Тогда даже не стоит беспокоить Моза, — прокурор брезгливо отшвырнул бумаги. — У вас нет улик.

— Улики есть.

— Разве можно убить холостым патроном? В вашем протоколе не сказано, что Рич вторично зарядил патрон.

— Он его не заряжал.

— Что правда, то правда, — едко вставил де Сантис. — Ни в ране, ни в комнате мы не нашли ничего похожего на пулю. Ничего!

— Нашли, любезнейший. Только мы не сразу сообразили, что к чему.

— Не было там ничего! — крикнул де Сантис.

— Полноте, де Сантис, ведь вы сами и нашли то, что помогло мне подобрать ключ. Помните

комочек глазури во рту де Куртнэ? Вспомнили? А в желудке не оказалось никаких следов печенья.

Встретив изумленный взгляд де Сантиса, Пауэл усмехнулся. Он взял пипетку и наполнил водой сделанную из глазури капсулу. Затем он вставил ее в гильзу патрона и зарядил пистолет. Установив на краю стола деревянную панельку, Пауэл прицелился и нажал на курок. Последовал негромкий, как бы приглушенный звук взрыва, и панелька разлетелась на куски.

— Бог мой... да как же это? — вскрикнул прокурор. — Неужели там была только вода?

Он начал перебирать кусочки дерева.

— Вода, и больше ничего, — ответил Пауэл. — Из револьвера можно выстрелить не пулей, а просто унцией воды. Причем начальная скорость будет достаточно велика для того, чтобы вышибить человеку затылок, если вы стреляли в мягкое небо. Вот почему Ричу было необходимо выстрелить своей жертве в рот. Вот почему мы ничего другого не нашли. Там ничего и не было.

— Передайте это Мозу, — слабым голосом произнес прокурор. — Честное слово, Пауэл, я начинаю верить, что мы наскребем достаточно улик.

— Прекрасно. И последнее — мотив. Изучив финансовые отчеты «Монарха», мы пришли к

выводу, что де Куртнэ загнал Рича в тупик. Рич не мог одолеть конкурента, и ему оставалось только сделаться его компаньоном. Он предложил де Куртнэ объединить капиталы, но тот отказался. Тогда Рич убил де Куртнэ. Наши выводы вам кажутся логичными?

— Вполне. Вот только покажутся ли они логичными старику Мозу? Суньте все это ему, и поглядим.

Они вставили в компьютер оставшиеся перфокарты, хорошенько раззадорили «старика», сразу включив его на максимальную мощность, и Моз принялся за дело.

Он сосредоточенно мигнул. В нем что-то тихо заурчало. Послышалось прерывистое сопение. Пауэл и остальные со все возрастающим нетерпением ждали ответа. Внезапно Моз икнул. Раздался тихий звон: «Динь-динь-динь-динь-динь», и руки-рычаги начали колотить по чистой ленте.

С РАЗРЕШЕНИЯ СУДА, — ответил Моз, — СОГЛАСНО ХОДАТАЙСТВУ НЕУМЫШЛЕННИКОВ И ВОЗРАЖЕНИЮ ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ. ПОДПИСИ. СС. ПРЕЦЕДЕНТ: ХЭЙ прот. КОГОУЗА И РЕШЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ ШЕЛЛИ.

— Что это он? — Пауэл вопросительно взглянул

на Бека.

— Резвится.

— Нашел время!

— С ним это иногда случается. Попробуем еще раз.

Они снова вставили в компьютер перфокарты и добрых пять минут подзадоривали «старика».

И опять Моз заморгал, засопел, опять внутри у него заурчало, и Пауэл и все остальные, встревоженные, ждали ответа. Чтобы узнать этот ответ, десятки людей напряженно трудились целый месяц. Но вот застучали по перфоленте руки-рычаги.

РЕЗЮМЕ 921, 088. СЕКЦИЯ С-1. МОТИВ, — сказал Моз. — НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ прот. ХАНРАХАНА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ РЯД ПРЕЦЕДЕНТОВ.

— Эмоциональные мотивы? — растерялся Пауэл Что он, ополоумел? Да ведь тут корыстные мотивы Бек, проверьте секцию С-1.

Бек проверил.

— Там все в порядке.

— Попытаемся снова.

Компьютер запросили в третий раз, и на сей раз он ответил по существу:

РЕЗЮМЕ
921, 089. СЕКЦИЯ С-1. МОТИВ. НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ КОРЫСТНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ прот. РОЙЯЛ 1197 ВЕРХ. СУД 388.

— Вы как следует подготовили материалы для С-1? — спросил Пауэл.

— Мы сделали все, что сумели, — отозвался Бек.

— Простите, — Пауэл повернулся к остальным. — Нам с Беком придется перебросить несколькими мыслями. Надеюсь, вы не возражаете. — Он обратился к Беку.

— Ну-ка уберите блоки, Джексон, дайте мне взглянуть. Что-то уклончивое померещилось мне в вашем последнем ответе. А ну-ка мы…

— Честное слово, Линк, я представления не имею…

— Если бы вы имели представление, это была бы уже не уклончивость, а просто ложь. А ну-кась. А-а… Конечно! Дурень. Вы считаете себя виновным в том, что не готова расшифровка.

— Дело в том, — пояснил Пауэл, обращаясь вслух ко всем сидящим в кабинете, — что у Бека среди подготовленных им материалов недостает одной мелочи. Хэссоп и наши шифровальщи-

ки сейчас пытаются раскодировать личный код Рича. Пока же нам известно лишь, что Рич предложил слияние капиталов и получил отказ. Подлинный текст предложения и отказа нами еще не получен. Их-то и требует Моз. Въедливый старикан.

— Если вы не раскодировали код, откуда вам известно, что Рич делал такое предложение и получил отказ? — спросил прокурор.

— Я узнал это от самого Рича через посредство Гаса Тэйта. Тэйт успел мне это сообщить за несколько секунд до своей гибели. Знаете, что мы сделаем, Бек? Добавьте к перфокарте предположительные данные. Что думает Моз о нашем деле, если допустить (а мы это вправе сделать), что имеющиеся у нас сведения об обмене телеграммами подтвердятся?

Бек от руки перфорировал карту, присоединил ее к основному материалу и снова вставил в компьютер. Моз к этому времени уже разгулялся, и ответ последовал через 30 секунд. «РЕЗЮМЕ 921,088. С ДОПУСКОМ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ВЕРОЯТНАЯ ДОКАЗУЕМОСТЬ ОБВИНЕНИЯ 97,0099 ПРОЦЕНТА».

Сотрудники Пауэла заулыбались и с облегчением перевели дух. Пауэл оторвал ленту и широким

галантным жестом вручил прокурору.

— Прошу принять дело, господин окружной прокурор. Как видите, в полном ажуре.

— Ну и ну! — воскликнул прокурор. — Подумать только, девяносто семь процентов. Да у нас и девяноста ни разу не набегало за все время моей службы. Семидесяти были рады. Девяносто семь процентов… И против кого? Самого Бена Рича! — Он ошеломленно оглядел своих сотрудников. — Ну и в историю мы с вами влипли.

Дверь открылась, в комнату, размахивая какими-то листками, вбежали двое вспотевших, запыхавшихся людей.

— А вот и шифр, — сказал Пауэл. — Раздолбали, значит, наконец?

— Раздолбали, — отозвались шифровальщики. — И код раздолбали, и вас. Все ваше дело раздолбали вдребезги.

— Как? Что вы мелете?

— Рич укокошил де Куртнэ из-за того, что тот не захотел с ним объединиться, так мы считали? Ему во что бы то ни стало нужно было избавиться от старика, ведь так? Черта с два!

Бек тихо застонал.

В шифровке, которую Рич отправил де Куртнэ, стояло: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. А это зна-

чит: ПРЕДЛАГАЮ СЛИЯНИЕ НАШИХ КАПИТАЛОВ НА НАЧАЛАХ РАВНОГО УЧАСТИЯ В ДОЛЕ.

— Черт возьми! Да ведь и я то же самое говорю.

А де Куртнэ ответил: WWHG, то есть отказался. Рич сообщил об этом Тэйту, а Тэйт — мне.

— Де Куртнэ ему ответил WWHG, что означает: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО.

— Вранье!

— А вот и не вранье. WWHG — ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО. Именно тот ответ, который был нужен Ричу. Получив такую телеграмму, Рич должен был пылинки с де Куртнэ сдувать. Вы не сможете убедить ни один суд в Солнечной системе, что у Рича были причины убить де Куртнэ. Лопнуло ваше дело.

С полминуты Пауэл простоял неподвижно, стиснув зубы, сжав кулаки. Лицо его подергивалось. Внезапно он повернулся к макету, вынул фигурку Рича и свернул ей голову. Потом подошел к Мозу, вырвал перфорированную ленту, свернул ее в комок и швырнул через всю комнату. Решительным шагом Пауэл направился к креслу, где возлежал Крэбб, и изо всех сил саданул ногой в сиденье. К ужасу зрителей, кресло перевернулось и вместе с комиссаром грохнулось на пол.

— А, чтоб ему пусто было! Вечно торчит в крес-

ле! — срывающимся голосом крикнул Пауэл и выбежал за дверь.

Глава XIV

Удар! Взрыв! Дверь камеры настежь! Где-то там, снаружи, во тьме, ждет свобода и полет в неизведанное.

Но кто это? Кто стоит там за дверью? Боже милостивый! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать! Спасаться! Улететь!

Он летит в космосе… Как спокойно чувствуешь себя в этом пустом уединенном космокаре, опоясанном серебряной полосой, который устремляется в глубины неизведанного… Люк! Он открывается. Но этого не может быть. На космокаре нет никого, а крышка люка открывается медленно, зловеще… Боже мой! Человек Без Лица! Притаился. Огромный. Безмолвный…

Но я же невиновен, ваша честь. Невиновен. Вам никогда не доказать моей вины, а я буду бесконечно опротестовывать приговор, без конца опротестовывать, пусть даже я оглохну от грохота вашего судейского молотка, и… О господи! Там, на скамье. В парике и в мантии. Человек Без Лица. Притаился. Глядит. Воплощение возмездия…

Грохот молотка все глуше. Да это вовсе и не молоток. Это постукивают костяшками пальцев. Кто-то негромко стучит в дверь каюты. Снаружи слышится голос стюарда:

— Мы над Нью-Йорком, мистер Рич. Через час посадка. Мистер Рич, мы уже над Нью-Йорком.

Костяшки пальцев продолжают барабанить в дверь.

Наконец Рич обретает дар речи.

— Ладно, — говорит он хрипло. — Я вас слышу.

Стюард ушел. Рич выбрался из своей жидкой гидропатической постели и почувствовал, что у него подкашиваются ноги. В конце концов, цепляясь руками за стену и кляня себя последними словами, он встал, все еще полный только что пережитого ужаса, прошел в ванную, побрился, принял душ, паровую и воздушную ванны. Его все еще покачивало. Войдя в нишу для массажа, он нажал на кнопку с надписью «Ионизированная соль». Тотчас пульверизаторы рассыпали по его коже два фунта ароматного порошка, щелкнули рычажки электромассажа, готовые приняться за дело. Но тут вдруг Рич решил, что было бы неплохо выпить кофе. Он вышел из ниши, чтобы вызвать стюарда, и в это мгновение в нище послышался глухой взрыв.

Что-то с силой оттолкнуло Рича, и он упал ничком на пол. Град крохотных острых осколков осыпал его спину. Он вскочил, бросился в спальню, схватил саквояж и, затравленно озираясь, начал рыться в нем, разыскивая разрывные баллоны, которые всегда носил с собой.

Потом он взял себя в руки и тут же почувствовал, как щиплет спину попавшая в порезы соль, как сочится из ранок кровь. И еще он почувствовал, что его больше не бьет озноб. Он вернулся в ванную, выключил систему электромассажа и осмотрел то, что осталось в нише. Судя по всему, ночью кто-то похитил у него из саквояжа разрывные баллоны и заложил их под массажные рычажки. Пустая гильза одного из баллонов валялась на полу возле ниши. Его спасло чудо. Еще какая-нибудь доля секунды… Но кто, кто мог подстроить этот взрыв?

Он самым внимательным образом осмотрел дверь. Замок открывал, по-видимому, мастер своего дела. Нигде не осталось даже маленькой царапинки. Но кто он, этот террорист? И зачем ему было устраивать покушение?

— Сукин сын! — прорычал Рич.

Не позволяя себе поддаться панике, он вернулся в ванную, смыл соль и кровь, опрыскал спину

коагулянтом, оделся, выпил кофе и лишь после этого спустился в досмотровый зал. Выдержав там яростную стычку с таможенниками-щупачами *(Получил синяк под глаз! Три, четыре. Три, два, раз!),* он перешел на борт принадлежащего его фирме авиаскутера, который поджидал его, чтобы доставить в город.

Из кабины скутера он связался с Башней «Монарха». На экране возникло лицо секретарши.

— Узнали что-нибудь новое о Хэссопе? — спросил Рич.

— Нет, мистер Рич. Ничего нового с тех пор, как вы звонили нам с Ривьеры.

— Дайте мне зал отдыха.

На экране замерцала елочка фона, затем появился сверкающий хромированной мебелью зал. Бородатый, похожий на ученого Уэст старательно подшивал в пластиковые папки листки с машинописным текстом. Он поднял голову и улыбнулся.

— Хэлло, Бен!

— Чему это вы радуетесь, Эллери? — хмуро сказал Рич. — Где черти носят этого Хэссопа? Уж вам-то следовало бы…

— Это больше не моя забота, Бен.

— Что вы болтаете?

Уэст показал папки.

— Вот закругляюсь, как видите. Это история моей карьеры на службе фирмы «Монарх». Предприятия общественного пользования. Для ваших архивов. Означенная карьера завершилась сегодня в девять часов утра.

— Что?

— Ну да. Я давно предупреждал вас. Но решению Лиги я наконец освобожден от службы в вашей фирме. Лига находит, что методы промышленного шпионажа вашей компании неэтичны.

— Послушайте, Эллери, вы не можете бросить меня сейчас. Вы мне до смерти нужны, я просто в тупике. Сегодня утром на звездолете кто-то подсунул мне мину. Я чудом спасся. Я должен узнать, чьих рук это дело. А для этого мне нужен щупач.

— Мне очень жаль, Бен.

— Вам не обязательно работать для «Монарха». Я заключу с вами персональный контракт на предмет частной службы. Как с Брином.

— Брин? Второступенный? Психоаналист?

— Да. Мой психоаналист.

— Уже не ваш.

— Что?

Уэст кивнул.

— Сегодня объявлено постановление покон-

чить с частной практикой. Она снижает полезную отдачу эсперов. Мы должны посвятить себя тому, чтобы приносить максимальную пользу максимальному количеству людей. Вот почему вы лишились Брина.

— Это все Пауэл! — крикнул Рич. — Откапывает на мусорной свалке всевозможные гнусные щупаческие увертки и все, чтобы прищучить меня. Старается пристегнуть мне дело де Куртнэ, подлый щупач! Все…

— Не сотрясайте понапрасну воздух, Бен. Пауэл не имеет к этому никакого отношения. Расстанемся по-хорошему, а? Мы с вами всегда отлично ладили. Так расстанемся же по-доброму. Что вы сказали?

— Сказал, чтобы вы катились ко всем чертям! — рявкнул Рич и выключил видеофон. Затем точно таким же тоном он бросил капитану скутера:

— Ко мне домой.

Рич ворвался в свой изящный фешенебельный особняк, построенный на крыше гигантского небоскреба, пробудив, как пробуждал уже не раз, страх и ненависть в сердцах слуг. Он запустил саквояжем в камердинера и направился в комнаты, отведенные Брину. Они были пусты. Суховатая записка на столе извещала Рича о том

же, о чем он только что узнал от Уэста. Рич широкими сердитыми шагами направился в свои покои, подошел к видеофону и набрал номер Гаса Тэйта. На пустом экране вспыхнула надпись:

ПРИЕМА НЕТ.

Рич изумленно поглядел на надпись, отключил видеофон и набрал номер Джерри Черча. И снова на чистом экране появилась надпись:

ЛОМБАРД ЗАКРЫТ.

Рич злобно щелкнул тумблером и начал неуверенно расхаживать по кабинету, затем, направившись к сейфу, мерцавшему в углу, настроил его на временную фазу и, когда появились ячейки, протянул руку, чтобы взять маленький красный конверт, лежавший в левом верхнем углу. Коснувшись конверта рукой, он услышал негромкий щелчок. И тут же, пригнувшись, метнулся в сторону.

Из сейфа вырвалась слепящая вспышка пламени, затем раздался мощный взрыв. Что-то больно толкнуло Рича в левый бок. Пролетев через весь кабинет, он ударился о стену. Посыпался град осколков. С большим трудом ему удалось встать на ноги. Ошеломленный, разъяренный, свирепо что-то рыча, он принялся срывать с себя изодранный пиджак, чтобы выяснить, насколько сильно

его покалечило. Он обнаружил множество ран от осколков, а мучительная боль в боку свидетельствовала о том, что сломано по крайней мере одно ребро.

Услыхав, что слуги бегут к нему по коридору, он заорал:

— Никому не входить! Слышите вы? Никому! Все оставайтесь на месте.

Спотыкаясь об обломки, он начал разбирать то, что осталось от сейфа. Вот нейронный дезинтегратор, отнятый им у красноглазой помощницы Чуки Фруд. А вот зловещий стальной цветок, тот самый нож-револьвер, которым был убит де Куртнэ. В обойме остались четыре нестреляных патрона с наполненными водой ампулами из глазури. Он сунул то и другое в карман (к этому времени он успел переодеться), взял из стола новый запас разрывных баллонов и выбежал из комнаты, даже не взглянув в сторону изумленных слуг.

Спускаясь к гаражу, расположенному в подвале, Рич ругался последними словами. Ругаясь, он сунул в щель автоматического вызова аэромобилей ключ от своего маленького личного прыгуна и стал ждать. В эта время в гараж вошел один из жильцов небоскреба. Остановившись

поодаль, он с любопытством поглядывал на Рича. Наконец прыгун вынырнул из хранилища с ключом, торчащим в дверце. Рич повернул ключ, рывком распахнул дверцу и уже собрался сесть в кабину, когда до его слуха донесся тихий звук, похожий на шипение воздуха, вырывающегося из проколотого баллона. Рич бросился ничком на землю. В ту же секунду в прыгуне взорвался бак. К счастью, обошлось без пожара. Вырвался лишь мощный гейзер горючего, и во все стороны полетели обломки искореженного металла. Рич со всей быстротой, на какую был способен, пополз к выходу, кое-как добрался до лестницы и сломя голову бросился вон из гаража.

Вот и улица. Растерзанный, окровавленный, провонявший креозотом, он остановился и как безумный стал озираться по сторонам в надежде поймать общественного прыгуна. Прыгунов-автоматов не было, но ему удалось остановить аэромобиль с водителем.

— Куда? — спросил шофер.

Рич с некоторым даже изумлением взглянул на свою окровавленную, запятнанную жирными пятнами одежду и хриплым, срывающимся голосом приказал:

— К Чуке Фруд!

Одним прыжком Такси перенесло его к Бастиону Уэст, 99.

Не обращая внимания на протесты швейцара, Рич протиснулся в дом, пронесся через приемную мимо негодующего секретаря и высокооплачиваемого консультанта Чуки Фруд и вломился в личный кабинет гадалки. Кабинет представлял собой комнату в викторианском стиле с захватанными стеклянными лампами, пышными диванами и конторкой на роликах. За конторкой в подозрительного вида халате сидела Чука. Недоверие, написанное на ее лице вначале, сменил испуг.

— Господь с вами, Рич! — воскликнула она.

— Ну вот я и пришел, Чука, — сказал он хрипло. — Можно начинать игру. Но прежде чем нам начать партию, давай-ка пустим пробный шар. Этот дезинтегратор однажды уже помог мне объясниться с тобой. Сейчас у меня появилась охота попробовать еще разок. И виновата в этом ты сама.

Старуха выскочила из-за конторки и завизжала:

— Магда!

Рич схватил ее за руку и отшвырнул в противоположный конец комнаты. В следующий момент

в кабинет влетела красноглазая телохранительница. Но Рич поджидал ее. Подскочив сзади, он ударил ее ребром ладони по шее и, когда женщина ничком повалилась на пол, наступил ей на спину.

— Ну, рассказывай-ка все начистоту. Зачем ты подкладываешь мне мины? — крикнул он Чуке, не обращая внимания на возню распластавшейся на полу красноглазой, которая, стараясь освободиться, извивалась всем телом и царапала его ногу.

— О чем вы говорите? — взвизгнула Чука.

— И у тебя хватает наглости об этом спрашивать? Ты умеешь читать мысли. Вот и прочитай по этим кровавым пятнам, негодяйка ты этакая! Я три раза был на волосок от смерти. Не может же мне без конца везти!

— Никак не возьму в толк, о чем это вы, Рич. Не пойму я, о чем вы толкуете…

— Я толкую о смерти, Чука, о большом «С», которое обозначает смерть. Недавно я вошел к тебе силой, увел отсюда эту девчонку, дочь де Куртнэ, задал хорошую трепку твоей подружке, да и самой тебе досталось. Вот ты в отместку и пытаешься меня ухлопать, подсовываешь мины-сюрпризы. Ведь так?

Старуха растерянно потрясла головой.

— Ты мне подсунула уже три штуки. Одну на космическом лайнере, который вез меня с Ривьеры. Вторую в моем кабинете. Третью — в аэромобиль. Сколько ты мне их еще подкинешь, а, Чука?

— Это не я, Рич. Помогите мне встать. Я…

— Кроме тебя, некому. Узнаю тебя по хватке. А потом кто еще, кроме тебя, станет мараться с разной шпаной, нанимать уголовников? Нет, все улики против тебя. Кончай темнить. — Он снял дезинтегратор с предохранителя, — Некогда мне рассусоливать с тобой. Еще не хватало тратить время на задрипанную старую бесовку и ее вампиров…

— Господи помилуй! — завопила Чука. — Да за каким же дьяволом стала бы я с вами враждовать? Ну, поколобродили вы малость в доме. Ну, Магда от вас схлопотала. Так не от вас же первого. Да и не от последнего. Так зачем мне, пораскиньте-ка мозгами…

— Я уже пораскинул. Если не ты, то кто же?

— Кено Киззард. Он тоже шпану нанимает. Я слыхала, вы с ним…

— Киззард вышел из игры. Он мертв. Еще кто?

— Может, Черч?

— Черч на такое не решится, кишка тонка. А решился бы, так сделал бы это десять лет назад. Кто еще?

— А мне почем знать? Сотни людей вас ненавидят.

— Не сотни, а тысячи, но кто мог влезть в мой сейф, подобрать комбинацию?..

— Может, ее никто и не подбирал, комбинацию-то вашу. Может, не в сейф, а в голову к вам кто залез, прощупал комбинацию…

— Прощупал?

— А что? Хоть бы Черч. Почем вы знаете, тонка у него кишка или нет? Или еще какой щупач, кому не терпится упрятать вас в могилу.

— Боже мой! — прошептал Рич. — Боже мой, ну конечно.

— Черч?

— Нет. Пауэл.

— Фараон?

— Да, Пауэл, конечно же! Его святошеское прохиндейство. Линкольн Пауэл! — злобные восклицания хлынули потоком. — А, черт! Пауэл! Сукин сын проклятущий, вот за что принялся. Увидел, что честным путем меня не одолеть. Не сумел доказать свои обвинения, так мины мне подкладывает!

— Да вы что, рехнулись?

— Рехнулся? А за каким дьяволом он забрал у меня Эллери Уэста и Брина? Знал, негодяй, что только какой-нибудь щупач сумел бы мне помочь защититься от его мин-сюрпризов. Нет, это Пауэл.

— Но он же полицейский, Рич. Сам ведь в полиции служит!

— Ну и что из того, что служит? — крикнул Рич. — А чем это может ему помешать? Еще удобнее. Кто его заподозрит? Ловкий ход. На его месте я бы сам так поступил. Ну хорошо же!.. Я в долгу не останусь. Такой ему подложу сюрпризец!..

Он пинком отшвырнул красноглазую, подошел к Чуке, рывком поставил ее на ноги.

— Звони Пауэлу.

— Чего?

— Звони, говорю, Пауэлу сейчас же! — заорал он. — Линкольну Пауэлу. Домой. Скажи, чтоб сию минуту шел сюда.

— Нет, Рич…

Он схватил ее за ворот и встряхнул, как мешок.

— Слушай меня, дура набитая. Бастион Уэст принадлежит картелю де Куртнэ. Сейчас, когда старик де Куртнэ умер, его картель станет моим и Бастион моим. Теперь я буду хозяином этого

дома. Твоим хозяином, Чука. Хочешь остаться при своем доме? Звони Пауэлу.

Она уставилась на его багровое лицо, кое-как прощупала его и хоть с трудом, но сообразила, что он говорит правду.

— А что я ему скажу?

— Постой-ка… минутку. — Рич подумал, потом вынул из кармана нож-револьвер и сунул его в руки гадалке. — Покажи ему эту штуковину. Скажи, что дочка де Куртнэ оставила это здесь.

— А что это?

— Пистолет, которым убит де Куртнэ.

— Ох… как же так?..

Рич засмеялся.

— Все равно никакой пользы ему от этой штуки не будет. К тому времени, когда этот пистолет окажется у него в руках, я подложу ему мину. Позвони ему. Покажи ему револьвер. Замани сюда.

Он подтолкнул Чуку к видеофону, а сам встал рядом, однако так, чтобы его изображение не попадало на экран, и многозначительно взвесил на руке дезинтегратор. Чука поняла угрозу.

Она набрала номер Пауэла. На экране появилась Мэри Нойес, выслушала Чуку и пошла звать Пауэла. Он тут же подошел к видеофону. Худое лицо префекта осунулось, под темными глазами

лежали глубокие черные тени.

— Я… У меня тут кое-что есть. Мистер Пауэл, может, для вас нужное, — запинаясь, начала Чука. — Вот давеча нашла. Эта девушка, что вы увели отсюдова… Она оставила.

— Что оставила?

— Да револьвер, из которого отца ее… ухлопали…

— Не может быть! — лицо Пауэла внезапно оживилось. — Покажи.

Чука продемонстрировала нож-револьвер.

— Клянусь небом, это он! — воскликнул Пауэл. — Может, мне и в самом деле наконец-то повезет. Никуда не уходи, слышишь, Чука? Я прибуду так быстро, как только сможет домчать меня прыгун.

Экран погас. Так сжав зубы, что во рту появился вкус крови, Рич бросился к выходу, вылетел из Радужного Дома, разыскал свободный прыгун-автомат, сунул в щель монету в полкредитки, отпер дверцу и ввалился в кабину. С оглушительным свистом прыгун свечой взмыл вверх, ударился о карниз тридцатого этажа и чуть не перевернулся. У Рича промелькнула смутная мысль, что в таком состоянии, пожалуй, не рекомендуется ни садиться за штурвал, ни заниматься подклады-

ванием мин. Однако эту мысль тотчас перебила другая: «Не ломай себе голову, ничего не пытайся рассчитывать. Предоставь все инстинкту. Ты убийца. Прирожденный убийца. Нужно просто выждать время и убить».

Сделав над собой огромное усилие, он повел прыгун к Гудсон Рэмп, благополучно долетел до места и начал снижаться, борясь с буйными и неустойчивыми ветрами, которые всегда дуют над Норт Ривер. Он уже почти Приземлился, когда, движимый все тем же инстинктом убийцы, снова резко поднял машину, потом бросил ее вниз и сел в садике за домом Пауэла, угробив прыгуна. Инстинкт подсказал ему, что при посадке нужно разбить аэромобиль. Зачем? Этого он еще не знал. Толчком распахнув смятую дверцу кабины, он услышал записанный на пленку голос: «Прошу внимания. Вы ответственны за все повреждения, нанесенные этому летательному аппарату. Пожалуйста, сообщите ваше имя и адрес. Если мы окажемся вынужденными разыскивать вас, вам придется оплатить расходы, связанные с розысками. Заранее благодарим».

— На здоровье, — проворчал Рич. — Надеюсь, это будет не единственное «повреждение», за которое я окажусь «ответственным»...

Он нырнул под ветви густо разросшихся кустов форситии и стал ждать, держа наготове дезинтегратор… Через несколько секунд он понял, для чего нужно было разбивать аэромобиль. Из дома вышла девушка — та, что подходила к видеофону, — и побежала через сад к разбитому прыгуну. Рич ждал. Кроме девушки, из дома никто не вышел. Значит, она одна. Рич начал выбираться из кустов, но девушка повернулась в его сторону раньше, чем зашелестели ветки. Щупачка! Он передвинул спусковой крючок на первую отметку. Тело девушки вздрогнуло и словно одеревенело. Теперь она была беспомощна.

В тот момент, когда Рич собирался перевести спусковой крючок к большому «С», инстинкт опять остановил его. Он вдруг придумал, каким образом подложить Пауэлу мину. Девушку следовало убить в доме, а не в саду, баллоны со взрывчаткой вложить в ее тело и оставить этот сюрприз для Пауэла. По смуглому лицу девушки градом катился пот, желваки на скулах судорожно подергивались. Рич взял ее под руку и повел в дом. Она шла как заводная, переступая негнущимися ногами.

Втащив девушку в дом, Рич через кухню провел ее в гостиную и пихнул на широкий плетеный

шезлонг. Он чувствовал, как отчаянно она сопротивляется, хотя мускулы совершенно не повиновались ей. Рич злобно усмехнулся, наклонился к ней и крепко поцеловал в губы.

— Мой сердечный привет Пауэлу, — сказал он и отступил на шаг, поднимая дезинтегратор. Но тут же опустил его.

За ним кто-то наблюдал.

Он машинально обернулся, окинул беглым взглядом комнату. Она была пуста.

— Ваши телепатические выкрутасы, а, щупачка? — спросил он, повернувшись к Мэри Нойес.

Он снова поднял дезинтегратор и опять опустил его.

На него кто-то смотрел.

На этот раз Рич, крадучись, обошел гостиную, заглядывая за все стулья, открывая дверцы стенных шкафов. В комнате никого не было. Он осмотрел кухню, ванную. Никого. Возвратившись в гостиную, он вдруг подумал, что надо бы сходить и на второй этаж, подошел к лестнице, поднял ногу, собираясь взобраться наверх, и вдруг замер, не успев опустить ее на ступеньку, словно оглушенный внезапным ударом.

Он не ошибся, за ним и вправду наблюдали.

Она была на лестничной площадке наверху и,

как ребенок, стоя на коленях, заглядывала сквозь перила вниз. Она и одета была как ребенок, в колготки, зачесанные назад волосы перевязаны ленточкой. Она разглядывала его с озорным и по-детски лукавым выражением лица. Барбара де Куртнэ.

— Хэлло, — сказала она.

Он почувствовал, что его бьет дрожь.

— Я Бэри, — сказала она.

Он поманил ее.

Она сразу же встала и, крепко держась за перила, начала осторожно спускаться.

— Мне не разрешают сходить вниз, — доверительно сказала она. — Вы папин друг?

Рич судорожно глотнул воздух.

— Я… — пробормотал он срывающимся голосом, я…

Она продолжала лепетать:

— Папе пришлось уйти. Но он скоро вернется. Он мне обещал. Если я буду хорошей девочкой, ой мне подарок принесет. Я стараюсь, правда. Но это ужасно трудно. А вы хороший?

— Ваш отец? Ве-ве-вернется? Ваш отец?

Она кивнула.

— А во что вы играли с тетей Мэри? Вы ее поцеловали, я видела. Папа меня тоже целует. Мне

это нравится. А тете Мэри понравилось? — Она доверчиво взяла его за руку. — Когда я вырасту большая, я выйду за папу замуж и всегда буду его девочкой. А у вас есть девочка?

Рич повернул ее лицом к себе и заглянул ей в глаза.

— Что ты мне голову морочишь? — хрипло спросил он. — Думаешь, меня так просто обвести вокруг пальца? Что ты рассказала Пауэлу?

— Он мой папа, — сказала девушка. — А когда я его спрашиваю, почему нас с ним по-разному зовут, он такой чудной-чудной делается. А тебя как зовут?

— Отвечай! — заорал Рич. — Я тебя спрашиваю, что ты ему рассказала? Кого ты хочешь провести этим кривляньем? Ну, отвечай.

Она растерянно взглянула на него и заплакала. Потом попробовала вырваться из его рук, но не смогла.

— Уйди! — кричала она, всхлипывая. — Отпусти!

— Ты мне ответишь?

— Отпусти!

Он приволок ее в гостиную, бросил в шезлонг рядом с Мэри Нойес, которая еще не оправилась от действия дезинтегратора, отступил назад и

нацелил на них свое оружие. Внезапно Барбара приподнялась и замерла, как бы прислушиваясь к чему-то. Ребячливое выражение исчезло с ее лица, теперь оно было страдальческим и напряженным. Она спустила ноги, спрыгнула с кресла, как спрыгивают с постели, и побежала. Потом на секунду остановилась, сделала такое движение, будто открывает дверь, и снова бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от страха — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

У Рича замерло сердце. Она бежала к нему. Он шагнул навстречу, чтобы схватить ее. Она остановилась, отступила, метнулась влево и побежала, полукругом огибая комнату, отчаянно крича и все время глядя в одну точку.

— Нет! — кричала она. — Нет! Не надо! Ради всего святого! Отец!

Рич бросился ей наперерез. На сей раз ему удались схватить девушку, хотя она кричала и отчаянно вырывалась. Сам он тоже что-то кричал. Вдруг, словно оцепенев, Барбара замерла и прижала к ушам ладони. Рич увидел себя в орхидейной комнате Бомон Хауза Он услышал выстрел, увидел, как из затылка де Куртнэ

вылетел страшный кровавый сгусток. И вдруг почувствовал, как все его тело свело судорогой, и он не смог удержать девушку. Барбара упала на колени, поползла по полу, и он увидел, как она прильнула к застывшему телу старика.

Рич с усилием глотнул воздух, чтобы привести себя в чувство. Сжав кулаки, он так сильно ударил костяшками пальцев друг о друга, что стало больно. Наконец шум в ушах немного утих, и он медленно направился к Барбаре, пытаясь собраться с мыслями и на ходу перестроить свой план. Он никак не мог предположить, что здесь окажется свидетельница. Мерзавец Пауэл! Девчонку придется убить. Успеет он убить двоих за… Нет. Никого он не собирается убивать. Он хочет подложить мину. Паршивец Тэйт. Стоп! Он ведь сейчас не в Бомон Хаузе. Он на…

— Гудсон Рэмп, 33,— с порога подсказал Пауэл.

Рич быстро оглянулся, машинально пригнувшись и перебросив дезинтегратор под локоть левой руки, как его научили бандиты Кено Киззарда.

Пауэл шагнул в сторону.

— Не вздумайте стрелять! — сказал он резко.

— Сукин сын! — заорал Рич, машинально повернувшись к Пауэлу. На какое-то мгновенье

тот оказался прямо перед дулом дезинтегратора, но снова быстро отступил в сторону. — Щупач проклятый! Сволочь, доходяга…

Пауэл сделал вид, будто собирается броситься влево, а сам одним прыжком подскочил к Ричу и нанес ему резкий удар в локтевой нервный узел. Дезинтегратор упал на пол. Оставшись безоружным, Рич бросился врукопашную. Он дубасил Пауэла кулаками, царапался, бодался, осыпая его площадной руганью. Пауэл ответил тремя молниеносными ударами — по шее у основания черепа, в солнечное сплетение и в пах. В результате у Рича была полностью блокирована деятельность нервного позвоночного столба. Он грузно свалился на пол. Из носу у него потекла струйка крови, тело сотрясали позывы к рвоте.

— А ты думал, ты один умеешь драться? — с усмешкой сказал Пауэл.

Он подошел к Барбаре де Куртнэ, все еще стоявшей на коленях, и помог ей подняться.

— Ну как ты, Барбара? — спросил он.

— Хэлло, папа. Мне снился страшный сон.

— Я знаю, детка. Мне пришлось все так устроить, чтобы проучить этого здоровенного дуралея.

— Поцелуй меня.

Он поцеловал ее в лоб.

— Ну и быстро же ты растешь! — сказал он с улыбкой, — Вчера еще лепетала как совсем маленький ребенок, а сегодня…

— А я нарочно так расту. Потому что ты обещал, что подождешь, когда я стану большая.

— Раз обещал, значит, так и сделаю. Можешь сама забраться на второй этаж или отнести тебя на руках, как вчера?

— Я сама могу.

— Вот и умница. Беги наверх.

Она подошла к лестнице, крепко уцепилась за перила и начала взбираться наверх. На последней ступеньке она быстро обернулась, показала Ричу язык и скрылась. Пауэл подошел к Мэри Нойес, пощупал пульс и поудобнее усадил в шезлонге.

— Первая отметка, так? — сквозь зубы произнес он, обращаясь к Ричу. — Это мучительно, но через час она полностью придет в себя. — Он подошел к распростертому на полу Ричу, посмотрел на него сверху вниз. Его измученное лицо потемнело от гнева. — Мне следовало бы рассчитаться с вами за Мэри, но что толку? — сказал он. — Разве такому, как вы, что-нибудь объяснишь? Хоть кол на голове теши…

— Убейте меня, — простонал Рич. — Или убейте, или подымите. Но тогда уж, клянусь богом, я

сам вас убью.

Пауэл поднял дезинтегратор и искоса взглянул на Рича.

— Попытайтесь немного пошевелить мускулами. Шоковое состояние длится не больше нескольких секунд. — Он сел, держа дезинтегратор на коленях. — Да, с этой вылазкой вам явно не повезло. Уже через пять минут после того, как я вышел из дому, мне стало ясно, что меня выманили обманом. Чука, конечно, действовала по вашему наущению.

— Обманом! Сам ты обманщик! — крикнул Рич. — И ты, и этика твоя, и все твои высокопарные рассуждения — все обман. И все вы со своими…

— Чука сказала, что из этого револьвера был убит де Куртнэ, — невозмутимо продолжал Пауэл. — Стреляли-то, конечно, из этого револьвера, но вот чем стреляли, никто не знает… кроме нас с вами. Я сразу же вернулся, и вот… Однако что-то долго вы не поднимаетесь. Пожалуй, слишком долго. Ну, попробуйте-ка встать. Вы уже можете это сделать.

Рич, пошатываясь и тяжело дыша, поднялся на ноги. Внезапно он быстро сунул руку в карман и вытащил разрывной баллон. В ту же секунду

Пауэл, откинулся на спинку кресла, толкнул Рича в грудь каблуком и выбил баллон у него из руки. Рич навзничь рухнул на диван.

— И когда же наконец все вы усвоите, что не в ваших силах захватить врасплох щупача? — сказал Пауэл. Он подошел к валявшемуся на полу баллону и поднял его. — А вы, я вижу, вооружились до зубов. И ведете себя скорее как непойманный преступник, а не как свободный человек. Заметьте, я не говорю «невинный человек», я говорю «свободный».

— А надолго ли я свободен? — процедил сквозь зубы Рич. — О виновности или невиновности я тоже не говорю. Но свободен-то надолго ли?

— Навсегда, — ответил Пауэл. — Ах, какое роскошное обвинительное заключение было у меня против вас! Все сходилось тютелька в тютельку, все факты. Окончательно я их проверил сейчас, когда увидел вас здесь, с Барбарой. Все укладывалось в схему, все факты, кроме одного. И из-за этого одного фактика все наши усилия пошли прахом. Вы свободный человек, Рич. Дело против вас прекращено.

Рич вытаращил на него глаза.

— Прекращено?

— Ну да. Обвинение не доказано. Я сел в лужу

Теперь можете разоружаться, Рич. Займитесь своими делами. Вас никто больше не побеспокоит.

— Врешь! Опять щупаческие фокусы. Ты мне не вкручивай…

— Да ничего подобного. Вот послушайте, я вам все расскажу. Я знаю о вас все. Я знаю, какой суммой вы подкупили Гаса Тэйта. Что обещали Джерри Черчу. Каким образом нашли эту игру в «Сардинки». Как применили изобретенные доктором Джорданом капсулы. Знаю, что вы проделали с револьверными патронами: чтобы отвести от себя обвинение, вы вынули из них пули, а потом с помощью унции воды снова сделали их смертоносными. Как видите, я собрал неопровержимую цепь улик. Я выяснил все — и способ убийства, и обстоятельства. Одного я не знал — мотива. Суду надо было представить обоснованный мотив преступления, и сделать это я не сумел. Вот почему вы оказались на свободе.

— Врешь!

— Разумеется, я мог бы предъявить вам обвинение в том, что вы ворвались ко мне в дом с явным намерением совершить убийство. Но это было бы несолидно — все равно что стрелять из игрушечного пугача, сделав осечку из пушки. К тому же вы наверняка бы выкрутились и на этот раз.

Ведь мои единственные свидетели — щупачка и больная девушка.

— Ты лгун, — отрезал Рич. — Ты лицемер. Ты брехливый щупач. Какой осел тебе поверит? Кто станет слушать твои байки? Не было у тебя никаких доказательств. Ничего не было! Я разбил тебя по всем пунктам. Вот почему ты подбрасываешь мне эти мины-сюрпризы. Вот почему ты… — Внезапно Рич замолчал и стукнул себя кулаком по лбу. — Так это же, наверное, и есть твоя самая главная мина. А я сдуру на нее напоролся. Ну и остолоп же я! Ну и…

— Заткнитесь! — резко оборвал его Пауэл. — Я не могу прощупывать человека, у которого мысли прыгают, как зайцы. Что еще за мины-сюрпризы? Продумайте это как следует.

Рич ехидно рассмеялся.

— Будто ты сам не знаешь. В каюте космического лайнера. У меня в сейфе. В прыгуне…

Почти целую минуту Пауэл сосредоточенно прощупывал мысли Рича, впитывал их, классифицировал, разбирал. Неожиданно лицо его побледнело, сердце гулко заколотилось в груди.

— Боже мой! — воскликнул он и, вскочив, заметался по комнате. — Боже мой! Так вот в чем дело!.. Тогда все понятно… Старикашка Моз был

прав. Эмоциональные мотивы, а мы-то решили, что он дурачится. И этот образ в виде сиамских близнецов среди глубинных инстинктов Барбары… И ощущение вины, терзавшее де Куртнэ… Не удивительно, что Рич не смог убить нас в доме Чуки. Да, но теперь уже речь не об убийстве! Что там убийство? Все это серьезнее. Много серьезнее. И очень опасно… Более чем я когда-либо воображал себе.

Он замолчал, повернулся к Ричу и с ненавистью посмотрел на него.

— Если бы я мог убить вас, — крикнул он, — я бы свернул вам шею собственными руками! Я разорвал бы вас на куски, развесил бы их на Галактической Виселице, и вся Вселенная благословила бы меня. Да знаете ли вы, как вы опасны? Впрочем, что с вами говорить! Разве знает чума, сколько гибели она несет? Разве смерть действует сознательно?

Рич молчал и только изумленно таращил на Пауэла глаза. Префект с досадой мотнул головой.

— Какой смысл вас спрашивать, — пробормотал он. — Вы не знаете, о чем я говорю. И никогда не узнаете.

Он подошел к буфету, достал две ампулы бренди и засунул их Ричу в рот. Рич попытался их

выплюнуть. Но Пауэл сжал его челюсти.

— Проглотите их, — сказал он повелительно. — Мне нужно, чтобы вы очухались и выслушали меня. Может быть, чтобы успокоиться, вам нужен какой-нибудь наркотик?

Рич поперхнулся бренди, что-то злобно забормотал и стал отплевываться. Пауэлу пришлось встряхнуть его, чтобы утихомирить.

— Слушайте, Рич, — сказал он. — Я со всей прямотой обрисую вам ту сторону дела, которую вы в состоянии уразуметь. Обвинение с вас снято. Сейчас, когда я узнал от вас об этих минах-сюрпризах, я понял, что иначе и быть не могло. Знай я о них раньше, я бы и не подумал начинать расследование. Я наплевал бы на свои принципы и просто убил вас. Постарайтесь же понять все, что я вам скажу.

Рич перестал плеваться.

— Мне не удалось выяснить мотив совершенного вами преступления. Это была единственная прореха в проделанной мною работе. Когда вы предложили де Куртнэ слияние капиталов, он согласился. В своей шифровке он написал WWHG. Это согласие. У вас не было причины убивать его. Наоборот.

Рич побледнел. Его мысли метались в бешеном

водовороте.

— Нет. Нет. Неправда. WWHG — это отказ. Он отказался. Отказался!

— Согласился.

— Да нет же. Мерзавец отверг мое предложение. Он…

— Он принял ваше предложение. Когда я узнал, что де Куртнэ согласился на ваше предложение, я понял, что проиграл. Я знал, что суд не примет нашего обвинительного заключения. Но мне и в голову не приходило подбрасывать вам мины. Я не взламывал замок в вашей каюте на космическом лайнере. Я не подкладывал вам баллонов со взрывчаткой. Я вовсе не тот человек, который хотел вашей смерти. Тот, кто старается вас убить, потому и намеревается это сделать, что знает: я для вас неопасен. Ни я, ни Разрушение. Он всегда знал то, что я открыл только сейчас. Он всегда знал, что вы смертельный враг всего нашего будущего.

Рич пытался заговорить, но не смог. Пошатываясь, он поднялся наконец с дивана и спросил:

— Да кто же это? Кто он? Кто?

— Ваш старинный враг, Рич. Человек, от которого вам не спастись. Вам не убежать от него, не спрятаться… и, молю бога, чтобы вам и впредь не

удалось укрыться от него.

— Кто же это, Пауэл? КТО ОН ТАКОЙ?

— Человек Без Лица.

Рич хрипло вскрикнул, как раненый зверь, повернулся и, спотыкаясь, вышел из дому.

Глава XV

Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…
Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…

— Заткнись! — крикнул Рич.

Три, два, раз!
А ну еще!
Три, четыре — горячо!

— Богом тебя заклинаю! Заткнись!

Три четыре — горячо!
Ах ты, камбала,
не вобла,
Смотри в оба!

— Ты должен все обдумать. Почему ты не думаешь? Что с тобой? Думай же!

Смотри в оба…

— Он лгал. Ты знаешь, что он лгал. Ты ведь сразу все понял: это и была его самая главная мина-сюрприз. WWHG — отказ! Конечно же, отказ. Но

для чего же он врал? Чем это может ему помочь?

И когда сказал «четыре»…

— Человек Без Лица… Брин мог рассказать о нем. И Гас Тэйт тоже мог. Думай же!

Получил синяк под глаз…

— Да его ведь нет, этого Человека Без Лица. Это сон. Ночной кошмар!

Три, четыре…

— А мины? Откуда взялись мины? Сейчас я был в его руках. Почему он не разделался со мной? Он сказал, что я свободен. Что он замышляет? Думай же!

Кто-то тронул его за плечо.

— Мистер Рич?

— А?

— Мистер Рич?

— А? Кто это?

Мало-помалу расплывчатые тени вокруг него приобрели форму: он увидел, что хлещет дождь, а сам он лежит на боку, зарывшись щекой в грязь, поджав колени и обхватив их руками. Он промок до нитки. Рядом печально шелестели мокрые ветки деревьев. Кто-то наклонился над ним.

— Кто это?

— Гален Червил, мистер Рич.

— А?

— Гален Червил, сэр. Мы познакомились на балу у Марии Бомон. Не пора ли мне оказать обещанную вам услугу, мистер Рич?

— Не прощупывайте меня! — крикнул Рич.

— Что вы, мистер Рич! Мы ведь обычно не… — Молодой Червил вдруг осекся. — Вы знаете, что я щупач? Откуда? Вы бы встали, сэр.

Он взял Рича за руку и потянул, пытаясь помочь ему подняться. Тот со стоном выдернул руку. Тогда молодой Червил взял его под мышки, поставил на ноги и с изумлением заглянул в его перепуганное лицо.

— Вас избили, мистер Рич?

— А? Нет. Нет…

— Несчастный случай, сэр?

— Да нет же. Я… О бог ты мой, — вдруг взорвался Рич, — катитесь-ка вы к черту!

— Да, конечно, сэр. Мне просто показалось, что вам нужна помощь, а ведь за мной обещанная услуга, но…

— Постойте, — перебил Рич. — Идите сюда. — Обхватив ствол дерева, он привалился к нему, тяжело и хрипло дыша. В конце концов ему удалось выпрямиться, и он уставился на Червила воспаленными глазами. — Вы и в самом деле намерены оказать мне услугу?

— Конечно, мистер Рич.

— И ни о чем меня не спрашивать? И не болтать потом?

— Разумеется, мистер Рич.

— Речь идет об убийстве, Червил. Я хочу выяснить, кто покушается на мою жизнь. Можете вы оказать мне эту услугу? Прощупаете для меня одного человека, которого я вам укажу?

— Но мне кажется… тут уж скорее полиция…

— Полиция? — Рич истерически расхохотался, но тут же мучительная боль в сломанном ребре заставила его замолчать. — Именно полицейского-то я и прошу для меня прощупать, Червил. Очень важного полицейского. Их комиссара. Вот так. — Он отпустил ствол и, качнувшись, уцепился за Червила. — Я намерен навестить моего друга комиссара и задать ему несколько вопросов. А вас прошу при сем присутствовать и сказать мне потом всю правду. Пойдете вы со мной к Крэббу, прощупаете его? А сделав это, согласны тут же все забыть? А? Согласны?

— Да, мистер Рич… я согласен.

— Вот как? Честный щупач? Впервые вижу. Ну что ж, идемте. Быстрей, быстрей!

Скорчившись от боли, Рич заковылял по площади. Червил последовал за ним, ошеломленный

силой ярости этого человека, которая влекла его вперед, несмотря на лихорадку и боль. В управлении полиции Рич, как разъяренный бык, прорвался сквозь заслон дежурных и клерков и, окровавленный, грязный, вломился в отделанный серебром и черным деревом изысканный кабинет комиссара Крэбба.

— Боже мой, Рич! — Крэбб помертвел от ужаса, — Это вы, это и в самом деле вы, Бен Рич?

— Сядьте, Червил, — сказал Рич. — Да, я, а кто же еще? — Он повернулся к Крэббу. — Вот, полюбуйтесь. Я наполовину мертвец, Крэбб. Вот это красное — это кровь. Все остальное — грязь. Славный у меня денек сегодня. Можно сказать, выдающийся день… Хотелось бы мне знать, где все это время черти носили полицию? Где ошивается ваш ангел во плоти, ваш префект Пауэл? Где ваши…

— Постойте, Бен, почему мертвец, о чем вы толкуете?

— Я толкую о том, что сегодня меня три раза чуть не убили. Этот юноша, — Рич показал на Червила, — этот юноша нашел меня лежащим на земле, причем я больше походил на труп, чем на живого человека. Да посмотрите в конце концов на меня, только посмотрите!

— Вы говорите, чуть не убили? — Крэбб гневно грохнул кулаком по столу. — Я так и думал. Этот Пауэл просто болван. Не нужно было его слушать.

Тот самый человек, который убил де Куртнэ, сейчас пытается убить вас.

Рич незаметно для комиссара сделал яростный знак Червилу.

— Говорил же я Пауэлу, что вы невиновны. Но он и слушать не хотел, — продолжал Крэбб. — Даже когда этот чертов агрегат у окружного прокурора сказал ему, что вы невиновны, он и тогда не хотел слушать.

— Значит, компьютер сказал, что я невиновен?

— Ну конечно. Против вас нет никаких улик. Да никогда и не было. И согласно нашему священному Биллю о правах вас самого надлежит защищать от убийцы как любого честного-гражданина. Я немедленно этим займусь. — Крэбб грозно направился к двери. — И, думается мне, что теперь-то уж я заставлю замолчать мистера Пауэла! Не уходите, Бен. Я хочу с вами поговорить по поводу вашей поддержки на выборах в сенат Солнечной системы.

Дверь распахнулась, потом захлопнулась. У Рича все плыло перед глазами, и ему пришлось

сделать усилие, чтобы не упасть в обморок. Три Червила смотрели на него.

— Ну, — тихо пробормотал Рич. — Ну?

— Он сказал вам правду, мистер Рич.

— Обо мне? О Пауэле?

— Да как вам сказать… — Червил замялся, пытаясь поточнее сформулировать ответ.

— Ну чего ты тянешь, стервец? — простонал Рич. — Ты думаешь, у меня нервы железные — все могут выдержать?

— О вас он сказал правду, — быстро произнес Червил. — Следственный компьютер отказался санкционировать возбуждение против вас дела по обвинению в убийстве де Куртнэ. Мистеру Пауэлу приелось отказаться от расследования, и… ну, словом, его могут даже уводить.

— Это правда? — Рич, пошатываясь, подошел к юноше и схватил его за плечи. — Это правда, Червил? Я обелен? Я могу снова заняться делами? Меня больше не будут тревожить?

— Против вас ничего нет, мистер Рич. Вы имеете полную возможность снова заняться делами. Никто вас не потревожит.

Рич торжествующе расхохотался. От смеха боль в изломанном, избитом теле стала такой нестерпимо острой, что он застонал и на глазах

у него выступили слезы. Но он взял себя в руки, миновал Червила и вышел из кабинета. Когда, хромая, но по-прежнему надменный, он ковылял по коридорам управления, окровавленный, грязный, хохочущий и стонущий, он напоминал неандертальца. Для полноты картины не хватало только оленьей туши у него на плечах или торжественно влекомого позади пещерного медведя.

«Для полноты картины мне не хватает головы префекта, — усмехнувшись, подумал он. — Велю набить из нее чучело и повесить на стену. А картелем де Куртнэ набью себе карманы. Тоже для полноты картины. Дайте мне время, и, клянусь богом, я для полноты картины вставлю в рамочку всю Галактику!»

Он миновал стальной портал управления и немного постоял на ступеньках, глядя тяжелым взглядом на залитые дождем улицы, на сияющие светом кварталы увеселительного центра по ту сторону площади, покрытые одним прозрачным куполом, на ярко освещенные витрины магазинов, где уже начиналась оживленная вечерняя торговля, на возвышавшиеся на заднем плане двухсотэтажные башни деловых зданий и связывавшую эти гигантские кубы кружевную сеть воздушных трасс, на мерцающие фары прыгунов,

которые, как красноглазые кузнечики, сновали вверх и вниз в темноте.

— И все вы будете моими! —закричал он, воздев руки, словно желая обхватить всю Вселенную. — Все будет моим! И тела, и страсти, и души.

Неожиданно взгляд его упал на высокую зловещую фигуру. Незнакомец переходил площадь, украдкой следя за ним. Рожденная из черных теней, эта фигура блестела, осыпанная, будто драгоценными каменьями, капельками дождя. Она приближалась к нему, безмолвная, страшная… Человек Без Лица.

Раздался придушенный крик. Железные нервы не выдержали. Как высохшее дерево Рич рухнул на землю.

Без одной минуты девять. В кабинете президента Цуна собрались десять из пятнадцати членов Совета Эспер Лиги. Они собрались для того, чтобы обсудить дело чрезвычайной важности. В одну минуту десятого решение было принято и заседание объявлено закрытым. Вот что произошло за эти 120 эспер-секунд.

Стук председательского молотка.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 59.

Секундная на 60.

ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Обсудить предложение Линкольна Пауэла о массовом катексисе. Роль живого проводника латентной энергии при осуществлении массового катексиса Пауэл берет на себя.

(Всеобщее оцепенение.)

ЦУН. Я полагаю, вы шутите, Пауэл. Как вы можете выдвигать такое предложение? Что за причина заставляет вас предлагать осуществление столь экстраординарной и опасной для вас меры?

ПАУЭЛ. Нечаянное открытие, сделанное мною в процессе следствия по делу де Куртнэ. Мне бы хотелось представить вам его на рассмотрение.

(Члены Совета знакомятся с открытием Пауэла.)

ПАУЭЛ. Все вы знаете, что Рич наш самый опасный враг. Он поддерживает клеветническую антиэсперовскую кампанию. Если его не остановить, то нам грозит участь, которой не раз подвергалось гонимое меньшинство.

ЭКИНС. Весьма вероятно.

ПАУЭЛ. Кроме того, он поддерживает Лигу Эспер-патриотов. Если не удастся помешать деятельности этой организации, мы, возможно,

будем ввергнуты в гражданскую войну и навеки увязнем в трясине междоусобицы.

ФРАНЬОН. И это верно.

ПАУЭЛ. Но, как вы только что убедились, это еще не все. Рич в самом ближайшем будущем займет главенствующее положение в Галактике. Станет связующим звеном между известным нам прошлым и еще не определившимся будущим. Очень скоро его личность подвергнется радикальной перестройке. Дорога каждая секунда. Если, прежде чем я доберусь до него, он сумеет перестроиться и все увидеть в новом свете, он станет неуязвим для нас, станет неподвластным существующей ныне реальности и смертельным врагом как ее самой, так и всех признанных в этой реальности истин.

ЭКИНС. Вы, право же, преувеличиваете, Пауэл.

ПАУЭЛ. Вы находите? Вглядитесь вместе со мной в эту схему. Обратите внимание на положение Рича в пространстве и времени. Разве его убеждения не станут убеждениями всего мира? Иными словами, разве мир не примет его реальность? Разве может он, обладая столь исключительным сочетанием могущества, энергии и интеллекта, не привести нас к полной гибели?

(Собравшиеся убеждаются, что он прав.)

ЦУН. Это, конечно, так. И тем не менее мне не хотелось бы санкционировать проведение массового катексиса. Как вы помните, осуществление этой меры каждый раз влекло за собой гибель живого проводника энергии. Мы слишком ценам вас, Пауэл, чтобы позволить вам погибнуть.

ПАУЭЛ. Вы должны мне разрешить пойти на риск. Ведь Рич принадлежит к числу тех немногих, кто имеет возможность ниспровергнуть see мировые основы. Он еще дитя, но очень скоро повзрослеет. И вся наша реальность: эсперы, нетелепаты, жизнь, Земля, Солнечная система, сама Вселенная — вся наша реальность существует лишь до его пробуждения. Мы не можем позволить ему пробудиться для этой искаженной реальности. Я прошу проголосовать за мое предложение.

ФРАНЬОН. Вы просите нас проголосовать за вашу гибель.

ПАУЭЛ. Альтернатива такова: либо моя смерть, либо гибель всего, что существует в настоящее время. Я прошу проголосовать за мое предложение.

ЭКИНС. Пусть себе Рич пробуждается когда угодно. Он не застанет нас врасплох. Мы сразим-

ся с ним в любое время.

ПАУЭЛ. Я прошу, я требую проголосовать за мое предложение.

Предложение принято.

Совещание закончено.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 01.

Секундная на Разрушении.

Часом позже Пауэл пришел домой. К этому времени он написал завещание, расплатился по счетам, подписал нужные бумаги, привел в порядок все свои дела. В Лиге царило глубокое уныние. Такое же уныние встретило его и дома. Мэри Нойес прочитала все, едва он появился в дверях.

— Линк!

Замнем. Это было необходимо.

— Но...

— Я, может быть, еще останусь в живых. Да, чуть не забыл. Лаборатории желательно произвести вскрытие мозга сразу же после моей смерти... если я умру. Я подписал все, что нужно, но если возникнут какие-либо затруднения, помоги им. Они хотели бы получить тело еще до того, как оно окоченеет. Если труп не сохра-

нится полностью, то хотя бы голову. Проследи за этим, ладно?

— Линк!

— Прости. Ну а теперь сложи-ка вещи и отвези нашу малютку в Кингстонский госпиталь. Для нее небезопасно оставаться тут.

— Она уже не малютка. Она…

Мэри повернулась и побежала вверх по лестнице, оставляя за собой знакомый сенсорный импульс: *снег! мята/тюльпаны/тафта,* смешанный сейчас с ужасом и со слезами. Пауэл вздохнул, но тут же улыбнулся: наверху, на лестничной площадке появилась девочка-подросток и с восхитительно небрежным и в то же время величественным видом начала спускаться вниз. Она была одета в платье, на лице — отрепетированное изумление. На полдороге она остановилась, чтобы дать ему возможность оценить и туалет и позу.

— О! Мистер Пауэл, не так ли?

— Он самый. Доброе утро, Барбара.

— Что привело вас сегодня к нашему скромному очагу? — легонько прикасаясь конниками пальцев к перилам, Барбара снова двинулась вниз, но на последней ступеньке споткнулась. — О-ой! — взвизгнула она, — Пим!

Пауэл подхватил ее.

— Пам, — сказал он.

— Бим.

— Бам.

Она подняла на него глаза.

— Стойте здесь, не двигайтесь. Я сейчас спущусь снова. Спорим, что на этот раз все будет в порядке.

— Спорим, что нет.

Барбара повернулась, взбежала наверх и опять остановилась в важной позе на верхней ступеньке.

— Дорогой мистер Пауэл, вы, наверно, считаете меня ужасно ветреной. — Барбара начала торжественно спускаться по ступенькам, — Вам придется переглядеть свое мнение обо мне. Я уже не такая маленькая, как вчера. Я очень повзрослела. Теперь вы должны обращаться со мной как со взрослой. — Она благополучно преодолела последнюю ступеньку и вопросительно посмотрела на Пауэла. — Переглядеть? Я правильно говорю?

— Я бы сказал, пересмотреть.

— Я думала, что смотреть, что глядеть — все равно.

Она вдруг засмеялась, толкнула его в кресло и плюхнулась ему на колени. Пауэл застонал.

— Ой, Барбара! Что ты делаешь? Ты ведь теперь не такая уж маленькая и не такая уж легонькая.

— Слушай, — сказала она. — Что это я вдруг придумала, будто ты мне отец?

— Чем тебе плох такой отец?

— Нет, ты скажи честно. Совсем-совсем честно.

— А как же еще?

— Как ты ко мне относишься — как отец? Ведь я к тебе отношусь совсем не как дочка.

— Да ну? Как же ты ко мне относишься?

— Раньше ты ответь. Я первая спросила.

— Я отношусь к тебе как любящий и покорный сын.

— Да нет, по правде.

— Я решил быть почтительным сыном для каждой женщины до тех пор, пока Вулкан не займет надлежащего места в содружестве планет.

Она покраснела от досады и спрыгнула с колен.

— Я хотела, чтобы ты серьезно со мной поговорил, потому что мне нужен совет. А ты…

— Ну ладно, прости, Барбара. Что же такое у тебя случилось?

Она опустилась рядом с ним на колени и взяла его за руку.

— Я и сама не понимаю. Все у меня перепута-

лось.

— Что перепуталось?

С пугающей прямотой юности она посмотрела ему в глаза.

— Ты знаешь что.

Помолчав, он кивнул.

— Да, знаю.

— И у тебя все так же путано. Я знаю.

— Да, Барбара. И у меня.

— Это нехорошо?

Он поднялся с кресла и, расстроенный, начал ходить по комнате.

— Нет, Барбара, не то чтобы нехорошо, а… преждевременно.

— Расскажи мне об этом.

— Рассказать? Ну что ж, пожалуй… Я бы это так определил. Мы с тобой — целых четыре человека. Два человека — ты, два — я.

— Как это?

— Ты заболела, милая. Чтобы вылечить тебя, нам пришлось превратить тебя в ребенка и ждать, когда ты снова вырастешь. Вот так и получились две Барбары. Взрослая — где-то внутри, а снаружи — ребенок.

— Ну а ты?

— Я — двое взрослых. Один из них Пауэл, то

есть я сам. Второй же — член Совета Эспер Лиги.

— А что это такое?

— Ну, это неважно. Важно то, что из-за этой моей половины все у нас и спуталось. Бог знает, может быть, из двух моих «я» это меньше всего взрослое. Я не знаю.

Она обдумала его слова и медленно произнесла:

— А вот скажи, когда я отношусь к тебе не так, как дочь, это… какая половина?

— Не знаю, Барбара.

— Нет, нет, ты знаешь. Почему же ты не хочешь мне сказать? — Она подошла к нему и обняла за шею — взрослая женщина и в то же время ребенок, — Если в этом нет плохого, то почему же ты не скажешь мне? Если я люблю тебя…

— Новое дело, теперь мы вдруг заговорили о любви.

— Да ведь мы о ней и говорили. Все время. Разве нет? Я люблю тебя, а ты меня. Ведь правда?

— *Ну вот, дождался!* — в отчаянии подумал Пауэл, — *Что же теперь делать? Признать правду?*

— *Да.* — Ответ донесся с лестницы. Сверху спускалась Мэри с саквояжем в руке. — *Да, признать правду, Линк.*

— Но она же не щупачка!

— Забудь об этом! Она женщина и любит тебя. А ты любишь ее. Линк, ты будешь горько каяться, если упустишь…

— Что я упущу? Возможность завести роман, если останусь жив? Ведь другое невозможно. Ты знаешь, что Лига не разрешает нам вступать в брак с нетелепатами.

— Она пойдет на это. Она с радостью пойдет на это. Уж кто-кто, а я-то могу это предсказать.

— Ну а если я умру? Что ей останется? Полувоспоминание полулюбви?

— Нет, Барбара, — сказал он. — Ты ошиблась. Это совсем не то.

— Нет, — твердо ответила она. — Я не ошиблась. Нет.

— Ошиблась, Барбара. В тебе говорит твоя ребяческая половина. Это ребенок вообразил себя влюбленным, ребенок, а не женщина.

— Ребенок вырастет и станет женщиной.

— И к тому времени меня забудет.

— Ты не позволишь ей забыть.

— Почему?

— Потому что ты чувствуешь то же, что я. Я это знаю.

Пауэл рассмеялся.

— Ох, дитя, дитя! Отчего ты вообразила себе, будто я люблю именно тебя? Да вовсе нет. Нет этого и не было.

— Есть!

— Открой же глаза, Барбара. Посмотри повнимательней на меня. На Мэри. Ты ведь так повзрослела.

Как же ты не поймешь? Неужели я должен объяснять тебе то, что и так очевидно?

— Линк, господь с тобой!

— Прости теня, Мэри. Как видишь, пришлось все-таки за тебя зацепиться.

— Мы с тобой прощаемся… может быть, навсегда… и в такой момент мне еще это нужно вынести? Разве мало я намучилась?

— Ну-ну, не надо, милая, не надо.

Барбара внимательно посмотрела на Мэри, потом на Пауэла и медленно покачала головой.

— Ты лжешь.

— Вот как? Ну-ка взгляни на меня. — Он положил руки ей на плечи и посмотрел ей в глаза. Нечестивый Эйб пришел ему на выручку. Он смотрел на Барбару с отцовской снисходительностью, чуть насмешливо и добродушно. — Взгляни же на меня.

— Нет! — крикнула она. — Твое лицо лжет.

Оно… оно противное. Я его ненавижу? — Она расплакалась и, всхлипывая, проговорила: — Раз так, уходи. Чего же ты не уходишь?

— Мы с тобой уходим, Барбара, — сказала Мэри. Она подошла к девушке, взяла ее за руку и повела к дверям.

— Мэри, вас ждет прыгун.

— А я жду тебя. Жду всегда. И я, и Червилы, и Экинс, и Джордан, и… и… и… и… и… и… и… и…

— Я знаю. Знаю. Я всех вас люблю. Всех вас целую. Да хранит вас…

Образ четырехлистного клевера, кроличьих лап, лошадиных подков.

Непристойный ответный образ Пауэла, который вылезает из нечистот, усыпанный бриллиантами.

Слабый смех.

Последнее прощание.

Он стоял на пороге, насвистывая какой-то жалобный замысловатый мотивчик и глядя вслед прыгуну, который уходил в стальную голубизну неба, на север, к Кингстонскому госпиталю. Он чувствовал себя словно выжатый лимон. И немного гордился собой из-за того, что решил принести себя в жертву. И жгуче стыдился этой гордости. Им овладела легкая, прозрачная пе-

чаль. Может быть, взять крупинку никотинового калия и взвинтить себя до психоза? Впрочем, на кой черт ему все это нужно? Вот он раскинулся перед ним, этот огромный сволочной город, где из семнадцати с половиной миллионов душ нет ни одной, которая болела бы за него. Вот он…

Пришел первый импульс. Тонкая струйка латентной энергии. Он отчетливо ощутил ее и взглянул на часы. Двадцать минут одиннадцатого. Уже? Так скоро? Отлично. Значит, пора готовиться.

Он вернулся в дом, взбежал вверх по лестнице в свою туалетную комнату. Импульсы прилетали как первые редкие капли дождя перед бурей. Впитывая эти крохотные капельки латентной энергии, он чувствовал, как набухает, пополняясь, его запас душевных сил. Он сменил костюм, одевшись для любой погоды, и…

Импульсы уже не сыпались отдельными капельками, они моросили, как частый дождик, обмывая его, наполняя сознание лихорадочным ознобом, который неожиданно перемежался эмоциональными вспышками. И… Ах да, питательные капсулы. Вот о чем надо думать. Питательные. Питательные. Питательные! Он сбегал вниз, в кухню. Нашел пластмассовый фу-

тляр, вскрыл его и проглотил дюжину капсул.

Энергия прибывала теперь потоками. Струйки латентной энергии от каждого эспера в городе сливались в ручейки, ручейки — в реку, в бушующий водоворотом океан массового катексиса, направленного к Пауэлу, настроенного на Пауэла. Он снял все блоки и впитывал этот поток. Его нервная система супергетеродировала и свистела, и турбина, с невыносимым воем вращавшаяся в его сознании, крутилась все быстрей и быстрей.

Он уже не дома, он бродит по улицам, слепой, глухой, бесчувственный ко всему, погруженный в эту бурлящую массу латентной энергии. Подобно тому как парусник, оказавшись в объятиях тайфуна, стремится использовать для своего спасения само безумие урагана, так и Пауэл стремился поглотить, впитать в себя этот ужасающий поток, с тем чтобы в нужный момент израсходовать латентную энергию, всю до капли катексировать ее и направить на Разрушение Рича, пока еще не поздно, еще не поздно, не поздно, не поздно, не поздно…

Глава XVI

УНИЧТОЖИТЬ ПУТАНИЦУ.

СЛОМАТЬ ЛАБИРИНТ.

ЛИКВИДИРОВАТЬ ГОЛОВОЛОМКУ

(X^2 0 Y^3 d! Пространство d! Время).

РАССЕЯТЬ

(ДЕЙСТВИЯ; ФОРМУЛЫ, МНОЖИТЕЛИ, ДРОБИ, СТЕПЕНИ, ЭКСПОНЕНТЫ, РАДИКАЛЫ, ТОЖДЕСТВА, УРАВНЕНИЯ, ПРОГРЕССИИ, ВАРИАЦИИ, ПЕРЕСТАНОВКИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕШЕНИЯ).

ВЫЧЕРКНУТЬ

(ЭЛЕКТРОН, ПРОТОН, НЕЙТРОН, МЕЗОН И ФОТОН).

СТЕРЕТЬ

(КЭЛИ, ХОНСОНА, ЛИЛИЕНТАЛЯ, ШАНУТА, ЛАНГЛЕЯ, РАЙТА, ТЭРНБУЛА и СиЭРСОНА).

ИСКОРЕНИТЬ

(ТУМАННОСТИ СКОПЛЕНИЯ, БИНАРНЫЕ СИСТЕМЫ, ОСНОВНУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЗВЕЗД И БЕЛЫХ КАРЛИКОВ).

РАЗМЕТАТЬ

(РЫБ, АМФИБИЙ, ПТИЦ, МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ЧЕЛОВЕКА).

УНИЧТОЖИТЬ.
СЛОМАТЬ.
ЛИКВИДИРОВАТЬ.
РАССЕЯТЬ.
ВЫЧЕРКНУТЬ ВСЕ УРАВНЕНИЯ.
БЕСКОНЕЧНОСТЬ РАВНА НУЛЮ.
КОНЕЦ…

— …конец чему? — крикнул Рич, — Чему конец? — Он старался подняться, отталкивая от себя одеяло и чьи-то руки, — Чему конец?

— Конец кошмарам, — сказала Даффи Уиг.

— Кто это?

— Я Даффи.

Рич открыл глаза. Замысловато убранная спаленка, замысловатая, кровать, застланная на старинный манер, крахмальным бельем и одеялами. Даффи Уиг, свежая, чистенькая, прохладная, упирается руками ему в плечи, пытаясь уложить его на подушки.

— Я сплю, — сказал Рич. — Сплю и хочу проснуться.

— Вот и славно. Положи голову на подушку, и ты увидишь новый сон.

Рич лег.

— Я уже просыпался, — сказал он хмуро. — Впервые в жизни полностью проснулся. Я слы-

шал… Не знаю, как это назвать. Бесконечность и ничто. Что-то важное. Настоящее! Потом уснул и оказался здесь.

— Маленькое уточнение, — сказала Даффи. — Не уснул, а проснулся.

— Я сплю! — крикнул Рич. Он сел. — Послушай, впрысни-ка мне что-нибудь. Ну, опиум, гашиш, сом-нар, летете… Мне нужно проснуться, Даффи. Мне нужно вернуться к реальности.

Даффи наклонилась к нему и крепко поцеловала в губы.

— Ну а это как? Реально?

— Пойми-. Все, что было до сих пор, мне только чудилось… галлюцинация. Я должен перестроиться, должен увидеть все в новом свете, новыми глазами. Пока не поздно, Даффи. Пока еще не поздно, не поздно, не поздно…

Даффи всплеснула руками.

— Вылечили, называется! — воскликнула она. — Сперва негодяй-доктор напугал тебя до обморока. Потом поклялся, что ты пошел на поправку. И вдруг на тебе: совсем, оказывается, с ума сошел. — Нагнувшись над кроватью, Даффи строго погрозила пальцем. — Еще слово, сэр, и я вызову Кингстон.

— Кто? Как ты сказала?

— Кингстонский госпиталь. Туда забирают таких мальчиков, как ты.

— Я не о том. Кто напугал меня до обморока?

— Мой приятель доктор.

— На площади перед зданием полиции?

— Именно там.

— Ты уверена?

— Мы вместе с ним тебя искали. Твой слуга сообщил мне о взрыве, и я испугалась. Мы с доктором едва успели.

— Ты видела его лицо?

— Ну еще бы.

— На что оно было похоже?

— Лицо как лицо. Два глаза. Две губы. Два уха Один нос. Три подбородка. Слушай, Бен, если ты взялся за прежний репертуар насчет яви, сна, реальности и бесконечности, то номер не пройдет.

— Значит, ты привезла меня сюда, когда я потерял сознание?

— Конечно. Разве могла я упустить единственную возможность залучить тебя в свою постель.

Рич усмехнулся. И, успокоенный, сказал ей:

— Ну ладно, Даффи, теперь можешь меня поцеловать.

— Мистер Рич, я уже целовала вас. Или это происходило, когда вы бодрствовали?

— Забудь об этом. Страшный сон, и больше ничего. — Он вдруг расхохотался. — Стоит ли тревожиться о страшных снах. В моих руках весь мир. Так пусть будут и сны в придачу. Даффи, ты когда-то, помнится, просила, чтобы я затащил тебя в сточную канаву?

— Детский каприз. Я надеялась попасть в заслуживающее интереса общество.

— Скажи, какая тебе нужна канава, и ты получишь ее. Золотую… бриллиантовую? Может быть, от Земли до Марса? Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы я превратил в сточную канаву всю Солнечную систему? Сделаем. Пустяк! Захочешь, я Галактику в помойку превращу. — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Хочешь взглянуть на бога? Вот он перед тобой. Любуйся.

— Очень мил. Какая скромность в грозный час похмелья!

— Ты думаешь, я пьян? Да, я, конечно, пьян. — Рич спустил с кровати ноги и, слегка пошатываясь, встал. Даффи тут же подошла и обвила его рукой свою талию, чтобы его поддерживать. — Как мне не быть пьяным? Я одолел де Куртнэ. Я одолел Пауэла. Мне всего сорок. Еще шесть десятков лет я буду владеть миром. Да, всем этим проклятущим миром, Даффи!

Он двинулся по комнате, слегка опираясь на Даффи. Пройтись по ее спальне было все равно что совершить прогулку в знойный мир ее эротических представлений. Щупач-декоратор при оформлении комнаты полностью воспроизвел душевные порывы девушки.

— Даффи, хочешь основать вместе со мной династию?

— А как их основывают?

— Я тебе расскажу. Чтобы основать династию Бена Рича, нужно прежде всего выйти за него замуж. Потом…

— С меня достаточно начала.

— Потом родить ему детей. Мальчиков. Десятки мальчиков.

— Нет, девочек. И только троих.

— И ты увидишь, как Бен Рич приберет к рукам картель де Куртнэ и соединит со своей фирмой. А всех своих врагов он опрокинет… вот так! — Рич с размаху ударил ногой по туалетному столику. Столик перевернулся, и размещенные в его округлых выпуклостях и впадинках хрустальные флакончики свалились и рассыпались мелкими осколками по полу.

— После того как «Монарх» и картель де Куртнэ станут «Рич инкорпорейтид», ты увидишь,

как я слопаю остальных… мелкую сошку. Кейз и Амбрел с Венеры. Проглочены! — Рич ударом кулака сломал сделанную в виде торса тумбочку. — Юнайтед Транзэкшнз на Марсе. Смяты в лепешку и съедены. — Он сокрушил изящный хрупкий стул. — Трест ГКИ на Ганимеде, Каллисто и Ио… Химическая и Атомная Промышленность Титана… Ну а там уж остается шушера: злопыхатели, клеветники, Лига щупачей, моралисты, патриоты… Всех слопал! Слопал! Слопал! — Он колотил ладонью по мраморной обнаженной фигурке, пока она не отломилась от пьедестала и не слетела на пол.

— Чудачок. — Даффи повисла у него на шее. — Что ты зря расходуешь энергию? Если так уж руки чешутся, возьмись за меня.

Он приподнял ее и стал трясти, пока она не взвизгнула.

— Весь мир проглочу по кусочкам, пусть даже они окажутся со всячинкой — иные сладкие… как ты; а от иных будет разить; я всех их слопаю, — Он рассмеялся и прижал Даффи к себе. — Я не знаю, как и что там заведено у богов, зато знаю, что по вкусу мне Мы расколотим все вдребезги, а потом построим то, что требуется нам. Нам с тобой и нашей династии.

Он поднес ее к окну, сорвал гардины, с грохотом высадил пинком оконный переплет. Бархатная тьма укутала город. Только вдоль улиц и воздушных трасс мерцали огоньки да по временам из черноты выпрыгивали багровые глаза какого-нибудь прыгуна. Дождь перестал, и тонкий бледный месяц повис на небосводе. Сквозь приторный запах разлитых по полу духов в комнату ворвался ночной ветер.

— Эй вы там! — крикнул Рич, — Слышите меня? Вы… спящие и видящие сны. Теперь уж вам другие сны будут сниться — мои сны. Теперь…

Внезапно он замолчал. Он разжал руки. Даффи выскользнула из его рук и встала с ним рядом. Ухватившись за края оконного проема, он высунулся как можно дальше в темноту и, задрав голову, посмотрел вверх. Когда он снова втянул голову в комнату, его лицо выражало растерянность.

— Звезды, — запинаясь, выговорил он. — Куда исчезли звезды?

— Что исчезло? — удивилась Даффи.

— Звезды, — повторил Рич. Он боязливо указал рукой на небо. — Звезды куда-то девались. Все до одной.

Даффи с любопытством посмотрела на него.

— Что, ты говоришь, пропало?

— Звезды! — крикнул он. — Взгляни на небо. Там совсем нет звезд. И созвездия исчезли. Большая и Малая Медведицы. Кассиопея. Дракон. Пегас. Все куда-то подевались! Только месяц торчит! Гляди!

— Все так же, как всегда, — сказала Даффи.

— Нет, не так же! А где звезды?

— Какие звезды?

— Я не знаю, как они называются… Полярная звезда и… Вега… и… кой дьявол их упомнит? Я не астроном. Но что произошло? Что случилось со звездами?

— А что такое звезды? — спросила Даффи.

Рич схватил ее за плечи и со злостью встряхнул.

— Это солнца. Кипящие, сверкающие светом солнца. Их тысячи… миллионы сияют в ночи. Что с тобой? Как ты не понимаешь? В космосе катастрофа. Исчезли звезды!

Даффи покачала головой. Она смотрела на него с ужасам.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Бен. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Он оттолкнул ее, выбежал из комнаты, бросился в ванную и заперся там. Он наспех принял душ

и начал одеваться. Даффи, которая все время колотила в дверь и уговаривала его не глупить, вдруг замолчала. Он услышал, как она, понизив голос, говорит с кем-то в Кингстонском госпитале.

— Пусть расскажет им про звезды, — пробурчал Рич, чувствуя, как в нем поднимается злость и ужас.

Закончив туалет, он вышел. Даффи поспешно отключила «видео» и повернулась к нему.

— Бен… — начала она.

— Жди меня здесь, — сказал он резко. — Пока я не узнаю.

— О чем ты хочешь узнавать?

— О звездах? — гаркнул он, — Из царства бога всемогущего исчезли звезды!

Он выскочил на лестничную площадку и торопливо сбежал вниз. На пустынном тротуаре он приостановился и снова посмотрел на небо. Луна была. Кроме луны, сверкала еще одинокая красная точка — Марс. И еще одна — Юпитер. И больше ничего. Чернота. Чернота. Чернота. Непроглядная, зловещая, путающая чернота нависла над его головой, и казалось, что она жмет на него, давит, мешает вздохнуть.

Продолжая глядеть вверх, он побежал. Сворачивая за угол, он налетел на какую-то женщину,

и та упала. Он помог ей встать.

— Дурак безглазый? — взвизгнула она, отряхивая и приводя в порядок украшавшие ее перья. Потом вдруг вкрадчиво:

— Скучаем, капитан?

Рич взял ее за руку. Он указал на небо.

— Посмотри. Звезды исчезли. Ты ведь заметила? Звезд нет.

— Чего нет?

— Звезд. А ты разве не видишь? Исчезли звезды.

— Я не пойму, про чего такое ты говоришь, капитан. Айда ко мне! Уж у меня погуляем!

Он вырвался из ее цепких лап и убежал. Через полквартала он увидел нишу с видеофоном-автоматом. Рич вошел и набрал номер справочного Экран осветился, и голос робота сказал:

— Спрашивайте.

— Что случилось со звездами? — спросил Рич Когда это случилось? Их исчезновение, наверное, уже заметили Чем его можно объяснить?

Щелчок, пауза, затем еще щелчок.

— Повторите, пожалуйста, слово по буквам.

— Звезда! — заорал Рич, — З-В-Е-З-Д-А. Звезда!

Щелчок, пауза, щелчок.

— Имя существительное или наречие?

— Существительное, черт бы вас побрал!

Щелчок, пауза, щелчок.

— У нас нет информации под названной вами рубрикой, — сообщил записанный на пленку голос.

Рич выругался, но тут же усилием воли взял себя в руки.

— Где находится ближайшая к городу обсерватория?

— Будьте любезны сообщить, о каком городе идет речь.

— Об этом. О Нью-Йорке.

Щелчок, пауза, щелчок.

— Лунная обсерватория Кротонского парка находится в тридцати милях к северу от города. Вы можете доехать туда рейсовым прыгуном. Северная координата 227. Лунная обсерватория была основана в две тысячи…

Рич со злостью отключил видеофон.

— Нет информации под этой рубрикой. Ну-ну! С ума, что ли, они сошли?

Он помчался по улице в поисках рейсового прыгуна. Завидев аэротакси, Рич помахал рукой, и машина к нему спикировала.

— Северная координата двести двадцать семь, — отрывисто бросил он, входя в кабину. —

Тридцать миль от города. Обсерватория.

— Плата за рейс по повышенному тарифу, — сказал шофер.

— Согласен. Ну, скорей!

Машина взмыла в воздух. Минут пять Рич сдерживался, но наконец не вытерпел и с напускной небрежностью сказал:

— Вы обратили внимание на небо?

— А что такое, мистер?

— Звезды исчезли.

Водитель выдавил из себя вежливый смешок.

— Я и не думал шутить, — сказал Рич. — Действительно исчезли звезды.

— А не шутите, так говорите поясней, — сказал шофер. — Что это еще за чертовщина — звезды?

Рич позеленел от ярости, но не успел он рта раскрыть, как такси пошло на посадку и приземлилось неподалеку от здания под куполообразной крышей. Сердито бросив: «Подождите меня», Рич побежал через газон к низкому каменному портику.

Дверь была приоткрыта. Он вошел в обсерваторию и услышал тихий скрип поворотного механизма, вращающего купол, и негромкое тиканье часов. В обсерватории было темно, только светился циферблат часов. Работал двенадца-

тидюймовый рефрактор. Рич смутно различил фигуру наблюдателя, склонившегося над окуляром телескопа. Взвинченный и напряженный, нервно вздрагивая от слишком громкого звука собственных шагов, Рич направился к этому человеку через полутемный прохладный зал.

— Послушайте, — начал он тихо. — Мне неудобно вас беспокоить, но я убежден, что уж вы-то не могли этого не заметить. Звезды — ваш бизнес. Вы ведь заметили, верно? Исчезли звезды. Все до одной. Что с ними случилось? Почему никто не говорит об этом и даже притворяются, что так было всегда? Подумать только! Звезды! Мы себе и не представляли, что можно жить без звезд. И вдруг их нет. Что с ними случилось? Куда они делись?

Наблюдатель медленно выпрямился и повернулся к Ричу.

— Звезд не существует, — сказал он.

Это был Человек Без Лица.

Рич вскрикнул. Повернулся, побежал. Он выскочил за дверь, потом вниз по ступенькам и опрометью помчался через газон к такси. С разбегу ударившись о хрустальную стенку кабины, он не удержался на ногах и рухнул на колени рядом с прыгуном. Шофер помог ему подняться.

— Вам нехорошо, Мак?

— Не знаю, — жалобно ответил Рич, — Я просто ничего не понимаю.

— Дело, конечно, хозяйское, — сказал шофер. — Только на вашем месте я сходил бы к щупачу. У вас и разговор психованный.

— Насчет звезд?

— Ага.

Рич вдруг схватил его за руку.

— Послушайте, — сказал он. — Я Бен Рич. Бен Рич из «Монарха».

— Да, Мак. Я узнал вас.

— Хорошо. Вы знаете, что за услугу я могу отплатить чем угодно. Деньги… Новая работа… Все, что вы захотите…

— Вы ничем не можете мне отплатить, Мак. Я уже побывал в Кингстоне, и меня там подвинтили.

— Тем лучше. Честный человек. Вы согласитесь мне помочь из христианских или еще каких-нибудь там добрых чувств?

— Конечно, Мак.

— Войдите в это здание. Посмотрите на человека за телескопом. Хорошенько посмотрите. А потом опишите его мне.

Шофер ушел и через пять минут вернулся.

— Ну?

— Старикан как старикан, Мак. Лет примерно шестидесяти. Лысый, на лице морщины. Уши оттопыренные, а подбородок этакий, как говорят, безвольный. Ну вроде стесанный.

— Это никто… никто, — прошептал Рич.

— Чего?

— Да, насчет звезд, — сказал вдруг Рич. — Вы что же, никогда о них не слышали? И никогда не видели их? Совсем не представляете себе, о чем я говорю?

— Не.

— Господи! — простонал Рич. — Боже милостивый!

— Главное, не тушуйтесь, Мак, — шофер изо всех сил хлопнул его по спине. — Я вот что вам расскажу. В Кингстоне разного наслушался. Ну, скажем, так бывает — просыпаетесь вы утром, и вдруг у вас заскок. Он у вас только-только, так сказать, прорезался, а вам-то кажется, что так, мол, всегда было. Ну как например, будто люди раньше были одноглазые, и вдруг ни с того ни с сего у всех стало по два глаза.

Рич с неожиданным интересом взглянул на шофера.

— И начинаете вы бегать да орать «Люди добрые, с чего это вдруг все стали двуглазые?» Вам

отвечают: «Всегда были двуглазые». А вы кричите «Ни черта, я точно помню, что у каждого был только один глаз!» И сами в это верите, вот ведь в чем штука. Черт те сколько времени с вами провозятся, пока не вышибут у вас этот заскок. — Шофер снова хлопнул его по спине. — На то похоже, Мак, что у вас с этими звездами такой же выверт, как у тех, что с одним глазом.

— Один глаз, — забормотал Рич. — Два глаза. Три, четыре… Три, четыре…

— Чего?

— Я не знаю. Не знаю. Я так измотался за последний месяц, что… Может быть… вы и правы… Но…

— Так вас в Кингстон отвезти?

— Нет!

— Тут, что ли, останетесь и будете канючить про свои звезды?

Рич вдруг крикнул:

— Плевать мне на них!

Страх сменился бурной вспышкой ярости Рич снова ощутил прилив энергии и сил и вскочил в кабину.

— Мне принадлежит весь мир. Не глупо ли оплакивать потерю нескольких жалких заблуждений?

— Вот это по-нашему. Мак. Куда?

— В королевский дворец.

— Который?

Рич рассмеялся.

— К «Монарху», — сказал он и, пока не показался силуэт Башни «Монарха», словно парившей в утренних лучах, он продолжал покатываться со смеху.

Но в этом смехе слышались истерические потки.

Управление работало круглосуточно, и служащие, приступившие к работе в полночь, сонливо добивали последний, восьмой час ночной смены. Хотя весь этот месяц Рич редко появлялся здесь, служащим была хорошо известна его манера сваливаться словно снег на голову, и они без труда переключались на третью скорость. Когда он подошел к столу, туда уже подоспели и секретарши, принесшие сведения по самым неотложным делам.

— С этим успеется, — буркнул Рич. — Позвать сюда всех начальников отделов и инспекторов! Я должен сделать сообщение.

Оживление, царившее в Башне «Монарха», успокоило его и возвратило в привычную колею. Он снова чувствовал себя живым, реальным.

Да ведь все то, что окружает его здесь, и есть единственная настоящая реальность — спешка, толкотня, звонки сигнального нумератора, приглушенные голоса, отдающие распоряжения, и быстро заполнивший кабинет поток перепуганных служащих.

— Как всем вам известно, — начал Рич, медленно расхаживая перед сотрудниками и бросая по временам внимательный взгляд на их лица, — наша фирма вела острую, смертельную борьбу с картелем де Куртнэ. Месяц назад Крей де Куртнэ был убит. В связи с этим возникли некоторые затруднения, которые в настоящее время полностью ликвидированы. Могу порадовать вас сообщением, что путь перед нами теперь открыт. Мы можем заняться осуществлением плана «двойное А», то есть присоединением к «Монарху» предприятий картеля де Куртнэ.

Он сделал паузу, предполагая, чти на это сообщение отзовется возбужденный ропот голосов. Но отклика не последовало.

— Кое-кто из вас, возможно, — сказал он, — не представляет себе весь размах и значение наших новых перспектив. Я постараюсь изложить это подоходчивее. Те, кто сейчас являются инспекторами городов, станут инспекторами

континентов. Континентальные инспектора возглавят спутники. А те, в чьем подчинении сейчас спутники, будут инспектировать планеты. Отныне «Монарх» господствует во всей Солнечной системе. Мы теперь должны мыслить в масштабах Солнечной системы. Все мы теперь…

Рич замялся, его тревожили озадаченные взгляды слушателей Оглядевшись, он остановил глаза на старшей секретарше.

— В чем, черт возьми, дело? — проворчал он. Вы узнали что-то, о чем я еще не слыхал? Плохие новости?

— Н-нет, мистер Рич.

— Тогда что у вас не слава богу? Случилось то, чего мы все давно ждем. Чем вы недовольны?

— Мы… я… — запинаясь, пролепетала секретарша. — Простите, сэр, но я н-не пойму, о ч-чем вы говорите.

— О картеле де Куртнэ.

— Я… я н-никогда не слыхала о такой организации, мистер Рич, сэр. Я… мы… — секретарша огляделась, как бы ища поддержки. К изумлению Рича, весь его штат недоуменно затряс головами…

— Картель де Куртнэ на Марсе! — крикнул Рич.

— Где, сэр?

— На Марсе. Марс! М-А-Р-С. Одна из десяти планет. Четвертая от Солнца. — И, чувствуя, как его снова охватывает ужас, Рич бессвязно завопил: — Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн Марс! Марс! Марс! Сто сорок один миллион миль от солнца! Марс!

Но служащие лишь качали головами. Прошел ка кой-то шепоток, и все они стали потихоньку пятиться от Рича. Он бросился к секретаршам и выхватил у них из рук пачки бумаг.

— Здесь у вас сотни записей насчет картеля де Куртнэ на Марсе. Бог ты мой, как им не быть, когда мы уже десять лет воюем с де Куртнэ. Когда…

Он судорожно перебирал бумаги, расшвыривая куда придется листки, так что в конторе поднялся настоящий бумажный вихрь. Ни в одном из документов не упоминались ни картель де Куртнэ, ни Марс. Не было там также никаких упоминаний о Венере, Юпитере, Луне и прочих планетах и спутниках.

— Негодяйки, лгуньи! — крикнул Рич. — Ну смотрите. Я вам сейчас свои собственные записи покажу У меня их сотни в столе. Вот глядите…

Рич бросился к столу и стал рывками выдвигать ящики. Внезапно раздался оглушительный взрыв. Стол разлетелся вдребезги. На служащих

посыпались щепки и куски дерева, а крышка стола мощным броском, как рука великана, отшвырнула Рича к самому окну.

— Человек Без Лица! — крикнул Рич, — Великий боже! — Он потряс головой и с упорством одержимого опять вернулся к тому, что казалось ему самым важным. — Где архивы? Я вам в архивах покажу… Де Куртнэ, и Марс, и все прочее. Я и ему покажу… Человеку Без Лица… Пошли!

Выбежав из кабинета, он бросился в подвал, где располагались архивы. Он опорожнял полку за полкой, расшвыривая бумаги, горстями высыпал кристаллы памяти, старинные магнитофонные записи, микрофильмы, молекулярные фотокопии. Нигде ни одного упоминания ни о Марсе, ни о Крее де Куртнэ. Нигде ни слова о Венере, Юпитере, Меркурии, об астероидах и спутниках.

А тем временем шум все усиливался, раздавались звонки сигнального нумератора, резкие, повелительные голоса. Служащие в панике носились по этажам; в подвал, где хранились архивы, рысцой вбежали трое плечистых джентльменов, дежуривших в зале отдыха. Их привела исцарапанная осколками секретарша.

— У нас нет другого выхода! Просто нет другого выхода! — убеждала она их. — Всю ответствен-

ность я беру на себя!

— А ну, спокойненько, мистер Рич, спокойненько, спокойненько, — приговаривали они свистящим полушепотом, как конюхи, успокаивающие норовистого жеребца. — Полегче, мистер Рич, полегче.

— Пошли вон, сукины дети!

— Легче, сэр. Все будет в порядке, сэр.

Плечистые джентльмены продолжали медленно подступать к Ричу. Между тем наверху стоял дым коромыслом. Звенели звонки, слышались голоса: «Кто его врач? Нужно вызвать врача! Да позвоните же в Кингстон! А полицию известили? Хотя нет, не надо. Лучше без огласки. Позвоните же наконец в юридический отдел, слышите? Больницы уже открыты?»

Хрипло дыша, Рич швырнул под ноги плечистым джентльменам огромную кипу бумаг, пригнул голову, как разъяренный бык, и, могучим рывком протаранив порядки осаждавших, выбежал в боковой коридор и метнулся к пневматическому лифту. Открылась дверь. Он нажал кнопку с надписью «Научный центр, 57-й этаж», вступил в воздушный шлюз и, взлетев к месту назначения, покинул кабину.

Здесь находились лаборатория и библиотека.

Весь этаж был погружен в темноту. Служащие скорее всего решили, что он поднялся из подвала на тот этаж, где был выход на улицу. Если так, то у него есть время. Все еще тяжело дыша, он пробежал в лабораторию, влетел в библиотеку и, щелкнув выключателем, подошел к справочному пульту. Перед креслом пульта была укреплена приподнятая, как чертежная доска, пластина замороженного кристалла. Рядом с ней находилась панель со множеством кнопок.

Рич сел и нажал кнопку с надписью «Включ.». Пластина осветилась, и в динамике над его головой записанный на пленку голос произнес:

— Тема?

Рич надавил кнопку «НАУКА».

— Раздел?

Рич нажал кнопку «АСТРОНОМИЯ».

— Вопрос?

— Вселенная.

Щелчок — пауза — щелчок.

— Термин «Вселенная» в общефизическом аспекте включает всю существующую материю.

— Что подразумевается под всей существующей материей?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Массы материи разной величины от элемен-

тарного атома вплоть до крупнейших скоплений, известных астрономам.

— Каковы крупнейшие скопления материи, известные астрономам? — спросил Рич и нажал кнопку «ГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ».

Щелчок — пауза — щелчок.

— Солнце.

На хрустальной пластине возникло изображение Солнца.

— Ну а остальные? Например, звезды?

Щелчок — пауза — щелчок.

Звезд не существует А планеты?

Щелчок — пауза — щелчок.

Существует Земля.

Появилось изображение вращающегося земного шара.

— Ну а другие планеты? Марс? Юпитер? Сатурн..

Щелчок — пауза — щелчок.

— Других планет не существует.

— А Луна?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Луны не существует.

Рич глубоко вздохнул, его трясло.

— Попробуем еще раз. Возвратимся к Солнцу.

На хрустальной пластине снова возникло

Солнце.

— Солнце — величайшее скопление материи, известное астрономам, — начал записанный на пленку голос.

Внезапно он замолчал.

Щелчок — пауза — щелчок.

Изображение Солнца стало медленно тускнеть. Голос сказал:

— Солнца не существует.

Модель исчезла, и лишь остаточное изображение маячило на пластине, глядя на Рича, безмолвное, страшное… Человек Без Лица.

Рич застонал. Он вскочил на ноги, опрокинул стул. Потом схватил его и запустил им в страшное видение. Потом он повернулся и неверными шагами выбежал из библиотеки в лабораторию, а оттуда в коридор. У пневматического вертикального лифта он надавил на кнопку «УЛИЦА». Дверь открылась, он ввалился внутрь и слетел пятьюдесятью семью этажами ниже, в главный зал научного центра «Монарха».

Зал был полон народу — скоро должна была начаться утренняя смена. Проталкиваясь сквозь толпу, Рич ловил любопытные взгляды, направленные на его окровавленное лицо. Вдруг он заметил, что к нему приближаются с разных сто-

рон полдюжины людей, одетых в форму охраны «Монарха». Он бросился бежать, прошмыгнул через вращающиеся двери и вылетел на улицу. Но, очутившись на тротуаре, он застыл на месте, будто перед носом у него выросла стена из раскаленного добела железа. Солнца не было.

Горели уличные фонари; в небе мерцали воздушные трассы; мимо проносились фары прыгунов; ослепительным светом сверкали витрины… А вверху — ничего… ничего, кроме глубокой, черной, неизмеримой бесконечности.

— Солнце! — крикнул Рич. — Где Солнце?

Он указал рукой на небо. Служащие окидывали его подозрительными взглядами и проходили мимо. Ни один из них даже не взглянул вверх.

— Солнце! Где же Солнце? Неужели вы не понимаете, вы, идиоты? Исчезло солнце! — Рич хватал их за руки и, потрясая кулаком, указывал на небо. Потом, увидев, что из вращающихся дверей уже выбегают первые охранники, он пустился наутек.

Добравшись до угла, он проворно свернул направо и единым духом промчался через ярко освещенный, полный покупателей пассаж. Сразу же за пассажем был вход в вертикальную «пневматичку», которая вела к воздушной трас-

се. Рич успел проскочить в дверь и, когда она задвигалась, оглянувшись, увидел своих преследователей всего в нескольких шагах. Затем он, как мяч, свечой взлетел на семидесятиэтажную высоту и оказался на воздушной трассе.

Тут была расположена электромобильная стоянка, полого спускавшаяся к фасаду Башни «Монарха» и соединенная с воздушной трассой подъездной дорогой. Рич бросился к стоянке, швырнул несколько кредиток служителю, вскочил в аэромобиль и нажал кнопку пуска. Машина двинулась. В конце подъездной дороги он нажал кнопку «Налево». Аэромобиль свернул налево и покатил по трассе. Система управления в этих аэромобилях была очень проста. На щите находилось всего несколько кнопок: «Налево», «Направо», «Пуск», «Стоп». Все управление машиной производилось автоматически. Электромобили этого типа предназначались только для езды по воздушным трассам. Сев в такую машину, вы могли часами кружить над городом как белка в колесе.

Электромобиль не требовал внимания. Рич ехал и попеременно поглядывал то назад, то вверх, на небо. Солнца нет, а им и горя мало, словно его никогда и не было. Вдруг он похолодел. А

что, если и это такой же заскок, как у тех, что считают людей одноглазыми? Неожиданно машина замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. Рич застрял посредине воздушной трассы, между Башней «Монарха» и колоссальным «Визиофон энд Визиограф Билдинг».

Он принялся лихорадочно нажимать на все кнопки. Безрезультатно! Тогда он выскочил и поднял задний капот, чтобы проверить, не испортилось ли контактное реле. Вдали на трассе показались бегущие к нему охранники. Тут только Рич понял, в чем дело. Аэромобиль питался энергией, посылаемой со стоянки. Добравшись до стоянки, охранники приказали прекратить подачу энергии в его электромобиль и побежали за ним вдогонку. Рич бросил бесполезную теперь машину и что было духу помчался к «ВВ Билдинг».

Трасса проходила по тоннелю, пронизывавшему здание «ВВ Билдинг». Вдоль тоннеля располагались магазины, рестораны, театр… Кстати, там помещалось и бюро путешествий! Это выход. Быстро купить билет, занять одноместную капсулу… Затем его забросят на какую-нибудь взлетную площадку… Ведь ему нужно совсем немного времени, чтобы перестроиться, взгля-

нуть на все новыми глазами… А в Париже у него свой дом. Ловко увертываясь от автомобилей, он пересек тоннель и вбежал в бюро.

Бюро путешествий напоминало небольшой банк. Короткая стойка, окошко, защищенное решеткой и взломонепроницаемым пластиком. Рич подошел к окошку, вынул из кармана деньги. Отсчитав несколько кредиток, он подтолкнул их к решетке.

— Билет до Парижа, — сказал он. — Сдачу оставьте себе. Где у вас капсулы? Живо, любезный! Живо!

— Париж? — переспросил кассир. — Какой Париж? У нас нет никакого Парижа.

Рич всмотрелся в человека за полупрозрачным пластиком. За окном маячил, глядя на него, молчаливый, страшный… Человек — Без Лица. Ричу показалось, что голова его вот-вот лопнет, сердце бешено колотилось. Он раза два бестолково повернулся на месте, наконец увидел дверь и выбежал наружу. Спотыкаясь как слепой, он ринулся назад по трассе, сделал слабую попытку увернуться от приближающегося автомобиля и погрузился во тьму, плотно окутавшую его со всех сторон.

УНИЧТОЖИТЬ

СЛОМАТЬ
ЛИКВИДИРОВАТЬ
РАССЕЯТЬ
(МИНЕРАЛОГИЮ, ПЕТРОЛОГИЮ, ГЕОЛОГИЮ, ФИЗИОГРАФИЮ)
РАЗМЕТАТЬ
(МЕТЕОРОЛОГИЮ, ГИДРОЛОГИЮ, СЕЙСМОЛОГИЮ)
СТЕРЕТЬ
(x^2 y^3d: Пространство (d: Время)
ВЫЧЕРКНУТЬ ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…
— …что является?
ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…
— …является что? Что? ЧТО?

Чья-то рука прикрыла ему рот. Рич открыл глаза. Он находился в маленькой комнатке с кафельными стенами, наверное, *в* медпункте при полицейском участке. Он лежал на белом столе, который окружали охранники, трое полицейских в форме и еще какие-то люди. Все они старательно что-то записывали в блокноты, бормоча себе под нос и смущенно пожимая плеча ми.

Незнакомец отнял руку от губ Рича и наклонился к нему.

— Все — будет хорошо, — сказал он мягко. — Не волнуйтесь. Я врач.

— Щупач?

— Что?

— Вы не щупач? Мне нужен щупач, мне нужен кто-нибудь, кто бы влез мне в башку и подтвердил, что я прав. Бог ты мой! Мне это нужно до зарезу. За ценою я не постою…

— Что ему нужно? — спросил полисмен.

— Я не знаю. Он сказал «щупач». — Врач повернулся к Ричу. — Что это значит? Объясните нам, пожалуйста. Что значит «щупач»?

— Это эспер. Тот, кто читает мысли.

Доктор улыбнулся.

— Фантазирует. Разыгрывает бодрячка. Больные часто ведут себя так. Делают вид, что катастрофа их не испугала. Мы называем это юмором висельника.

— Послушайте, — взмолился Рич, — приподнимите меня. Я должен кое-что сказать.

Ему помогли приподняться.

— Меня зовут Бен Рич, — сказал он, обращаясь к полицейским. — Бен Рич из «Монарха». Вы, конечно, слышали обо мне. Я хочу сделать признание. Но я признаюсь лично Линкольну Пауэлу, полицейскому префекту. Доставьте меня к нему.

— Кто такой Пауэл?

— И в чем вы хотите признаться?

— В убийстве де Куртнэ. Месяц тому назад я убил Крея де Куртнэ. Это произошло в доме Марии Бомон. Скажите Пауэлу. Я убил де Куртнэ.

Полицейские удивленно переглянулись. Один из них не торопясь поплелся в угол к старомодному телефону.

— Капитан? У нас тут один тип. Называет себя Беном Ричем из «Монарха». Хочет сделать признание какому-то префекту по фамилии Пауэл. Говорит, в прошлом месяце кокнул какого-то малого, которого звали Крей де Куртнэ. — Полицейский помолчал и обратился к Ричу: — Как пишется эта фамилия?

— Де Куртнэ! Маленькое «дэ», потом «е», потом отдельно заглавная «ка», «у», «эр», «тэ», «эн», «э».

Полисмен продиктовал фамилию по буквам и стал ждать. Некоторое время спустя он усмехнулся и повесил трубку.

— Все наврал, — сказал он и положил блокнот в карман.

— Послушайте… — начал Рич.

— Как он, в порядке? — спросил полисмен у врача, не оборачиваясь к Ричу.

— Небольшой шок, а вообще он в норме.

— Да слушайте же! — крикнул Рич.

Полисмен рывком поставил его на ноги, под-

толкнул к дверям.

— Порядок, приятель. Катись!

— Вы должны меня выслушать. Я…

— Нет, приятель, это ты меня выслушай. В полиции нету никакого Линкольна Пауэла. В книге происшествий не зарегистрировано убийство этого твоего де Куртнэ Понял? Так что проваливай подобру-поздорову Заливать можешь в другом месте, — и он вытолкнул Рича на улицу.

Тротуар выглядел странно. Он был весь вздыблен, словно изрытый пневматическим молотком. Рич споткнулся, но кое-как удержался на ногах и застыл, безгласный, растерянный. Темнота сгустилась еще больше… вечная темнота. Лишь кое-где горели редкие фонари. Воздушные трассы исчезли. Не видно было прыгунов. Даже горизонт стал не сплошным — в нем появились проломы.

— Я болен, — простонал Рич. — Я болен. Помогите…

Прижимая руки к животу, пошатываясь, он побрел по разбитому тротуару.

— Прыгун! — вопил он не своим голосом. — Прыгун! Такси! Да есть ли кто живой в этом забытом богом городе? Где вы все попрятались? Такси!

Ничего.

— Я болен… болен. Мне нужно домой. Я заболел. — Он снова заорал: — Слышит меня кто-нибудь? Я болен. Помогите… По-мо-ги-те!..

Никакого ответа.

Рич застонал, потом вдруг захихикал бессмысленно и жалобно. Срывающимся голосом он запел:

Три, два, раз… А ну еще!
Три, четыре — горячо.
Ах ты, камбала, не вобла,
Смотри в оба! Смотри в оба!..

— Да где же вы все? Мария! — чуть не плача, позвал он. — Мария, включи свет! Ма-а-ри-и-ия! Да прекрати ты эту дурацкую игру в «Сардинки»!

Он споткнулся.

— Где ты? — кричал Рич. — Вернись, умоляю, вернись! Я тут совсем один!

Безмолвие.

Он искал Парк Саут, 9, вглядывался в темноту, не покажется ли особняк Бомонов, дом, где встретил свою гибель де Куртнэ. Как успокоительно было бы встретить «старую прилестницу» Марию!

Безмолвие.

Мрачная, холодная пустыня. Черное небо. Все

чужое вокруг. Пусто.

Безмолвие и пустота.

Рич крикнул. Одинокий хриплый крик, крик злобы и страха.

Безмолвие. Даже эхо не откликнулось.

— Ради бога! — кричал он. — Ради бога! Верните все обратно! Куда все девалось? Одно пространство, одно пространство!..

Из пустоты проступила и выросла зловещая гигантская фигура. Она родилась из черных теней. Рич смотрел на нее, оцепенев. Она маячила перед ним, безмолвная, страшная… Человек Без Лица. Внезапно он заговорил:

— Нет пространства. Ничего нет.

Рич услышал пронзительный крик. Это кричал он сам. Услышал оглушительный грохот. То билось его сердце. Он бежал нездешней, неземной тропой, проложенной в пустоте, где не было ни жизни, ни пространства, бежал, пока еще не поздно, пока еще не поздно, еще не поздно, пока еще есть время, еще есть время, время…

И на полном бегу наткнулся на фигуру, рожденную из черных теней, на Человека Без Лица. Человек Без Лица сказал:

— Времени не существует. Ничего нет.

Рич отпрянул. Повернулся. Упал. Теряя по-

следние силы, он полз сквозь вечную пустоту и визжал:

— Пауэл! Даффи! Киззард! Тэйт! О господи! Где вы все? Где всё? Ради бога!..

И опять перед ним возник Человек Без Лица.

— Бога не существует, — сказал он. — Ничего нет.

Теперь уже невозможно было спастись бегством.

Остались лишь антибесконечность — бесконечность со знаком минус, и Рич, и Человек Без Лица. Намертво вмерзнув в это триединство, Рич поднял наконец глаза и посмотрел прямо в лицо своему смертельному врагу, от которого он не смог спастись, тому, кто преследовал его в ночных кошмарах… тому, кто разрушил всю его жизнь…

Это был…

Он сам.

Де Куртнэ.

Они оба.

Их лица сливались в одно. Бен де Куртнэ — Крей Рич. Де Куртнэ — Рич. Де — Р.

Он не мог говорить. Не мог шевельнуться. Ведь не существовало ни времени, ни пространства, ни материи. Только умирающая мысль.

— Отец?

— И сын.

— Ты — это я?

— Мы — это мы.

— Отец и сын?

— Да.

— Я не могу понять… Что случилось?

— Ты проиграл игру.

— Игру в «Сардинки»?

— Нет. Глобальную игру.

— На я же выиграл. Я выиграл. Ведь мне принадлежала вся Галактика, до последней песчинки…

— Потому ты и проиграл. Мы проиграли.

— Что мы проиграли?

— Возможность выжить.

— Я ничего не понимаю. Не могу понять.

— Зато это понимает моя половина. Ты бы тоже понял это, Бен, если бы ты не отторгнул меня от себя.

— Что же тебя отторгло?

— Все, что *есть в тебе извращенного, испорченного, дурного.*

— И это *говоришь ты? Ты… предатель, пытавшийся меня, убить?*

— Я это делал без гнева, Бен. Делал лишь для того, чтобы сокрушить тебя прежде, чем ты

сокрушишь нас. Чтобы выжить. Чтобы помочь тебе проиграть Галактику и выиграть игру, Бен.

— Что за игра? Ты назвал ее глобальной?

— Да. Это головоломка. Вселенная — это *лабиринт, путаница, головоломка, которую мы должны решить. Все галактики, звезды, солнце, планеты… весь мир, каким мы его знали. Мы с тобой были единственной реальностью. Все остальное вымысел… куклы, марионетки, бутафория, комедиантство. Нам с тобой предстояло разгадать воображаемую реальность.*

— Мне это удалось. Я завладел ею.

— Но не сумел решить головоломку. Решение мы так и не узнаем, но это ни террор, ни воровство, ни ненависть, ни похоть, ни убийство, ни насилие. Ты не решил головоломку, и все уничтожено, развеяно.

— А что же стало с нами?

— Уничтожены и мы. Я пробовал предупредить тебя. Остановить. Но мы не выдержали испытания.

— Но почему же? Почему? Кто мы такие? Что мы собой представляем?

— Кто знает? Разве зерно, которому не удалось упасть на добрую почву, знает, кем и чем оно стало бы? Не все ли нам равно, кто мы и что? Мы

проиграли. Испытаниям конец. Конец и нам.

— Нет!

— Возможно, Бен, если бы мы решили головоломку, все осталось бы реальностью. Но дело сделано. Реальность превратилась в утраченную возможность. И вот мы проснулись, чтобы упасть в ничто.

— Мы еще вернемся. Мы попытаемся снова…

— Назад возврата нет. Конец.

— Мы что-нибудь придумаем. Ведь можно же что-нибудь придумать!

— Ничего нельзя придумать. Конец.

Все было кончено.

Теперь… Разрушение.

Глава XVII

Их обоих нашли на следующее утро почти в центре острова, в парке, откуда открывался вид на старый гарлемский канал. Оба всю ночь блуждали по улицам и воздушным трассам, не видя ничего вокруг и все же медленно и неуклонно приближаясь друг к другу, так две намагниченные иглы.

Пауэл, скрестив ноги, сидел на влажном дерне Лицо его осунулось и потемнело, дыхание почти угасло, пульс едва прослушивался, но руки, будто железные тиски, все еще сжимали свернувшегося в тугой ком Рича.

Пауэла немедленно отвезли в его особнячок на Гудзон Рэмп, где, установив круглосуточное дежурство, его усердно принялись выхаживать все сотрудники лаборатории при институте Эспер Лиги, донельзя обрадованные этим первым в истории успешным завершением Массового катексиса. С Ричем не было нужды спешить. В должное время и с соблюдением необходимых формальностей его, по-прежнему недвижимого, доставили в Кингстонский госпиталь на предмет Разрушения.

Прошло семь дней.

На восьмой Пауэл встал, принял душ, оделся, выиграл сражение со своими «сиделками» и вышел из дому. Заскочив по дороге к «Сюкре и Си», он вышел оттуда с неким таинственным большим пакетом, после чего направился в полицейское управление, чтобы лично доложить комиссару Крэббу об окончании дела. Однако, прежде чем подняться в кабинет шефа, он заглянул к Джексону Беку.

— Привет, Джекс.

— Здра(и бедст)вия желаю.

— Бедствия?

— Я заключил пари на пятьдесят кредиток, что вас продержат в постели до среды.

— Проиграли. Как отнесся Моз к нашей версии мотива преступления?

— Поддержал руками и ногами. Заседание длилось всего час. Рича уже готовят к Разрушению.

— Отлично. Ну я пошел наверх. Постараюсь все это растолковать комиссару Крэббу.

— Что это у вас под мышкой?

— Подарок.

— Для меня?

— Сегодня не для вас. Пока, Джекс. Примите мои наилучшие помышления.

Пауэл поднялся вверх, постучал в дверь отделанного серебром и черным деревом кабинета и, услышав повелительный голос: «Войдите!», отворил дверь. Крэбб был должным образом внимателен, но сух. Дело де Куртнэ не способствовало улучшению его отношений с Пауэлом. А заключительный эпизод явился последней каплей.

— Это был на редкость сложный случай, сэр, — тактично начал Пауэл. — Никто из нас ничего не понимал, и никого нельзя винить. Видите ли, комиссар, даже сам Рич не отдавал себе отчета, по какой причине он убил де Куртнэ. Единственным, кто попал в точку, был наш следственный компьютер, но мы тогда решили, что он дурачится.

— Этот агрегат? Он понял?

— Да, сэр. Когда мы в первый раз снабдили его информацией, компьютер дал ответ, что недостаточно подтверждены документацией эмоциональные мотивы преступления. Мы же все предполагали, что преступление совершено из корыстных соображений. Кстати, так же думал и Рич. Само собой, мы решили, что компьютер чудит, и запросили у него вторичного расчета, подтверждающего нашу версию об убийстве с корыстными целями. И тем самым укрепились в ошибке.

— А чертов агрегат, значит, был прав?

— Да, комиссар. Прав. Рич сам себя уверил, что причина убийства — его финансовые взаимоотношения с де Куртнэ. Так он бессознательно скрывал от себя истинный, эмоциональный мотив преступления. Как вы знаете, он предложил де Куртнэ слияние капиталов. Тот согласился. Но подсознательный импульс толкнул Рича к тому, чтобы неправильно расшифровать ответ. Иначе он не мог. Он не мог не верить, что убивает ради денег.

— Почему?

— Потому что он не мог признать действительным подлинный мотив убийства.

— И этот мотив?.. В чем же он заключался?

— Де Куртнэ был его отцом.

— Что? — изумился Крэбб. — Его отцом? И свою плоть и кровь?..

— Да, сэр. Мы все это могли узнать гораздо раньше, но не сообразили… поскольку и сам Рич не осознавал этого. Вот, к примеру, это поместье на Каллисто, которым Рич пожертвовал, чтобы удалить доктора Джордана за пределы Земли. Рич унаследовал его от матери, а та, в свою очередь, получила поместье в дар от де Куртнэ. Мы предполагали, что еще старый Рич каким-то

образом оттягал его у де Куртнэ и передал жене. Оказывается, ничего подобного. Де Куртнэ сам подарил его своей возлюбленной — матери Рича, когда узнал, что она ждет от него ребенка. Рич и родился там. Джексон Бек все это выяснил, когда мы подобрали к делу ключ.

Крэбб открыл было рот, потом снова сжал губы.

— Мы много чего проглядели. Например, тягу де Куртнэ к самоубийству на почве острого ощущения своей вины перед кем-то, покинутым нм. Он ведь и впрямь покинул сына. Это его мучило. Затем не обратили внимания на проглянувший среди первичных инстинктов Барбары де Куртнэ образ ее самой и Бена Рича в виде полублизнецов. Она каким-то образом знала, что он ее сводный брат. Да ведь и Рич не смог убить Барбару в доме у Чуки Фруд. Инстинктивно он тоже все знал. Отца за то, что тот отверг его, он ненавидел и хотел уничтожить, а вот заставить себя причинить вред сестре не смог.

— Так когда же вы докопались до сути?

— Уже после того, как дело было прекращено, сэр. Когда Рич на меня напустился, обвиняя в том, что я ему подбрасываю мины-сюрпризы.

— Да, он говорил, что это делаете вы. Он… но,

постойте, Пауэл, если не вы, то кто же этим занимался?

— Сам Рич, сэр.

— Рич?

— Да. Он убил отца. Сделал то, на что толкала его ненависть. Но его суперэго, его подсознание не позволяло ему оставаться безнаказанным после столь ужасного преступления. Так как полиция, по всей видимости, оказалась не в состоянии покарать его, то его собственная совесть взяла на себя миссию палача, воплотившись в образ, преследовавший Рича в его ночных кошмарах, — в образ Человека Без Лица.

— Человека Без Лица?

— Да, комиссар. Это был символ истинной взаимосвязи Рича и де Куртнэ. И так как Рич был не в состоянии увидеть правду, признать, что де Куртнэ его отец, человек этот был без лица. Когда Рич пришел к решению убить своего отца, ему начала сниться эта безликая фигура. Она не давала ему покоя Человек Без Лица сперва символизировал угрозу наказания за преступный замысел, а позже стал и самой карой за убийство.

— И значит, мины-сюрпризы?..

— Именно так, комиссар. Его совесть требовала, чтобы за преступлением последовала заслу-

женная кара. Но поскольку у Рича ни разу не возникла мысль, что он убил своего отца, он мог наказать себя лишь бессознательно. Рич подкладывал себе все эти мины, сам не понимая, что делает… как лунатик, во сне или днем в минуты бегства от реальности, в краткие периоды беспамятства. Ухищрения психического аппарата неисчерпаемы.

— Но если Рич и сам не подозревал обо всем этом, как вам удалось докопаться до сути дела, Пауэл?

— В том-то и дело, сэр. В этом была вся трудность. Рич был; настроен к нам враждебно, в то время как для обследований такого рода требуется полное содействие субъекта. К тому же на обследование уходит несколько месяцев, а у нас не было времени. Рич, оправившись от целого ряда свалившихся на него потрясений, вполне мог перестроиться, взглянуть на все новыми глазами и стать для нас неуязвимым. Это было опасно, поскольку он обладал возможностью вывернуть наизнанку всю Солнечную систему. Он принадлежал к тем редким ниспровергателям мировых основ, в чьих силах было разрушить все наше общественное здание и создать новое общество, на свой лад.

Крэбб кивнул.

— И он почти добился пели. Истории известны такого рода деятели. Они — связующее звено между прошлым и будущим. Если им позволить войти в силу, то человечество окажется прикованным к ужасному завтра.

— Как же вы поступили?

— Прибегли к массовому катексису, как мы его называем. Не так-то просто объяснить, в чем он заключается, но я все же попробую. Психический комплекс каждого человека, то, что называют душевными силами, состоит из двух видов энергии — резервной, или, как мы говорим, латентной, и расходуемой. Латентная энергия скрыта в глубине нашей души как неприкосновенный запас. Расходуемую энергию мы тратим в своей повседневной психической и мыслительной деятельности. Латентную энергию большинство людей расходует крайне редко и в очень малом количестве — ничтожную ее долю.

— Понятно.

— Когда Эспер Лига прибегает к массовому катексису, каждый эспер раскрывает, если так можно выразиться, свою душу и пересылает все запасы своей латентной энергии в общий фонд. Воспользуется этой энергией один-единственный

эспер, у которого из латентной она станет расходуемой. Если он сумеет распорядиться ею, он сможет проделать титаническую работу. Однако операция эта и трудна, и крайне опасна. Выполнить ее — это примерно то же, что отправиться на Луну, вставив себе динамитную шашку в… э… словом, лететь на динамитной шашке.

Крэбб вдруг ухмыльнулся.

— Жаль, что я не щупач, — сказал он, — Хотелось бы мне знать, как вы на самом деле представляете себе этот полет на Луну.

— Вы уже представили, сэр, — усмехнулся в ответ Пауэл.

Впервые между ними установился контакт.

— Нам было необходимо, — продолжил Пауэл, — столкнуть Рича с Человеком Без Лица. Ведь мы могли узнать правду только после того, как ее узнает сам Рич. Используя весь фонд латентной энергии, я вызвал у Рича самые обычные, элементарные невротические представления — иллюзию, будто только он один реален в этом мире.

— Хм, обычные… нечего сказать обычные!

— О, самые обычные, сэр. Такая иллюзия — один из самых тривиальных методов бегства от действительности. Когда жизнь становится

вам невмоготу, вы спасаетесь от ее тягот, вообразив себе, что все ваши беды всего лишь выдумки, гигантская мистификация. Рич уже носил в себе зародыш этой иллюзии. Я просто интенсифицировал ее. В последнее время жизнь ему и впрямь стала невмоготу, и я заставил его поверить, что Вселенная — обман, головоломка. Затем постепенно на его глазах я уничтожил весь окружавший его мир, разобрал головоломку на части и оставил его наедине с Человеком Без Лица. Тогда он впервые взглянул на него открытыми глазами, узнал в нем себя, узнал отца… и мы все поняли.

Пауэл взял сверток, встал со стула. Крэбб тоже вышёл из-за стола и, дружески придерживая Пауэла рукой за плечо, проводил его до двери.

— Вы проделали феноменальную работу, Пауэл. Поистине феноменальную. Я просто не нахожу слов. Это, наверно, замечательно — быть эспером.

— И замечательно, и страшно, сэр.

— Вы все, наверно, очень счастливы.

— Счастливы? — Пауэл задержался у двери и взглянул на Крэбба. — Были бы вы счастливы, комиссар, если бы вам пришлось всю жизнь провести в больнице?

— Как в больнице?

— Да, именно там мы все и живем. В психиатрической лечебнице. Без надежды на бегство, на избавление. Так что радуйтесь, что вы не эспер, сэр. Радуйтесь, что вам видна лишь внешность человека. Радуйтесь, что вам не приходится видеть ненависти, ревности, злобы, боли. Радуйтесь, что вам не часто открывается страшная сущность человека. Мир будет чудесным местом, когда все люди станут телепатами и освободятся от пороков, от всех аномалий… А до тех пор радуйтесь своей слепоте.

Он вышел из управления полиции, взял прыгуна и понесся на север к Кингстонскому госпиталю. Сидя в кабине со свертком на коленях, он любовался величественным видом Гудзонской долины и насвистывал какой-то замысловатый мотив. Только раз он улыбнулся и пробормотал: «Подумать только, мне все же удалось просветить хоть немного Крэбба! Теперь остается только стабилизировать наши отношения. И главное, с сегодняшнего дня он будет сочувствовать щупачам и относиться к нам дружески».

Внизу, постепенно развертываясь, показалась великолепная панорама Кингстонского госпиталя — солярии, бассейны, сады, спортивные

площадки, коттеджи, клиники… Весь архитектурный ансамбль госпиталя был спроектирован в изысканном неоклассическом стиле Прыгун пошел на посадку Пауэл уже различал отдельные фигуры сестер, врачей, пациентов. Загорелые, оживленные, они веселились, играли Пауэл вспомнил о предупредительных мерах Правительственного Совета, которые тот должен был принять, справедливо опасаясь, как бы Кингстон не превратился в модный курорт: слишком много жаждущих развлечения богатых бездельников стремились туда попасть, симулируя различные заболевания.

Справившись в комнате посетителей, где найти Барбару де Куртнэ, Пауэл отправился в указанном направлении. Он очень ослабел за последние дни, но сейчас его так и подмывало перемахнуть через изгородь, взобраться на ворота или пуститься бегом по дорожке. Ему не терпелось поскорее задать Барбаре вопрос, не дававший ему покоя с самого утра, с того момента, когда, очнувшись после недельного оцепенения, он почувствовал, что в силах подняться.

Они увидели друг друга одновременно. Их разделял широкий газон, примыкавший к великолепному саду и каменным террасам. Барбара

замахала рукой и бросилась к нему прямо по траве. Он тоже побежал ей навстречу. И вдруг их охватило смущение. Они остановились в нескольких шагах друг от друга и опустили глаза.

— Хэлло, — сказала она.

— Хэлло, Барбара.

— Я… — начала она. — Давайте пройдем в тень, ладно?

Они повернули к террасе. Пауэл краем глаза взглянул на девушку. Она снова вернулась к жизни, такой он ее еще не видел. Прежним в ней оставалось только знакомое ему озорное выражение лица, лукавая мина сорванца-мальчишки, которую он считал следствием лечения по методу Dejä Ергоivё. Она вся светилась пленительным веселым озорством. И в то же время была взрослой. Взрослой девушкой, незнакомой ему.

— Сегодня вечером меня выписывают, — сказала Барбара.

— Я знаю.

— Я так благодарна вам за все, что вы…

— Пожалуйста, не говорите этого.

— За все, что вы для меня сделали, — твердо закончила Барбара.

Они сели на каменную скамью.

— Я хочу, чтобы вы знали, как я вам благодар-

на, — сказала она, серьезно взглянув на него.

— Ради бога, Барбара, пожалуйста, не нужно. Вы меня просто пугаете.

— В самом деле?

— Я вас так близко знал, когда вы… как бы это сказать?., были ребенком. А теперь…

— Теперь я снова взрослая.

— Да.

— И нам нужно как следует познакомиться. — Она приветливо улыбнулась. — Ну, скажем, завтра за чаем в пять часов?

— В пять часов?..

— Попросту. Смокинга не нужно.

— Послушайте, — в отчаянии сказал Пауэл. — Я много раз помогал вам одеваться. И причесываться, И зубы чистить.

Барбара небрежно махнула рукой.

— Ваше поведение за столом было ниже всякой критики. Вы любили рыбу и терпеть не могли баранину. Однажды вы запустили бараньей котлетой мне в глаз.

— Это было сто лет назад, мистер Пауэл.

— Всего лишь две недели, мисс де Куртнэ.

Она величественно поднялась.

Право же, мистер Пауэл, мне кажется, нам следует прорвать нашу беседу. Ваша склонность к

хронографическим инсинуациям… — Она остановилась, посмотрела на него, и опять выглянул сорванец-мальчишка. — Хронографические? — переспросила она.

Пауэл выронил пакет и сжал девушку в объятиях.

— Мистер Пауэл, мистер Пауэл, мистер Пауэл, — шептала она. — Здрасте, мистер Пауэл.

Бог ты мой, Барбара… Бэри, милая. А я-то уж решил, что ты это серьезно.

— Вот тебе расплата за то, что сделал меня взрослой.

— Ты всегда была злопамятным ребенком.

— А ты придирой. — Барбара отклонилась назад и посмотрела на него. — Какой же ты на самом деле? Какие мы оба? Успеем мы узнать друг друга?

— Успеем?

— Прежде чем… Нет, не могу сказать. Лучше прочитай у меня в мыслях.

— Так нельзя, моя хорошая. Скажи сама.

— Мэри Нойес мне рассказала. Все рассказала.

— О! Вот как?

Барбара кивнула.

— Но мне все равно. Все равно. Она права. Я на все решусь. Даже если ты не можешь на мне

жениться…

Он засмеялся. Его радостное возбуждение вот-вот готово было хлынуть через край.

— Ни на что ты не должна решаться, — сказал он. — Сядь. Я хочу задать тебе один вопрос.

Она села к нему на колени.

— Вернемся еще раз к той ночи, — сказал он.

— В Бомон Хаузе?

Он кивнул.

— Мне трудно говорить об этом.

— Это займет меньше минуты. Ну а теперь представь: ты в постели, спишь. Потом вдруг просыпаешься и стремглав бежишь в ту комнату. Ты помнишь остальное…

— Да.

— Всего один вопрос. Тебя разбудил крик. Что за крик?

— Ты сам знаешь.

— Я знаю, но хочу, чтобы ты сказала. Скажи вслух.

— А что, если у меня… А если опять будет припадок?

— Не будет. Говори.

Она долго молчала, потом тихо проговорила: «На помощь, Барбара!»

Он кивнул.

— Кто это кричал?

— Как кто? Ну, конечно… — девушка вдруг замолчала.

— Кричал не Бен Рич. Зачем ему было звать на помощь? Он в ней не нуждался. Кто же кричал?

— Мой… мой отец.

— Но он не мог говорить, Барбара! У него был рак горла, он и слова не мог вымолвить.

— Я услыхала его.

— Нет, приняла телепатему.

Она вскинула на него глаза. Потом покачала головой.

— Нет, я…

— Ты приняла телепатему, — мягко повторил Пауэл. — Ты скрытый эспер. Отец позвал тебя телепатически. Если бы я не был таким ослом и не сосредоточил все мысли на Риче, то давно бы уже догадался. Когда ты жила у меня, ты бессознательно прощупывала и меня и Мэри.

Барбара все не могла усвоить эту мысль.

— *Ты меня любишь?* — вдруг спросил он.

— Люблю, конечно, — тихо отозвалась она, — только, по-моему, ты выдаешь желаемое…

— Кто это спрашивал?

— О чем?

— Любишь ли ты меня?

— Да ведь ты сам только что… — она запнулась, но все-таки попробовала договорить, — Ты сказал… т-ты…

— Я ничего не говорил. Теперь ты поняла? Вот почему нам не нужно ни на что решаться.

Прошло, казалось, несколько секунд, а на самом деле добрых полчаса, когда страшный грохот на террасе над их головами заставил их отстраниться друг от друга и с удивлением взглянуть вверх. На каменной стене появилось какое-то голое существо. Некоторое время оно стояло, что-то невнятно бормоча, взвизгивая и подергиваясь всём телом, потом низвергнулось вниз, скатилось по клумбам цветника и плюхнулось на газон, дергаясь, как гальванизированная лягушка и крича истошным голосом. Это был Бен Рич, почти неузнаваемый, полуразрушенный.

Пауэл быстро повернул Барбару к нему спиной и прижал к себе.

— Ты по-прежнему моя девочка? — проговорил он, взяв ее за подбородок.

Она кивнула.

— Я не хочу, чтобы ты видела это. Это не опасно, но тебе не нужно на это смотреть. Беги-ка в павильон и подожди меня там. Будь умницей, ладно? Отлично. Ну, беги, скорей!

Она схватила его руку, быстро поцеловала и, ни разу не оглянувшись, перебежала через газон. Пауэл проводил ее глазами и, когда она скрылась, повернулся к Ричу.

Когда в Кингстонском госпитале человека подвергают Разрушению, то разрушают всю его психику. В результате серии осмотических инъекций разрушение начинается с самых верхних пластов сознания, корковых слоев, постепенно продвигаясь вглубь, размыкая все циклы, стирая все виды памяти, истребляя все накопленное психикой со дня рождения. И по мере того как пласт за пластом стирается мироощущение пациента, каждая клетка, возвращая свою долю энергии, превращает его тело во вздрагивающий клубок, в водоворот распада.

Но не в этом боль, не в этом ужас Разрушения. Самое страшное состоит в том, что сознание не покидает человека, что, в то время как стирают душу, разум сознает свою медленную, движущуюся вспять смерть, сознает, что в конце концов тоже исчезнет, и ждет нового рождения, и прощается с жизнью, и скорбит на собственных нескончаемых похоронах. В мигающих, вздрагивающих глазах Бена Рича Пауэл увидел это сознание своей гибели, и боль, и трагическое

отчаяние.

— Как это он умудрился отсюда сверзиться? Что, его связанным, что ли, держать? — Над стеной террасы появилась голова доктора Джимса. — О, здравствуйте, Пауэл. Вот ваш приятель. Вы его помните?

— Очень живо.

Обернувшись назад, Джиме распорядился:

— Пройдите на газон и подберите его. Я с него теперь глаз не спущу, — Он повернулся к Пауэлу, — На редкость энергичный малый, прямо бурлит весь. Мы возлагаем на него большие надежды.

Рич пронзительно завизжал и дернулся.

— Как проходит Разрушение?

— Великолепно. У него такой запас жизненных сил, что хватит на что угодно. Мы воздействуем на него по ускоренной системе. Через год он должен быть готов к новому рождению.

— Я жду этого с нетерпением. Нам нужны такие люди, как Рич. Жаль было бы его лишиться.

— Лишиться? Каким образом? Не думаете же вы, что такой пустяк, как это его падение со стены…

— Нет, я имею в виду совсем другое. Три или четыре сотни лет назад наш брат полицейский

ловил людей, подобных Ричу, только для того, чтобы предать их смерти. Это называлось смертная казнь.

— Вы шутите.

— Честное скаутское.

— Но это же бессмыслица! Если у человека хватило смелости и таланта, чтобы переть против общества, он, несомненно, незауряден. Его нужно ценить. Исправьте его и превратите в положительную величину. Зачем его уничтожать? Если мы станем разбрасываться такими людьми, так у нас, чего доброго, останутся одни овцы.

— Не знаю. Может быть, в те времена им и нужны были овцы.

На газон рысцой примчались санитары, подняли Рича, поставили на ноги. Он кричал и вырывался. Мягко и искусно утихомиривая его с помощью особых приемов кингстонского дзю-до, они быстро проверили, нет ли у него переломов или растяжения, и, удостоверившись, что все в порядке, повели его прочь.

— Одну минутку, — окликнул их Пауэл. Он взял со скамьи таинственный сверток и развернул его. Это была коробка конфет, одна из самых великолепных, какие только продавались у «Сюкре и Си». Пауэл подошел к разрушаемому человеку

и протянул ему коробку.

— Вот вам подарок, Бен. Возьмите.

Голое существо угрюмо уставилось сперва на Пауэла, потом на коробку. Наконец две неловкие руки неуклюже вытянулись вперед и взяли подарок.

— Фу ты черт, валандаюсь с ним как нянюшка, — сердито буркнул себе под нос Пауэл. — Все мы няньки в этом сумасшедшем мире. Стоит ли он того?

И вдруг из клубившегося в Риче хаоса вспышкой вырвалось:

— Пауэл — щупач — Пауэл — друг — Пауэл — друг...

Это было так внезапно, так неожиданно, так наэлектризовано жаркой благодарностью, что Пауэла словно залило горячей волной, и к глазам подступили слезы. Он попробовал улыбнуться, потом молча повернулся и зашагал через газон к павильону, где ждала его Барбара.

— Слушайте, — восклицал он, исполненный ликования, — слушайте, вы, нетелепаты! Вы должны узнать это. Должны это понять. Вы должны смести барьеры. Сорвать покровы. Мы видим истину, которая вам не видна. Мы видим, что в человеке нет ничего, кроме любви и верно-

сти, мужества и доброты, самоотверженности и благородства. Все остальное — это лишь барьер, воздвигнутый вашей слепотой. Настанет день, когда не останется преград, разделяющих наши умы и сердца.

В бесконечной Вселенной не существовало ничего неповторимого и нового. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений — все это уже не раз бывало на планете, обращающейся вокруг светила, Галактика которого девятикратно возрождалась заново каждые двести миллионов лет. В мире была радость. Радость придет вновь…

Тигр! Тигр![4]
(*Пер. с англ. В. Баканова)*

[4] Примечания: 4

Печатается по изд.: Бестер А. Тигр! Тигр!/Пер. с англ.—М.: СП Интерпринт, 1990.

Пролог

То был Золотой Век, время накала страстей и приключений, бурной жизни и трудной смерти… но никто этого не замечал. То была пора разбоя и воровства, культуры и порока, столетие крайностей и извращений… но никто его не любил.

Все пригодные миры Солнечной системы были заселены. Три планеты, восемь спутников, одиннадцать миллиардов людей — сплелись в единый клубок самого захватывающего века в истории. И все же умы томились по иным временам, как всегда, как везде. Солнечная система бурлила жизнью… сражаясь, издыхая, пожирая все на своем пути, схватывая новые науки прежде, чем познавались старые, вырываясь к звездам, в глубокий космос, и все же…

— Где новые границы? — причитали романтики. А новая граница человеческого ума открылась на заре XXIV века в трагическом происшествии в лаборатории на Каллисто. Один исследователь по имени Джанте случайно устроил пожар и возопил о помощи, естественно подумав об огнетушителе. И оказался рядом с ним — в семидесяти футах от лаборатории.

Телепортация… перемещение в пространстве усилием воли… давняя теоретическая концепция. Сотни ничем не подкрепленных утверждений, что такое случалось раньше. И вот впервые это произошло на глазах у профессиональных наблюдателей.

Ученые набросились на Эффект Джанте яростно и безжалостно. Церемониться с таким потрясающим событием?! Да и сам Джанте горел желанием обессмертить свое имя. Он написал завещание и распрощался с друзьями. Джанте знал, что идет на смерть, потому что коллеги намеревались убить его.

Двенадцать психологов, парапсихологов и нейрометристов собрались в качестве наблюдателей. Экспериментаторы поместили Джанте в прочнейший стеклянный сосуд. Открыли клапан, пуская воду в сосуд, затем сорвали запорный кран. Невозможно разбить стенки и выбраться наружу; невозможно остановить поток воды.

Теория предполагала: если угроза смерти заставила Джанте телепортировать в первый раз, ему надо устроить неминуемую гибель во второй. Сосуд быстро наполнялся. Ученые записывали свои наблюдения. Джанте начал захлебываться.

Затем он оказался снаружи, судорожно втяги-

вая в себя воздух и спазматически кашляя.

Его расспрашивали и исследовали, просвечивали рентгеновскими лучами и производили сложнейшие анализы. В обстановке секретности стали набирать добровольцев-самоубийц. Примитивная стадия; другой шпоры, кроме смерти, не знали.

Добровольцев тщательно обучали. Сам Джанте читал им лекции, что и как он делал. Потом их убивали: сжигали, топили, вешали. Изобретали новые формы медленной и наблюдаемой смерти.

Восемьдесят процентов испытуемых погибло. Многое можно было бы рассказать об их муках и агонии, но этому нет места в нашей истории. Достаточно заметить, что восемьдесят процентов испытуемых погибло, а двадцать все-таки джантировало (имя сразу превратилось в глагол).

Знания накапливались быстро. В первом десятилетии XXIV века были установлены принципы джантации и открыта первая школа — лично Чарлзом Фортом Джанте; в то время пятидесятисемилетним, бессмертным и стыдящимся признаться, что он больше никогда не осмеливался джантировать. Но те примитивные дни миновали; исчезла необходимость угрожать

человеку смертью. Люди постигли, как распознавать, подчинять и использовать еще один резерв неисчерпаемого мозга.

Джантировать способен всякий — если он в состоянии видеть, помнить, собирать свою волю. Надо только отчетливо представить себе место, куда собираешься себя телепортировать, и сконцентрировать латентную энергию мозга в единый импульс. Кроме всего, необходимо иметь веру — веру, которую Чарлз Форт Джанте безвозвратно утратил. Малейшее сомнение блокирует способность к телепортации.

Свойственные человеку недостатки неизбежно ограничивали джантацию. Некоторые могли блестяще представить себе место назначения, но не обладали энергией, чтобы попасть туда. Другие в избытке имели энергию, но не видели, если можно так выразиться, куда джантировать. И последнее ограничение накладывало расстояние, ибо никто никогда не джантировал более чем на тысячу миль.

Вскоре стала обычной следующая анкета:

ИМЯ

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА ДЖАНТ-КЛАСС

М (1000 миль) Л (50 миль)

Д (500 миль) Х (10 миль)

С (100 миль) В (5 миль)

Несмотря на все усилия, ни один человек не джантировал в космос, хотя множество специалистов и идиотов пытались это сделать. Гельмут Грант месяц запоминал координаты джантплощадки на Луне, представляя себе каждую милю двухсотсорокатысячемильной траектории от Таймс-Сквер до Кеплер-Сити. Грант джантировал и бесследно исчез. Бесследно исчезли Энрико Дандридж, религиозный фанатик из Лос-Анджелеса, ищущий Рай, Яков Мария Френдлих, парапсихолог, вздумавший джантировать в метаизмерение, и сотни других — лунатиков, самоубийц, любителей рекламы и сумасшедших.

Однако через два поколения вся Солнечная система свободно джантировала. На трех планетах и восьми спутниках ломались социальные, правовые и экономические структуры. Произошла революция на транспорте, произошла революция в домостроительстве. Для предотвращения незаконного джантирования использовались лабиринты и маскирующие устройства Банкротства, падения, крахи — разваливалась доджантная промышленность. Людьми завладела паника.

Свирепствовали эпидемии. Бродяги разносили заразу по беззащитным районам. Малярия, эле-

фантиаз и лихорадка пришли на север. В Англии после трехсотлетнего отсутствия появилось бешенство. Из какой-то забытой дыры на Борнео выползла и распространилась проказа.

Волна преступности захлестнула планеты и спутники, когда «дно» всколыхнули новые возможности, открытые джантацией. Началось возвращение к худшему викторианскому ханжеству — общество боролось с сексуальными и моральными угрозами джантации с помощью законов и табу. Безжалостная война разразилась между Внутренними Планетами — Венерой, Землей и Марсом — и Внешними Спутниками… война, порожденная экономическим и политическим бременем телепортации.

То был век чудовищ, выродков и гротеска. Весь мир разлетелся, как карточный домик, и дрожал на грани взрыва, который изменит человека и сделает его хозяином Вселенной.

На фоне этого бурлящего столетия и началась история мести Гулливера Фойла.

Часть I
1

Сто семьдесят дней он умирал, и все еще не был мертв. Он дрался за жизнь с яростью загнанного в ловушку зверя. В минуты просветления его примитивный мозг вырывался из бреда и принимал боль гниющего тела. Тогда он поднимал немое лицо к Вечности и бормотал:

— Что там, эй? Помоги, Целитель. Помоги, и все. Богохульство давалось ему легко, ругань была его языком всю жизнь. Он родился в сточной канаве двадцать четвертого века, воспитывался «дном» и говорил только на уличном языке. Он цеплялся за жизнь и молился, сквернословя; но иногда его заблудший мозг прыгал на тридцать лет назад и вспоминал колыбельную песенку:

Гулли Фойл меня зовут,
Если это имеет значение.
В глубоком космосе я живу,
И смерть — мое назначение.

Гулливер Фойл, помощник механика 3-го класса, тридцатилетний, тупой и грубый, сто

семьдесят дней дрейфовал в космосе. Гулливер Фойл — смазчик, уборщик, грузчик; слишком легкомысленный, чтобы почувствовать горе, слишком сонный, чтобы изведать радость, слишком пустой для дружбы, слишком ленивый для любви. Летаргические контуры его характера видны из архива Торгового Флота:

«Фойл Гулливер

Образование.....никакого

Навыки.....никаких

Достоинства.....никаких

Рекомендации.....никаких

Краткая характеристика: Физически сильный. Интеллектуальный потенциал подавлен отсутствием целей. Типичный Средний Человек. Не рекомендуется для дальнейшего продвижения».

Фойл застыл в мертвой точке. Тридцать лет он плыл по жизни, как некое бронированное чудовище, неповоротливое и безразличное… Гулли Фойл, типичный Средний Человек. Но теперь он дрейфовал в космосе, и ключ к его пробуждению был уже в замке. Вот-вот он повернется и откроет дверь в катастрофу.

Разбитый космический корабль «Номад» замер на полпути между Марсом и Юпитером. Собственно, от корабля остался искореженный

скелет, замерзший и молчаливый. Поломанное и погнутое оборудование, обломки машин и аппаратуры зависли внутри непроходимыми джунглями, постепенно сближаясь друг *с* другом под действием взаимного притяжения.

Гулливер Фойл, единственный, кто остался в живых, занимал инструментальный шкаф на главной палубе — четыре фута в ширину, четыре фута в глубину и девять футов в высоту. Никаких других герметических помещений не сохранилось. Шкаф имел размеры большого гроба. Шестью столетиями раньше самой изощренной пыткой считалось поместить человека в такую клетку на несколько недель. И все же Фойл существовал в этой погруженной во тьму клетке пять месяцев, двадцать дней и четыре часа.

— Кто ты?

— Гулли Фойл меня зовут.

— Где ты?

— В глубоком космосе я живу.

Куда ты направляешься?

— Смерть — мое назначение.

На сто семьдесят первый день борьбы за существование Фойл ответил на эти вопросы и очнулся Сердце его судорожно колотилось, горло пылало. Он схватился в темноте за резервуар с

воздухом, деливший с ним гроб. Резервуар был пуст Требовалось немедленно заменить его. Итак, день начнется с еще одной схватки со смертью; что Фойл воспринял с немой покорностью.

Он пошарил на полках своего шкафа и нащупал рваный скафандр. Другого на борту «Номада» не было. Фойл заклеил дыру, но никак не мог зарядить или заменить пустые кислородные баллоны на спине. Воздуха в скафандре хватало на пять минут…

Фойл открыл дверь и ступил в черную стужу космоса. Вырвавшийся с ним влажный воздух превратился в крошечное снежное облако и поплыл по исковерканному коридору главной палубы. Фойл налег на пустой резервуар и вытолкнул его из камеры. Минута прошла.

Фойл повернулся в сторону грузового отсека. Его движения были обманчиво медлительны. Он отталкивался от пола, стен, обходил скопления хлама… Влетел в люк. Прошло две минуты.

Как на всех космических кораблях, воздушные резервуары «Номада» располагались вдоль длинного киля, опутанные сетью труб. Еще минута на отсоединение. Фойл не знал, какой резервуар выбрал. Пуст он или полон, выяснится только в камере. Раз в неделю он играл в космический

покер.

В ушах зашумело, воздух в скафандре быстро становился негодным для дыхания. Фойл толкнул массивный цилиндр к люку и кинулся вслед за ним. Прошло четыре минуты. Он провел резервуар по коридору главной палубы и открыл камеру.

Фойл захлопнул герметическую дверь, нащупал на полке молоток, трижды ударил по промерзшему цилиндру, чтобы ослабить клапан, и с мрачной безысходностью повернул ручку. Из последних сил он распахнул шлем, чтобы не задохнуться в скафандре, пока камера наполняется воздухом… если в резервуаре есть воздух. Он потерял сознание — как и много раз до того — возможно, навсегда.

— Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Где ты?

— В космосе.

— Куда направляешься?

Фойл пришел в себя. Он был жив.

Он не тратил время на благодарственные молитвы, а продолжал бороться за жизнь. Обшарил в темноте полки, где держал пищу, — там оказалась всего пара пакетов. Так как он все равно

в скафандре, можно еще раз выйти в космос и пополнить запасы.

Он снова выплыл на мороз и свет. Извиваясь, вновь прошел главную палубу: не более, чем крытый коридор в космосе. Наполовину сорванный люк висел на одной петле, дверь в никуда, в чернильную пустоту и ледяные искрящиеся звезды.

Минуя люк, он увидел случайно свое отражение в полированном металле… Гулли Фойл, высокое черное создание, бородатое, покрытое коркой засохшей крови и грязи, изможденное, с большими терпеливыми глазами… Потревоженный хлам тянулся за ним, как хвост кометы.

На обратном пути, побросав пищевые пакеты, концентраты и кусок льда из взорвавшегося водяного бака в большой медный котел, Фойл остановился и снова взглянул на себя… И в недоумении застыл. Он смотрел на звезды, ставшие старыми знакомыми за пять месяцев. Среди них оказался самозванец. А потом Фойл понял, что смотрит на тормозящий космический корабль…

— Нет, — пробормотал он. — Нет.

Он постоянно страдал от галлюцинаций. Он повернулся и поплыл назад в свой гроб. А затем взглянул опять — все еще тормозящий космический корабль. Фойл поделился мыслями с

Вечностью.

— Уже шесть месяцев, — произнес он на уличном арго. — Нет? Ты слушай меня, ты. Иду на спор. Смотрю еще — если корабль, я твой. Но если нет… скафандр прочь, и с концами. Кишки наружу. Играем честно, и все тут.

Он посмотрел в третий раз. И в третий раз увидел тормозящий космический корабль.

Это знак. Он поверил: спасен.

Фойл встрепенулся и бросился, как мог, к контрольной рубке, но у лестницы взял себя в руки. Оставшегося воздуха хватит на минуту. Он кинул на приближающийся корабль молящий взгляд, затем рванулся в инструментальный шкаф и заполнил скафандр.

Фойл поднялся на капитанский мостик. На пульте управления нажал кнопку «Световой сигнал». Две томительные секунды он мучился. Потом его ослепили яркие вспышки, три тройных взрыва, девять молитв о помощи. Он нажал на кнопку еще дважды, и еще дважды вспыхивали огни, и радиоактивные вещества в аварийных сигналах заполняли космос воем, который примет любой приемник, на любой волне.

Космический корабль выключил двигатели. Его заметили! Его спасут! Он переродился. Он

возликовал.

Фойл нырнул в свой шкаф и открыл скафандр. Из его глаз потекли слезы. Он стал собирать имущество… часы без циферблата, которые он исправно заводил для того, чтобы слышать их тиканье; яйцерезку, на нитях которой наигрывал незамысловатые мелодии; разводной ключ с деревянной ручкой, которую сжимал порой в моменты тоскливого одиночества… Он уронил их от возбуждения, зашарил по полу в темноте, а потом дико захохотал над собой.

Фойл закрыл скафандр, помчался обратно на капитанский мостик и нажал кнопку «СВЕТ». Из кормы «Номада» ударил яркий белый луч.

— Иди, — хрипло молил Фойл. — Торопись, друг. Иди, иди, ко мне.

Полупризрачной грозной торпедой в конус света скользнул корабль, медленно и осторожно приближаясь. У Фойла на миг сжалось сердце: так осторожно маневрировал незнакомец, что его можно было принять за вражеский корабль с Внешних Спутников. Потом проплыла знаменитая красно-синяя эмблема, торговый знак могущественного клана Престейна; Престейна с Земли, всесильного, милостивого, щедрого. «Номад» тоже принадлежал Престейну. Фойл понял:

к нему нисходит ангел с небес.

— Милый, — истово бормотал Фойл, — ангел, унеси меня домой.

Корабль поравнялся с Фойлом. Его иллюминаторы горели теплым дружеским светом; отчетливо были видны название и регистрационный номер на корпусе «Ворга — Т 1339». В одну секунду корабль поравнялся, в другую — прошел дальше, в третью — исчез.

Друг отверг его; ангел покинул.

Фойл прекратил пританцовывать и бормотать и замер. Его лицо застыло. Он прыгнул к пульту и замолотил по кнопкам. Аварийные, посадочные, взлетные сигналы засверкали безумным соцветием красок… а «Ворга — Т» удалялся беззвучно и неумолимо, вновь набирая скорость.

Так, в течение пяти секунд Фойл родился, жил и умер. После тридцати лет существования и шести месяцев пытки Гулли Фойл, типичный Средний Человек, исчез. Ключ повернулся в замке его души и открыл дверь. То, что появилось, перечеркнуло Среднего Человека навсегда.

— Ты прошел мимо, — с холодной яростью проговорил он. — Ты бросил меня гнить, как паршивого пса. Ты бросил меня подыхать, Ворга… Ворга — Т 1339. Нет. Не уйдешь, нет. Я выйду. Я

найду тебя, Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я отплачу тебе, ты, Ворга. Сгною. Убью. Убью. Я убью тебя насмерть, Ворга.

Кипящая кислота ненависти опалила его плоть, завладела его душой, выела скотское долготерпение и безразличие, сделавшие из него ничтожество, и возбудила цепь реакций, которые превратят Гулли Фойла в адскую машину. Он был одержим.

— Ворга, я убью тебя насмерть.

Фойл сделал то, на что не способно ничтожество — освободился.

Два дня в пятиминутных вылазках прочесывал он обломки корабля. Потом хитроумным способом укрепил на плечах резервуар с воздухом и импровизированным шлангом соединил его со шлемом. Фойл извивался по коридорам как муравей, тащащий соломинку, но обрел свободу передвижений.

Он думал.

Он научился пользоваться немногими уцелевшими навигационными приборами, до дыр зачитав паспорта и руководства, разбросанные по контрольной рубке. За десять лет космической службы ему и в голову не приходила такая мысль, несмотря на обещанные деньги и продвижение;

но теперь его ждал «Ворга».

«Номад» дрейфовал по эклиптической орбите, в трехстах миллионах миль от Солнца. Перед ним расстилались созвездия Персея, Андромеды и Рыбы. Прямо впереди завис пыльный оранжевый диск Юпитера, ясно видимый невооруженным глазом.

Юпитер не был, не мог быть обитаем. Подобно прочим планетам за поясом астероидов, Юпитер был колоссальным замерзшим шаром метана и аммиака; но четыре самых больших его спутника захлебывались городами и людьми — теперь воюющими с Внутренними Планетами. Он станет военнопленным, но сохранит жизнь, чтобы свести счеты с «Воргой — Т 1339».

Фойл осмотрел ходовой отсек «Номада». В баках еще сохранилось топливо, и один из четырех хвостовых двигателей был работоспособен. Фойл восстановил систему подачи топлива в камеру сгорания. Баки находились на солнечной стороне корпуса, и температура держалась выше точки замерзания. Но в невесомости топливо не польется по трубам.

Фойл перерыл судовую библиотеку и узнал кое-что о гравитации. Если заставить корабль вращаться, центробежная сила погонит топливо

в камеру сгорания уцелевшего двигателя. Если воспламенить топливо в камере сгорания уцелевшего двигателя, несбалансированный импульс придаст «Номаду» вращательный момент.

Но воспламенить топливо, пока корабль не вращается, нельзя; как нельзя и раскрутить корабль, не воспламенив сперва топлива.

Он нашел выход из тупика; его вдохновил «Ворга».

Фойл открыл дренаж и терпеливо наполнил камеру вручную. Залил насос. Теперь, если воспламенить горючее, оно создаст достаточный импульс, чтобы сыграла свою роль центробежная сила.

Он попробовал спички.

Спички не горят в вакууме.

Попробовал сталь и кремень.

Искры не поджигают при абсолютном нуле космоса.

Подумал о нитях накала.

На борту «Номада» не было электричества, чтобы накалить эти нити.

Фойл перерыл книги и справочники. Часто теряя сознание и находясь на грани полного изнеможения, он думал и действовал. «Ворга» пробудил его гений.

Фойл принес лед из взорвавшихся резервуаров, растопил его и ввел воду в камеру сгорания двигателя. Вода и топливо несмешиваемы; вода покрыла топливо тонким слоем.

В химической лаборатории Фойл отыскал серебристую проволочку из чистого натрия и просунул ее через открытый краник топливопровода. Коснувшись воды, натрий жарко вспыхнул; от топлива занялось горючее. Кормовая дюза выплюнула пламя, с беззвучной вибрацией сотрясая корабль.

Несбалансированный импульс придал «Номаду» вращательное движение, появился слабый вес; и центробежная сила продолжала гнать топливо в камеру сгорания.

Фойл не тратил времени на ликование. Он покинул ходовой отсек и заспешил в контрольную рубку, чтобы кинуть последний, решающий взгляд. Сейчас будет ясно, обречен ли корабль на вечное бессмысленное кувыркание в глубинах космоса, или лег на курс к Юпитеру и спасению.

Резервуар с воздухом превратился в почти непосильную тяжесть. Резкий толчок ускорения швырнул всю массу плавающих обломков назад, на поднявшегося на капитанский мостик Фойла. Его подмяло, понесло, покатило по всему длин-

ному пустому коридору и кинуло в переборку. Фойл лежал, пригвожденный полутонной обломков, беспомощный, едва живой, но пылающий жаждой мести.

— Кто ты?

— Где ты?

— Куда направляешься?

2

Между Марсом и Юпитером раскинулся широкий пояс астероидов. Из тысяч известных и неизвестных, именованных и безымянных, остановимся на одном — крошечной планете, собранной ее обитателями из естественного камня и обломков кораблекрушений.

Они были дикарями, ее обитатели, единственными дикарями XXIV века; потомки участников научной экспедиции, затерянной и полоненной в поясе астероидов двести лет назад. Ко времени, когда их нашли, они построили свою жизнь и свою культуру и предпочли остаться в космосе, собирая хлам и практикуя варварские обряды, выглядевшие карикатурами на научные методы, которые применяли их предки. Они называли себя Ученым Людом. Мир быстро забыл их.

Космический корабль «Номад» падал, кувыркаясь, в бездну. Он проходил в миле от астероида и был схвачен Ученым Людом с целью присоединения к своей планете. Они нашли Фойла.

Раз он очнулся, когда его торжествующе несли на носилках по естественным и искусственным проходам внутри астероида, сооруженного из камней и металлических обшивок. На некоторых из них еще не стерлись имена, давно забытые историей космоплавания: «Королева; Земля», «Пустынник; Марс», «Три кольца; Сатурн». Проходы вели в залы, хранилища, кладовые и дома, все из подобранных кораблей, вцементированных в астероид.

Фойла пронесли через древнее ганимедское суденышко, лассельский ледокол, тяжелый крейсер с Каллисто, старый транспортник со стеклянными баками, еще заполненными дымчатым ракетным топливом… Рой собранных за два столетия останков: арсеналы, библиотеки, музеи одежды, склады механизмов, инструментов, еды, химикалиев и суррогатов.

Толпа вокруг носилок победно ревела. — Достат Кол! — кричала она. Женские голоса восторженно завыли:

Бромистый аммоний……1,5 г.

Бромистый калий……3 г

Бромистый натрий……2 г

Лимонная кислота……Достат. кол

— Достат Кол! — орал Ученый Люд. — Достат Кол!

Фойл потерял сознание.

Он вновь очнулся. Его извлекли из скафандра в оранжерее, занимавшей огромный старый рудовоз. Одна стена была полностью застеклена… круглые иллюминаторы, квадратные иллюминаторы, алмазные, гексагональные… любой формы и материала… казалось, что стену сотворил безумный ткач из лоскутков стекла и света.

Сверкало далекое солнце, воздух был горяч и влажен. Фойл обвел помещение затуманенным взглядом. На него скалилась дьявольская рожа. Щеки, подбородок, нос и веки были чудовищно размалеваны наподобие дикарской маски. На лбу виднелась татуировка: ДЖОЗЕФ. «О» в «Джозефе» перечеркивала крошечная стрела, превратившая его в символ Марса, который используют ученые для обозначения мужского пола.

— Мы — Ученый Люд, — сказал Джозеф. — Я — Джозеф; это мои братья.

Фойл вглядывался в обступившую носилки толпу: на всех лицах вытатуированы дьявольские

маски, все лбы заклеймлены именами.

— Сколько тебя носило? — спросил Джозеф.

— Ворга, — прохрипел Фойл.

— Ты первый, кто явился сюда живым за последние пятьдесят лет. Ты могучий человек. Прибытие сильнейших — доктрина Святого Дарвина. В высшей степени научно.

— Достат Кол! — взревела толпа.

Джозеф схватил Фойла за локоть подобно врачу, меряющему пульс. Его судорожно искривленный рот торжественно сосчитал до девяноста восьми.

— Твой пульс. Девяносто восемь и шесть, — объявил Джозеф, извлекая термометр и благоговейно выставляя его напоказ. — В высшей степени научно.

— Достат Кол! — подхватил хор.

Перед Фойлом появились три девушки с чудовищно разукрашенными лицами. Их лбы пересекали имена: ДЖОАН, МОЙРА, ПОЛЛИ. В основании «О» каждого имени был крошечный крест.

— Выбирай! — велел Джозеф. — Ученый Люд следует Естественному Отбору. Будь научным в своем выборе. Будь генетичным.

Фойл в очередной раз потерял сознание. Его рука упала с носилок и коснулась Мойры.

— Достат Кол!

Он пришел в себя в круглом зале и увидел груду ржавого оборудования: центрифугу, операционный стол, поломанный рентгеновский аппарат, автоклавы, покореженные хирургические инструменты.

Фойла, бредящего и что-то бессвязно выкрикивающего, привязали к операционному столу. Его накормили. Его вымыли и побрили. Двое мужчин раскрутили вручную древнюю центрифугу. Она ритмично лязгала, напоминая бой военного барабана. Собравшиеся, притоптывая, затянули песню.

Они включили старый автоклав. Тот закипел и забурлил, выплевывая шипящий пар. Они включили рентгеновский аппарат. Ослепительные молнии короткого замыкания с треском раскололи наполненный горячим паром зал.

Из обжигающего тумана вынырнула трехметровая фигура и замаячила перед столом. Это был Джозеф на ходулях — в хирургической шапочке, маске и халате.

— Нарекаю тебя Номадом! — провозгласил он.

Рев стал оглушительным. Джозеф перевернул над телом Фойла ржавую канистру; запахло эфиром. Фойл утратил последние крохи сознания,

и все поглотила тьма. Снова и снова медленно вплывал «Ворга — Т 1339», обжигая плоть, испепеляя кровь, и Фойл беззвучно кричал.

Он смутно осознавал, что его мыли и кормили, плясали вокруг него и пели. Через некоторое время Фойл очнулся окончательно. Стояла тишина. Он лежал в постели. Та девушка — Мойра — лежала рядом с ним.

— Ты… кто? — прохрипел Фойл.

— Твоя жена, Номад.

— В чьем доме?

— В твоем. Ты один из нас, Номад. Ты должен жениться каждый месяц и зачать много детей. Это будет научно. Но я первая.

Фойл не слушал ее. Он находился в главной рубке маленькой ракеты постройки 2300-х годов, некогда личной яхты. Рубку переделали в спальню. С телом астероида ракету соединяли переходы. В двух крошечных каютах выращивались растения, обеспечивающие свежий воздух. Моторный отсек был превращен в кухню. Ракетное топливо питало горелки на маленькой плите.

Фойл отсоединил топливопровод от плиты и вновь направил горючее в камеры сгорания. За ним хвостом ходила Мойра, с любопытством наблюдая за его действиями.

— Что ты делаешь, Номад?

— Нужно выбраться, — пробормотал Фойл. — Нужно назад. Дело с Воргой. Понимаешь, да, ты? Нужно назад, и все.

Мойра испуганно попятилась. Фойл увидел выражение ее глаз и прыгнул. Он был так слаб, что она легко увернулась, потом открыла рот и испустила пронзительный крик. В этот момент кабину наполнил грохот — Джозеф и его братья колотили снаружи по корпусу, исполняя научный концерт для новобрачных.

Фойл загнал Мойру в угол, сорвал ночную рубашку и связал свою нареченную, засунув ей в рот кляп. Она визжала изо всех сил, но научный концерт был громче.

Фойл наскоро подлатал моторный отсек: он стал уже специалистом. Потом схватил извивающуюся девушку и выволок ее в шлюзовую камеру.

— Ухожу, — прокричал он на ухо Мойре. — Взлет. Прямо из астероида. Может быть, сдохнете. Все разлетится. Нет больше воздуха. Нет больше астероида. Предупреди их. Скажи.

Он вышвырнул Мойру, захлопнул и задраил люк. Концерт сразу прекратился.

На пульте управления Фойл включил зажига-

ние. Автоматически взревела взлетная сирена, зазвучавшая впервые за многие десятилетия. Фойл ждал, пока повысится температура в камере сгорания. Ждал и страдал. Ракета была вцементирована в астероид. Ее окружали камни и металл. Ее дюзы упирались в корпус другого корабля. Фойл не знал, что случится, когда заработают двигатели; его толкал на риск «Ворга».

Из кормы вырвалась первая порция раскаленных газов, раздался гулкий взрыв. Корпус задрожал, нагрелся, пронзительно заскрипела сталь. Затем ракета со скрежетом пошла вперед. Камень, стекло, железо разлетелись в разные стороны, и корабль вырвался в открытый космос.

Его подобрали около Марса. Как обезглавленный червяк, Фойл извивался в старой космической рухляди, окровавленный, загноившийся, гангренозный Его поместили в лазарет патрульного крейсера и закрыли к нему доступ. Даже луженые желудки закоренелых космических бродяг не могли вынести это зрелище. По пути к Земле Фойл обрел сознание и бормотал слова, начинающиеся на «В». Он знал, что спасен, что только время стоит между ним и мщением. Санитар услышал его ликование и заглянул за перегородку. Санитар не мог сдержать любо-

пытства.

— Ты слышишь меня? — прошептал он.

Фойл замычал. Санитар наклонился ниже.

— Что случилось? Кто это с тобой сделал?

— Что? — прохрипел Фойл.

— Ты не знаешь?

— Что? Что такое, ты?

— Подожди.

Санитар исчез, джантировав в подсобное помещение. И появился через пять секунд. Фойл шевельнулся. Его глаза пылали.

— Я вспоминаю… Не мог джантировать на «Номаде», нет. Забыл как, и все. Забыл. Еще не помню. Я…

Он в ужасе отпрянул, когда санитар протянул изображение чудовищно изуродованного татуировкой лица. Африканской маски. Щеки, подбородок, нос, веки разрисованы тигриными полосами, на лбу надпись НОМАД. Фойл широко раскрыл глаза и страшно закричал. Изображение было зеркалом. Лицо — его собственным.

3

— Браво, мистер Харрис! Отлично. Р-В-О, джентльмены. Не забывайте. Расположение.

Высота. Окружение. Это единственный способ запомнить джант-координаты. Не джантируйте пока, мистер Питерс. Подождите своей очереди. Наберитесь терпения, все будете джантировать по классу С. Никто не видел мистера Фойла? Куда-то запропастился. *Вечный путешественник. За ним не уследишь.* О боже, опять я думаю открыто… или я говорила, джентльмены?

— Половина наполовину, мэм.

— Право же, это нечестно. Односторонняя телепатия — ужасное неудобство. Поверьте, я вовсе не специально забрасываю вас своими мыслями.

— У вас приятные мысли, мэм.

— *Как это мило с вашей стороны, мистер Горгас*. Ну, хорошо, класс. Все возвращаемся в школу и начинаем сначала.

Робин Уэднесбери проводила практические занятия по джантации с «церебральным» классом — потеря памяти вследствие контузии — и это доставляло ее подопечным не меньше радости, чем детишкам. Они повторяли правила джантации на перекрестках Нью-Йорка, хором вы водя:

— Р-В-О, мадам. Расположение. Высота. Окружение.

Робин была высокой привлекательной негритянкой, умной и блестяще образованной. Правда,

ей сильно мешал один недостаток: односторонняя телепатия. Она передавала свои мысли всему свету, но ничего не могла принимать. Однако несмотря на взбалмошный характер и горячий темперамент, Робин Уэднесбери была методичным и внимательным инструктором джантации.

Класс пришел в школу, целиком занимавшую дом на 42-й улице, из Объединенного Военного Госпиталя. Они проследовали к необъятной джант-площадке на Таймс-Сквер и старательно ее запомнили. Потом все джантировали в школу и обратно на Таймс-Сквер. Затем так же гуськом прошли к Башне Колумба и запомнили ее координаты. Джантировали в школу через Таймс-Сквер и вернулись тем же путем на Площадь Колумба.

Робин восстанавливала в памяти своих учеников (утративших способность к джантации) основные пункты, самые крупные общественные джант-площадки. Позже они будут запоминать новые и новые места. Ограниченные не только своими способностями, но и доходами. Ибо, чтобы запомнить место, надо побывать там, в, стало быть, заплатить за дорогу. Круизы приобрели новое значение для сильных мира сего.

— Расположение. Высота. Окружение, — на-

распев повторяла Робин Уэднесбери, и класс джантировал от Вашингтонских Высот до Гудзонова Моста полумильными шагами.

Маленький сержант-техник со стальным черепом внезапно сказал:

— Так ведь высоты нет, мэм. На земле, мы.

— *«Мы на земле»*, сержант Логан. Простите. Наставления легко входят в привычку, а я сегодня никак не могу совладать со своими мыслями. Такие тревожные военные новости… Мы займемся Высотой, когда станем запоминать площадки на небоскребах, сержант Логан, — Робин обернулась. — Не тушуйтесь, Харрис, смелее. Колебания рождают сомнения, а сомнение означает конец джантации. Сосредоточьтесь и прыгайте.

— Я порой побаиваюсь, мэм, — сказал человек с туго забинтованной головой. — А вдруг там уже есть кто-нибудь, и я прямо в него?

— Ну, я же объясняла много раз. Каждая площадка рассчитана на нагрузку в часы пик. Вот почему личные джант-площадки такие маленькие, а площадка на Таймс-Сквер в две сотни ярдов шириной. Вероятность столкновения там меньше, чем шансы попасть под машину на улице.

Пока перебинтованный собирался духом, площадка внезапно ожила потоком прибывающих и

отбывающих людей. Фигуры на миг появлялись, оглядывались, ориентируя себя и устанавливая новые координаты, и исчезали. При каждом исчезновении раздавался слабый хлопок, когда воздух заполнял место, только что занятое телом.

— Внимание, класс, — предупредила Робин. — Пожалуйста, сойдите с площадки.

Рабочие в теплой одежде, еще осыпанной снегом, направлялись на юг к своим домам после смены в северных лесах. Белохалатнники с молокозавода спешили в Сен-Луис. А из Гренландии, где уже полдень, ринулись на обед в Нью-Йорк толпы накрахмаленных воротников.

Наплыв кончился так же неожиданно, как и начался.

— Так, класс, продолжим, — сказала Робин, — О господи, ну где же мистер Фойл?! Он вечно пропадает!

— С таким лицом, как у него, нельзя его винить, мэм.

— Он выглядит кошмарно, не правда ли, сержант Логан? Неужели нельзя вывести эти отметины?

— Они пытаются, мисс Робин, но ни один док не умеет. Называется «татуировка», и это вроде

как забыто.

— А где же ему ее сделали?

— Бог знает, мисс Робин. Он у нас, потому что без памяти. Мозги напрочь отшибло. Может, оно и лучше, с таким лицом-то.

— Ужасно. Сержант Логан, не могла у меня случайно сорваться мысль и задеть чувства мистера Фойла?

Маленький человек со стальным черепом задумался.

— Нет, мэм, оно вряд ли. Вашим мыслям и мухи не обидеть. А у Фойла чего задевать. Тупое бревно он, Фойл.

— Мне нужно быть осторожнее, сержант Логан. Понимаете, вряд ли кому нравится знать, что о нем думает ближний. *А мои мысли порой понятны, и меня ненавидят. Я одинока. Я — Пожалуйста, не слушайте. Не могу справиться…* Ага, вот и вы, мистер Фойл! Где вы пропадали?

Фойл возник на джант-площадке и тихо ступил в сторону; плечи сгорблены, ужасное лицо опущено вниз.

— Практиковался, — пробормотал он.

Робин подавила отвращение и, подойдя к нему, ласково взяла за руку.

— Вам следует больше бывать с нами. Мы же

друзья. Не уединяйтесь.

Фойл упорно не смотрел ей в глаза. Когда он угрюмо высвободил руку, Робин заметила, что вся его госпитальная одежда насквозь промокла.

— *Он попал где-то под дождь. Но я слышала сводку погоды. Везде до Сен-Луиса сухо. Значит, он джантировал дальше. Как же так, ведь он не в состоянии… потерял память и способность к джантации… Он симулирует…*

Фойл яростно рванулся к ней.

— Заткнись, ты!

Его кошмарное лицо судорожно исказилось.

— *Значит вы симулируете.*

— Чего ты еще знаешь?

— *Что вы дурак. Прекратите сцену.*

— Они слышат тебя?

— *Не знаю. Пустите!* — Робин повернулась в сторону, — Хорошо, класс. На сегодня достаточно. Все назад в школу и на госпитальный автобус. Первым джантирует сержант Логан. Помните: Р-В-О. Расположение. Высота. Окружение..

— Чего тебе надо, ты? — прорычал Фойл, — Денег?

— *Тише. Успокойтесь.* Не надо колебаться, Харрис. Джантируйте.

— Я хочу потолковать с тобой.

— *Разумеется, нет.* Подождите своей очереди, мистер Питерс. Не спешите.

— Ты продашь меня в госпитале?

— *Конечно.*

— Я хочу потолковать с тобой.

— *Нет.*

— Я жду в твоей квартире.

— В моей квартире? — Робин была неподдельно испугана.

— Грин-Бей, Висконсин.

— Это абсурд. Мне не о чем говорить…

— Ой ли, мисс Робин. О семье, например.

Фойл ухмыльнулся, почувствовав ее ужас.

— Вы не знаете, где я живу, — дрожащим голосом проговорила она.

— Я только что сказал, или нет?

— В-вы не можете джантировать так далеко. Вы…

— Нет? — Маска скривилась в усмешке, — Сама говорила, что я симу… то слово. Это так. Ну, давай, ты.

Робин Уэднсбери жила в большом доме, одиноко стоящем на берегу залива. Казалось, волшебник выхватил его из центра города и перенес прямо в хвойный лес. Такие здания не были редкостью в джантирующем мире.

Квартира состояла из четырех комнат, тщательно изолированных, чтобы Защитить соседей от непрошеных мыслей Робин. Она была битком набита книгами, картинами, пластинками… спутниками эмоциональной И одинокой жизни несчастного человека.

Робин, джантировала в гостиную на несколько секунд позже Фойла, ждавшего ее со свирепым нетерпением.

— Теперь ты знаешь точно, — сразу начал он и яростно, до боли сжал ее запястье. — Но ты никому не скажешь обо мне, мисс Робин. Никому.

— Отпустите меня! — Робин ударила его по лицу. — *Чудовище! Скотина! Не смейте касаться меня!*

Пораженный на миг силой ее отвращения, Фойл шагнул назад.

— Итак, вы симулировали. Вы ничего не забыли… Но почему? Почему? Чего вы хотите?

Выражение одержимого коварства появилось на кошмарном лице.

— Я затаился в госпитале. Моя база, да? Я кое-что делаю, мисс Робин. Есть должок, обязан отплатить. Должен знать, где один корабль. Сгною. Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я убью тебя насмерть!

Он прекратил кричать. В его глазах сверкало

дикое торжество. Робин попятилась.

— Ради бога, о чем вы?

— Ворга. Ворга — Т 1339. Я нашел, я, пока вы там учились скакать по перекресткам. Ворга в Ванкувере. Собственность Престейна из Престейнов. Слыхали, мисс Робин? Престейн — самый большой человек на Земле, и все. Но он не остановит меня. Я убью Воргу. И ты не остановишь меня, мисс Робин. — Фойл качнулся к ней, вплотную придвинул лицо. — Потому что я прикрываю себя. Я прикрываю все слабые места. У меня есть кое-что на каждого, кто может встать на пути к Ворге… включая тебя, мисс Робин.

— Нет.

— Да. Я узнал, где ты живешь. Там, в госпитале, знают. Я был здесь и прочитал твой дневник, мисс Робин. У тебя семья на Каллисто — мать и две сестры.

— Ради бога!

— Когда началась война, таким, как ты, дали месяц, чтобы убраться из внутренних планет домой. Оставшиеся по закону стали шпионами. Ты на крючке, девочка. — Фойл разжал руку. — Ты у меня вот где, девочка. — Он сжал руку в кулак.

— Моя мать и сестры полтора года пытались покинуть Каллисто. Наше место на Земле. Мы…

— Вот здесь, девочка, — повторил Фойл. — Ты знаешь, как поступают со шпионами? Из них выколачивают сведения. Они выпотрошат тебя. Разрежут на части, кусок за куском…

Робин закричала. Фойл исступленно сжал ее трясущиеся плечи.

— Ты у меня в руках, девочка, и все. Ты не можешь даже убежать, потому что стоит мне сказать пару слов в Разведке, и где ты тогда? Никто меня не остановит, ни госпиталь, ни даже Святой Всемогущий Престейн из Престейнов.

— *Убирайся, ты, грязная, мерзкая… тварь! Убирайся!*

— Не нравится мое лицо, мисс Робин? И здесь ты ничего не сделаешь.

Внезапно он схватил ее и бросил на диван.

— Ничего… — хрипло повторил он.

Преданный принципу показной расточительности, на котором основано все общество, Престейн из Престейнов держал в своем колоссальном особняке в Центральном Парке внутренние телефоны, кухонные лифты и другие экономящие труд приспособления, исчезнувшие за ненадобностью с появлением джантации. Многочисленные слуги покорно ходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери и взбираясь

по лестницам.

Престейн из Престейнов встал, оделся с помощью камердинера и парикмахера, спустился на лифте вниз и позавтракал, обслуживаемый дворецким, лакеем и официантами. Потом он покинул комнату для завтрака и прошел в кабинет. Когда средства связи отжили свой век, когда вместо того, чтобы звонить или слать телеграммы, гораздо проще джантировать прямо на место и обсудить вопросы лично — Престейн сохранил целый телефонный узел с личным оператором.

— Свяжите меня с Дагенхемом, — велел он.

«Курьеры Дагенхема, Инк», была богатейшей и могущественной организацией дипломированных джантеров, выполняющей любые общественные или конфиденциальные поручения. Плата — 1 Кр за милю. Дагенхем гарантировал, что его курьер обойдет вокруг света за восемьдесят минут.

Через минуту после звонка на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился курьер Дагенхема. Его провели через противоджантный лабиринт. Как всякий член организации Дагенхема, курьер был джантером М-класса, способным телепортироваться на тысячу миль за раз, знающим координаты десятков тысяч

джант-площадок. Он был блестящим специалистом обмана и уловок, экспертом по лести и крючкотворству, вымуштрованным до едкой эффективности и язвительной прямоты, свойственных «Курьерам Дагенхема» и отражавших безжалостность их основателя.

— Престейн? — спросил он, не тратя время на церемонии.

— Я желаю нанять Дагенхема.

— К вашим услугам.

— Не вас. Лично Дагенхема.

— Мистер Дагенхем не оказывает услуг менее чем за 100 000 кредиток.

— Даю в пять раз больше.

— Решено. Дело?

— ПирЕ.

— По буквам, пожалуйста.

— Вам название ничего не говорит?

— Нет.

— Отлично. Дагенхему скажет. П-заглавное-И-Р-Е — заглавное. Передайте Дагенхему: мы узнали, где ПирЕ. Его задача — достать ПирЕ… любой ценой… через человека по имени Фойл. Гулливер Фойл.

Курьер достал крошечную серебряную жемчужину-мемеограф, надиктовал инструкции

Престейна и удалился без лишних слов. Престейн повернулся к оператору.

— Соедините меня с Регисом Шеффилдом.

Через десять минут после звонка в нотариальную контору Регися Шеффилда на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился молодой клерк.

— Извините за промедление, — сказал он, пройдя через лабиринт и представ перед Престейном, — Мы получили ваш вызов в Чикаго, а у меня всего лишь класс Д.

— Ваш шеф ведет дело в Чикаго?

— В Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне. Он весь день джантирует из суда в суд.

— Я желаю нанять его.

— Это большая честь, Престейн, но мистер Шеффилд крайне занят.

— Он не может быть слишком занят для ПирЕ.

— Простите, сэр, я не совсем…

— Нет, вы совсем; но Шеффилд поймет. Скажите ему просто: ПирЕ. И назовите сумму гонорара.

— А именно?

— Полмиллиона.

— Какого рода действия требуются от мистера Шеффилда?

— Необходимо подготовить все законные

средства похищения человека и основания не выдавать его армии, военному флоту и полиции.

— Ясно. Имя человека?

— Гулливер Фойл.

Клерк повторил указания в мемеограф, кивнул и удалился. Престейн вышел из кабинета и по плюшевым ступеням спустился на половину дочери.

В домах верхушки женщины жили в комнатах без окон и дверей, в комнатах, открытых лишь для джантирования членов семьи. Так блюли мораль и охраняли целомудрие. Но Оливия Престейн была слепа, она не могла джантировать. В ее апартаменты вели двери, которые оберегали вассалы в клановых ливреях.

Оливия Престейн была великолепной альбиноской. Ее волосы были похожи на белый шелк, кожа — на белый атлас; ее ногти, ее губы, ее глаза были коралловыми. Она была изумительно прекрасна. И слепа тоже изумительно, ибо видела только в инфракрасном свете, с семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн. Она видела тепловые и радиоволны, электромагнитные поля.

Оливия Престейн вела Гранд Леви — утренний прием в своей гостиной. Она восседала на парчо-

вом троне под охраной дуэньи, управляя двором, непринужденно беседуя с десятками мужчин и женщин, заполнявших салон. Она казалась изысканной статуей из мрамора и коралла, сверкая смотрящими, но незрячими глазами.

Гостиная представлялась ей пульсирующим клубком тепловых излучений — от горячих вспышек до прохладных теней. Она видела слепящие магнитные рисунки часов, огней и телефонов. Она видела и распознавала людей по характерным тепловым узорам их лиц и тел. Видела электромагнитный ореол вокруг каждой головы и пробивающееся сквозь тепловой фон тела сверкание вечно изменяющегося нервного и мышечного тонуса.

Престейн не обращал внимания на свиту артистов, музыкантов и хлыщей, но с удовольствием отметил присутствие именитостей. Здесь были Сире-Робук, Жиллет, юный Сидней Кодак, который однажды станет Кодаком из Кодаков, Бьюик из Бьюиков и Р. Мэси XYI, глава могущественного клана Сакс-Гимбелей.

Престейн засвидетельствовал почтение дочери, покинул дом и в запряженной четверкой карете направился в свою деловую штаб-квартиру, на Уоллстрит 99. Кучер и грум носили ливреи

с красно-черно-синей эмблемой дома Престейнов. Черное «П» на ало-голубом фоне считалось одним из самых древних и благородных знаков в социальном регистре и соперничало с «57» клана Гейнца и «РР» династии Роллс-Ройсов.

Нью-йоркские джалтеры хорошо знали главу клана Престейнов. Седой, красивый, мужественный, безупречно одетый, с несколько старомодными манерами Престейн из Престейнов являлся воплощением социальной элиты и стоял так высоко, что нанимал кучеров, грумов, конюхов и лошадей для исполнения функций, которые простые смертные осуществляли джантацией.

По мере подъема по социальной лестнице люди в те дни обозначали свое положение отказом от джантации. Многообещающий бизнесмен разъезжал в маленьком спортивном автомобиле. Видного деятеля возили на каком-нибудь древнем бентли или кадиллаке. Руководитель большой коммерческой группы седлал дорогой велосипед. Его прямой наследник пользовался яхтой или самолетом. Престейн из Престейнов, глава клана Престейнов, владел каретами, машинами, яхтами, самолетами и поездами. Его позиция в обществе была столь высока, что он не джантировал сорок лет. И презирал выскочек и

нуворишей, подобных Дагенхему и Шеффилду, которые все еще бесстыдно джантировали.

Престейн вошел в дом 99 по Уолл-стрит, в свою святая святых, Храм Престейна, находящийся под охраной его знаменитой джант-стражи, все в клановых ливреях. Он шествовал подобно грозному вождю среди покорных рабов. Он был величественнее вождя, в чем на горьком опыте убедился докучливый государственный чиновник, дожидавшийся аудиенции. Несчастный пробился сквозь толпу просителей навстречу Престейну, когда тот проходил по коридору.

— Мистер Престейн, я из Департамента внутренних сборов. Мне необходимо повидаться с вами…

Престейн смерил его ледяным взглядом.

— Существуют тысячи Престейнов, — надменно произнес он. — Ко всем, обращаются «мистер». Но я — Престейн из Престейнов, глава дома и клана, первый в семье. И ко мне обращаются «Престейн». Не «мистер» Престейн, а Престейн.

Престейн кивнул, улыбнулся улыбкой василиска, сел за необъятный стол и знаком велел докладывать. Он презирал мемеографы и прочие механические вспомогательные устройства.

— Состояние предприятия Клана Престейн.

Средний курс по Нью-Йорку, Парижу, Цейлону…

Престейн раздраженно махнул рукой.

— Необходимо посвятить нового мистера Престо, Престейн.

Престейн сдержал нетерпение и прошел через утомительную процедуру приведения к присяге 497-го мистера Престо, которые в престейновской иерархии управляли магазинами розничной торговли. До недавних пор этот человек имел свои собственные лицо и тело. Теперь, после десяти лет осторожной проверки и тщательных испытаний, его причислили к лику Престо.

В результате шести месяцев хирургии и психообработки он стал совершенно неотличим от остальных 496 мистеров Престо и идеализированного портрета, висящего за троном Престейна… Добрый, честный человек, напоминающий Авраама Линкольна, человек, которого нужно любить, которому можно доверять. В каком бы уголке света вы что-либо ни покупали, вы оказывались в одном и том же магазине Престейна и имели дело с отечески заботливым мистером Престо. С ним соперничали — но не могли его превзойти — мистер Квик клана Кодаков и дядюшка Монти Монтгомери.

По завершении обряда Престейн резко под-

нялся, давая понять, что аудиенция окончена. В кабинете остались лишь высшие чины иерархии. Престейн мерил комнату шагами, с трудом подавляя бурлящее нетерпение. Он никогда не ругался, но его выдержка наводила больший ужас, чем брань.

— Фойл, — сдавленно проговорил он. — Подонок. Шваль. И я — Престейн из Престейнов. Но этот человек стоит между мной и…

— Извините, Престейн. Сейчас одиннадцать часов по западному времени, восемь по атлантическому…

— И что?

— Я хочу напомнить, что в девять состоится церемония запуска. С ванкуверских стапелей сходит корабль, престейновская «Принцесса». Установление трехмерного контакта со стапелями займет некоторое время, так что нам лучше…

— Я буду присутствовать лично.

— Лично! — поперхнулся советник. — Но мы не можем за час долететь до Ванкувера, Престейн. Мы…

— Я джантирую! — рявкнул Престейн из Престейнов. Таково было его возбуждение.

Ошеломленный штат начал готовиться. По всем концам страны помчались гонцы, расчищая

частные площадки. Престейна отвели к площадке его нью-йоркской цитадели. Она представляла собой округлую платформу в закрытой наглухо комнате без окон. Маскировка и предосторожности были необходимы для предотвращения непрошеных визитов, чтобы невозможно было узнать и запомнить джант-координаты. В тех же целях все дома и конторы имели запутанные лабиринты у дверей.

Для джантации нужно (среди прочих вещей) знать точно, где находишься и куда направляешься, иначе у вас нет шансов попасть куда-либо живым. Нельзя джантировать из неопределенной точки, точно так же, как нельзя прибыть в неизвестный пункт. Подобно стрельбе из пистолета — надо знать, куда целиться и за какой конец держать оружие. Но единого взгляда через окно или дверь может быть достаточно для опытного человека, чтобы запомнить РВО-координаты.

Перешагивая по сто миль, Престейн пересек континент и прибыл к ванкуверским стапелям ровно в девять часов по атлантическому времени. Он покинул Нью-Йорк в одиннадцать и выиграл два часа. Такие вещи были тоже обычным явлением в джантирующем мире. Почтительно выждав секунду, рядом появился его штат.

Квадратная миля неогороженного бетона (какая изгородь может остановить джантера?) выглядела белой скатертью, на которой концентрическими окружностями были выложены черные монеты. Однако, при внимательном рассмотрении, монеты оказывались тридцатиметровыми провалами шахт, уходящих в глубь земли. Каждую такую пасть окружали здания, конторы, контрольные пункты, хранилища.

Это были взлетно-посадочные колодцы, сухие доки строительных стапелей. Космические корабли, как и морские суда, не рассчитаны самостоятельно противостоять оковам тяготения. Земная тяжесть расколет корабль, словно пустую скорлупку. Корабли строились в глубоких колодцах, на специальных подпорках, поддерживаемые антигравитационными экранами. Из таких же колодцев они взлетали, взбираясь по антигравитационному лучу, и в них же садились.

Когда свита Престейна ступила на ванкуверские стапели, часть колодцев была занята. Из некоторых поднимались носы или корпуса кораблей, окруженные группками рабочих. В центре находились три транспорта класса «В»: «Вега», «Весталка» и «Ворга». Вокруг них суетились люди, вспыхивали огни ремонтной сварки.

У бетонного здания с надписью «ВХОД» свита Престейна остановилась перед светящимся предупреждением: «Входя на территорию без разрешения, вы подвергаете свою жизнь опасности». Всем вручили значки посетителей, и даже Престейн из Престейнов покорно приколол его к костюму, зная, чем может закончиться вторжение без защитного значка. Свита двинулась дальше, пока не достигла шахты 0–3, украшенной цветами Престейна. Рядом была сооружена небольшая трибуна.

Заиграл, засверкал медью оркестр. Одна нота обезумела и полезла все выше и громче, пока не перекрыла весь оркестр и изумленные восклицания. Только тогда Престейн понял, что это ревет сирена.

На территорию проник посторонний, человек без значка сотрудника или посетителя. Сквозь оглушающий рев еле доносились хлопки воздуха — джантирующая охрана занимала свои места по необъятному нолю. Личная джант-стража Престейна быстро и тревожно сомкнулась вокруг него.

Над бетоном разнесся усиленный мощными динамиками голос:

— *На территории посторонний. На террито-*

рии посторонний. Направляется к шахте Е-9.

— Кто-то ворвался! — вскричал советник.

— Я догадываюсь, — спокойно сказал Престейн.

— Видимо, он здесь чужой, раз не джантирует.

— Я догадываюсь и об этом.

— *Посторонний приближается к шахте Д-5. Д-5. Внимание.*

— О господи, что ему надо?! — воскликнул советник.

— Вам известны мои правила, сэр, — холодно отчеканил Престейн. — Ни один служащий не может всуе произносить Святое Имя. Вы забываетесь.

— *Ц-5. Внимание. Посторонний приближается к шахте Ц-5.*

Советник тронул Престейна за рукав.

— Он идет сюда, Престейн. Укройтесь.

— Нет.

— Престейн, на вас уже трижды покушались. Если…

— Как мне подняться наверх?

— Престейн!

— Помогите мне.

С помощью отчаянно протестующего советника Престейн взошел на трибуну — наблюдать

силу клана в борьбе с опасностью. К центру событий с дальних концов стягивалась охрана.

— *Посторонний двигается к Б-3.*

Престейн посмотрел на шахту. Рядом с ней возникла фигура бегущего человека. Это был высокий мужчина в голубом больничном халате, с копной всклокоченных черных волос и искаженным мертвенно-бледным лицом. Его одежда дымилась, нагретая защитным индуктивным полем; у шеи, локтей и коленей показались огни пламени.

— *Внимание. Б-3. Внимание. Б-3. Охрана, завершить окружение.*

Раздались крики и отдаленные выстрелы; на чужака бросилось с полдюжины рабочих в белом. Он раскидал их, как кегли, и рванулся к шахте, откуда торчал нос «Ворги». Его одежда пылала. Неожиданно нарушитель остановился, сунул руку в горящую куртку и вытащил черный предмет. Конвульсивным движением корчащегося в смертных муках зверя он зубами вырвал какую-то деталь и высоко швырнул предмет в сторону «Ворги». В следующий миг его сбили с ног.

— *Взрывчатка. Внимание. Всем укрыться. Взрывчатка.*

— Престейн! — взвыл советник.

Престейн стряхнул его и взглядом следил, как летит к «Ворге», кувыркаясь и блестя на солнце, черная бомба. На краю шахты ее подхватил антигравитационный луч и бросил наверх гигантским незримым пальцем. Все выше, выше… Потом ослепительно полыхнуло, и через мгновение титанический взрыв заложил уши.

Престейн спустился с трибуны, подошел к пульту и коснулся пусковой кнопки «Принцессы».

— Доставьте мне этого человека, если он жив, — бросил он советнику. И нажал кнопку, — Нарекаю тебя… «Сила Престейна»! — ликующе крикнул он.

4

Звездный Зал Храма Престейна был обит металлическими панелями и украшен высокими зеркалами. В нем находились золотой орган и робот-органист, библиотека с библиотекаршей-андроидом на шаткой лесенке, письменный стол с секретаршей-андроидом за механическим пишущим устройством и американский бар с роботом-барменом. Престейн предпочитал слуглюдей, но андроиды и роботы лучше хранили тайну.

— Садитесь, капитан Йовил, — вежливо предложил он. — Мистер Шеффилд, представляющий сейчас мои интересы. Молодой человек — его помощник.

— Банни — моя походная библиотека, — засмеялся Шеффилд.

Престейн дотронулся до кнопки. В Звездном Зале пробудилась механическая жизнь. Органист играл, библиотекарь разбирал книги, секретарша печатала, бармен изящно работал шейкером. Это было эффектное зрелище; и его действие, тщательно рассчитанное психологами, давало Престейну преимущество над посетителями.

— Вы говорили о человеке по имени Фойл, — подсказал Престейн.

Капитан Йанг-Йовил из Центральной Разведки Вооруженных Сил Внутренних Планет состоял членом наводящего ужас Общества Бумажных Человечков, был адептом тзеньцинских Хамелеонов, Мастером. Суеверий и свободно владел Секретной Речью. Сейчас капитан колебался, прекрасно осознавая действующее против него психологическое давление. Он изучил бесстрастное аскетичное лицо Престейна; упрямое агрессивное выражение Шеффилда; прилежную маску молодого человека по имени Банни,

кроличьи черты которого выдавали восточное происхождение. Йанг-Йовилу было необходимо восстановить контроль над положением или хотя бы ответить на удар ударом.

Он начал обходной маневр.

— Не связаны ли мы случайно родственными узами в пределах пятнадцати колен? — спросил он Банни на мандаринском диалекте. — Я принадлежу к дому ученого Менг-Тзе, прозванного варварами Менцием.

— Тогда мы кровные враги, — запинаясь, ответил Банни. — Мой великий предок, правитель Шантунга, был свергнут в 342 году до н. э. земляной свиньей Менг-Тзе.

— С любовью и благоговением я брею ваши кривые брови, — сказал Йанг-Йовил.

— Со смиренным почтением я подпаляю ваши обломанные зубы, — смеясь ответил Банни.

Господа, господа! — запротестовал Престейн.

— Мы возобновляем трехтысячелетнюю вражду, — объяснил Йанг-Йовил Престейну, раздраженному непонятным разговором и смехом. Капитан попробовал нанести прямой удар.

— Когда вы закончите с Фойлом?

— С каким Фойлом? — вмешался Шеффилд.

— А какой у вас Фойл?

— С кланом Престейн связаны тринадцать человек, носящих это имя.

— Любопытное число. Вам известно, что я Мастер Суеверий? Когда-нибудь я открою вам тайну Зеркала-и-Слуха… Я имею в виду Фойла, связанного с утренним покушением на мистера Престейна.

— На Престейна, — поправил Престейн, — Я не «мистер». Я Престейн из Престейнов.

— На жизнь Престейна совершено три покушения, — отчеканил Шеффилд. — Вам следует быть более точным.

Капитан попробовал другой ход.

— Хотел бы я, чтобы наш мистер Престо был более точным.

— *Ваш* мистер Престо!.. — воскликнул Престейн.

— Разве вы не знали, что один из пятисот ваших Престо — наш агент? Странно. Мы были уверены, что вам все известно, и приняли соответствующие меры.

Престейн был потрясен. Йанг-Йовил положил ногу на ногу и доверительно произнес:

— Разведка часто страдает от чрезмерных ухищрений и предосторожностей.

— Это провокация! — не выдержал Престейн, —

Никто из наших Престо не мог знать о Гулливере Фойле.

— Спасибо, — улыбнулся Йанг-Йовил, — Вот этот Фойл мне и нужен. Когда мы сможем его забрать?

Шеффилд бросил злой взгляд на Престейна и повернулся к Йанг-Йовилу.

— Кто это «мы»? — поинтересовался он.

— Центральная Разведка.

— Это гражданское дело, касающееся частных лиц, и пока и поскольку оно не связано с военным сырьем, кадровым персоналом, тактикой или стратегией, оно не входит в сферу вашей компетенции.

— Согласно 191-й поправке, — пробормотал Банни. — «Номад» нес стратегическое сырье.

— «Номад» перевозил в банк Марса платиновые слитки, — рявкнул Престейн. — Если деньги…

— Разговор веду я! — оборвал Шеффилд и резко повернулся к Йанг-Йовилу. — Назовите стратегическое сырье.

Прямой вызов ошеломил Йанг-Йовила. Свистопляска вокруг «Номада» возникла из-за наличия на борту 20 фунтов ПирЕ, мирового запаса вещества, невосполнимого после гибели его создателя. Оба это знали, но Йовил предполагал, что адвокат

предпочтет не упоминать ПирЕ.

Он решил ответить на прямоту прямотой.

— Хорошо, джентльмены, я назову. «Номад» нес 20 фунтов ПирЕ.

Престейн вскинулся; Шеффилд яростным взглядом осадил его.

— Что такое ПирЕ?

— По нашим данным…

— Полученным от мистера Престо?

— О, это ерунда, — засмеялся Йанг-Йовил и тут же перехватил инициативу. — По данным разведки ПирЕ был разработан для Престейна, а изобретатель его исчез. Пирофор. Это все, что мы знаем точно. Но до нас доходят странные слухи… Невероятные доклады от надежных агентов… Если хотя бы часть наших догадок верна, ПирЕ может решить исход войны.

— Чепуха. Никакой военный материал не может иметь решающего значения.

— Нет? А антигравы 2022 года? А Универсальный Экран 2194? Любой стратегический материал имеет решающее значение, особенно если враг доберется до него первым.

— Сейчас такого шанса не существует.

— Благодарю вас за признание важности ПирЕ.

— Я ничего не признаю. Я все отрицаю.

— Центральная Разведка готова предложить вам обмен. Человека за человека. Изобретателя ПирЕ за Гулли Фойла.

— Он у вас? — потребовал Шеффилд. — В таком случае, зачем вам Фойл?

— У нас труп! — вспыхнул Йанг-Йовил. — Полгода вооруженные силы Внешних Спутников держали изобретателя на Ласселе и выбивали информацию. Мы устроили рейд, который закончился почти поголовной смертью его участников. Спасли труп. И до сих пор не знаем, сколько они из него вытянули.

Престейн резко выпрямился.

— Черт подери, — бушевал Йанг-Йовил, — неужели вы не видите всей остроты положения, Шеффилд? Мы все ходим по проволоке. Какого дьявола вы поддерживаете Престейна в этом грязном деле? Вы — лидер Либеральной партии… сверхпатриот. Главный политический враг Престейна. Продайте его, глупец, пока он не продал всех нас!

— Капитан Йовил, — ядовито вставил Престейн, — я не могу одобрить ваши выражения.

— Нам отчаянно нужен ПирЕ, — продолжал Йанг-Йовил. — Мы исследуем эти двадцать фунтов, научимся его синтезировать, применять в

военных действиях… пока нас не опередили ВС. Но Престейн отказывается помогать. Почему? Потому что находится в оппозиции к правящей партии. Он не хочет никаких побед для либералов. Ради своей политики он предпочел бы наше поражение, потому что богачи вроде Престейна никогда не проигрывают. Придите в себя, Шеффилд! Вас нанял предатель. Подумайте, что вы собираетесь сделать!

В этот момент раздался стук, и в Звездный Зал вошел Саул Дагенхем. Было время, когда Дагенхем, чародей от науки, сверкал среди физиков звездой первой величины — колоссальной памятью, изумительной интуицией и мозгом изощренней вычислительной машины шестого поколения. Но произошла катастрофа. Ядерный взрыв не убил его, но сделал радиоактивным, «горячим», ходячей чумой.

Правительство Внутренних Планет ежегодно выплачивало ему 25 тысяч кредиток для обеспечения защитных мер. Дагенхем не мог общаться с человеком более пяти минут, не мог занимать никакое помещение, включая собственное, более тридцати минут в сутки. Изолированный от жизни и любви, он бросил свои исследования и создал колосс «Курьеры Инк».

Когда бледный труп со свинцовой кожей появился в Звездном Зале, Йанг-Йовил понял неминуемость поражения. Он не мог соперничать одновременно с тремя такими людьми. Он встал.

— Переговоры закончены. Я беру ордер на арест Фойла.

— Капитан Йовил уходит, — обратился Престейн к офицеру джант-стражи, приведшему Дагенхема. — Проводите его через лабиринт.

Йанг-Йовил поклонился, а когда офицер двинулся вперед, посмотрел прямо на Престейна, иронично улыбнулся и исчез со слабым хлопком.

— Престейн! — воскликнул Банни. — Он джантировал! Координаты этой комнаты не тайна для него! Он…

— Очевидно, — ледяным тоном отрезал Престейн, — Офицер, сообщите начальнику стражи. Звездный Зал немедленно перенести в другое место. Теперь, мистер Дагенхем…

— Подождите, — сказал Дагенхем. — Надо заняться ордером.

И без извинения или объяснения он также исчез. Престейн поднял бровь.

— Еще один, — пробормотал он. — Но у этого,

по крайней мере, хватило такта хранить свою информацию до конца.

Вновь появился Дагенхем.

— Не имеет смысла тратить время на лабиринт, — сказал он. — Я принял меры. Йовила задержат — два часа гарантировано, три часа вероятно, четыре возможно.

— Как? — поразился Банни.

Дагенхем холодно улыбнулся.

— Мне пора.

— Что с Фойлом? — спросил Престейн.

— Пока ничего. — На лице Дагенхема снова появилась страшная улыбка. — Он действительно уникален. Я перепробовал все обычные методы и наркотики… Ничего. Снаружи — всего лишь заурядный космонавт… если забыть татуировку… но внутри… он из стали. Что-то завладело всеми его помыслами, всем существом, и не отпускает.

— Что же? — спросил Шеффилд.

— Я надеюсь узнать.

— Как?

— Не скрашивайте — станете соучастником, Корабль наготове?

Престейн кивнул.

— Ждите, Фойл долго не выдержит.

— Где вы его держите?

Дагенхем покачал головой.

— Это помещение ненадежно.

Дагенхем джантировал Цинциннати — Нью-Орлеан — Монтеррей — Мехико и появился в психиатрическом крыле гигантского госпиталя Объединенных Земных Университетов. Крыло — едва ли подходящее название для целого города в маленькой стране госпиталя. Дагенхем появился на сорок третьем этаже терапевтического отделения, где в изолированном баке плавал без сознания Гулливер Фойл. Рядом стоял солидный бородатый мужчина в халате.

— Привет, Фриц.

— Привет, Саул.

— Хороша картинка — главврач обхаживает для меня пациента.

— Мы у тебя в долгу, Саул.

— Хватит об этом, Фриц. Я не облучу тебе госпиталь?

— Здесь свинцовые стены.

— Готов к работе?

— Хотел бы я знать, за чем ты охотишься.

— За информацией.

— И собираешься для этого превратить терапевтическое отделение в камеру пыток? Почему не использовать обычные наркотики?

— Все испробовано. Бесполезно. Он не обычный человек.

— Это запрещено, ты же знаешь.

— Передумал? За четверть миллиона я могу продублировать твое оборудование.

— Нет, Саул. Мы всегда будем у тебя в долгу.

— Тогда начнем.

Театр Кошмаров появился на свет в результате ранних попыток лечения шизофрении методом шока с целью заставить больного вернуться к реальности, превратив его воображаемый мир в пытку. Однако связанные с ним эмоциональные перегрузки пациента были признаны слишком жестокими.

Проекторы очистили от пыли и подготовили к работе. Фойла выбрали из бака, сделали ему стимулирующий укол и оставили на полу. Бак удалили. Свет выключили.

Каждый ребенок считает, будто его воображаемый мир уникален. Психиатрам же известно: радости и ужасы личных фантазий — общее наследство всего человечества. Терапевтическое отделение Объединенного Госпиталя записало эмоции на тысячи километров пленки и создало всеобъемлющий сплав ужаса в Театре Кошмаров.

Фойл очнулся в холодном поту, так и не поняв, что вышел из забытья. Его сжимали в клещах, кидали в пропасть, жарили на костре. С него содрали кожу и кислотой выжигали внутренности. Он закричал. Он побежал — вязкое болото обхватило его ноги. И какофонию скрежета, визга, стонов, угроз, терзавшую его слух, перекрывал настойчивый голос.

— Где Номад, где Номад, где Номад, где Номад?

— Ворга, — хрипел Фойл. — Ворга.

Его защищало собственное сумасшествие. Его собственный кошмар создал иммунитет.

— Где Номад? Где ты оставил Номад? Что случилось с Номадом? Где Номад?

— Ворга! — кричал Фойл. — Ворга. Ворга. Ворга.

В контрольном помещении Дагенхем выругался.

Главврач, управляющий проекторами, взглянул на часы.

— Минута сорок пять, Саул. Он может больше не выдержать.

— Его надо расколоть. Выжми все!

Фойла хоронили заживо, медленно, неумолимо, безжалостно. Его засасывала глубина. Вонючая слизь обволакивала со всех сторон, отрезая от света и воздуха. Он мучительно долго задыхался,

а вдали гремел голос:

— ГДЕ НОМАД? ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ НОМАД? ТЫ МОЖЕШЬ СПАСТИСЬ, ЕСЛИ НАЙДЕШЬ НОМАД. ГДЕ НОМАД?

Но Фойл был на борту «Номада.» в своем гробу, без света и воздуха. Он свернулся в зародышевый комок и приготовился спать. Он был доволен. Он выживет. Он найдет «Воргу».

— Толстокожая скотина! — выругался Дагенхем, — Кто-нибудь раньше выдерживал Театр Кошмаров, Фриц?

— Нет. Ты прав. Это поразительный человек, Саул.

— Мы *должны* из него вытянуть… Ну хорошо, к черту с этой штукой. Попробуем Мегалан. Актеры готовы?

— Все готово.

— Начнем.

Мания величия может развиваться в шести направлениях; Мегалан являлся драматической попыткой диагностики конкретного течения мегаломании.

Фойл проснулся в громадной постели. Он находился в роскошной спальне, сплошь в парче и бархате. Фойл удивленно огляделся. Мягкий солнечный свет падал через решетчатые окна. В

дальнем углу застыл лакей, поправляя сложенную одежду.

— Эй… — промычал Фойл.

Лакей повернулся.

— Доброе утро, мистер Формайл.

— Что?

— Прекрасное утро, сэр. Я приготовил вам бежевую саржу и легкие кожаные туфли.

— В чем дело, эй, ты?

— Я?.. — Лакей удивленно посмотрел на Фойла. — Вы чем-то недовольны, мистер Формайл?

— Как ты меня зовешь?

— По имени, сэр.

— Мое имя… Формайл? — Фойл приподнялся на локтях. — Нет, мое имя Фойл. Гулли Фойл. Так звать меня.

Лакей прикусил губу.

— Простите, сэр…

Он вышел, и через минуту в комнату вбежала прелестная девушка в белом. Она села на край постели, взяла Фойла за руку и заглянула в глаза. Ее лицо выражало страдание.

— Милый, милый, милый, — прошептала она, — пожалуйста, не надо начинать все сначала. Доктор клянется, что ты пошел на поправку.

— Что начинать?

— Всю эту чепуху про Гулливера Фойла, будто бы ты простои…

— Я Гулли Фойл. Мое имя — Гулли Фойл.

— Любимый, нет. Это болезнь. Ты чересчур много работал.

— Гулли Фойл всю жизнь я.

— Да, знаю, дорогой, тебе так кажется. На самом деле ты Джеффри Формайл. Ты… о, к чему я это рассказываю? Одевайся, любовь моя. Тебя ждут внизу.

Фойл позволил лакею одеть себя и, как в тумане, спустился по лестнице.

Прелестная девушка, очевидно обожавшая его, повсюду была с ним. Они пересекли колоссальную студию, заставленную мольбертами и незаконченными картинами, миновали зал со шкафами, столами, посыльными и секретаршами и вошли в громадную лабораторию с высокими потолками, загроможденную стеклом и хромом. Колыхалось и шипело пламя горелок, бурлили и пенились разноцветные жидкости, пахло странными химикалиями. По всему чувствовалось, что здесь проводятся необычные эксперименты.

— Что все это? — спросил Фойл.

Девушка усадила его в плюшевое кресло у необъятного стола, заваленного бумагами. На

некоторых из них красовалась оставленная небрежным взмахом пера внушительная подпись: Джеффри Формайл.

— Все свихнулись, все… — забормотал Фойл.

Девушка остановила его.

— Вот доктор Реган. Он объяснит.

Импозантный джентльмен со спокойными уверенными манерами подошел к Фойлу, пощупал пульс, осмотрел глаза и удовлетворенно хмыкнул.

— Прекрасно, — сказал он. — Превосходно. Вы близки к полному выздоровлению, мистер Формайл. Можете уделить мне одну минуту?

Фойл кивнул.

— Вы ничего не помните. Случается — перетрудились, к чему скрывать — чрезмерно увлеклись спиртным и не выдержали нагрузок. Вы утратили связь с реальностью.

— Я…

— Вы убедили себя в собственном ничтожестве — инфантильная попытка уйти от ответственности. Вбили себе в голову, будто вы простой космонавт по имени Фойл. Гулливер Фойл, верно? Со странным номером…

— Гулли Фойл. АС 128/127.006. Но это я! Про…

— Это не вы. *Вот* вы. — Доктор Реган махнул

рукой в сторону необычных помещений, видневшихся через прозрачную перегородку. — Обрести настоящую память, всю эту великолепную реальность, можно лишь избавившись от фальшивой. — Доктор Реган подался вперед, гипнотически сверкнув стеклами очков. — Восстановите детально вашу старую память, и я уничтожу ее без следа. Где, по-вашему, вы оставили воображаемый корабль «Номад»? Как вам удалось спастись? Где ваш воображаемый «Номад»?

Фойл заколебался.

— Мне кажется, я оставил «Номад»... — Он замолчал.

Из блестящих очков доктора Регана на него уставилось дьявольское лицо... кошмарная тигриная маска с выжженной надписью «НОМАД» через перекошенные брови. Фойл вскочил.

— Врете! — взревел он. — Это я, по-настоящему я!

В лабораторию вошел Дагенхем.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Все свободны.

Кипучая жизнь в соседних комнатах прекратилась.

Актеры исчезли быстро и тихо, не глядя в сторону Фойла.

Дагенхем обратил к Фойлу смертельную улыб-

ку.

— Ты крепкий орешек, не правда ли? Ты воистину уникален. Меня зовут Саул Дагенхем. У нас есть пять минут для разговора. Выйдем в сад.

Сад Успокоения на крыше Терапевтического Здания был венцом лечебного планирования. Каждая перспектива, каждый цвет, каждый контур умиротворяли страсти, гасили раздражение, смягчали злость, убирали истерию, наводили меланхолию.

— Садись. — Дагенхем указал на скамейку рядом с кристально чистым бассейном. — Мне придется походить вокруг. Я облучен. Ты понимаешь, что это значит?

Фойл угрюмо мотнул головой. Дагенхем сорвал орхидею и обхватил ее ладонями.

— Следи за цветком. Увидишь.

Он прошел перед скамейкой и неожиданно остановился.

— Ты прав, разумеется. Все, что с тобой случилось, — правда. Только… *что* с тобой случилось?

— Проваливай, — прорычал Фойл.

— Знаешь, Фойл, я восхищаюсь тобой.

— Проваливай.

— По-своему, по-примитивному, у тебя есть характер и изобретательность. Ты кроманьонец,

Фойл. Бомба, брошенная на верфи Престейна, была замечательна; ты разграбил чуть ли ни весь Объединенный Госпиталь, добывая деньги и материалы. — Дагенхем стал считать по пальцам. — Обобрал слепую сиделку, очистил шкафчики, украл химикалии, украл приборы.

— Проваливай.

— Но откуда такая ненависть к Престейну? Зачем ты пытался взорвать его корабль? Чего ты хотел?

— Проваливай.

Дагенхем улыбнулся.

— Если мы собираемся беседовать, тебе придется выдумать что-нибудь новенькое. Твои ответы становятся однообразными. Что произошло с «Номадом»?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Последнее сообщение с корабля пришло семь месяцев назад. Потом… Что ты делал все это время? Украшал лицо?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Нет, Фойл, не пойдет. У тебя на лбу татуировка «НОМАД». Свежая татуировка. Гулливер Фойл, АС 128/127.006, помощник механика, находил-

ся на борту «Номада». И как будто одного этого недостаточно, чтобы разведку залихорадило, ты возвращаешься на частной яхте, считавшейся пропавшей более пятидесяти лет. Послушай, да ты просто напрашиваешься на неприятности. Знаешь, как в разведке выбивают ответы из людей?

Фойл выпрямился. Дагенхем кивнул, увидев, что его слова попали в цель.

— Подумай хорошенько. Нам нужна правда, Фойл. Я пытался выманить ее у тебя хитростью, признаю. Ничего не получилось, признаю. Теперь я предлагаю тебе честную сделку. Если пойдешь на нее, мы защитим тебя. Если нет, проведешь пять лет в застенках разведки — или в ее лабораториях.

Фойла испугали не пытки; он боялся потерять свободу. Нужна свобода, чтобы набрать денег и снова найти «Воргу»; чтобы убить «Воргу».

— Какую сделку? — спросил он.

— Скажи нам, что произошло с «Номадом» и где он сейчас?

— Зачем, ты?

— Зачем? Спасти груз, ты.

— Там нечего спасать. Чтоб за миллион миль да ради обломков?! Не крута, ты.

— Ну, хорошо, — сдался Дагенхем. — «Номад» нес груз, о котором ты не подозревал, — платиновые слитки. Престейн покрывал свой долг Банку Марса — двадцать миллионов кредиток.

— Двадцать миллионов… — прошептал Фойл.

— Плюс-минус пара тысяч. Тебя бы ждало вознаграждение. Ну, скажем, тридцать тысяч кредиток.

— Двадцать миллионов, — снова прошептал Фойл.

— Мы предполагаем, что с «Номадом» расправился крейсер Внешних Спутников. Тем не менее, они не поднимались на борт и не грабили, иначе тебя бы уже не было в живых. Значит, в сейфе в каюте капитана… Ты слушаешь, Фойл?

Но Фойл не слушал. Перед его глазами стояли двадцать миллионов… не двадцать тысяч… двадцать миллионов в платиновых слитках, как сияющая дорога к «Ворге». Не надо больше никакого воровства; двадцать миллионов, чтобы разыскать и стереть с лица земли «Воргу».

— Фойл!

Фойл очнулся и посмотрел на Дагенхема.

— Не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Я предлагаю щедрое вознаграждение. На тридцать тысяч космонавт может кутить, ни о

чем не думая, целый год... Чего тебе еще?

— Ничего не знаю.

— Либо мы, либо разведка, Фойл.

— Больно вам надо, чтобы я попал им в лапы, иначе к чему разговоры? Но это все пустой треп. Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Ты!.. — Дагенхем пытался подавить бешенство. Он слишком много открыл этому хитрому примитивному созданию. — Да, мы не стремимся выдать тебя разведке. У нас есть свои собственные средства. — Его голос окреп, — Ты думаешь, что сможешь надуть нас. Ты думаешь, мы станем ждать, пока рак на горе свистнет. Ты думаешь даже, что раньше нас доберешься до «Номада».

— Нет, — сказал Фойл.

— Так вот слушай. На тебя заготовлено дело. Наш адвокат в Нью-Йорке только ждет звонка, чтобы обвинить тебя в саботаже, пиратстве в космосе, грабеже и убийстве. Престейн добьется твоего осуждения в двадцать четыре часа. Если у тебя и раньше было знакомство с полицией, это означает лоботомию. Они вскроют твой череп и выжгут половину мозгов, и ты никогда не сможешь джантировать.

Дагенхем замолчал и пристально посмотрел на Фойла. Когда тот покачал головой, Дагенхем

продолжил.

— Что ж, тебя присудят к десяти годам того, что в насмешку называют лечением. В нашу просвещенную эпоху преступников не наказывают; их лечат. Тебя бросят в камеру одного из подземных госпиталей, и там ты будешь гнить в темноте и одиночестве. Ты будешь гнить там, пока не решишь заговорить. Ты будешь гнить там вечно. Выбирай.

Ворга, я убью тебя насмерть.

— Я ничего не знаю о «Номаде». Ничего!

— Хорошо. — Дагенхем сплюнул. Внезапно он протянул сжатый в ладони цветок орхидеи. Цветок почернел и рассыпался. — Вот что с тобой будет.

5

К югу от Сен-Жирона, возле франко-испанской границы, тянутся на километры под Пиренеями глубочайшие пещеры во франции — Жофре Мартель. Это самый большой и самый страшный госпиталь на Земле. Ни один пациент не джантировал из его чернильной тьмы. Ни один пациент не мог узнать джант-координаты мрачных глубин госпиталя.

Если не считать фронтальной лоботомии, есть всего три пути лишить человека возможности джантировать: удар по голове, расслабляющий наркотик и засекречивание джант-координат. Из этих трех наиболее практичным считался последний.

Камеры, отходящие от запутанных коридоров Жофре Мартель, были вырублены в скале. Они никогда не освещались. Коридоры никогда не освещались. Лучи инфракрасных ламп пронизывали мрак подземелий. Охрана и обслуживающий персонал носили специальные очки. Для пациентов существовали лишь тьма да отдаленный шум подземных вод.

Для Фойла существовали лишь тьма, шум вод и однообразие госпитального режима. В восемь часов (или в любой другой час этой немой бездны) его будил звонок. Он вставал и получал завтрак, выплюнутый пневматической трубой. Завтрак надо было съесть немедленно, потому что чашки и тарелки через пятнадцать минут распадались. В восемь тридцать дверь камеры отворялась, и Фойл вместе с сотнями других слепо шаркал по извивавшимся коридорам к Санитарии.

Там, также в темноте, с ними обращались, как со скотом на бойне — быстро, холодно и эффек-

тивно. Их мыли, брили, дезинфицировали, им вкалывали лекарства, делали прививки. Старую бумажную одежду удаляли и сжигали, и тут же выдавали новую. Затем их так же безучастно гнали в камеры, автоматически вычищенные и обеззараженные во время их отсутствия. Все утро Фойл слушал в камере лечебные рекомендации, лекции, морали и этические наставления. Потом снова наступала закладывающая уши тишина, и ничего не нарушало ее, кроме отдаленного шума вод и едва слышных шагов надзирателей в коридоре.

Днем их занимали лечебным трудом. В каждой камере зажигался телевизионный экран, и пациент погружал руки в открывавшееся отверстие. Он видел и чувствовал трехмерно переданные предметы и инструменты. Он кроил и штопал госпитальные робы, мастерил кухонную утварь и готовил пищу. На самом деле он ни до чего не дотрагивался, но его движения передавались в мастерские и там управляли соответствующими механизмами. После одного короткого часа облегчения вновь наваливались мрак и тишина темницы.

Но временами… раз или два в неделю (или, может быть, раз или два в год) доносился приглу-

шенный звук далекого взрыва. И Фойл отрывался от горнила ненависти, где закалялась его жажда мести. В Санитарии он шептал вопросы невидимым фигурам.

— Что за взрывы, там?

— Взрывы?

— Слышу их, как будто далеко, я.

— Это Чертовджант.

— Что?

— Чертовджант. Когда кто-то по горло сыт Жофре Поперек глотки. Джантирует прямо к черту, он.

— Ах, ты?…

— Вот так вот. Невесть откуда, невесть куда. Чертовджант… вслепую… и мы слышим, их. Бум! Чертовджант.

Фойл был потрясен, но он мог понять. Тьма, тишина, одиночество наводили отчаяние, ужас, сводили с ума. Монотонность была невыносима. Погребенные в застенках госпиталя Жофре Мартель, пациенты страстно ждали утра ради возможности прошептать слово и услышать ответ. Но разговоры сразу пресекались охраной, и динамик потом читал наставления о Добродетели Многотерпения.

Фойл знал записи наизусть, каждое слово,

каждый шорох и треск ленты. Он возненавидел эти голоса: всепонимающий баритон, бодрый тенор, доверительный бас. Он научился отрешаться, научился работать механически. Но перед бесконечными часами одиночества он был беспомощен. Одной ярости не хватало.

Фойл потерял счет дням. Он больше не перешептывался в Санитарии. Его сознание оторвалось от реальности и куда-то медленно и бездумно плыло. Ему стало казаться, что он снова на «Номаде», опять дерется за жизнь. Потом и эта слабая связь с иллюзией оборвалась; он все глубже и глубже погружался в пучину кататонии. В лоно тишины, в лоно темноты, в лоно сна.

То были странные, быстротечные сны. Однажды ему явился голос ангела — спаси теля. Ангела-женщины. Она тихонько напела. Трижды он слышал слова: «О, Боже…», «Боже мой!..» и «О…»

Фойл падал в бездонную бездну и слушал.

— Есть выход, — сладко нашептывал в его уши ангел. Ее голос был мягким и нежным, и в то же время горел безумием. Это был голос ангела гнева. — Есть выход.

И внезапно, с безрассудной логикой отчаяния, Фойл, осознал: выход есть. Глупец, он не видел

этого раньше.

— Да, — прохрипел он. — Есть выход.

Послушайте сдавленный вздох.

— Кто это?

— Я, — сказал Фойл. — Это я, ни кто иной. Ты меня знаешь.

— Где ты?

— Здесь. Где всегда.

— Но здесь никого нет. Я одна.

— Спасибо, ты показала мне путь.

— Я слышу голос, — прошептал ангел гнева. — Это начало конца.

— Ты показала мне путь. Чертовджант.

— Чертовджант! Боже мой, неужели это правда? Ты говоришь на уличном арго… ты существуешь на самом деле… Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Но ты не в моей камере. И даже не поблизости. Мужчин держат в северной части Жофре Мартель. Я — в «Юге-900». А ты?

— «Север-3».

— Четверть мили. Как мы… О, господи! Конечно! Это Линия Шепота. Я всегда думала — выдумки… А она существует….

— Что ж, пора, — пробормотал Фойл. — Чертовджант.

— Фойл, не смей! Послушай меня. Это чудо.

— Что чудо?

— Акустический феномен… такое случается в пещерах… Каприз передачи звука... Старожилы называют это Линией Шепота. Я никогда им не верила. Никто не верит, но это правда! Мы на разных концах Линии Шепота. Мы можем разговаривать. Мы можем строить планы. У нас есть надежда. Мы можем спастись.

Ее звали Джизбелла Маккуин. Она была вспыльчива, умна, образована и независима. Жофре Мартель пять лет должен был лечить ее от бандитизма.

Джизбелла гневно-шутливо поведала Фойлу о том, как она бросила вызов обществу.

— Ты не знаешь, что джантация принесла женщинам, Гулли. Она заперла нас. Отправила назад в сераль.

— Что такое сераль?

— Гарем. Место, где содержат женщин — хранят. Через тысячу лет развития цивилизации мы снова — собственность. Джантация так угрожала нашей добродетели, нашему достоинству, нашей чести, что нас заперли как золотые слитки в сейф. Нам закрыты все дороги. Это страшный тупик, Гулли, и из него нет выхода. Остается только

плюнуть на все и идти напролом.

— Зачем это тебе, Джиз?

— Свобода нужна мне как воздух, Гулли. Я хочу жить своей собственной жизнью, а общество заковало меня в кандалы и обрекло на смирение.

И она поведала ему все мрачные и трагические подробности своего бунта: Слабохарактерное Вымогательство, Каскадный Шантаж, Новобрачное и Похоронное Ограбления и другие.

Фойл рассказал ей о «Номаде» и «Ворге»; открыл свою ненависть и свои планы. Он не сказал Джизбелле о своем лице и о двадцати миллионах в платиновых слитках, скрытых в поясе астероидов.

— Что случилось с «Номадом»? — спросила Джизбелла. — Верно ли то, что говорил тот человек, Дагенхем? Его уничтожил крейсер Внешних Спутников?

— Мне не понять. Сказано — не помню.

— Очевидно, взрыв вызвал у тебя амнезию, а шесть месяцев одиночества и мук усугубили потерю памяти. На корабле не осталось ничего ценного?

— Нет.

— И Дагенхем ни о чем не упоминал?

— Нет, — солгал Фойл.

Значит, у него была иная причина упрятать тебя в Жофре Мартель. Зачем-то ему нужен «Номад»… Но пытаться взорвать «Воргу» — это глупость. Только дикий зверь грызет захлопнувшийся капкан. Сталь не виновата.

— Не пойму, о чем ты… «Ворга» прошел мимо.

— Кару заслужил мозг, Гулли. Тот мозг, который устроил западню. Выясни, кто находился на борту «Ворги». Узнай, кто приказал уйти. И накажи *его.*

— Да-а. Как?

— Думай, Гулли. Голова, сообразившая, как сдвинуть «Номад» и как из ничего собрать адскую машинку, должна найти способ. Но никаких бомб — думай! Разыщи кого-нибудь из экипажа «Ворги» Он назовет остальных. Выследи их, узнай, кто отдал приказ. И покарай его. Но на это требуется время, Гулли… время и деньги; больше, чем у тебя есть.

Они часами переговаривались по Линии Шепота, голоса слабые, но звучавшие будто у самых ушей. Лишь в определенном месте каждой камеры можно было услышать собеседника, вот почему они не сразу обнаружили это чудо. Но теперь они наверстывали упущенное время. И Джизбелла учила Фойла.

— Если нам когда-нибудь удастся выбраться

из Жофре Мартель, мы будем вместе, а я не могу довериться безграмотному человеку.

— Кто безграмотный?

— Ты, — решительно заявила Джизбелла. — Мне приходится все время разговаривать на уличном арго.

— Я умею читать и писать.

— И все… то есть, кроме голой силы — ты нуль.

— Говори толком, ты, — рассвирепел Фойл.

— Говорю толком я. Что проку от самого лучшего резца, если он тупой? Надо заострить твой разум, Гулли. Надо дать тебе образование.

Он покорился. Он понял: она права. Надо знать гораздо больше, не только для того, чтобы выбраться, но и для поисков «Ворги». Джизбелла была дочерью архитектора и получила блестящее образование. Она муштровала Фойла, вбивала в него знания с циничным опытом пяти лет тюрьмы. Иногда он бунтовал против тяжелого труда. Тогда по Линии Шепота кипели яростные, но тихие споры; затем, в конце концов, Фойл просил прощения и вновь покорялся. А иногда Джизбелла уставала от наставлений, и они просто разговаривали и мечтали.

— Мне кажется, мы влюбляемся друг в друга, Гулли.

— Мне тоже так кажется, Джиз.

— Я старая карга, Гулли. Мне сто пять лет. А ты как выглядишь?

— Кошмарно.

— То есть?

— Лицо.

— Это романтично. Один из тех загадочных шрамов, украшающих настоящих мужчин?

— Нет. Ты увидишь, когда встретимся, мы. Неправильно, да, Джиз? Просто: «когда мы встретимся».

— Молодец.

— Мы ведь встретимся однажды, Джиз?

— Скоро, я надеюсь, Гулли. — Далекий голос Джизбеллы окреп. — А теперь пора за работу. Нам надо готовиться.

За пять лет Джизбелла многое узнала о Жофре Мартель. Никто никогда не джантировал из подземного госпиталя, но десятилетиями из уст в уста передавались слухи и крупицы истины. Так, на основе этих сведений Джизбелла быстро опознала соединяющую их Линию Шепота. На их основе начала она обсуждать планы спасения.

— Это в наших силах, Гулли, не сомневайся. В системе охраны наверняка есть недостатки.

— Никто их раньше не находил.

— Никто раньше не действовал с партнером.

Фойл не волочился больше в Санитарию и обратно бесцельно. Во мраке он задавал шепотом продуманные вопросы. Он ощупывал стены, замечал двери, их фактуру, считал, слушал, изучал и докладывал. Фойл и Джизбелла создавали картину порядков и охраны Жофре Мартель.

Однажды утром по возвращении из Санитарии его остановили на пороге камеры.

— Иди дальше, Фойл.

— Это «Север-3». Я знаю свое место.

— Двигай, говорят.

— Но… — Фойл пришел в ужас. — Меня переводят?

— К тебе посетитель.

Его довели до конца северного коридора, до пересечения с тремя остальными главными коридорами госпиталя. Там, на гигантском перекрестке, располагались административные помещения и мастерские.

Фойла втолкнули в непроглядную темень комнаты и закрыли сзади дверь. Перед ним маячил слабо мерцающий силуэт, едва уловимый контур, не более чем призрачный намек, очертания тела и головы самой Смерти. Два бездонных провала на черепе — глазницы или инфракрасные очки.

— Доброе утро, — произнес Дагенхем.

— Вы?! — воскликнул Фойл.

— Я. *У* меня есть пять минут. Садитесь. Стул сзади вас.

Фойл нащупал стул и медленно опустился.

— Довольны? — поинтересовался Дагенхем.

— Что вам надо?

— Замечаю перемену, — сухо сказал Дагенхем. — В нашу последнюю встречу вы ограничивались исключительно «убирайтесь к черту».

— Убирайтесь к черту, Дагенхем, если угодно.

— Ого, вы начали острить; и речь улучшилась… Вы изменились… — задумчиво проговорил Дагенхем. — Изменились чертовски сильно и чертовски быстро. Мне это не нравится. Что с вами случилось?

— Я посещал вечернюю школу.

— Вы десять месяцев учились в этой вечерней школе.

— Десять месяцев!— изумленно повторил Фойл. — Неужели так долго?

— Десять месяцев во мраке и тишине. Десять месяцев полного одиночества. Вы должны быть сломлены.

— О, я сломлен, не беспокойтесь.

— Должны были просто взвыть… Я прав. Вы

не обычный человек… Таким темпом это займет слишком долго… Мы не можем ждать. Я хочу сделать новое предложение. Десять процентов. Два миллиона.

— Два миллиона! — воскликнул Фойл. — Почему вы сразу не сказали?

— Я не знал вас. По рукам?

— Почти.

— А что еще?

— Я выбираюсь из Жофре Мартель.

— Естественно.

— И кое-кто еще.

— Сделаем. Дальше.

— Открытый доступ к архивам Престейна.

— Это исключено. Вы с ума сошли? Будьте благоразумны.

— К его корабельным архивам.

— Зачем?

— Мне нужен список команды одного из кораблей.

— Так, — в голосе Дагенхема вновь зазвучало оживление. — Обещаю. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Значит, договорились. — Дагенхем был доволен. Мерцающий контур поднялся со стула. — Приготовления для вашего друга мы начнем

немедленно. Вас выпустим через шесть часов. Жаль, что мы потеряли столько времени, Фойл.

— Почему вы не подослали ко мне телепата?

— Телепата? О чем вы говорите? На всех Внутренних Планетах не наберется и десятка телепатов. Каждый их час расписан на десять лет вперед. Никто бы из них не согласился нарушить расписание.

— Прошу прощения, Дагенхем. Я думал, вы плохо знаете свое дело.

— Вы меня обижаете.

— Теперь я вижу, что вы просто лжете. За долю в двадцати миллионах можно нанять любого телепата.

— Правительство никогда…

— Не все они работают на правительство. Нет. Дело не в этом. Тут кроется что-то слишком важное.

Пятно света метнулось через комнату и схватило Фойла.

— Что вам еще известно?! Что вы скрываете? На кого работаете? — Руки Дагенхема тряслись. — Господи, какой я глупец! Конечно, вы не простой космонавт… Отвечайте: на кого вы работаете?!

Фойл резко стряхнул руки Дагенхема.

— Ни на кого, — сказал он. — Ни на кого, кроме

себя.

— Да? Включая друга в Жофре Мартель, которого вы так стремитесь спасти? Боже мой, вы чуть не одурачили меня, Фойл. Передайте капитану Йанг-Йовилу мои поздравления. Его люди лучше, чем я думал.

— Не знаю никакого Йанг-Йовила.

— Так вот, вы и ваш коллега здесь сгниете! Издохнете! Я переведу вас в самую страшную камеру. Я брошу вас на самое дно Жофре Мартель. Я… Охрана, сюда! Охра…

Фойл схватил Дагенхема за горло, повалил на пол и стал бить головой о каменную плитку. Дагенхем раз вскрикнул и затих. Фойл сорвал с его лица очки и надел их на себя. В мягком розовом свете вернулось зрение.

Фойл раздел Дагенхема и быстро, разрывая по шву, влез в его костюм. На столе лежала широкополая шляпа. Фойл надвинул ее на самый лоб.

Из комнаты вели две двери. Фойл подскочил к ближайшей и осторожно ее приоткрыл. Она выходила в северный коридор. Он закрыл ее, бросился к другой двери и вырвался в противоджантный лабиринт. И тут же потерялся. Он отчаянно заметался по переходам и оказался снова в той же комнате. Дагенхем пытался подняться

на колени.

Фойл повернулся и кинулся назад в лабиринт, распахнул первую попавшуюся дверь и оказался в просторной и ярко освещенной мастерской. На него ошеломленно уставились двое рабочих. Фойл схватил кувалду, прыгнул на них и двумя ударами свалил. Донесся крик Дагенхема. Фойл затравленно огляделся, ворвался в следующую дверь и вновь потерялся в лабиринте. Заревела сирена. Фойл замахнулся кувалдой, пробил тонкий пластик перегородки и оказался в южном коридоре женской половины, освещенном инфракрасным светом.

Навстречу бежали две надзирательницы; Фойл страшным ударом повалил их. Перед ним тянулся бесконечный ряд камер, на каждой двери красным огнем горел номер. Фойл привстал на цыпочки и разбил инфракрасный фонарь над головой. Весь коридор погрузился во мрак… даже для оснащенных очками.

— Теперь мы на равных, — выдохнул Фойл и побежал дальше, на ощупь считая двери. Он налетел на охранницу, расправился с ней, обнаружил, что сбился со счета, пробежал еще, остановился.

— Джиз! — взревел Фойл.

До него донесся ее голос. Он помчался вперед,

нашел камеру Джизбеллы.

— Гулли, о Гулли, боже мой..

— Отойди, детка! Назад! — Он трижды яростно ударил молотом, и дверь поддалась. Фойл ввалился внутрь.

— Джиз?.. — задыхаясь, выдавил он. — Проходил мимо. Дай, думаю, загляну.

— Гулли, ради…

— Да-а… Ничего себе встреча, а? Идем, Идем, девочка. — Он вытащил ее из камеры. — Назад через приемную пути нет. Я там не понравился. Где ваша Санитария?

— Гулли, ты сошел с ума!

— Вся половина обесточена. Я разбил силовой кабель. У нас есть полшанса. Идем, девочка. Идем.

Он подтолкнул ее вперед, и она повела его по проходам к автоматическим стойлам женской Санитарии. Пока механические руки удаляли одежду, мыли, опрыскивали и дезинфицировали их, Фойл нащупал контрольное медицинское окошко и разбил его молотом.

— Лезь, Джиз.

Он протолкнул ее сквозь окошко и последовал за ней. Голые, намыленные, изрезанные, окровавленные, они искали дверь, через которую

входили врачи. Вдруг Фойл поскользнулся и с грохотом упал.

— Не могу найти дверь, Джиз. Дверь. Я…

— Тсс!

— Но…

— Тихо, Гулли!

Мыльная рука нащупала и зажала его рот. Поблизости раздался топот ног — закоулки Санитарии вслепую обшаривали охранники. Инфракрасное освещение до сих пор не исправили.

— Окно могут не заметить, — прошептала Джиз.

Они скорчились на полу. Шаги прогромыхали и затихли.

— Все в порядке, — выдохнула Джизбелла, — Но в любую минуту включат прожектора. Идем, Гулли, живей!

— Но дверь в клинику, Джиз… Я думал…

— Двери нет. Они спускаются по убирающейся винтовой лестнице. И это предусмотрено. Надо попытаться найти грузовой лифт. Хотя бог знает, что это нам даст… О, Гулли, ты идиот! Ты совершеннейший идиот!

Они пролезли обратно через контрольное окошко и стали лихорадочно искать в темноте лифт, в котором увозили старую одежду и подава-

ли новую. И механические руки в темноте снова мылили, опрыскивали и дезинфицировали их.

Внезапно надрывно взвыла сирена, заглушая все прочие звуки, и наступила полная тишина, удушающая, как мрак.

— Они выслеживают нас геофоном, Гулли.

— Чем?

— Геофоном. Им можно уловить шепот за целую милю.

— Грузовой лифт… грузовой лифт… — лихорадочно бормотал Фойл.

— Нам не найти.

— Тогда идем.

— Куда?

— Мы убегаем.

— Куда?

— Не знаю. Но я не собираюсь ждать, как баран. Идем. Физические упражнения тебе на пользу.

Он снова толкнул Джизбеллу вперед, и они побежали, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух и спотыкаясь, в черные глубины Жофре Мартель. Джизбелла дважды падала, и Фойл выбежал вперед, как антенну вытянув перед собой рукоятку молота и ею нащупывая проход. Потом они наткнулись на стену и поняли, что оказались в тупике. Пути вперед не было.

— Что теперь?

— Не знаю. Похоже, я больше ничего придумать не могу. Но и возвращаться нам нельзя. Я пристукнул Дагенхема. Мерзкий тип. Как этикетка на бутылке с ядом. Тебя не осенило, девочка?

— О, Гулли… Гулли… — Джизбелла всхлипнула.

— Рассчитывал на тебя. «Никаких бомб», — говорила ты. Хотел бы я сейчас иметь бомбу. По крайней мере… Погоди-ка. — Он ощупал скользкую стену. — Внимание, Г. Фойл передает последние известия. Это не естественный пещерный свод, а сложенная на кирпича стена. Посмотри.

— Ну?

— Значит, проход здесь не кончается. Его просто заложили. Прочь!

Он отшвырнул Джизбеллу назад и яростно набросился на стену. Он бил ритмично и мощно, со всхлипом втягивая сквозь зубы воздух и пристанывая при каждом ударе.

— Они приближаются, — сказала Джизбелла. — Я слышу.

Начали сыпаться камни. Фойл удвоил усилия. Внезапно стена поддалась, и в лица им ударил поток ледяного воздуха:

— Лезь.

Фойл бросил молот, схватил Джизбеллу и поднял ее к отверстию на высоте груди. Она вскрикнула от боли, протискиваясь через острые камни. Фойл безжалостно толкал ее вперед, пока, не прошли плечи, а затем и бедра. Он отпустил ее ноги, услышал, как она упала по ту сторону, и последовал за ней. Ее руки попытались смягчить его падение на груду камней и щебня. Они оказались в ледяной черноте естественных пещер Жофре Мартель… — мили неисследованных проходов и гротов.

— Мы ещё вырвемся, — прохрипел Фойл.

— Не знаю, есть ли отсюда выход, Гулли. — Джизбелла дрожала от холода. — Может быть, это тупик.

— Должен быть выход. Мы найдем его. Вперед, девочка.

Они слепо двинулись вперед. Фойл сорвал бесполезные очки и швырнул их под ноги.

Они натыкались на стены, углы, низкие своды. Они падали на острые камни и катились вниз. Потом однажды их ноги разъехались, и оба тяжело упали на гладкий пол. Фойл ощупал его и притронулся языком.

— Лёд, — пробормотал он. — Хорошо. Мы в ле-

дяной пещере, Джиз. Подземный ледник.

Они с трудом поднялись и неуверенно пошли по льду, тысячелетиями нараставшему в безднах Жофре Мартель. Они пробирались сквозь лес сталактитов и сталагмитов, поднимающихся снизу и свисавших сверху; от каждого их шага с гулким уханьем падали, рассыпаясь, камни. Так они брели вперёд — слепо, наугад, спотыкаясь, падая и снова вставая. Закладывающую уши тишину нарушали только судорожное дыхание и колотящиеся сердца, грохот булыжников, звон срывающихся капель и отдаленный шум подземной реки.

— Не туда, девочка, — Фойл легонько подтолкнул ее в сторону. — Бери левее.

Ты хоть немного представляешь себе, куда мы идем, Гулли?

— Вниз, Джиз. Только вниз.

— У тебя есть идея…

— Да. Сюрприз! Сюрприз! Голова вместо бомб.

— Голова вместо… — Джизбелла истерически рассмеялась. — Ты ворвался с молотом в руках — и это, по-твоему, голова вместо б-б-б…

Она не могла выговорить и подавилась всхлипываниями. Фойл схватил ее и яростно встряхнул.

Заткнись, Джиз. Если нас выслеживают геофоном, тебя услышат с Марса.

— П-прости, Гулли. Прости. — Она глубоко вздохнула. — Почему вниз?

— Река. Она должна быть близко. Вероятно, это растаявшие воды ледника… Единственный надежный путь. Где-нибудь она выходит наружу. Мы поплывем.

— Гулли, ты сошел с ума!

— В чем дело, ты? Не умеешь плавать?

— Я умею плавать, но…

— Мы *должны* попытаться. Иди, Джиз. Вперед.

Шум реки приближался, но силы их стали иссякать. Джизбелла остановилась, хватая ртом воздух.

— Гулли, мне надо передохнуть.

— Слишком холодно. Иди вперед.

— Я не могу.

— Иди вперед. — Он нащупал ее локоть.

— Убери свои руки! — яростно закричала она. Фойл изумленно отступил.

— Что с тобой? Девочка, успокойся. Я пропаду без тебя.

— Вот как? Я говорила тебе: надо готовиться… думать… а ты втянул нас в эту западню…

Я сам был в западне. Дагенхем угрожал переве-

сти меня в другую камеру. И больше уже не было бы Линии Шепота. Меня вынудили, Джиз… и мы ведь выбрались, правда?

— Выбрались? Мы потерялись в Жофре Мартель! Ищем треклятую реку, чтобы утопиться. Ты кретин, Гулли, а я набитая дура, что позволила втянуть — себя в эту авантюру. Будь ты проклят! Бежать. Спасаться. Молотить… Все, что ты знаешь. Бить. Ломать. Взрывать. Крушить. Уничтожать… Гулли!

Джизбелла вскрикнула. Покатились камни, и послышался тяжелый всплеск. Фойл бросился вперед, заорал: «Джиз!» и сорвался с обрыва.

Он упал в воду с оглушающим ударом. Ледяная река поглотила его и мгновенно закрутила. Бешено заработав руками и ногами, Фойл почувствовал, как течение тащит его по скользким камням, захлебнулся и всплыл на поверхность. Он откашлялся и закричал. Джизбелла ответила слабым голосом, едва слышным в ревущем потоке. Бурное течение швырнуло его на холодное тело, цепляющееся за скалу.

— Джиз!

— Гулли! Боже мой! — Джизбелла зашлась кашлем.

Прижимаясь к стене, Фойл стал ощупывать

своды. Вода с ревом уходила в тоннель, и поток засасывал их за собой.

— Держись! — прохрипел Фойл. Он обследовал своды слева и справа — гладкие, скользкие; ухватиться было невозможно.

— Нам — не выбраться. Придется плыть, — прокричал Фойл, стараясь перекрыть оглушенный шум воды.

— Там нечем дышать, Гулли. Не выплывешь.

— Ненадолго, Джиз. Наберем воздуха и нырнем.

— Тоннель может тянуться дольше, чем вам хватит дыхания.

— Придется рискнуть.

— Я не смогу.

— Ты должна. Другого пути нет. Давай первая. Помогу, в случае чего.

— В случае чего?.. — безумным голосом повторила Джизбелла и нырнула. Течение всосало ее в тоннель. Фойл тоже сразу погрузился под воду. Яростный поток тянул вниз, швыряя на гладкие стены.

Фойл плыл сразу за Джизбеллой, и ее молотящие ноги били его по голове и плечам. Они неслись в тоннеле, пока не запылали легкие. Затем внезапно раздался рев воды, их вынесло

наверх, и они смогли дышать.

Вместо заледеневших сводов появились изломанные скалы. Одной рукой Фойл ухватил ногу Джизбеллы, другой вцепился за выступавший камень.

— Надо выбираться? — прокричал он. — Слышишь этот рев? Водопад. Разорвет на части. Лезь, Джиз.

У нее не было сил, чтобы выбраться из воды. Он подкинул ее обмякшее тело наверх и вскарабкался сам. Они изнеможенно лежали на мокрых камнях, не в состоянии даже говорить. Наконец Фойл, шатаясь, поднялся на ноги.

— Нужно идти, — пробормотал он, — Вниз по реке. Готова?

Она не могла ответить; она не могла протестовать. Он поднял ее, и они, еле держась на ногах, побрели вперед, обходя разбросанные гигантские валуны. Они потеряли реку, заблудившись в каменном лабиринте.

— Все… — с отвращением выдавил Фойл. — Снова потерялись. На этот раз, похоже, окончательно. Что будем делать?

Джизбелла зарыдала. Это был не плач, а беспомощные, но яростные звуки.

Фойл остановился и сел, потянув ее вниз за

собой.

— Возможно, ты права, девочка, — устало произнес он. — Возможно, я кретин. Моя вина.

Она не ответила.

— Ну, вот и все, на что способна голова… Хорошее образование ты мне дала. — Он поколебался. — Не попробовать ли нам вернуться в госпиталь?

— Мы не сможем.

— Вероятно. Просто упражнение на сообразительность… Устроим шум? Чтобы нас нашли по геофону?

— Они не услышат… Нас не успеют найти…

— Мы поднимем настоящий шум. Побьешь меня немного… Это доставит удовольствие нам обоим.

— Заткнись.

— Ну и ну! — Фойл откинулся назад, опустив голову на мягкую траву. — На «Номаде» был хоть какой-то шанс. Я, по крайней мере, видел, куда надо попасть. Я мог… — Он неожиданно замолчал и судорожно подскочил. — Джиз!

— Не говори так много.

Он зарыл руки в почву и швырнул ей в лицо пригоршню мягкой пахучей земли.

— Вдохни! — захохотал он. — Попробуй! Это

трава, Джиз. Земля и трава. Мы выбрались из Жофре Мартель.

— Что?!

— Снаружи ночь. Непроглядная ночь. Мы вышли из пещеры и не поняли этого. Мы вышли!

Они вскочили на ноги. Их окружила абсолютная темнота, но они чувствовали дыхание ласкового ветра, и сладкий аромат растений коснулся их ноздрей. Издалека донесся собачий лай.

— Боже мой, Гулли… — недоверчиво прошептала Джизбелла. — Ты прав. Мы выбрались. Надо только ждать рассвета.

Она засмеялась. Она раскинула руки, обняла его и поцеловала. Они что-то лепетали возбужденно, перебивая друг друга; они опустились на мягкую траву, обессиленные, но не способные забыться сном, нетерпеливые, горячие, на заре новой жизни.

— Здравствуй, Гулли, милый Гулли. Здравствуй, Гулли, после всего этого времени…

— Здравствуй, Джиз.

— Я же говорила, что мы встретимся однажды… Я говорила тебе, любимый. И вот настал этот день.

— Ночь.

— Пускай ночь. Но больше не будет одинокого

перешептывания во тьме. Наша ночь кончилась, Гулли, милый.

Внезапно они осознали, что лежат рядом, обнаженные, касаясь друг друга. Джизбелла замолчала. Фойл схватил ее и яростно сжал, и она ответила с не меньшей страстью.

Когда рассвело, он увидел, что она прекрасна; высокая и стройная, с дымчатыми рыжими волосами и щедрым ртом.

Но когда рассвело, она увидела его лицо.

6

У доктора медицины Харли Бэйкера была маленькая практика в Вашингтоне, вполне законная и едва оплачивающая счета за дизельное топливо, которое он сжигал, еженедельно участвуя в тракторных гонках в Сахаре. Настоящий доход приносила его Фабрика Уродов в Трентоне, куда он джантировал по понедельникам, средам и пятницам. Там, за огромную плату и без лишних вопросов, Бэйкер создавал чудовищ для бизнеса развлечений и творил новые лица для преступного мира.

Похожий на повивальную бабку, Бэйкер сидел на прохладной веранде своего дома и дослушивал

повествование Джиз Маккуин о побеге.

— По сравнению с побегом из Жофре Мартель, все остальное казалось чепухой. Мы наткнулись на охотничий домик, выломали дверь и достали себе одежду. К тому же там оказалось оружие… старое доброе оружие, стреляющее пулями. Мы продали его кое-каким местным и купили билеты к ближайшей известной нам джант-площадке.

— Именно?

— Биарриц.

— Переезжали ночью?

— Естественно.

— Лицо прикрывали?

— Пытались нанести грим. Ничего не получилось. Проклятая татуировка просвечивала. Тогда я купила темную кожу-суррогат и опрыскала его.

— Ну?

— Бесполезно, — раздраженно бросила Джиз. — Лицо должно быть неподвижно, иначе суррогат трескается и отпадает. Фойл не в состоянии контролировать себя. Это был настоящий ад.

— Где он сейчас?

— С Сэмом Куаттом.

— Я думал, Сэм завязал.

— Да, — мрачно сказала Джиз. — Но он мне обязан.

— Любопытно… — пробормотал Бэйкер. — Никогда в жизни не видел татуировки. Полагал, что ее искусство умерло. Я бы хотел добавить его к моей коллекции. Ты знаешь, что я собираю курьезы, Джиз?

— Все знают о твоем зоопарке в Трентоне, Бэйкер. Это ужасно.

— В прошлом месяце я приобрел настоящий шедевр — интереснейший случай сиамских близнецов, — увлеченно начал Бэйкер.

— Не желаю слышать об этом, — резко оборвала Джиз. — И не заикайся о своем зверинце. Ты можешь очистить его лицо? Он говорит, что в Госпитале махнули рукой.

— У них нет моего опыта, дорогая. Гм-мм… Кажется, я что-то читал… где-то… Так, где же?.. Подожди, — Бэйкер поднялся и со слабым хлопком исчез. Джизбелла нервно мерила веранду шагами, пока, через двадцать минут, он не появился вновь с потрепанной книгой в руке и с торжествующей улыбкой на лице. — Нашел! Ты воистину можешь восхищаться моей памятью!

— К черту твою память. Как с его лицом?

— Сделать можно. — Бэйкер перелистал хрупкие выцветшие страницы и задумался. — Да, это можно сделать. Индиготиновая кислота. Веро-

ятно, ее придется синтезировать, но… — Бэйкер захлопнул книгу и уверенно кивнул, — Я могу это сделать. Жаль только портить такое уникальное лицо.

— Да забудь ты про свое хобби! — злобно вскричала Джизбелла. — Нас разыскивают, понимаешь?! Мы первые, кто удрал из Жофре Мартель. Ищейки не угомонятся, пока нас не схватят. Это вопрос престижа.

— Чего ты бесишься?

— Я не бешусь. Я объясняю.

— Он будет счастлив в зверинце, — убеждал Бэйкер. — Там его никто не найдет. Я помещу его рядом с девушкой-циклопом и…

— Зоопарк исключен. Абсолютно.

— Ну хорошо, дорогая… Но почему ты беспокоишься о Фойле? Пускай его схватывают. А ты отсидишься.

— Почему тебя беспокоит то, что я беспокоюсь о Фойле? Тебе предлагают работу. Я заплачу.

— Это дорого обойдется, милая. Я пытаюсь сэкономить твои деньги.

— Неправда.

— Значит, я просто любопытен.

— Тогда скажем, что я благодарна. Он помог мне; теперь я помогаю ему.

Бэйкер цинично улыбнулся.

— Так давай поможем ему по-настоящему — сделаем совершенно новое лицо.

— Нет.

— Я так и думал. Ты хочешь очистить его лицо, потому что оно тебя интересует.

— Будь ты проклят, Бэйкер, ты согласен или нет?

— Пять тысяч.

— Не чересчур?

— Тысяча, чтобы синтезировать кислоту. Три тысячи за операцию. И тысячу за…

— Твое любопытство?

— Нет, моя милая. — Он снова улыбнулся. — Тысяча за наркоз.

— Зачем наркоз?

Бэйкер приоткрыл древний текст.

— Это болезненная процедура. Знаешь, как делают татуировку? Берут иглу, макают в краску и вкалывают в кожу. Чтобы вывести краску, мне придется пройтись иглой по всему лицу, пора за порой, и вкалывать индиготиновую кислоту. Это больно.

Глаза Джизбеллы вспыхнули.

— Можно это сделать без наркоза?

— Я могу, дорогая, но Фойлу…

— К черту Фойла. Плачу четыре тысячи. Никакого наркоза, Бэйкер. Пусть страдает.

— Джиз! Ты не ведаешь, на что его обрекаешь!

— Знаю. Пусть мучается. — Джизбелла истерически засмеялась. — Пусть и он помучается из-за своего лица.

Бэйкеровская Фабрика Уродов занимала пятиэтажное здание, в котором раньше находился завод. Завод выпускал вагончики для метро, пока с метро не покончила джантация. Задние окна фабрики выходили на ракетное поле, и пациенты Бэйкера могли развлекаться, наблюдая за взлетающими и садящимися по антигравитационным лучам кораблями.

— В подвальном этаже располагался бэйкеровский зоопарк анатомических аномалий, естественных выродков и чудовищ — купленных, одурманенных или похищенных. Бэйкер был страстно предан этим несчастным созданиям и проводил с ними долгие часы, упиваясь их уродством, как другие упиваются красотой искусства. На средних этажах размещались палаты для прооперированных пациентов, лаборатории, склады и кухни. И наверху — операционные.

В одной из последних — крошечной комнатке, обычно используемой для экспериментов

на сетчатке глаз, — Бэйкер трудился над лицом Фойла. Под ослепительно яркими лампами он склонился с маленьким стальным молотком, выискивая каждую пору с краской и вбивая туда иглу. Голову Фойла сжимали тиски, но тело было не привязано. И хотя его мышцы дергались, он ни разу не шевельнулся, вцепившись руками в край операционного стола.

— Самообладание, — выдавил Фойл сквозь зубы. — Ты хотела, чтобы я научился самообладанию, Джиз. Я учусь. — Он скривился.

— Не двигайся, — приказал Бэйкер.

— Мне смешно.

— Все хорошо, сынок, — произнес Сэм Куатт, отвернувшись. Он искоса взглянул на яростное лицо Джизбеллы. — Что скажешь, Джиз?

— Он учится.

Бэйкер методично продолжал работать иглой и молоточком.

— Послушай, Сэм, — еле слышно пробормотал Фойл. — Джиз сказала мне, что у тебя есть свой корабль.

— Да. Из тех, что зовут «Уикенд на Сатурне».

— То есть?

— Уикенд на Сатурне длится девяносто дней. Корабль обеспечивает жизнь четырех человек в

течение девяноста дней.

— Как раз для меня, — невнятно проговорил Фойл. Он скорчился от боли, но тут же взял себя в руки. — Сэм, я хочу воспользоваться твоим кораблем.

— Зачем?

— Есть дело.

— Законное?

— Нет.

— Тогда это не для меня, сынок. Я завязал.

— Плачу 50 тысяч. Хочешь заработать 50 тысяч? И считай их целыми днями.

Безжалостно впивалась игла. Фойл корчился.

— У меня есть 50 тысяч. В венском банке лежит в десять раз больше. — Куатт вытащил из кармана колечко с мерцающими радиоактивными ключами. — Вот ключ от сейфа. Вот ключ от моего дома в Йобурге — двадцать комнат, двадцать акров земли. А вот ключ от корабля в Монтоке. Можешь не искушать меня, сынок. Я джантирую в Йобург и остаток дней своих буду жить тихо и мирно.

— Позволь мне взять корабль. Сиди в Йобурге и греби деньги.

— Когда будут деньги? И откуда?

— Когда вернусь. В астероидах… корабль «Но-

мад».

— Что там ценного?

— Не знаю.

— Лжешь.

— Не знаю, — упрямо пробормотал Фойл. — Но там должно быть что-то ценное. Спроси Джиз.

— Послушай, — зло произнес Куатт. — Если хочешь договориться, давай начистоту. Ты осторожничаешь, как проклятый татуированный тигр, готовящийся к прыжку. Мы твои единственные друзья.

С губ Фойла сорвался крик.

— Не шевелись, — бесстрастно сказал Бэйкер. — Когда у тебя дергается лицо, я не туда попадаю иглой.

Он поднял глаза и пристально посмотрел на Джизбеллу. Ее губы дрожали. Внезапно она открыла сумочку и достала две банкноты по 500 кредиток.

— Мы подождем снаружи.

В приемной она потеряла сознание. Куатт подтащил ее к креслу и разыскал сестру, которая привела ее в чувство нашатырем. Джиз так зарыдала, что Куатт испугался. Он отпустил сестру и ждал, не решаясь подойти, пока рыдания не стихли.

— Черт побери, что происходит?! — потребовал он. — Что значат эти деньги?

— Это кровавые деньги.

— За что?

— Не хочу говорить об этом.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

— Могу я тебе помочь?

— Нет.

Наступило молчание. Потом Джизбелла произнесла усталым голосом:

— Ты согласен на предложение Гулли?

— Я? Нет. Пустой номер.

— На «Номаде» *должно* быть что-то ценное. Иначе Дагенхем не преследовал бы Гулли.

— Я все равно пас. А ты?

— Тоже. Не желаю больше иметь ничего общего с Гулли Фойлом.

Снова наступило молчание. Потом Куатт спросил:

— Значит, я возвращаюсь домой?

— Тебе несладко пришлось, да, Сэм?

— Я тысячу раз думал, что вот-вот сдохну, нянчась с этим тигром.

— Прости, Сэм.

— Я бросил тебя, когда ты попала в беду в Мем-

фисе.

— Это было только естественно.

— Мы всегда делаем то, что естественно, хотя иногда не следовало бы.

— Я знаю, Сэм. Знаю.

— А потом проводишь остаток дней, пытаясь отквитаться… Пожалуй, я счастлив, Джиз. Сегодня ночью я сумел отдать долг. Могу я теперь вернуться домой?

— Назад в Йобург, к спокойной жизни?

— Да.

— Не оставляй меня одну, Сэм. Я стыжусь себя.

— Почему?

— Жестокость к глупым животным.

— Что это значит?

— Не обращай внимания. Побудь со мной немного. Расскажи мне о счастливой жизни. Что в ней счастливого?

— Что ж, — задумчиво произнес Куатт. — Это иметь все, о чем мечтал в детстве. Если в пятьдесят у тебя есть все, о чем мечтал в пятнадцать, это счастье. А мечтал я…

И Куатт описывал символы, цели и разочарования своего детства, пока из операционной не вышел Бэйкер.

— Ну, как? — нетерпеливо спросила Джиз-

белла.

— Все. С наркозом я мог работать быстрее. Сейчас его бинтуют.

— Он ослаб?

— Разумеется.

— Когда снимут бинты?

— Через пять-шесть дней.

— Лицо будет чистым?

— Я полагал, тебя не интересует его лицо, дорогая… Оно должно быть чистым. Не думаю, что я пропустил хоть пятнышко. Можешь восхищаться моим мастерством, Джизбелла… и моей проницательностью. Я собираюсь поддержать затею Фойла.

— Что?! — Куатт рассмеялся. — Ты так рискуешь, Бэйкер? Я считал тебя умнее.

— Не сомневайся. Под наркозом он заговорил… На борту «Номада» — двадцать миллионов в платиновых слитках.

— Двадцать миллионов!

Лицо Куатта побагровело. Он повернулся к Джизбелле, но та тоже была в ярости.

— Не смотри на меня, Сэм. Я не знала. Он и мне не сказал. Клялся, что понятия не имеет, почему Дагенхем его преследует… Я убью его. Я растерзаю его своими собственными руками и не оставлю

ничего, кроме черной гнили. Он *будет* экспонатом твоего зверинца, Бэйкер. О, господи, почему я сразу не позволила тебе…

Дверь операционной открылась, и две сестры выкатили носилки, на которых, слегка подергиваясь, лежал Фойл. Голова его была одним сплошным кулем.

— Он в сознании? — спросил Куатт.

— Этим займусь я, — вспыхнула Джизбелла. — Я буду говорить с этим… Фойл!

Фойл слабо отозвался сквозь марлевую повязку.

Когда Джизбелла в бешенстве втянула воздух, одна стена госпиталя вдруг исчезла, и оглушающий взрыв повалил их с ног. Здание зашаталось. В образовавшийся проем хлынули люди в форме.

— Рейд! — выдохнул Бэйкер. — Рейд!

— Боже всемогущий! — Куатт задрожал.

Солдаты заполнили здание, крича: — Фойл! Фойл!

Фойл!

Со слабым хлопком исчез Бэйкер. Бросив носилки, джантировал обслуживающий персонал. Фойл хныкал, немощно шевеля руками и ногами.

— Это рейд! — Куатт встряхнул Джезбеллу. —

Беги, девонька, беги!

— Мы не можем оставить Фойла! — крикнула Джизбелла.

— Очнись, девонька! Беги!

— Мы не можем его бросить.

Джизбелла схватила носилки и побежала с ними по коридору. Куатт тяжело бежал рядом. Крики стали громче:

— Фойл! Фойл! Фойл!

— Оставь его, ради бога! — молил Куатт, — Пускай он достанется им.

— Нет.

— Ты знаешь, *что* это для нас?.. Лоботомия, Джиз!

— Мы не можем бросить его.

Они завернули за угол и врезались в толпу вопящих пациентов — людей-птиц с трепещущими крыльями, тащившихся подобно тюленям русалок, гермафродитов, гигантов, пигмеев, двухголовых близнецов, кентавров и мяукающих сфинксов. Все они в ужасе выли и цеплялись за Джизбеллу и Куатта.

— Снимай его с носилок! — закричала Джизбелла.

Куатт сдернул Фойла с носилок. Тот оказался на ногах и медленно повалился. Джизбелла и Куатт

подхватили его за руки и втащили в палату, где Бэйкер содержал уродов с ускоренным чувством времени, подобно летучим мышам мечущихся по комнате и подобно летучим мышам испускающих пронзительные визги.

— Сэм, джантируй с ним.

— После того, как он собирался надуть нас?

— Мы не можем бросить его, Сэм. Ты должен был бы уже понять. Джантируй с ним. Быстрее!

Джизбелла помогла Куатту взвалить Фойла на плечо. Воздух дрожал от душераздирающего визга уродцев. Двери палаты настежь распахнулись. Залязгали пневматические винтовки. Куатта швырнуло в стену; он охнул и выронил Фойла. На виске появился иссиня-черный подтек.

— Убирайся отсюда, — прохрипел Куатт, — Со мной покончено.

— Сэм!

— Со мной покончено. Я не могу джантировать. Спасайся!

Превозмогая боль, Куатт выпрямился и с ревом бросился на хлынувших в палату солдат Джизбелла схватила Фойла за руку и поволокла через заднюю дверь, через кладовую, через клинику, через приемную, вниз по древним ступеням — шатким, скрипучим, поднимающим клубы

пыли. Она протащила Фойла через подвальный склад продовольствия, наткнулась на забитую деревянную дверь и вышибла ее. Они спустились по выщербленным ступенькам и очутились в старом угольном подвале. Взрывы и крики над головой звучали тише. Скатившись по спускному желобу, Джизбелла и Фойл оказались у задней стены Фабрики Уродов. Перед ними расстилалось ракетное поле. Пока они переводили дыхание, Джизбелла проследила взглядом за садящимся по антигравитационному лучу грузовым кораблем. Его иллюминаторы сверкали, опознавательные огни перемигивались, как зловещая неоновая вывеска, выхватывая из тьмы заднюю стену госпиталя.

С крыши здания сорвалась фигура. То был отчаянный прыжок Сэма Куатта, надеющегося долететь до ближайшей шахты, где антигравитационный луч мог бы подхватить его и смягчить падение. Он рассчитал идеально и в семидесяти футах над землей пролетел над шахтой. Луч был выключен. Сэм упал на бетон и разбился.

Джизбелла сдавленно вскрикнула. Все еще машинально держа Фойла за руку, она подбежала к телу Куатта. Там она выпустила Фойла и нежно коснулась головы Сэма. Ее пальцы обагрились

кровью. Фойл вцепился в свою повязку и проделал дыры перед глазами. Он что-то бормотал, прислушиваясь к рыданиям Джизбеллы и доносящимся крикам. Его руки слепо ощупали тело Куатта, потом он поднялся и потянул Джизбеллу.

— Надо идти, — прокаркал он. — Надо убираться. Нас заметили.

Джизбелла не шевельнулась. Фойл напряг все силы и поднял ее на ноги.

— Таймс-Сквер, — бормотал он. — Джантируй, Джиз! Таймс-Сквер. Джантируй!

Вокруг них возникли фигуры в форме. Фойл дернул Джизбеллу за руку и джантировал на Таймс-Сквер. Тысячи джантеров изумленно уставились на огромного человека с большой перебинтованной головой. Фойл до боли всматривался сквозь бинты. Джизбелла могла быть где угодно. Он поднял голос до крика.

— Монток, Джиз! Монток!

Фойл джантировал с последней вспышкой энергии и молитвой. В лицо ударил холодный северный ветер, швырнув горсть колючих ледяных крошек. На площадке виднелась еще одна фигура. Фойл на неверных ногах заковылял через снег и ветер. Это была Джизбелла, замерзшая и оцепеневшая.

— Слава богу, — пробормотал Фойл. — Слава богу. Где Сэм держит свой «Уикенд»? — Он встряхнул Джизбеллу. — Где Сэм держит свой «Уикенд»?

— Сэм мертв.

— Где он держит свой корабль?

— Сэм отошел от дел. Теперь его не напугаешь.

— Где корабль, Джиз?

— Там, за маяком.

— Идем.

— Куда?

— К кораблю Сэма. — Фойл взмахнул рукой перед глазами Джизбеллы; связка мерцающих ключей лежала в его ладони. — Идем.

— Он дал тебе ключи?

— Я снял их с тела.

— Вампир! — Она засмеялась. — Лжец… Вор… Тигр… Вампир… Мразь… Стервятник… Гулли Фойл.

И все же она пошла вслед за ним через буран к маяку.

Трем акробатам в напудренных париках, четырем огненно-красным женщинам, обвитым питонами, младенцу с золотыми кудрями и циничным ртом и инвалиду с пустотелой стеклянной ногой, в которой плавала золотая рыбка,

Саул Дагенхем сказал:

— Все, операция закончена. Отзовите остальных.

Статисты джантировали и исчезли. Регис Шеффилд протер глаза и спросил:

— Что значит это помешательство, Дагенхем?

— Юрист сбит с толку, не так ли? Это часть нашей операции ВФБК. Веселье, фантазия, беспорядок, катастрофа. — Дагенхем повернулся к Престейну и улыбнулся своей улыбкой мертвой головы. — Я могу вернуть вашу плату, если угодно, Престейн.

— Вы выходите из игры?

— Нет. Я получаю колоссальное удовольствие. Я готов работать бесплатно. Мне никогда не доводилось сталкиваться с человеком такого масштаба. Фойл уникален.

— То есть? — резко потребовал Шеффилд.

— Я устроил ему побег из Жофре Мартель. Он бежал, да; но не так, как я предполагал. Я пытался спасти его от лап полиции беспорядком и катастрофами; он ушел от полиции, но не так, как я рассчитывал… по-своему. Я пытался спасти его от лап Разведки весельем и фантазией. Он ушел… и опять по-своему. Я хотел заманить его на корабль, чтобы он сделал бросок на «Номад».

Он не поддался на уловку, но достал корабль. И сейчас летит.

— А вы следом.

— Разумеется. — В голосе Дагенхема появилось сомнение. — Но что он делал на Фабрике Бэйкера?

— Пластическая операция? — предположил Шеффилд. — Новое лицо?.

— Не может быть. Бэйкер недурной хирург, но он не мог сделать пластическую операцию так быстро. Фойл был на ногах с забинтованной головой.

— Татуировка, — сказал Престейн.

Дагенхем кивнул, и улыбка сошла с его губ.

— Вот что меня беспокоит. Вы понимаете, Престейн, что если Бэйкер свел татуировку, мы не узнаем Фойла.

— Мой дорогой Дагенхем, лицо-то не изменилось.

— Мы никогда не видели его лица. Мы видели только маску.

— Я вообще не встречался с ним, — заметил Шеффилд. — На что похожа эта маска?

— На тигра. Я дважды встречался с Фойлом и должен был бы запомнить его лицо наизусть — но не запомнил. Я знаю только татуировку.

— Нелепо, — резко бросил Шеффилд.

— Нет. Чтобы поверить, Фойла надо видеть. Однако это уже не имеет значения. Он приведет нас к «Номаду», к вашим сокровищам и ПирЕ, Престейн. Я почти жалею, что все кончено. Я говорил, что получаю огромное удовольствие. Он воистину уникален.

7

«Уикенд на Сатурне» — корабль на четверых. Для двоих он более чем просторен; но только не для Фойла и Джиз Маккуин. Фойл спал в рубке; Джиз держалась своей каюты.

На седьмой день Джизбелла заговорила с Фойлом во второй раз.

— Пора снимать повязку, Чудовище.

Фойл покинул камбуз, где угрюмо варил кофе, и вплыл за Джизбеллой в ванную. Джизбелла открыла капсулу с эфиром и начала промокать и снимать бинты напряженными ненавидящими руками. Медленно сходили слои прозрачного газового полотна. Фойл мучался в агонии подозрительности.

— Ты думаешь, у Бэйкера все получилось?

Молчание.

— Он ничего не мог пропустить?

Снимаются бинты.

— Болеть перестало два дня назад.

Молчание.

— Ради всего святого, Джиз! Между нами еще война?

Руки Джизбеллы замерли. Она с ненавистью смотрела на забинтованное лицо.

— Как ты думаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— Да.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Объясни.

— Заткнись.

— Если между нами война, зачем ты пошла со мной?

— За тем, что причитается Сэму и мне.

— Деньги?

— Заткнись.

— Это было вовсе не обязательно. Ты можешь мне доверять.

— Доверять? Тебе?

Джизбелла мрачно засмеялась, продолжая снимать повязку. Фойл грубо отмахнулся от ее рук.

— Я сам.

Она наотмашь ударила его по забинтованному лицу.

— Ты будешь делать то, что говорю тебе я. Спокойно, Чудовище!

Последний слой бинта упал с глаз Фойла. Огромные и темные, они пристально смотрели на Джизбеллу. Веки были чистыми; переносица была чистой. Последний слой бинта сошел с подбородка. Подбородок был иссиня-черный. Фойл, жадно наблюдавший в зеркало, хрипло вздохнул.

— Он пропустил подбородок! Бэйкер…

— Заткнись, — бросила Джиз. — Это борода.

Лоб был чист. Щеки под глазами были чисты. Все остальное было покрыто черной семидневной щетиной.

— Побрейся, — приказала Джиз.

Фойл пустил воду, смочил лицо, втер мазь и смыл бороду. Потом он подался к зеркалу и внимательно рассмотрел себя, не замечая, что его голова едва не касается головы Джиз, тоже наклонившейся вперед. От татуировки не осталось и следа. Оба вздохнули.

— Чистое, — прошептал Фойл. — Чистое. — Внезапно он еще ближе придвинул лицо к зеркалу и с удивлением изучил себя. Лицо показалось

ему незнакомым, таким же чужим, как оно показалось Джизбелле, — Я изменился. Не помню, чтобы я так выглядел. Он сделал мне пластическую операцию?

— Нет, — сказала Джизбелла. — Твоя душа изменила его. Ты видишь вампира; вампира, лжеца и обманщика.

— Ради бога! Отстань! Оставь меня в покое!

— Вампир, — повторила Джизбелла, глядя в лицо Фойла широко раскрытыми горящими глазами. — Лжец. Обманщик.

Он схватил ее за плечи и пихнул в кают-компанию. Она поплыла по коридору, ударилась о поручень и закрутилась.

— Вампир! — крикнула она. — Лжец! Обманщик! Вампир! Зверь!

Фойл догнал ее. Снова схватил и яростно встряхнул. Ее огненно-красные волосы разметались и всплыли русалочьими косами. Выражение отчаянной ненависти превратило ярость Фойла в страсть. Он обнял ее и зарыл свое новое лицо на ее груди.

— Лжец, — прошептала Джиз. — Животное…

— О, Джиз…

— Свет, — выдохнула Джизбелла.

Фойл нащупал сзади выключатель, и «Уикенд

на Сатурне» продолжал полет к астероидам с темными иллюминаторами…

Они плавали в каюте, нежась, переговариваясь, ласково касаясь друг друга.

— Бедный Гулли, — шептала Джизбелла. — Бедный мой милый Гулли…

— Не бедный, — возразил он. — Богатый… скоро.

— Да, богатый и пустой. У тебя же ничего нет внутри, Гулли, милый… Ничего, кроме ненависти и жажды мести.

— Этого достаточно.

— Сейчас достаточно, а потом?

— Потом? Будет видно.

— Это зависит от того, что у тебя внутри, Гулли; от того, чем ты обладаешь.

— Нет. Мое будущее зависит от того, от чего я смогу избавиться.

— Гулли… почему ты обманул меня в Жофре Мартель? Почему не сказал о сокровище на «Номаде»?

— Я не мог.

— Ты мне не доверял?

— Не то. Просто не мог. Что-то глубоко внутри… то, от чего мне необходимо избавиться.

— Снова контроль, а, Гулли? Ты одержим.

— Да, одержим. Я не могу обучиться самоконтролю, Джиз. Хочу, но не могу.

— А ты пытаешься?

— Да. Видит бог, да. Но вдруг что-то происходит, и…

— И тогда ты срываешься. «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй. Зверь. Хуже зверя»[5].

— Что это?

— Один человек по имени Шекспир написал. Это ты, Гулли… когда теряешь контроль.

— Если бы я мог носить тебя в кармане, Джиз… предупреждать меня… колоть меня булавкой…

— Никто это за тебя не сделает, Гулли. Ты должен научиться сам.

Фойл надолго замолчал. Потом проговорил неуверенно:

— Джиз… насчет этих денег…

— К черту деньги.

— Могу я не делиться?

— Ох, Гулли…

— Нет… не то, что я жадничаю. Если бы не «Ворга», я бы дал тебе все, что ты хочешь. Все! Я отдам тебе каждый цент, когда кончу. Но я боюсь,

---

[5] Примечания: 5
«Король Лир», акт I

Джиз. «Ворга» — крепкий орешек… Престейн, и Дагенхем, и их адвокат, Шеффилд… Я должен экономить каждый грош, Джиз. Я боюсь, что если я дам тебе хоть одну кредитку, то именно ее мне не хватит на «Воргу». — Он замолчал. — Ну?

— Ты одержим, — устало произнесла она. — Ты совершенно одержим.

— Нет.

— Да, Гулли. Какая-то малая часть твоя занимается любовью, но остальное живет «Воргой».

В этот момент неожиданно и пронзительно зазвенел радар.

— Прибыли, — выдохнул Фойл; вновь напряженный, вновь одержимый. Он рванулся в контрольную рубку.

Фойл налетел на астероид с необузданной свирепостью вандала. Корабль резко затормозил, выплевывая пламя из носовых дюз, и лег на орбиту вокруг кучи хлама; вихрем проносясь мимо большого люка, из которого Джозеф и его братья выходили на сбор космических обломков, мимо кратера, вырванного Фойлом из бока астероида во время отчаянного броска на Землю. Они прошли над окнами парника и увидели сотни запрокинутых лиц, мелких белых бликов, испещренных татуировкой.

— Значит, они спаслись, — пробормотал Фойл. — Они ушли в глубь астероида… пока ремонтируют остальное.

— Ты поможешь им, Гулли?

— Зачем?

— По твоей Вине они чуть не погибли.

— Пускай проваливают к черту. У меня своих хлопот полно. Но я рад. По крайней мере, не будут мешать.

Он сделал еще один круг над астероидом и подвел корабль к кратеру.

— Начнем отсюда. Надевай скафандр, Джиз. Пойдем. Пойдем!

Он гнал ее, сжигаемый нетерпением; он гнал себя. Они залезли в скафандры, вышли из корабля и стали пробираться сквозь дебри кратера в холодные внутренности астероида, извиваться и протискиваться в узкие извилистые ходы, словно пробуравленные гигантскими червями. Фойл включил микроволновый передатчик и обратился к Джиз.

— Осторожнее, не потеряйся. Держись ближе ко мне.

— Куда мы идем, Гулли?

— К «Номаду». Помню, что они вцементировали его в астероид. Не знаю где. Надо искать.

Их продвижение было бесшумным в безвоздушных проходах, но звук передавался по скалам и стальным каркасам. Однажды они остановились перевести дыхание у изъеденного корпуса древнего крейсера и, прислонившись к нему, почувствовали ритмичный стук.

Фойл улыбнулся.

— Джозеф и Ученый Люд. Просят на пару слов.

Уйдем от ответа. — Он дважды стукнул по корпусу. — А теперь личное послание моей жене. — Его лицо потемнело. Он яростно ударил по металлу и повернулся. — Идем.

Но сигналы преследовали их постоянно. Было очевидно, что наружная часть астероида брошена; пламя оттянулось в центр. Неожиданно в проходе из покореженного алюминия открылся люк, блеснув свет, и в чудовищном старом костюме появился Джозеф. Он стоял с моляще воздетыми руками, Шевеля дьявольским ртом, гримасничая дьявольским лицом.

Фойл, завороженно не отрывая глаз от старика, сделал шаг вперед, потом остановился, судорожно сжимая кулаки и беззвучно сглатывая. И Джизбелла, посмотрев на Фойла, в ужасе закричала, потому что старая татуировка выступила на его лице, кроваво-красная на мертвенно-бледной

коже, уже алая, а не черная, настоящая тигриная маска.

— Гулли! — вскричала она. — Боже мой! Твое лицо!

Фойл не сводил глаз с Джозефа. Тот делал молящие жесты, отчаянно размахивал руками, предлагая войти, внутрь астероида, потом исчез. Только тогда Фойл повернулся к Джизбелле.

— Что? Что ты сказала?

Через прозрачный шлем скафандра она отчетливо видела его лицо. По мере того, как утихала ярость, татуировка бледнела и, наконец, пропала.

— Твое лицо, Гулли. Я знаю, что случилось с твоим лицом.

— О чем ты?

— Тебе хотелось иметь при себе контролера, Гулли. Так ты его получил. Твое лицо… Оно… — Джизбелла истерически засмеялась. — Теперь тебе *придется* научиться самоконтролю, Гулли. Ты никогда не сможешь дать волю эмоциям… чувствам…, потому что…

Но Фойл смотрел мимо нее и внезапно с диким криком сорвался с места. Он резко остановился перед открытым люком и восторженно завопил, потрясая руками. Люк вел в инструментальный

шкаф, размером четыре на четыре на девять. В этом гробу Фойл жил на борту «Номада».

Корабль был практически не тронут. Фойл схватил Джизбеллу за руку и потащил по палубам. Наконец они добрались до каюты капитана. И там, растащив обломки и сорвав обшивку, Фойл нашел массивный стальной сейф, тусклый и неприступный.

— У нас есть выбор, — пробормотал он. — Выдрать сейф из корпуса и отвезти на Землю, или открыть здесь. Я за второе. Дагенхем мог лгать. Смотря какие инструменты держит Сэм на корабле. Пошли назад, Джиз.

Он так и не заметил ее молчания и отвлеченного вида, пока не перерыл весь корабль в поисках инструментов.

— Ничего! — в отчаянии воскликнул он. — На борту нет даже молотка или дрели. Абсолютно ничего, кроме открывалок!

Джизбелла молчала, не сводя глаз с его лица.

— Ты чего так на меня уставилась? — раздраженно спросил Фойл.

— Я зачарована, — медленно произнесла она.

— Чем?

— Я тебе кое-что покажу, Гулли.

— Что?

— Свое презрение.

Джизбелла трижды ударила его. Ошеломленный пощечинами, Фойл яростно сверкнул глазами. Джизбелла взяла зеркальце и поднесла к нему.

— Взгляни на себя, Гулли, — сказала она спокойно. — Посмотри на свое лицо.

Он посмотрел. Он увидел налившуюся кровью татуировку, пылавшую под кожей и превращавшую лицо в ало-белую тигриную маску. Его так заворожило ужасное зрелище, что ярость сразу же улеглась, и одновременно исчезла маска.

— Боже мой, — прошептал Фойл. — О, боже мой… Что это значит, Джиз? Бэйкер запорол работу?

— Не думаю. У тебя остались шрамы под кожей, Гулли… от татуировки и от операции. Иголочные шрамы. Они не видны обычно, но стоит тебе потерять самообладание, дать волю чувствам, как они наливаются кровью… когда тебя охватывает страх, бешенство, страсть… Ты понимаешь?

Он покачал головой, все еще изучая свое лицо, пораженно ощупывая его.

— Ты хотел носить меня в кармане, чтобы я колола тебя булавками, когда ты выходишь из себя… У тебя есть теперь кое-что лучше этого,

Гулли, или *хуже,* бедный мой милый. У тебя есть твое лицо.

— Нет, — закричал он. — Нет!

— Тебе никогда нельзя терять контроль, Гулли. Ты никогда не сможешь слишком много пить, слишком яростно ненавидеть, слишком сильно любить… Ты должен держать себя в железных тисках.

— Нет! — отчаянно настаивал он, — Все можно изменить, Бэйкер сможет или кто-нибудь другой. Я не хочу отказываться от чувств из боязни, что превращусь в — чудовище!

— Думаю, ничего нельзя сделать, Гулли.

— Пересадка кожи.

— Шрамы чересчур глубоки. Ты никогда не сможешь избавиться от своего клейма, Гулли. Тебе придется научиться жить с ним.

С внезапной вспышкой ярости Фойл отшвырнул зеркало, и кроваво-красная маска вновь зардела под кожей. Он бросился в тамбур и стал судорожно напяливать скафандр.

— Гулли! Куда ты? Что ты собираешься делать?

— Достать инструменты! — выкрикнул он. — Инструменты для проклятого сейфа.

— Где?

— В астероиде. У них там десятки складов, на-

битых инструментами с кораблей. Там должно быть все, что мне нужно. Не ходи со мной. Могут возникнуть осложнения. Как теперь мое личико? Дает о себе знать? О господи, ниспошли мне испытание!

Фойл нашел ход в обитаемую зону и заколотил по двери. Он ждал, и снова колотил, и продолжал свой повелительный вызов, пока люк не открылся. Из него высунулись руки и втянули Фойла внутрь; люк захлопнулся.

Фойл моргнул и оскалился, глядя на Джозефа и сгрудившихся невинных братьев с чудовищно разрисованными лицами. И понял: его лицо сейчас ярко пылает, потому что Джозеф неожиданно отпрянул и кошмарный дьявольский рот по слогам прочитал: «НОМАД».

Фойл пошел сквозь толпу, грубо расталкивая всех в стороны, и сокрушительно ударил Джозефа сжатым кулаком. Он бродил по жилым коридорам, смутно припоминая их, пока, наконец, не нашел склад: полупещеру, полукамеру, где хранились инструменты.

Он рылся, отбрасывая ненужное, отбирая дрели, алмазные сверла, кислоты, головые шашки, запалы. В медленно вращавшемся астероиде общий вес набранного не превышал ста фунтов.

Он наспех перевязал все кабелем и вышел из склада.

Джозеф и братья поджидали его. Они набросились, как блохи на волка. Фойл жестоко бил их, расшвыривал и топтал — безжалостно, свирепо, упоенно. Скафандр защищал его от ударов. И он неумолимо шествовал по коридорам, ища люк, ведущий в пустоту.

В шлемофоне раздался голос Джизбеллы, слабый и тревожный.

— Гулли, ты слышишь меня? Это Джиз. Гулли, слушай.

— Ну?

— Две минуты назад появился чужой корабль. Он по другую сторону от астероида.

— Что?!

— Весь расписан желтым и черным, как шершень.

— Цвета Дагенхема!

— Значит, нас выследили.

— Как же иначе? Дагенхем, очевидно, следил за мной с тех пор, как мы вырвались из Жофре Мартель. Я просто болван, что не подумал об этом. Как он выследил меня, Джиз? Через тебя?

— Гулли!

— Не обращай внимания. Неудачная шутка. —

Он глухо рассмеялся. — Надо спешить, Джиз. Надевай скафандр и беги на «Номад», к сейфу. Иди, девочка.

— Но…

— Кончаю. Они могут прослушивать нашу волну. Иди!

Он проложил себе путь через астероид, прорвался сквозь заслон у запертого люка, разбил его и вышел в пустоту внешних переходов. Ученый Люд временно отложил погоню, чтобы закрыть люк; однако они не собирались оставлять его в покое.

Джизбелла ждала у сейфа. Она сделала движение к рации, но Фойл прижал свой шлем к ее и прокричал:

— Никакого радио! Запеленгуют! Ты ведь слышишь меня?

Она кивнула.

— Хорошо. У нас есть, может быть, час, пока нас не найдет Дагенхем. У нас есть, может быть, час, пока нас не разыщет Джозеф и его братья. Мы попали в дьявольский переплет. Надо пошевеливаться.

Она снова кивнула.

— Сейф вскрывать некогда… а потом еще перетаскивать слитки.

— Если они там.

— Дагенхем здесь, не так ли? Вот лучшее доказательство. Нам придется вырубить сейф и целиком перетащить его на «Уикенд». Потом — вперед.

— Но…

— Слушай и делай, что я велю. Возвращайся на корабль и выброси все лишнее. Все, без чего можно обойтись… все запасы, кроме НЗ.

— Почему?

— Потому что я не знаю, сколько тонн в этом сейфе. Наша яхточка когда-нибудь вернется на Землю; и мы не можем позволить себе рисковать. Очисти корабль. Быстро! Иди, девочка. Иди!

Фойл отбросил ее в сторону и, больше не взглянув в ее направлении, накинулся на сейф. Он был встроен в корпус, массивный стальной шар четырех футов в диаметре, приваренный к каркасу «Номада» в двенадцати местах. И каждый стык Фойл поочередно атаковал кислотами, дрелью и термитом. Он следовал теории напряжения… нагреть, охладить и травить сталь до разрушения ее кристаллической решетки. Он брал металл на усталость.

Вернулась Джизбелла, и Фойл понял, что прошло 45 минут. Он весь взмок, руки его дрожали, но массивный глобус сейфа все же отделился от

корпуса, растопырив двенадцать вывороченных ребер. Фойл судорожно махнул Джизбелле; и хотя они вместе налегли на шар, им не удалось стронуть его с места. Когда они в изнеможении отвалились, черная тень закрыла на миг солнечный свет, льющийся через дыры в корпусе «Номада».

Фойл прижал шлем к Джизбелле.

— Дагенхем. Наверное уже выпустил поисковую группу. Как только они поговорят с Джозефом, нам каюк.

— Ох, Гулли…

— У нас есть шанс — если не сразу заметят «Уикенд». Еще хотя бы пару витков, и мы успеем перетащить сейф на борт…

— Как?

— Я не знаю, черт побери! Я не знаю. — Он яростно ударил кулаком по стене. — Конец.

— А не попробовать ли взрывом?

— Взрывом?.. Что — бомбы вместо мозгов? Ты ли это?

— Послушай. Взрыв вместо реактивного двигателя… он подтолкнет.

— Понял. А что потом? Одними взрывами не поможешь. Нет времени.

— А мы приведем корабль.

— Что?

— Взрывом выталкиваем сейф в космос. Затем подводим корабль, и пускай этот гроб падает в грузовой люк. Все равно, что ловить шляпой шарик. Понимаешь?

— Господи… Джиз, годится!

Фойл прыгнул к инструментам и стал выбирать динамитные шашки и запалы.

— Придется использовать радио. Один из нас останется с сейфом; другой поведет корабль.

— Ты лучше веди. А я буду направлять.

Он кивнул, уже прикрепляя взрывчатку.

— Вакуумные запалы, Джиз; рассчитаны на две минуты. По моей команде срывай колпачок и убирайся подальше. Ясно?

— Ясно.

— Как только ловим сейф, сразу лезь за ним. Не зевай. Времени в обрез.

Фойл хлопнул ее по плечу и вернулся на «Уикенд». И наружный, и внутренний люки он оставил открытыми; лишившись воздуха, корабль выглядел заброшенным и чужим.

Фойл сразу сел на пульт и включил радио.

— Начинаем, — пробормотал он. — Я иду.

«Уикенд» поднялся легко и свободно, расталкивая хлам, как всплывающий кит. И тут же Фойл

крикнул:

— Динамит, Джиз!

Вспышки не было; новый кратер открылся в астероиде, и распускающимся цветком брызнули в стороны обломки, сразу опередив лениво вращающийся тусклый шар.

— Спокойней. — Голос Джизбеллы звучал холодно и уверенно. — Ты подходишь слишком быстро. И, между прочим, нас накрыли.

Фойл затормозил, тревожно глядя вниз. Поверхность астероида облепил рой шершней. То была команда Дагенхема в желто-черных полосатых скафандрах. Они кружили вокруг одинокой белой фигурки.

— Не волнуйся. — Джиз говорила спокойно, но он слышал, как тяжело она дышит. — Еще немного… Сделай четверть оборота…

Фойл повиновался почти автоматически, продолжая наблюдать за борьбой внизу. Корма яхты закрыла сейф, но он все еще видел людей Дагенхема и Джизбеллу. Она включила ранцевый двигатель… крохотный язычок пламени вырвался из ее спины… она снова сумела увернуться. Тут же вспыхнули огни людей Дагенхема. С десяток бросили преследование Джизбеллы и ринулись на «Уикенд».

— Держись, Гулли. — Джизбелла судорожно втягивала воздух, но голос звучал уверенно. — Сейчас должен выйти корабль Дагенхема… Так, хорошо… Секунд через десять…

Шершни сомкнулись и поглотили маленький белый костюм.

— Фойл! Ты слышишь меня, Фойл? — Голос Дагенхема сперва еле пробивался через шум, потом вдруг раздался в шлемофоне ясно и отчетливо, — Это Дагенхем говорит на вашей волне. Сдавайся, Фойл!

— Джиз! Джиз! Ты можешь вырваться?

— Так держать, Гулли… Ну, идет!!

Корабль содрогнулся, когда медленно кувыркающийся сейф ударил в главный люк. И в тот же миг белая фигурка выскочила из густого роя и, оставляя огненный хвост, преследуемая буквально по пятам, помчалась к яхте.

— Давай, Джиз! Давай!!! — взвыл Фойл. — Скорей, девочка, скорей!

Джизбелла скрылась из виду за кормой корабля, и Фойл приготовился к максимальному ускорению.

— Фойл! Ты ответишь мне? Говорит Дагенхем.

— Убирайся к черту, Дагенхем! — закричал Фойл, — Скажи мне, когда будешь на корабле,

Джиз, и держись.

— Я не могу попасть, Гулли.

— Ну давай же, девочка!

— Я не могу попасть на корабль. Сейф закрыл проход. Нет никакой щели…

— Джиз!

— Говорю тебе, не могу!! — в отчаянии выкрикнула она.

Фойл дико озирался. Люди Дагенхема карабкались по корпусу «Уикенда» с грозной сноровкой профессиональных пиратов. Над низким горизонтом астероида поднимался корабль Дагенхема. У Фойла закружилась голова.

— Фойл, тебе конец. Тебе и девушке. Но я предлагаю сделку…

— Гулли, помоги мне! Сделай что-нибудь, Гулли! Спаси!.. Я погибла!

— *Ворга*, — озверело выдавил Фойл. Он закрыл глаза и опустил руки на пульт. Взревели кормовые двигатели. «Уикенд» содрогнулся и прыгнул вперед. Он оставил позади пиратов Дагенхема, Джизбеллу, угрозы, мольбы. Он безжалостно вдавил Фойла в кресло чудовищным ускорением, ускорением менее жестоким, менее коварным, менее предательским, чем обуявшая его страсть.

И на лице одержимого взошло кровавое клей-

MO.

Часть II
8

Война смертельным ядом пропитывала планеты. К концу года боевые действия ожесточились. Из романтических приключений и происходящих где-то в глубинах космоса стычек война превратилась в чудовищную бойню.

Воюющие стороны медленно, но неумолимо посылали людей и технику на уничтожение. Внешние Спутники объявили всеобщую мобилизацию; Внутренние Планеты, естественно, последовали их примеру. На службу армии были поставлены торговля, промышленность, науки и ремесла. Начались запреты и преследования.

Коммерция повиновалась, потому что эта война (как и все войны) была лишь продолжением политики другими средствами. Но люди возмущались и протестовали; многие джантировали, спасаясь от призыва и принудительных работ. Бродили слухи о шпионах и диверсантах. Паникеры становились Информаторами и Линчевателями. Зловещие предчувствия завладели умами и парализовали жизнь… Конец года

скрашивался лишь прибытием Пятимильного Цирка.

Так называли нелепую свиту Джеффри Формайла с Цереса, молодого повесы с одного из крупнейших астероидов. Формайл был невообразимо богат и невообразимо занятен. Его сопровождение представляло собой абсурдный гибрид передвижного цирка и бродячих комедиантов. Таким он явился в Грин-Бэй, Висконсин.

Сперва, ранним утром, прибыл нотариус в высоченном цилиндре, выискал большой луг у озера Мичиган и арендовал его за бешеную цену За ним последовала орава землемеров, в двадцать минут наметившая лагерь. Заговорили о прибытии Пятимильного Цирка Из Висконсина, Мичигана и Миннесоты стали собираться зеваки.

На луг джантировали двадцать рабочих, каждый с тюком-палаткой за спиной Распоряжения, крики, проклятья, истошный вой сжатого воздуха сплелись в единый хор. Двадцать гигантских куполов рванулись вверх, сверкая быстро высыхающей на зимнем солнце радужной пленкой. Толпа наблюдателей одобрительно зашумела.

Над землей повис шести моторный вертолет. Из его разверзнувшегося брюха полился водопад мебели. Появились повара, официанты, слуги и

камердинеры. Они обставили и украсили шатры. Задымили кухни, и дразнящие ароматы наполнили лагерь. Частная полиция Формайла уже находилась на посту., патрулируя окрестности и отгоняя праздношатающихся.

Затем — самолетами, машинами, автобусами, грузовиками и велосипедами — стала прибывать свита Формайла. Библиотекари и книги, лаборатории и ученые, философы, поэты и спортсмены. Разбили площадку для фехтования, ринг для бокса, уложили маты для дзюдо. Свежевырытый пруд молниеносно заполнили водой из озера. Любопытная перебранка произошла между двумя мускулистыми атлетами — подогреть ли воду для плавания или заморозить для фигурного катания.

Прибыли музыканты, актеры, жонглеры и акробаты. Стоял оглушительный гам. Компания механиков в мгновение ока соорудила заправочно-ремонтный пункт и со страшным ревом завела две дюжины дизельных тракторов — личную коллекцию Формайла. Последней появилась обычная лагерная публика: жены, дочери, любовницы, шлюхи, попрошайки, мошенники и жулики Через пару часов гомон цирка был слышен за пять миль — отсюда и его название.

Ровно в полдень, демонстрируя транспорт столь вопиюще несуразный и крикливый, что рассмеялся бы и закоренелый меланхолик, прибыл Формайл с Цереса. Гигантский гидроплан зажужжал с севера и опустился на поверхность озера. Из брюха гидроплана вылезла баржа и поплыла к берегу. Ее борт откинулся, и на середину лагеря выехал большой старый автомобиль.

Что теперь? Велосипед?

Нет, самокат…

Он вылетит на помеле…

Формайл превзошел самые дикие предположения. Над крышей автомобиля показалось жерло цирковой пушки. Раздался грохот; из клубов черного дыма вылетел Формайл с Цереса и упал в растянутую сеть у самых дверей своего шатра. Аплодисменты, которыми ого приветствовали, были слышны за шесть миль. Формайл взобрался на плечи лакея и взмахом руки потребовал тишины.

О господи! Оно собирается произносить речь!

«Оно»? Вы имеете в виду «он»?

Нет, оно. Это не может быть человеком.

Друзья, римляне, соотечественники! — проникновенно воззвал Формайл. — Доверьте мне свои уши. Шекспир. 1564–1616. Проклятье! — Четыре

белые голубки выпорхнули из рукава Формайла; он проводил их изумленным взглядом, затем продолжил: — Друзья, приветствия, bonjour, bon ton, bon vivant, bon... Что за черт?! — Карманы Формула вспыхнули, и из них с треском взлетели римские свечи. Он попытался погасить пламя, и отовсюду посыпались конфетти. — Друзья... Молчать! Я все-таки произнесу эту речь! Тихо!.. Друзья!.. — Формайл ошарашенно замолчал. Его одежда задымилась и стала испаряться, открывая ярко, оранжевое трико. — Клейнман! — яростно взревел он. — Клейнман! Что с вашим чертовым гипнообучением?!

Из шатра высунулась лохматая голова.

— Ви училь свой речь, Формайл?

— Будьте уверены. Я училь ее битых два часа. Не отрываясь от проклятого курса — Клейнман об иллюзионизме.

— Нет, нет, нет! — закричал лохматый. — Сколько раз мне говорить?! Иллюзионизм не есть красноречии! Иллюзионизм есть магия! Dumbkopf!! Ви училь неправильный курс!

Оранжевое трико начало таять. Формайл рухнул с плеч дрожащего слуги и исчез в шатре. Ревела и бушевала толпа. Коптили и дымили кухни Кипели страсти Царил разгул обжорства

и пьянства. Гремела музыка. Стоял кавардак. Жизнь неслась на полных парах. Водевиль продолжался.

В шатре Формайл переоделся, задумался, махнул рукой, переоделся, снова передумал, накинулся с тумаками на лакеев и на исковерканном французском потребовал портного. Не успев надеть новый костюм, вспомнил, что не принял ванну, и велел вы лить в пруд десять галлонов духов. Тут его осенило поэтическое вдохновение. Он вызвал придворного стихотворца.

— Запишите-ка, — приказал Формайл. — Le roi est mort, les… Погодите. Рифму на «блещет».

— Вещий, — предложил поэт. — Рукоплещет, тре-пещес…

— Мой опыт! Я забыл про мой опыт! — вскричал Формайл. — Доктор Кресчет! Доктор Кресчет!

Полураздетый, очертя голову, он влетел в лабораторию и сбил с ног доктора Кресчета, придворного химика. Когда химик попытался подняться, оказалось, что его держат весьма болезненной удушающей хваткой.

— Нагучи! — воскликнул Формайл. — Эй, Нагучи! Я изобрел новый захват!

Формайл встал, поднял полузадушенного химика и джантировал с ним на маты. Инструктор

дзюдо, маленький японец, посмотрел на захват и покачал головой.

— Нет, посалуйта, — вежливо просвистел он. — Фссс. Васа давление на дыхательное горло не есть верно. Фсс. Я покасу вам, посалуйста. — Он схватил ошеломленного химика, крутанул его в воздухе и с треском припечатал к мату в позиции вечного самоудавления. — Вы смотрисе, посалуйста, Формайл?

Но Формайл был уже в библиотеке — дубасил библиотекаря толстенной «Das Sexual Leben» Блоха, потому что у несчастного не оказалось трудов по производству вечных двигателей. Он кинулся в физическую лабораторию, где испортил дорогостоящий хронометр, чтобы поэкспериментировать с шестеренками; джантировал в оркестр, схватил там дирижерскую палочку и расстроил игру музыкантов; одел коньки и упал в парфюмированный пруд, откуда был вытащен изрыгающим страшные проклятья по поводу отсутствия льда; затем выразил желание побыть в одиночестве.

Я хочу пообщаться с собой, — заявил Формайл, щедро наделяя слуг оплеухами. Он храпел, не успел еще последний из них доковылять до двери и закрыть ее за собой.

Храп прекратился, и Фойл поднялся на ноги.

На сегодня им хватит. — Он подошел к зеркалу, глубоко, вздохнул и задержал дыхание, внимательно наблюдая за своим лицом. По истечении одной минуты оно оставалось чистым. Он продолжал сдерживать дыхание, жестко контролируя пульс и мышечный тонус, сохраняя железное спокойствие. Через две минуты двадцать секунд на лице появилось кроваво-красное клеймо. Фойл выпустил воздух. Тигриная маска исчезла.

— Лучше, — пробормотал он. — Гораздо лучше. Прав был старый факир — ответ в йоге. Контроль. Пульс, дыхание, желудок, мозг.

Он разделся и осмотрел свое тело. Фойл был в великолепной форме, но на коже от шеи до лодыжек до сих пор виднелась сеть тонких серебристых швов. Как будто кто-то вырезал на теле схему нервной системы. То были следы операции, и они еще не прошли.

Операция обошлась в 200 000 Кр. — столько заплатил Фойл главному хирургу Марсианской диверсионно-десантной Бригады, Бригады Коммандос, — и превратила его в несравнимую боевую машину. Каждый нервный центр был перестроен, в кости и мускулы вживили микроскопические транзисторы и трансформаторы.

К незаметному выходу на спине он подсоединил батарею размером с блоху и включил ее. Во всем теле начали пульсировать электрические токи.

Скорее машина, чем человек, подумал Фойл. Он сменил экстравагантное облачение Формайла с Переса на скромное черное платье и джантировал в одинокое здание среди висконсинских сосен, в квартиру Робин Уэднесбери. То была истинная причина прибытия Пятимильного Цирка в Грин-Бэй.

Он джантировал, очутился во тьме и осознал, что падает «О, боже! — мелькнула мысль. — Ошибся?»

Он ударился о торчащий конец разбитой балки и свалился на полуразложившийся труп.

Фойл брезгливо отпрянул, сохраняя ледяное спокойствие, и нажал языком на верхний правый коренник. (Операция, превратившая его тело в электрический аппарат, расположила управление во рту.) Тотчас внешний слой клеток сетчатки был возбужден до испускания мягкого света. Он взглянул двумя бледными лучами на останки человека, поднял глаза вверх и увидел проваленный пол квартиры Робин Уэднесбери.

— Разграблено, — прошептал Фойл. — Здесь все

разграблено. Что случилось?

Эпоха джантации сплавила бродяг, попрошаек, бездельников, весь сброд в новый класс. Они кочевали вслед за ночью, с востока на запад, всегда в темноте, всегда в поисках добычи, остатков бедствий, катастроф, в поисках падали. Как стервятники набрасываются на мертвечину, как мухи облепляют гниющие трупы, так они наводняли сгоревшие дома или вскрытые взрывами магазины. Они называли себя джек-джантерами. Это были шакалы.

Фойл вскарабкался в коридор на этаж выше. Там располагались лагерем джек-джантеры. На вертеле жарилась туша теленка. Вокруг огня сидели с дюжину мужчин и три женщины — оборванные, грязные, страшные. Они переговаривались на кошмарном рифмованном слэнге шакалов и сосали картофельное пиво из хрустальных бокалов.

Грозное рычание ярости и ужаса встретило появление Фойла, когда он, весь в черном, испуская из бездонных глаз бледные лучи света, спокойно прошел к квартире Робин Уэднесбери. Железное самообладание, вошедшее в привычку, придавало ему отрешенный вид.

— Если она мертва, — думал он, — мне конец.

Без нее я пропал. Если она мертва…

Квартира Робин, как и весь дом, была буквально выпотрошена. В полу гостиной зияла огромная рваная дыра. Фойл искал тело. На постели в спальне возились женщина и двое мужчин. Женщина закричала. Мужчины взревели и бросились на Фойла. Он отступил назад и нажал языком на верхние резцы. Нервные цепи взвыли, все чувства обострились, все реакции ускорились в пять раз.

В результате окружающий мир мгновенно застыл. Звук превратился в басовитое урчание, цвета сместились по спектру в красную сторону. Двое атакующих плыли с сонной медлительностью. Фойл расплылся в молниеносно двигающееся пятно, увернулся от застывших кулаков, обошел мужчин сзади и по одному швырнул их в дыру. Они медленно опускались вниз, развернутые рты испускали утробное рычание.

Фойл смерчем обернулся к сжавшейся на постели женщине.

— Здблтл? — взвыло расплывчатое пятно.

Женщина завизжала.

Фойл снова нажал языком на верхние резцы, и окружающий мир резко ожил. Звук и цвет скачком вернулись на свои места; тела двух ша-

калов исчезли в дыре и с грохотом упали на пол этажом ниже.

— Здесь было тело? — мягко повторил Фойл. — Тело молодой негритянки?

Женщина была невменяема. Он схватил ее за полосы и встряхнул, а затем кинул в дыру. В это время из коридора появилась толпа с факелами и импровизированным оружием. Джек-джантеры не были профессиональными убийцами. Они всего лишь мучили беззащитные жертвы до смерти.

— Не досаждайте мне, — тихо предупредил Фойл, роясь в груде мебели и одежды в поисках ключа к судьбе Робин.

Толпа подвинулась ближе, подстрекаемая головорезом в норковом манто и воодушевляемая доносящимися снизу проклятьями. Предводитель швырнул в Фойла факел. Фойл снова ускорился, и джек-джантеры превратились в живые статуи. Фойл взял ножку стула и спокойно стал избивать едва двигающиеся фигуры; повалил бандита в норке и прижал его к полу. Потом нажал на верхние зубы.

Мир ожил. Шакалы попадали, их предводитель заревел.

— Здесь было тело, — с окаменевшей улыбкой

проговорил Фойл. — Тело негритянки. Высокой. Красивой.

Бандит корчился и извивался, пытаясь дотянуться до глаз Фойла.

— Я знаю, что вы обращаете на это внимание, — терпеливо продолжал Фойл. — Некоторым из вас мертвые девушки нравятся больше живых. Здесь было тело?

Не получив удовлетворительного ответа, он схватил пылающий факел и поджег норковое манто. Потом поднялся и стал наблюдать с отрешенным интересом. Бандит с воем вскочил, споткнулся у края дыры и, охваченный пламенем, полетел в темноту.

— Так было тело? — проводив его взглядом, тихо спросил Фойл и покачал головой над ответом. — Не очень искусно, — пробормотал он. — Надо уметь извлекать информацию. Дагенхем мог бы кое-чему меня научить.

Фойл джантировал и появился в Грин-Бэй, так явственно воняя палеными волосами и обугленной кожей, что ему пришлось зайти в местный магазин Престейна (‘камни, украшения, косметика, парфюмерия) за дезодорантом. Но местный мистер Преете очевидно, лицезрел прибытие Пятимильного Цирка и узнал его. Мгновенно

Фойл сбросил отрешенное спокойствие и превратился в эксцентричного Формайла с Цереса. Он паясничал и кривлялся, скакал и гримасничал, купил десятиунцевый флакон «Euge № 5» по 100 Кр за унцию и опрокинул его на себя к вящему удовольствию мистера Престо.

Старший клерк в Архиве ничего не знал и был упрям и несговорчив.

— Нет, сэр. Документы Архива не разрешается просматривать без надлежащего ордера. Это Мое Последнее Слово.

Фойл посмотрел на него остро, но беззлобно. Астеничный тип, определил он, худой, тонкокостный, немощный. Эгоист. Недалек. Педантичен, сух. Неподкупен — слишком сдержан и нетерпим. Но это брешь в его броне.

Через час в Архиве появились шесть лиц женскою пола, щедро наделенных пороками. Через два часа, одурманенный и соблазненный плотью и дьяволом, клерк выдал нужную информацию. Жилой дом был открыт джек-джантерам взрывом газа пару недель назад. Все квартиранты переселены. Робин Уэднесбери находится на принудительном лечении в Госпитале Милосердия близ Железной Горы.

— Принудительное лечение? — недоумевал

Фойл. — Почему? Что она сделала?

Организация Рождественского Бардака в Пятимильном Цирке заняла тридцать минут. В нем принимали участие музыканты, певцы, актеры и толпа — все, кто знал координаты Железной Горы. Ведомые своим главным фигляром, они джантировали с шумом, фейерверками, горячительными и дарами. Они прошествовали через город с безудержным весельем и плясками. Они ворвались в Госпиталь Милосердия вслед за Санта Клаусом, ревущим и скачущим с отрешенным спокойствием печального слона. Санта Клаус перецеловал сестер, напоил сиделок, щедро одарил пациентов, забросал пол деньгами из большого мешка, висящего за спиной, и внезапно исчез, когда дикий разгул достиг таких высот, что прибыла полиция. Впоследствии обнаружилось, что исчезла также одна пациентка, несмотря на то, что была оглушена наркотиками и не могла джантировать. Собственно говоря, она покинула госпиталь в мешке Санта Клауса.

Фойл джантировал вместе с ней на госпитальный двор и там, в укрытии сосновых крон под морозным небом, помог ей выбраться из мешка. Она была одета в белое грубое больничное белье; она была прекрасна. Фойл, сбросивший свой шу-

товской наряд, смотрел на нее, не отрывая глаз.

Девушка была озадачена и встревожена, ее мысли метались как языки раздуваемого ветром костра. *Боже мой! Что произошло? Снова шакалы? Музыка. Буйство. Почему в мешке? Что ему от меня надо? Кто он?*

— Я Формайл с Цереса, — сказал Фойл.

— *Что? Кто? Формайл с… Да, конечно, понимаю. Шут. Паяц. Вульгарность. Непристойность. Слабоумие. Пятимильный Цирк.* О, господи! Я опять не сдерживаюсь. Вы слышите меня?

— Я слышу вас, мисс Уэднесбери, — тихо проговорил Фойл.

— Зачем вы это сделали? Что вам от меня нужно? Как…

— Я хочу, чтобы вы на меня посмотрели.

— *«Бонжур, мадам. В мешок, мадам. Оп! Посмотрите на меня».* Я смотрю, — сказала Робин, пытаясь справиться с круговертью мыслей. Она вглядывалась в него и не узнавала. *Это лицо. Я видела такое множество ему подобных. Лица мужчин, о господи! Черты мужественности. На уме одна случка.*

— Мой брачный период уже позади, мисс Уэднесбери.

— Простите. Я просто напугана… Вы знаете

меня?

— Я знаю вас.

— Мы встречались? — Она внимательно его изучала и не могла узнать. Глубоко внутри Фойл возликовал. Уж если эта женщина не вспомнила его, он в безопасности — при условии, что будет держать себя в руках.

— Мы никогда не встречались, — сказал он. — Но я слышал о вас. Мне кое-что нужно. Вот почему мы здесь — для разговора. Если мое предложение вам не понравится, можете вернуться в госпиталь.

— Вам что-то надо? *Но у меня ничего нет… ничего, ничего. Ничего не осталось, кроме позора и… о, господи, почему я выжила? Почему не сумела…*

— Вы пытались покончить с собой? — мягко перебил Фойл. — Так вот откуда взрыв газа… и принудительное лечение. Вы не пострадали во время взрыва?

— Так много погибло. Но не я. Должно быть, я невезучая. Мне не везло всю жизнь.

— Почему вы решились на самоубийство?

— Я устала. Я конченый человек. Я все потеряла. Мое имя в черных списках… за мной следят, мне не доверяют. Нет работы. Нет семьи. Нет… Почему решилась на самоубийство? О господи,

что же еще?!

— Вы можете работать у меня.

— Я могу… что вы сказали?

— Я хочу взять вас на работу, мисс Уэднсбери.

Она истерически засмеялась.

— *Еще одна Шлюха Вавилонская.* Работать у вас, Формайл?

— У вас на уме порочные мысли, — упрекнул Фойл. — Я не ищу шлюх. Как правило, они ищут меня.

— *Простите. Я помешалась на чудовище, которое меня уничтожило…* Вы украли меня из госпиталя, чтобы предложить работу. Вы слышали обо мне. Значит, вам нужно что-то особенное.

— Обаяние.

— Что?

— Я хочу купить ваше обаяние, мисс Уэднесбери.

— Не понимаю.

— Ну как же, — терпеливо сказал Фойл. — Вам должно быть ясно. Я — паяц. Я сама вульгарность, непристойность, слабоумие. С этим надо покончить. Я хочу нанять вас в качестве светского секретаря.

— Думаете, я вам поверю? Вы в состоянии нанять сотню секретарей, тысячу… с вашими

деньгами. Хотите мне внушить, что вам подхожу только я? Что вам специально пришлось похитить меня?

Фойл кивнул.

— Верно, секретарей тысячи, но не все могут передавать мысли.

— При чем тут это?

— Вы будете вентрологом; я стану вашей куклой. Я не знаю жизни высшего общества, вы — знаете. У них своя речь, свои шутки, свои манеры. Тот, кто хочет быть принятым этим обществом, обязан говорить на их языке. Я не могу, вы — можете. Вы будете говорить за меня, моим ртом…

— Но вы могли бы научиться…

— Нет. Слишком долго. К тому же обаянию не научишься. Я собираюсь купить ваше очарование, мисс Уэднесбери. Теперь о плате. Я предлагаю вам тысячу в месяц.

Ее глаза расширились.

— Вы очень щедры, Формайл.

— Я удалю из вашего личного дела всякое упоминание о попытке самоубийства. Я гарантирую, что вас вычеркнут из черного списка. У вас будут деньги и чистое прошлое.

Губы Робин задрожали, и она заплакала. Она

всхлипывала и дрожала; Фойл обнял ее за плечи к успокоил.

— Ну? — спросил он. — Вы согласны?

Она кивнула.

Вы так добры. Это… Я отвыкла от доброты.

Донесся звук отдаленного взрыва. Фойл оцепенел.

— Боже! — воскликнул он в панике — Чертовджант. Я..

— Нет, — возразила Робин. — Не знаю, что такое чертовджант, но это просто испытания на полигоне Там…

Она взглянула на лицо Фойла и закричала. Потрясение от неожиданного взрыва и Яркая цепочка ассоциаций лишили его самообладания. Под кожей выступили багровые рубцы татуировки. Робин кричала, не в силах отвести глаз.

Он прыгнул на нее и зажал рот.

— Что, проявилось? — проскрежетал он, страшно оскалясь. — Потерял контроль. Показалось, что я опять в Жофре Мартель. Да, я Фойл. Чудовище, которое тебя уничтожило. Ты все равно бы узнала рано или поздно. Я Фойл, снова вернулся. Ты будешь слушать меня?

Она отчаянно замотала головой, пытаясь вырваться. Фойл хладнокровно ударил ее в под-

бородок. Робин обмякла. Фойл подхватил ее, завернул в пальто и стал ждать. Вскоре ее ресницы вздрогнули.

— *Чудовище… зверь…*

— Я мог сделать не так, — заговорил Фойл, — Я мог шантажировать тебя. Мне известно, что твоя мать и сестры на Каллисто. Это автоматически заносит тебя в черный список, ipso tacto. Верно? Ipso tacto. «Самим фактом». Латынь. Нельзя доверять гипнообучению. Мне стоило лишь донести, и ты была бы не просто подозреваемой… — Он почувствовал ее дрожь, — Но я так не поступлю. Я скажу тебе правду, потому что хочу, чтобы ты стала другом. Твоя мать на Внутренних Планетах. На Внутренних Планетах, — повторил он. — Может быть, на Земле.

— Невредима? — прошептала Робин.

— Не знаю.

— Отпусти меня.

— Ты замерзнешь.

— Отпусти меня.

Он опустил ее на землю.

— Однажды ты меня уничтожил, — сдавленно произнесла она. — Теперь пытаешься снова?

— Нет. Ты будешь слушать?

Она кивнула.

— Я был брошен в космосе. Я гнил шесть месяцев. Пролетал корабль, который мог бы спасти меня. Он прошел мимо. «Ворга». «Ворга — Т 1339». Это название тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Джиз Маккуин — мой друг, она мертва, както посоветовала выяснить, *почему* меня оставили подыхать Тогда я узнаю, кто отдал этот приказ. И я начал покупать информацию о «Ворге» Любую информацию.

— При чем тут моя мать?

— Слушай. Эту информацию оказалось трудно раздобыть. Все документы «Ворги» исчезли из архивов. Я сумел установить три имени… три из команды в шестнадцать человек. Никто ничего не знал или не хотел говорить. И я нашел это. — Фойл протянул Робин серебряный медальон. — Он был заложен одним членом экипажа. Вот все, что я смог обнаружить.

Робин охнула и дрожащими пальцами взяла медальон. Внутри находилась ее фотография и фотография еще двух девушек. Когда медальон открылся, объемные фотографии прошептали: — Маме, с любовью от Робин… Маме, с любовью от Холли… Маме, с любовью от Венды…

— Медальон мамы… — со слезами на глазах

проговорила Робин. — Это… Она… Ради бога, где она?! Что с ней?

— Не знаю, — твердо сказал Фойл. — Но догадываюсь. Я думаю, что твоя мать выбралась из этого концентрационного лагеря… так или иначе.

— И сестры тоже. Она бы никогда их не оставила.

— Может быть, и сестры. Полагаю, что беженцев с Каллисто заставляли платить — деньгами или драгоценностями — чтобы попасть на борт «Ворги».

— Где они теперь?

— Не имею понятия. Возможно, брошены на Марсе или на Венере. Скорее всего, проданы в трудовой лагерь на Луне и поэтому не могут разыскать тебя. Я не знаю, где они; но «Ворга» знает.

— Ты лжешь? Обманываешь меня?

— Разве медальон — ложь?.. Я хочу выяснить, почему меня обрекли на смерть, и по чьей вине. Человек, который отдал приказ, знает, где твоя семья. Он скажет тебе… перед тем, как я его убью. У него хватит времени. Он будет умирать медленно.

Робин, как завороженная, в ужасе смотрела на Фойла. Обуявшая его страсть вновь проявила

кровавое клеймо. Он превратился в тигра, сжавшегося перед смертельным прыжком.

— Я не ограничен в средствах… неважно, откуда они. У меня есть три месяца. Я достаточно овладел математикой, чтобы рассчитать вероятность. Через три месяца поймут, что Формайл с Цереса — Гулли Фойл. Девяносто дней. От Нового Года до 1 апреля. Ты со мной?

— С тобой? — с отвращением воскликнула Робин. — С тобой?!

— Пятимильный Цирк — всего лишь камуфляж. Шут не достоин подозрений. Но все это время я учился, работал, готовился. Теперь мне нужна ты.

— Зачем?

— Я не знаю, куда может завести мой поиск… в высшее общество или в трущобы. Нужно быть готовым и к тому, и к другому. С трущобами я справлюсь сам; я не забыл. Но для общества мне нужна ты. Поможешь мне найти «Воргу» и своих родных?

— Я ненавижу тебя, — яростно прошептала Робин. — Я презираю тебя. Ты испорчен, ты гадишь, крушишь, уничтожаешь все на своем пути. Когда-нибудь я отомщу тебе.

— Но с Нового Года до 1 апреля мы работаем

вместе?

— Да. Мы работаем вместе.

9

В канун Нового Года Джеффри Формайл с Цереса атаковал высшее общество. Сперва, за час до полуночи, он появился в Канберре, на балу у губернатора. Это было пышное зрелище, помпезное и сверкающее красками, ибо традиция требовала, чтобы члены клана носили одежду, модную в год основания клана или патентования его торговой марки.

Так, мужчины клана Морзе (телефон и телеграф) носили сюртуки, а дамы — викторианские фижмы. Шкоды (порох и огнестрельное оружие) вели свои истоки с восемнадцатого века и щеголяли колготками и юбками на кринолине Дерзкие Пенемюнде (ракеты и реакторы) ходили в смокингах начала XX столетия, а их женщины бесстыдно обнажали ноги, плечи и шеи.

Формайл с Цереса появился в вечернем туалете очень современном и очень черном Его сопровождала Робин в ослепительно белом платье. Туго схватывающий тонкую талию китовый ус подчеркивал стройность прямой спины и граци-

озную походку.

Черно-белый контраст немедленно приковал всеобщее внимание.

— Формайл? Паяц?

— Да. Пятимильный Цирк. У всех на языках.

— Тот самый?

— Не может быть. Он похож на человека.

Сливки общества окружили Формайла, любопытствующие, но настороженные.

— Начинается, — пробормотал Фойл.

— *Успокойся. Покажи им утонченные манеры.*

— Вы — тот самый ужасный Формайл из цирка?

— *Конечно. Улыбайся.*

— Да, мадам. Можете меня потрогать.

— Ох, да вы, кажется, горды? Вы гордитесь своим дурным вкусом?

— *Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус.*

— Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус. Пожалуй, я удачлив.

— Удачливы, но не пристойны.

— Непристоен, но не скучен.

— Ужасны, но очаровательны.

— Я «под влиянием», мадам.

— О, боже! Вы пьяны? Я леди Шрапнель. Когда

вы протрезвитесь?

— Я под вашим влиянием, леди Шрапнель.

— Ох, вы испорченный молодой человек! Чарлз?! Чарлз! Иди сюда и спасай Формайла. Я гублю его.

— *Это Виктор из «Эр-Си-Эй».*

— Формайл? Рад. Сколько стоит ваш антураж?

— *Скажи правду.*

— Сорок тысяч, Виктор.

— Боже всемогущий! В неделю?

— В день.

— Зачем вы тратите такие деньги?

— *Правду!*

— Ради рекламы, Виктор.

— Ха! Вы серьезно?

— Я говорила тебе, что он испорчен, Чарлз.

— Чертовски приятно. Клаус! Послушай. Этот нахальный молодой человек тратит сорок тысяч в день; ради рекламы, если угодно.

— *Шкода из Шкода.*

— Добрый вечер, Формайл. Меня весьма интересует история вашего имени. Полагаю, вы потомок основателей компании «Церес, Инк»?

— *Правду.*

— Нет, Шкода. Я купил компанию и титул. Я выскочка.

— *Отлично.* Toujours audace!

— Честное слово, Формайл, вы откровенны!

— Я же говорил, что он нахален. Свежая струя. Выскочек хватает, молодой человек, но они не признаются в этом. Элизабет, познакомься с Формайлом с Цереса.

— Формайл! Мне до смерти хотелось вас видеть!

— *Леди Элизабет Ситроен.*

— Правда, что вы путешествуете с передвижным колледжем?

— С институтом, леди Элизабет.

— Но с какой стати, Формайл?

— О, мадам, так трудно тратить деньги в наши дни. Приходится выискивать самые глупые предлоги. Пора кому-нибудь придумать новое сумасбродство.

— Вам следует путешествовать с изобретателем, Формайл.

— У меня он есть, да, Робин? Но он тратит время на вечный двигатель. Мне требуется *настоящий* мот. Какой из ваших кланов мог бы ссудить мне младшего сына?

— Стало быть, вам нужен вечный расточитель?

— Нет. Это постыдная трата денег. Весь смак

экстравагантности в том, чтобы вести себя как дурак, чувствовать себя дураком и наслаждаться этим. Где изюминка вечного движения? Есть ли экстравагантность в энтропии? Миллионы на чепуху, но ни гроша на энтропию — вот мой девиз.

Все рассмеялись. Обступившая Формайла толпа росла. У них появилась новая игрушка.

Большие часы возвестили наступление Нового Года, и собравшиеся приготовились джантировать вслед за полночью вокруг света.

— Идем с нами на Яву, Формайл. Регис Шеффилд устраивает восхитительный вечер. Мы будем играть «Судья-трезвенник».

— В Гонконг, Формайл!

— В Токио, Формайл! В Гонконге дождь. Давайте в Токио и захватите свой цирк.

— Нет, благодарю вас. Я в Шанхай. Встретимся все через два часа. Готова, Робин?

— *Не джантируй. Дурные манеры. Выйди. Медленно. Сейчас высший шик — в томности. Засвидетельствуй почтение губернатору… Уполномоченному… их дамам…* Bien. *Не забудь дать на чай прислуге. Не ему, идиот! Это вице-губернатор… Ну хорошо, экзамен выдержан. Тебя приняли. Что теперь?*

— Теперь то, зачем мы в Канберре.

— Разве не ради бала?

— Ради бала и человека по имени Форрест.

— Кто это?

— Бен Форрест, бывший член экипажа «Ворги». Есть три нити к тому, кто дал приказ бросить меня умирать. Три имени. В Риме — повар, Погги; в Шанхае — знахарь, Орель; и этот человек, Форрест. У нас два часа, чтобы расколоть его. Ты знаешь координаты Аусси?

— Я не желаю принимать участия в твоей мести. Я ищу семью.

Он так посмотрел на нее, что она вздрогнула и сразу джантировала. Когда Фойл появился в Пятимильном Цирке, она уже переодевалась в дорожное платье. Хотя Фойл заставил ее жить с ним в одном шатре по соображениям безопасности, он никогда больше не трогал ее. Робин поймала его взгляд и застыла.

Фойл покачал головой.

— Мой брачный сезон позади.

— Как интересно. Ты отказался от насилия?

— Одевайся, — отрезал он. — И передай, что я даю два часа на переезд лагеря в Шанхай.

В ноль тридцать Фойла и Робин встретил сам мэр Аусси.

— С Новым Годом! — пропел он и втолкнул их в

вертолет. — Счастье! Счастье! Позвольте мне показать вам город. Сегодня у нас масса гостей. Вот наш ледяной дворец… слева бассейны Большой купол лыжный трамплин. Снег круглый год… Тропический сад под стеклянной крышей. Пальмы, попугаи, орхидеи, фрукты… Наш рынок… театр… своя телевизионная компания. Взгляните на футбольный стадион. Двое наших парней вошли в сборную. Да, сэр, у нас имеется все. Абсолютно все. Вам не надо джантировать по всему свету в поисках развлечений. Наш город — маленькая вселенная. Самая счастливая маленькая вселенная в мире… Форрест, вы говорите? Вот.

Он высадил их перед особняком в швейцарском стиле и сразу взлетел. Фойл и Робин ступили на крыльцо. Вдруг дверь перед ними вспыхнула красным, и мертвенно-белым огнем засияли на ней череп и кости. Раздался механический голос: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЭТОТ ДОМ ЗАЩИЩЕН ОТ ВТОРЖЕНИЯ СИСТЕМОЙ ШВЕДСКОЙ КОМПАНИИ „ОБОРОНА“. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

— Что за черт? — пробормотал Фойл. — В канун Нового Года? Дружелюбен, нечего сказать… Попробуем сзади.

Они обошли особняк, преследуемые световой и звуковой сигнализацией. Из ярко освещенного

подвального окна донесся невнятный хор голосов: — Господь мой пастырь…

— Христиане-подвальники! — воскликнул Фойл.

Они заглянули в окно. Около тридцати верующих разных исповеданий праздновали Новый Год, справляя комбинированную и в высшей степени нелегальную службу. XXIV столетие хотя и не отменило Бога, но запретило организованную религию.

— Не удивительно, что дом превращен в крепость, — произнес Фойл, — С таким-то мерзким занятием…

Посмотри, там и священник, и раввин, а та штука сзади — распятие… Идем.

Задняя стена особняка была сделана из толстого стекла, открывавшего Пустую, тускло освещенную гостиную.

— Ложись, — Приказал Фойл. — Я вхожу.

Робин легла ничком. Фойл ускорился и резким ударом разбил стекло. Где-то в самом низу частотного диапазона он услышал глухие разрывы. Это были выстрелы. Фойл упал на пол и прослушал весь диапазон звуковых волн до ультразвука, пока, наконец, не уловил гул механизма управления. Затем он проскользнул сквозь поток пуль

и отключил питание. Фойл замедлился.

— Иди сюда, быстро!

Робин с опаской вошла в гостиную. Где-то забегали христиане-подвальники, страдальчески стеная.

— Жди здесь, — буркнул Фойл и вновь ускорился. Он молнией скользнул по дому, нашел христиан-подвальников, застывших в паническом беге, и, вернувшись к Робин, замедлился.

— Форреста среди них нет, — сообщил Фойл. — Возможно, он наверху.

Они помчались по лестнице и остановились перевести дыхание на площадке перед последним пролетом.

— Надо торопиться, — выдохнул Фойл. — Сейчас сюда могут джантировать…

Внезапно он замолчал. Из-за Двери наверху донесся низкий протяжный звук. Фойл принюхался.

— Аналог! — воскликнул он. — Наверное, Форрест. Надеюсь только, что он не горилла.

Фойл прошел сквозь дверь, как тяжелый трактор. Они оказались в просторной пустой комнате. С потолка свисал толстый канат. Между полом и потолком, переплетясь с канатом, висел голый мужчина. Он зашипел и поднялся выше.

— Питон, — пробормотал Фойл. — Это уже легче… Не подходи к нему. Может раздавить все твои кости.

Снизу раздались голоса:

— Форрест! Что за стрельба? С Новым Годом, Форрест! Где ты?

— Идут, — прохрипел Фойл. — Надо джантировать с ним. Встретимся на берегу.

Он выхватил из кармана нож, перерезал канат, взвалил извивающегося полузверя на спину, джантировал и появился на берегу на секунду раньше Робин. Вокруг его шеи и плеч питоном обвивался голый мужчина, сдавливая его в ужасающем объятии Кровавое клеймо вспыхнуло на лице Фойла.

— Синдбад, — выдавил он, мореход. Быстро! Правый карман. Второй снизу. Ампула… Его голос прервался.

Робин открыла карман, вытащила пакет микроампул и уколола извивающегося человека в шею. Тот обмяк. Фойл стряхнул его и поднялся с песка.

— Боже, — всхлипнул он, потирая горло, и глубоко вздохнул. — Контроль, — прошептал он, вновь принимая выражение отрешенного спокойствия. Багровая татуировка исчезла с его

лица.

— Что это за ужас? — спросила Робин.

— Аналог. Лекарственный наркотик для психопатов. Запрещенный. Психу надо как-то дать себе выход: возврат к первобытному. Он отождествляется с каким-нибудь животным… с гориллой, гризли, волком… Принимает дозу и…

— Откуда ты все это знаешь?

— Говорил тебе — готовился… готовился к «Ворге». Это кое-что из того, что я узнал. Покажу тебе еще кое-что, если не трусишь. Как вывести его из Аналога.

Фойл открыл другой карман своего боевого костюма и начал работать над Форрестом. Робин сперва смотрела; потом в ужасе застонала, отвернулась и отошла к самой кромке воды, где стояла, слепо глядя на прибой и звезды, пока ее не позвал Фойл.

— Можешь вернуться.

Робин приблизилась к полууничтоженному существу, копошащемуся у ног Фойла и смотрящему на него тусклыми трезвыми глазами.

— Ты — Форрест?

— Кто вы?..

— Ты — Бен Форрест, бывший член экипажа престейновской «Ворги»… Шестнадцатого сен-

тября 2336 года ты находился на борту «Ворги».

Форрест всхлипнул и затряс головой.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо разбитого корабля. Мимо остатков «Номада» Он дал сигнал о помощи. Но вы ушли. Обрекли его на гибель. Почему «Ворга» прошел мимо?

Форрест страшно закричал.

— Кто приказал пройти мимо?

— Боже, нет! Нет! Нет!

— Из архивов пропали все документы. Кто-то наложил на них лапу раньше меня. Кто? Кто находился на борту «Ворги»? Кто был с тобой? Кто командовал?

— Нет! — надрывался Форрест. — Нет!!

Фойл сунул в лицо бьющегося в истерике человека пачку банкнот.

— Я плачу за информацию. Пятьдесят тысяч. Аналог до конца дней твоих. Кто приказал бросить меня околевать? Кто?

Форрест вырвал деньги из рук Фойла, вскочил и побежал по берегу. Фойл нагнал его и повалил на песок; головой в воду.

— Кто командовал «Воргой», Форрест? Кто отдал приказ?

— Ты его утопишь! — закричала Робин.

— Пускай помучается, вода лучше, чем космос. Я мучился шесть месяцев… Кто отдал приказ?

Форрест пускал пузыри и захлебывался. Фойл за волосы приподнял его голову.

— Ты что?! Преданный? Сумасшедший? Напуганный? Такие, как ты, продаются с потрохами за пять тысяч. Я предлагаю пятьдесят. Пятьдесят тысяч за пару слов, ты, сукин сын, иначе сдохнешь медленно и болезненно.

На лице Фойла выступила татуировка. Он с силой вжал голову Форреста в воду и навалился на извивающееся тело. Робин пыталась оттащить Фойла.

— Ты убиваешь его!

Фойл повернул к Робин свое кошмарное лицо.

— Прочь руки, сволочь!.. Кто был с тобой на борту, Форрест? Кто отдал приказ? Почему?

Форрест извернулся и приподнял голову.

— Нас было двенадцать, — хватая ртом воздух, прохрипел он. — Господи, спаси меня! Я, Кемп…

Он судорожно дернулся и обмяк. Фойл вытащил тело из воды.

— Ну, продолжай! Ты и кто? Кемп? Кто еще? Говори!

Ответа не было, Фойл склонился ниже.

— Мертв… — прорычал он.

— О, господи! Господи!

— Одна нить к черту. И только когда раскололся. Что за невезение… — Фойл глубоко вздохнул и, как за щитом, укрылся за стеной безразличия. Татуировка исчезла с его лица. — В Шанхае почти полночь. Пора. Возможно, удача ждет нас с Сержем Орелем, помощником корабельного врача. Не смотри на меня так. Это всего лишь убийство. Вперед, крошка. Джантируй!

Робин охнула и ошеломленно уставилась куда-то за его спину. Фойл повернулся. На песке возникла пылающая фигура, высокий мужчина в охваченной огнем одежде, со страшно татуированным лицом. Это был он сам.

— Боже! — выдавил Фойл. Он шагнул в сторону своего горящего двойника, и видение сразу исчезло.

Дрожа от потрясения, Фойл повернулся к Робин.

— Видела?

— Да.

— Что это было?

— Ты.

— Ради бога! Как это возможно? Как…

— Это был ты.

— Но… — Он запнулся, обессиленный и расте-

рянный. — Галлюцинация?

— Не знаю.

— Боже всемогущий! Видеть себя… лицом к лицу… Одежда пылала… Что же это?

— Это был Гулли Фойл, — проговорила Робин, — горящий в аду.

— Ну хорошо, — свирепо прошипел Фойл. — Я в аду. Но это меня не остановит. Если мне суждено гореть в аду, «Ворга» будет гореть со мной. — Он резко сжал кулаки, вновь обретая силу и целеустремленность. — Меня не остановить, клянусь! На очереди Шанхай. Джантируй!

10

На Костюмированном Балу в Шанхае Формайл с Цереса взбудоражил публику, появившись в роли Смерти в дюреровской «Смерти и девушке». Его сопровождало ослепительное создание, закутанное в прозрачные вуали. Викторианское общество, душившее своих женщин паранджой и считавшее платья клана Пенемюнде верхом дерзости, было шокировано. Но когда Формайл открыл, что это не женщина, а великолепный андроид, мнение немедленно изменилось в его пользу. Общество пришло в восхищение от ис-

кусного обмана. Обнаженное тело, позорное у человека, — всего лишь бесполая диковинка у андроида.

Ровно в полночь Формайл пустил андроида с аукциона.

— Деньги идут на благотворительность, Формайл?

— Конечно, нет! Вам известен мой девиз: «Ни гроша на энтропию!»... Что я слышу? — сто кредиток за это дорогое и очаровательное создание? Всего лишь одна сотня, джентльмены? Сама красота и изумительная приспособляемость. Две? Благодарю. Три с половиной? Благодарю. Предложено... пять? Восемь? Благодарю. Давайте, давайте! Кто больше? Замечательный плод местного гения Пятимильного Цирка. Она ходит, она говорит, она приспосабливается. В нее заложена обязательная любовь к хозяину. Девять? Кто еще? Что, это все? Вы побиты? Вы сдаетесь? Продано, лорду Йельскому за девятьсот кредиток.

Шум, аплодисменты и недоуменные подсчеты:
— Боже, такой андроид должен стоить девяносто тысяч! *Так* тратить деньги...

— Будьте любезны, передайте деньги андроиду, лорд Йель. Она отреагирует соответственно... До встречи в Риме, леди и джентльмены!.. Ровно в

полночь во дворце Борджиа. С Новым Годом!

Формайл уже исчез, когда, к собственному восторгу и к восторгу прочих холостяков, лорд Йель обнаружил, что их обманули дважды. Андроид оказался живым человеческим существом; сама красота и изумительная приспособляемость. На девятьсот кредитов она отреагировала великолепно. Шутку долго еще смаковали в курительных салонах. Купленным на корню холостякам не терпелось поздравить Формайла.

А в это время Фойл и Уэднесбери, прочитав табличку «Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше» на семи языках, ступили во владения «д-ра Ореля, несравненного мастера увеличения возможностей мозга».

Стены приемной покрывали зловещие огненные карты, наглядно поясняющие, как д-р Орель припарками, бальзамами, магнитными полями и электролизом заставлял мозг удвоить дальность джантации или денежную наличность. Кроме того, он улучшал память жаропонижающими слабительными, укреплял мораль тонизирующими примочками и снимал душевные страдания Целительным Зельем Ореля.

Приемная была пуста. Фойл наугад открыл дверь, увидел длинную госпитальную палату и в

отвращении скривился.

— Притон для Снежков. Кокаинщики. Мог бы догадаться, что он и этим не брезгует…

Притон предназначался для Болезников, самых безнадежных наркоманов. Они покоились в больничных койках, умеренно страдая от нарочно вызванных пара-кори, пара-гриппа, пара-малярии, жадно наслаждаясь незаконными болезнями и вниманием сестер, в ослепительно белых халатах.

— Взгляни на них, — презрительно бросил Фойл. — Отвратительно. Если есть что-то более мерзкое, чем наркорелигия, то только это.

— Добрый вечер. — Сзади раздался голос.

Фойл захлопнул дверь и повернулся. Перед ним стоял, поклонившись, доктор. Орель, деловитый и аккуратный, в классической белой шапочке, халате и хирургической маске медицинского клана, к которому принадлежал лишь по мошеннической утверждению.

— Сюда, пожалуйста, — указал доктор Орель и тут же с хлопком исчез. За указанной дверью открывался длинный лестничный пролет. Когда Фойл и Робин стали подниматься по ступеням, доктор Орель возник наверху. — Сюда, сюда, пожалуйста. О… один момент. — Он исчез и возник

снова сзади них. — Вы забыли закрыть дверь. — Он закрыл дверь и опять джантировал, на сей раз появившись на площадке. — Пожалуйста, проходите.

— Показуха, — пробормотал Фойл. — Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше… Но, так или иначе, он дьявольски проворен. Мне надо быть проворней.

Шарлатан ждал за столом в заставленной внушительной, но устаревшей медицинской техникой комнате. Он джантировал к двери, закрыл ее, джантировал назад за стол, поклонился, указал на стулья, джантировал к Робин и любезно помог ей сесть, джантировал к окну и поправил шторы, джантировал к выключателю и включил свет и снова появился за столом.

— Всего лишь год назад, — улыбнулся Орель, — я вовсе не мог джантировать. Затем я открыл секрет — Целебное Промывание, которое…

Фойл коснулся языком пульта управления, вмонтированного в нервные окончания зуба, и ускорился. Он без спешки поднялся, ступил к застывшей фигуре, что-то утробно тянувшей, достал тяжелый кастет и со знанием дела ударил Ореля по лбу, вызывая сотрясение передних долей и повреждая центр джантации. Потом он

привязал его к стулу. Все это заняло пять секунд и предстало перед Робин одним размытым движением.

Фойл замедлился. Шарлатан дернулся и сверкнул глазами яростно и растерянно.

— Итак, вы — Орель, помощник врача на «Ворге», — тихо произнес Фойл. — Шестнадцатого сентября 2336 года вы находились на борту корабля.

Ярость и растерянность превратились в ужас.

— Шестнадцатого сентября рядом с поясом астероидов вы проходили мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а вы ушли. Вы бросили его и обрекли на гибель. Почему?

Орель закатил глаза, но не ответил.

— Кто отдал приказ уйти? Кто хотел, чтобы я сгнил заживо?

Орель невнятно замычал.

— Кто находился на борту «Ворги»? Кто еще был с тобой? Кто командовал?.. Я добьюсь ответа, не сомневайся. — Фойл чеканил с холодной свирепостью. — Деньгами или силой… Почему меня бросили на смерть? Кто приказал оставить меня издыхать?

Орель вскрикнул.

— Я не могу говорить о… Погодите, пока…

Он обмяк.

Фойл осмотрел тело.

— Мертв, — пробормотал он. — И как раз, когда начал говорить. Как Форрест.

— Убит.

— Нет. Я его пальцем не тронул. Самоубийство, — мрачно хохотнул Фойл.

— Ты сумасшедший…

— Нет, просто мне смешно. Я не убивал их; я вынудил их покончить с собой.

— Что за ерунда?

— Им поставили Блок Сочувствия. Слыхала о БС, милая? Его ставят всем секретным агентам. Возьми некую часть информаций, разглашать которую нежелательно. Свяжи ее с симпатической нервной системой, контролирующей дыхание и сердцебиение. Когда субъект пытается раскрыть эту информацию, срабатывает блок — сердце и легкие останавливаются, человек умирает. Тайна сохранена. И агенту не надо думать о самоубийстве, чтобы избежать пыток, — все будет сделано за него.

— Этим людям?..

— Очевидно.

— Но почему?

— Откуда мне знать?.. Перевозка беженцев

тут ни при чем. «Ворга», видимо, занимался куда более серьезными делами, иначе к чему такие меры предосторожности. Но вот задача. Последняя нить — Погги в Риме. Анжело Порти, помощник шеф-повара. Как нам добыть из него информацию…

Фойл запнулся на полуслове. Перед ним стоял его образ, немой, зловещий, огненное лицо, пылающая одежда.

Фойл был парализован. Он судорожно вздохнул и выдавил дрожащим голосом:

— Кто ты? Что…

Образ исчез.

Фойл провел языком по пересохшим губам и повернулся к Робин.

— Ты видела?.. — Ее выражение говорило само за себя. — Это… на самом деле?

Она показала на стол Ореля, возле которого стоял пылающий образ. Бумаги на столе воспламенились и ярко горели. Все еще перепуганный и ошеломленный, Фойл неуверенно попятился назад и провел рукой по лицу. Она оказалась влажной.

Робин бросилась к столу и попыталась сбить пламя. Фойл не шелохнулся.

— Я не могу погасить огонь! — наконец выдох-

нула она. — Надо убираться отсюда. Быстро!

Фойл кивнул с отсутствующим видом; потом, явно напрягая все силы воли, взял себя в руки.

— В Рим, — хрипло каркнул он. — Джантируем в Рим. Этому *должно* быть какое-то объяснение. Я найду его, клянусь всем на свете! А пока… Рим. Джантируй, девочка. Джантируй!

Со времен средних веков Испанская Лестница служила местом средоточения отбросов общества Рима. Поднимаясь широкой длинной эстакадой от Пиацца ди Испанья до садов виллы Борджиа, Испанская Лестница кишела, кишит и будет кишеть пороком. Ступени заполняют сводники, попрошайки, шлюхи, извращенцы и воры. Наглые и высокомерные, они гордо выставляют себя на показ и глумятся над случайно проходящими «порядочными».

Ядерные войны конца XX столетия уничтожили Испанскую Лестницу. Она была отстроена и снова уничтожена во время Мирового Восстановления в XXI веке. Ее вновь отстроили и на этот раз защитили взрывоупорным кристаллическим куполом. Купол загородил вид, открывавшийся из дома, где почил великий Ките. Посетители больше не прильнут к узкому окошку, дабы прочувствовать картину, которую лицезрел уми-

рающий поэт. Теперь виден был лишь дымчатый купол Испанской Лестницы и сквозь него — искаженные тени Содома и Гоморры внизу.

Тысячелетиями Рим встречал Новый Год всякого рода фейерверками… ракетами, торпедами, стрельбой, шутихами, бутылками, банками… Римляне целыми месяцами сберегали старье и рухлядь, чтобы выбросить из окон, когда пробьет полночь. Какофония вспышек, рев голосов, треск огненной иллюминации, шум падающего на купол хлама оглушили Фойла и Робин Уэднесбери, улизнувших с карнавала во Дворце Борджиа.

Они были еще в костюмах; Фойл — в черно-красном обтягивающем камзоле Цезаря Борджиа, Робин — в расшитом серебристом платье Лукреции Борджиа Лица их скрывали нелепые вельветовые маски. Контраст между их старинными нарядами и современным тряпьем вокруг вызвал поток насмешек и присвистываний. Даже Лобо, постоянные завсегдатаи Испанской Лестницы, неудачливые закоренелые преступники, у которых вырезали четверть мозга, временно вышли из мрачной апатии. Толпа вскипела вокруг спускающейся по ступеням пары.

— Погги, — спокойно повторял Фойл. — Анжело Погги?

Кошмарный урод придвинул свое лицо и сатанически захохотал.

— Погги? Анжело Погги? — бесстрастно спрашивал Фойл. — Мне сказали, что его можно найти ночью на Лестнице. Анжело Погги?

Чудовищная шлюха помянула его мать.

— Анжело Погги? Десять кредитов тому, кто его покажет.

Фойла мгновенно окружили протянутые руки — изуродованные, вонючие, жадные. Он покачал головой.

— Сперва показать.

Вокруг бурлил римский гнев.

— Погги? Анжело Погги?

После шести недель бездарной траты времени, после шести недель томительного ожидания капитан Питер Йанг-Йовил наконец услышал слова, которые надеялся услышать все это время. Шесть недель тягостного пребывания в шкуре некоего Анжело Погги, давно умершего помощника повара «Ворги». С самого начала это была авантюра, задуманная, когда до Разведки стали доходить сведения, что некто осторожно собирает данные о команде престейновской «Ворги» — и не стесняется в средствах.

— Это выстрел наугад, — признал тогда ка-

питан Йанг-Йовил. — Но Гулли Фойл, АС—128/127.006 все-таки совершил безумную попытку взорвать «Воргу». А двадцать фунтов ПирЕ стоят выстрела наугад.

Теперь он вперевалку спускался по ступеням на встречу человеку в старинном камзоле и маске, опустившийся повар с воровской наружностью, протягивающий кипу замаранных конвертов.

— Грязные картинки, сеньор? Христиане-подвальники — молятся, целуют крест? Очень мерзко, очень непристойно, сеньор. Развлеките своих друзей за интересуйте дам…

— Нет. — Фойл небрежно отодвинул его рукой Я ищу Анжело. Погги.

Йанг-Йовил подал незаметный сигнал; его люди на лестнице стали снимать и записывать происходящий разговор, не прекращая сводничать и продаваться. Секретная Речь Разведывательной Службы вооруженных сил Внутренних Планет гремела вокруг Фойла и Робин градом перемигиваний, ужимок, гримас, жестов на древнем китайском языке век, бровей, пальцев и неуловимых телодвижений.

— Сеньор? — прогнусавил Йанг-Йовил.

— Анжело Погги?

— Си, сеньор. Я Анжело Погги.

— Помощник повара на «Ворге»?

Ожидая знакомое выражение смертельного ужаса, которое он наконец понял, Фойл резко схватил локоть Йанг-Йовила.

— Да?

— Си, сеньор, — безмятежно ответил Йанг-Йовил. Чем могу заслужить вашу милость?

Может быть, этот… — пробормотал Фойл Робин. — Он не испуган. Может быть, он знает, как обойти блок.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что рассказал, Погги. Я хочу купить все, что тебе известно. Все. Называй цену.

— Но, сеньор! Я человек немолодой и бывалый. Мой опыт нельзя купить целиком. Мне надо платить пункт за пунктом. Выбирайте, что вас интересует, а я буду называть цену. Что вам угодно?

— Ты находился на борту «Ворги» шестнадцатого сентября 2336 года?

— Цена ответа 10 Кр.

Фойл мрачно усмехнулся и выложил деньги.

— Да, сеньор.

Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а «Ворга» ушел. Кто отдал

приказ?

— Ах, сеньор!

— Кто отдал приказ, и почему?

— Зачем вам это, сеньор?

— Не твое дело. Называй цену и выкладывай.

— Перед ответом мне надо узнать причину вопроса, сеньор. — Йанг-Йовил сально ухмыльнулся. — За свою осторожность я заплачу снижением цены. Почему вас так интересует «Ворга» и «Номад», и это позорное предательство в космосе? Уж не вы ли, случаем, оказались там брошенным?

Он не итальянец! Произношение идеальное, но совсем не те обороты. Ни один итальянец не станет так строить предложения.

Фойл застыл. Зоркие опытные глаза Йанг-Йовила, натренированные улавливать и распознавать малейшие детали, заметили перемену. Йанг-Йовил мгновенно понял, что где-то ошибся, и подал условный знак.

На Испанской Лестнице вскипела ссора. Через секунду Фойл и Робин оказались в гуще разъяренной, вопящей, дерущейся толпы. Люди Йанг-Йовила были виртуозами обходного маневра, рассчитанного на предотвращение джантации и основанного на том, что между неожиданным нападением и защитной реакцией неминуемо

должно пройти время. Специалисты из Разведки гарантировали: в течение этого времени их молниеносные действия застанут любого атакуемого врасплох и лишат его возможности спастись.

В три пятые секунды Фойла отколотили, швырнули на колени, оглушили, бросили на ступени и распластали. Маску с лица сорвали, и он лежал, обнаженный и беззащитный, перед равнодушными глазами камер. Затем, впервые за всю историю существования этой процедуры, привычный ход событий был нарушен.

Появился человек, поправ ногами распростертое тело Фойла… гигантский человек с чудовищно татуированным лицом и дымящейся одеждой. Видение было таким ужасающим, что все застыли Толпа на Лестнице взвыла.

Горящий человек! Глядите! Горящий Человек!

Но это Фойл… прошептал Йанг-Йовил.

С четверть минуты видение молча стояло, пылая, дымясь, пепеля взглядом слепых глаз Потом оно исчезло Распростертый на ступенях человек тоже исчез Он обернулся в размытое пятно действия, молнией заскользил среди толпы, отыскивая и уничтожая камеры, магнитофоны, все регистрирующие устройства Затем пятно метнулось к девушке в старинном платье, схва-

тило ее и исчезло.

Испанская Лестница вновь ожила, мучительно, тягостно, словно приходя в себя после кошмара. Ошеломленные разведчики собрались вокруг Йанг-Йовила.

— Господи, что это было, Йео?

— Я думаю, что это наш человек, Гулли Фойл. Та же татуировка на лице.

— А горящая одежда!..

— Как ведьма на вертеле…

— Но если это огненное явление — Фойл, на кого мы тратили время?

— Не знаю. Нет ли у Бригады Коммандос разведывательной службы, о которой они не удосужились сообщить?

— При чем тут Коммандос, Йео?

— Не видел, как наш «Ноги-в-руки» ускорился? Он уничтожил все снимки и записи.

— Не могу поверить собственным глазам.

— Это величайший секрет Коммандос. Они разбирают своих людей на винтики, перестраивают и перенастраивают их. Я свяжусь с марсианским штабом и узнаю, не ведут ли они параллельное расследование… Да, и еще: с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо… — Йанг-Йовил на минуту замолчал, впервые не замечая

многозначительных взглядов вокруг. — Надо выяснить, кто она, — добавил он мечтательно.

— Если она тоже перестроена, это действительно любопытно, Йео, — произнес нарочито бесстрастный мягкий голос. — Ромео и Коммандос.

Йанг-Йовил покраснел.

— Ну, хорошо, — выпалил он. — Меня насквозь видно.

— Ты просто повторяешься, Йео. Все твои увлечения начинаются одинаково: «с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо…» А затем — Долли Квакер, Джин Вебстер, Гуин Роже, Марион…

— Пожалуйста, без имен! — перебил другой голос. — Разве Ромео…

— Завтра все отправитесь чистить нужники, — сказал Йанг-Йовил. — Будь я проклят, если снесу такое непристойное ослушание… Нет, не завтра — как только мы закончим с этим делом. — Его ястребиное лицо помрачнело. — Боже, что за содом! Кто когда-нибудь сможет забыть Фойла, торчащего здесь, как пылающая головня? Но где он? Чего он хочет? Что все это значит?

11

Дворец Престейна в Центральном Парке сверкал яркими новогодними огнями. Очаровательные древние электрические лампы с остроконечными верхушками и изогнутыми нитями накаливания разливали желтый свет. По особому случаю был удален противоджантный лабиринт и распахнуты двери. Прихожую дома от непрошеных взглядов закрывал разукрашенный драгоценными каменьями экран, установленный сразу за дверями.

Зеваки гулом и криками встречали появление знаменитых и почти знаменитых представителей кланов и семей. Те прибывали на автомобилях, на носилках, в каретах — любым способом приличествующего передвижения. Престейн из Престейнов лично стоял у входа, серо-стальной, неотразимый, с улыбкой василиска на лице, и встречал общество у порога своего открытого дома. Едва одна знаменитость скрывалась за экраном, как другая, еще более прославленная, появлялась в еще более диковинном экипаже.

Кола приехали на грузовике. Семейство Эссо (шесть сыновей, три дочери) — в великолеп-

ном стеклянном грейхаундовском автобусе. Буквально по пятам явились Грейхаунды (в эдиссоновском электромобиле), что послужило предметом шуток и смеха. Но когда с мотовагонетки, заправленной бензином «эссо», слез Эдиссон из Уэстингхауза, завершив, тем самым круг, смех на ступенях перешел в безудержный хохот.

Только гости приготовились войти в дом Престейна, как их внимание привлекла отдаленная суматоха. Грохот, лязг, стук пневматических поршней и неистовый металлический скрежет. Все это быстро приближалось. Толпа зевак расступилась. По дороге громыхал тяжелый грузовик. Шестеро мужчин скидывали с кузова деревянные балки. За грузовиком следовали двадцать рабочих, укладывающих балки ровными рядами. Престейн и его гости пораженно замерли.

По этим шпалам с оглушающим ревом ползла гигантская машина, оставляя за собой две полосы стальных рельсов. Рабочие с молотами и пневматическими ключами крепили рельсы к деревянным шпалам. Железнодорожное полотно подошло к дому Престейна широким полукругом и изогнулось в сторону. Ревущий механизм и рабочие исчезли в темноте.

— Боже всемогущий! — воскликнул Престейн.

Вдали раздался пронзительный гудок. Из тьмы на освещенный участок перед домом выехал человек на белом коне, размахивающий красным флажком. За ним громко пыхтел паровоз с единственным вагоном. Состав остановился перед входом. Из вагона выскочил проводник и разложил лесенку. По ступеням спустилась элегантная пара — леди и джентльмен в вечерних туалетах.

— Я ненадолго, — бросил проводнику джентльмен, — Приезжайте за мной через час.

— Боже всемогущий! — снова воскликнул Престейн.

Поезд с лязгом и шипением тронулся. Пара подошла к дому.

— Добрый вечер, Престейн, — сказал джентльмен. — Мне крайне жаль, что лошадь потоптала ваши газоны, но по старым нью-йоркским правилам перед составом до сих пор требуется сигнальщик с красным флажком.

— Формайл! — вскричали гости.

— Формайл с Цереса! — взревела толпа.

Вечеру у Престейна был обеспечен успех.

В просторной парадной зале, обшитой бархатом плюшем, Престейн с любопытством рассмотрел Формайла. Фойл невозмутимо выдержал

ироничный взгляд, улыбаясь и раскланиваясь с восторженными поклонниками, которых успел снискать от Канберры.

— Самообладание, — думал он. — Кровь, внутренности и мозг. Престейн пытал меня полтора часа после моего безумного нападения на «Воргу». Узнает ли он меня?

— Мне знакомо ваше лицо, Престейн, — сказал Формайл. — Мы не встречались?

— Не имел чести знать Формайла до сегодняшнего вечера, — сдержанно ответил Престейн.

Фойл научился читать по лицам, но жесткое красивое лицо Престейна было непроницаемо. Они стояли лицом к лицу — один небрежный и бесстрастный, другой — собранный и неприступный — словно две бронзовые статуи, раскаленные добела и вот-вот готовые расплавиться.

— Я слышал, вы кичитесь тем, что вы — выскочка, Формайл.

— Да. По образу и подобию первого Престейна.

— Вот как?

— Вы, безусловно, помните, — он гордился, что начало семейного состояния было заложено на черном рынке во время Третьей Мировой войны.

— Во время Второй, Формайл. Но лицемеры

из нашего клана его не признают. Его фамилия Пэйн.

— Не знал.

— А какова была ваша несчастная фамилия, до того, как вы сменили ее на «Формайл»?

— Престейн.

— В самом деле? — Убийственная улыбка василиска обозначила попадание. — Вы претендуете на принадлежность к нашему клану?

— Я предъявлю свои права позже.

— Какой степени?

— Скажем… кровное родство.

— Любопытно. Я чувствую в вас определенную слабость к крови, Формайл.

— Безусловно, семейная черта, Престейн.

— Вам нравится быть циничным, — заметил Престейн не без цинизма. — Впрочем, вы говорите правду У нас всегда была пагубная слабость к крови и деньгам. Это наш порок. Я признаю.

— А я разделяю его.

— Влечение к крови и деньгам?

— Да. Самое страстное влечение.

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия?

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

— Формайл, вы мне по душе. Если бы вы не претендовали на родство с моим кланом, я бы вынужден был принять вас.

— Вы опоздали, Престейн. Я уже принял вас.

Престейн взял Фойла под руку.

— Хочу представить вас моей дочери, леди Оливии. Вы разрешите?

Они пересекли залу. В Фойле бурлило торжество. *Он не знает. Он никогда не узнает.* Затем пришло сомнение. *Но я никогда не узнаю, если он когда-нибудь узнает. Это не человек — сталь. Вот кто мог бы поучить меня самообладанию.*

Со всех сторон Фойла приветствовали знакомые.

— Вы дьявольски ловко провели всех в Шанхае.

— Чудесный карнавал в Риме, не правда ли? Слышали о появившемся на Испанской Лестнице Горящем Человеке?

— Мы искали вас в Лондоне.

— У вас был божественный выход, — сказал Гарри Шервин-Вильямс. — Вы перещеголяли нас всех. По сравнению с вами мы выглядели, как распроклятые приготовишки.

— Не забывайтесь, Гарри, — холодно отчеканил Престейн. — В моем доме не принято выражать-

ся.

— Извините, Престейн. Где ваш цирк теперь, Формайл?

— Не знаю, — беззаботно ответил Фойл — Одну секунду.

Вокруг мгновенно собралась толпа, улыбаясь в предвкушении очередной выходки. Фойл достал платиновые часы и со щелчком откинул крышку. На циферблате появилось лицо слуги.

— Эээ… как вас там… Где вы сейчас находитесь?

— Вы приказали нам обосноваться *в* Нью-Йорке, Формайл.

— Вот как? И?..

— Мы купили Собор Св. Патрика, Формайл.

— А где это?

— На углу Пятой Авеню и бывшей Пятидесятой улицы. Мы разбили лагерь внутри.

— Благодарю, — Формайл захлопнул часы. — Мой адрес: Нью-Йорк, Собор Святого Патрика… Одного не отнимешь у запрещенных религий — по крайней мере, строили такие церкви, в которых разместится цирк.

Оливия Престейн восседала на троне, окруженная поклонниками. Снежная Дева, Ледяная Принцесса с коралловыми глазами и корал-

ловыми губами, царственная, недосягаемая, прекрасная. Фойл посмотрел на нее раз и тут же в замешательстве опустил глаза перед ее слепым взглядом, который различал лишь электромагнитные волны и инфракрасный свет. Его сердце заколотилось.

— *«Не будь дураком!* — яростно подумал он. — *Держи себя в руках. Это может оказаться опасным...»*

Его представили. К нему обратились — хрипловатым снисходительным голосом. Ему протянули руку — изящную и холодную. Но она как будто взорвалась в его руке. Его словно пронзило током.

— *«Что это? Она символ... Недоступная... Принцесса Мечты... Самообладание!»*

Он боролся с собой так ожесточенно, что не заметил, как им пренебрегли, любезно и равнодушно. Он застыл, хватая ртом воздух, на миг потеряв дар речи.

— Что? Вы еще здесь, Формайл?

— Я не могу поверить, что вы уделили мне так мало внимания, леди Оливия.

— Ну, едва ли. Боюсь, вы мешаете подойти моим друзьям.

— Я не привык к такому обращению, леди Оли-

вия. *(«Нет, нет. Все не так!»)* По крайней мере, от человека, которого хотел бы считать другом.

— Не будьте навязчивым, Формайл. Пожалуйста, отойдите.

— Я вас обидел?

— Обидели? Не смешите меня.

Леди Оливия… *(«Боже! Могу я хоть что-нибудь сказать правильно?! Где Робин?»)* Давайте начнем сначала.

— Если вы стараетесь показать свою неотесанность, Формайл, то у вас получается восхитительно.

— Пожалуйста, снова вашу руку. Благодарю. Я — Формайл с Переса.

— Ну, хорошо. — Она рассмеялась. — Я признаю вас фигляром. Теперь отойдите. Уверена, что вы найдете, кого развлечь.

— Что случилось теперь?

— Достаточно, сэр. По-моему, вы хотите меня разозлить.

— Нет. *(«Да, хочу! Хочу достать тебя как-то… пробиться сквозь лед».)* Первый раз наше рукопожатие было… неистово. Сейчас же… оно пусто. Что произошло?

— Формайл, — утомленно вздохнула Оливия. — Я признаю: вы оригинальны, остроумны,

неотразимы… все, что угодно, если вы только уйдете.

Фойл, спотыкаясь, отошел. *«Дрянь. Дрянь. Дрянь. Нет. Она именно такая, о какой я мечтал. Ледяная вершина, которую надо штурмовать и покорить. Осадить… ворваться… изнасиловать… заставить пасть на колени…»*

И тут он столкнулся лицом к лицу с Дагенхемом.

Он застыл парализованный.

— А, Формайл, — произнес Престейн. — Познакомьтесь. Саул Дагенхем. Он может уделить нам только тридцать минут и хочет одну из них провести с вами.

— *«…Знает? Послал за Дагенхемом, чтобы убедиться?.. Нападай.* Toujours audace».

— Что с вашим лицом, Дагенхем?

— А я думал, что знаменит. Лучевое поражение. Я радиоактивен. «Горяч» — Беспощадные глаза ощупали Фойла. — Что скрывается за вашим цирком?

— Страсть к популярности.

— Я сам мастер камуфляжа. Узнаю признаки Каким ремеслом занимаетесь?

— Разве Дилинджер делится с Капоне? — Фойл улыбнулся, успокаиваясь, сдерживая облегчение.

(«Я перехитрил их обоих».) — Вы кажетесь счастливее, Дагенхем.

Он тут же понял свою ошибку, Дагенхем мгновенно подхватил ее.

— Счастливее, Чем когда? Где мы встречались раньше?

— Не «счастливее, чем когда», а «счастливее, чем кто». Вы счастливее меня. — Фойл повернулся к Престейну — Я безнадежно влюблен в леди Оливию.

— Саул, твои полчаса истекли.

Дагенхем и Престейн, по разные стороны от Фойла, обернулись. К ним подошла высокая женщина в изумрудном платье, статная, с длинными отливающими медью волосами. Это была Джизбелла Маккуин. Их взгляды встретились. Прежде чем потрясение могло отразиться на его лице, Фойл отвернулся, пробежал шесть шагов до ближайшей двери и выскочил наружу.

Дверь захлопнулась. Он оказался в коротком темном коридоре. Раздался щелчок, шорох, и механический голос вежливо произнес: — Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

Фойл судорожно вздохнул, пытаясь прийти в себя.

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я и представить не мог… Думал, она убита… Она узнала меня…»

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я пропал. Она никогда не простит мне… Сейчас, наверное, рассказывает Дагенхему и Престейну».

Дверь из зала отворилась, и на миг Фойлу почудилось, будто он видит свой пылающий образ. Потом он понял, что смотрит на огненные волосы Джизбеллы. Она не шевельнулась; она просто стояла и улыбалась в неистовом триумфе возмездия.

Фойл выпрямился.

«Нет, я не заскулю!»

Не торопясь, Фойл вышел из коридора, взял Джизбеллу под руку и вернулся с ней в зал. Он не удосужился оглядеться. Дагенхем и Престейн сами проявят себя, в свое время, охраной и силой. Фойл улыбнулся Джизбелле; она ответила все той же торжествующей улыбкой.

— Спасибо за бегство, Гулли. Я никогда не думала, что ты мне можешь доставить такое удовольствие.

— Бегство? Моя дорогая Джиз!..

— Ну?

— Ты невообразимо хороша сегодня. Мы далеко ушли от Жофре Мартель, не так ли? — Фойл взмахнул рукой. — Потанцуем?

Она была поражена его хладнокровием и покорно позволила провести себя к площадке.

— Между прочим, Джиз, как тебе удалось избежать Жофре Мартель?

— Это устроил Дагенхем… Итак, ты теперь танцуешь, Гулли?

— Я танцую, скверно изъясняюсь на четырех языках, занимаюсь наукой и философией, пописываю жалкие стишки, то и дело взрываюсь к черту при идиотских экспериментах, фехтую как марионетка, боксирую как фигляр… Короче говоря, я — пресловутый Формайл с Цереса.

— Гулли Фойла больше нет…

— Он лишь для тебя… и для тех, кому ты сообщишь.

— Только Дагенхему. Тебе жаль, что я сказала?

— Ты не более властна над собой, чем я.

— Да, ты прав. Твое имя просто вылетело, я не могла удержаться. А сколько бы ты заплатил за мое молчание?

— Не валяй дурака, Джиз. Этот случай принесет

тебе семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят тысяч.

— Что ты имеешь в виду?

Я обещал отдать тебе все, что останется после того, как я разделаюсь с «Воргой».

— Ты разделался с «Воргой?» — изумленно спросила она.

— Нет, дорогая, ты разделалась со мной. Но я сдержу обещание.

Она рассмеялась.

— Щедрый Гулли Фойл… Расщедрись по-настоящему, Гулли. Развлеки меня немного.

— Завизжать как крыса? Я не умею, Джиз. Меня выдрессировали на охоту; ни на что больше я не способен.

— А я прикончила тигра… Сделай мне одолжение, Гулли. Скажи, что ты был близок к «Ворге». Признайся, что я погубила тебя за шаг до победы. Ну?

— Хотел бы я это сказать, Джиз… Увы. Я застрял. Сегодня я пытался напасть на новый след.

— Бедный Гулли. Не исключено, что я вызволю тебя. Скажу… что обозналась… или пошутила… что на самом деле ты не Гулли Фойл. Я знаю, как убедить Саула. Я *могу* сделать это, Гулли… если ты по-прежнему любишь меня.

Он посмотрел на нее и покачал головой.

— Между нами никогда не было любви, Джиз. Ты сама понимаешь это. Я слишком целеустремлен, чтобы быть способным на что-либо, кроме охоты.

— Слишком целеустремлен, чтобы не быть дураком!

— Что ты имела в виду, Джиз… говоря, что Дагенхем спас тебя от Жофре Мартель? Ты знаешь, как его убедить… Что у тебя с ним общего?

— Я на него работаю. Я — один из его курьеров.

— Ты хочешь сказать, он тебя шантажирует? Угрожает упрятать тебя назад, если…

— Нет. С этим было покончено в первую минуту нашей встречи. Он хотел захватить меня, а вышло все наоборот.

— То есть?

— Не догадываешься?

Фойл ошеломленно раскрыл глаза.

— Джиз! *С ним?*

— Да.

— Но как?! Он…

— Существуют меры предосторожности… Я не хочу касаться подробностей, Гулли.

— Прости… Долго он не возвращается.

— Не возвращается?..

— Дагенхем. Со своим войском.

— Ах, да, конечно. — Джизбелла снова коротко рассмеялась; потом вдруг неистово зашептала: — Ты и не знаешь, что ходил по проволоке, Гулли. Попытайся ты разжалобить меня или подкупить, или заверить в своей любви… О, господи, я бы уничтожила тебя. Раскрыла бы всему свету, кто ты… Кричала бы об этом на всех перекрестках…

— О чем ты говоришь?

— Саул не вернется. Он ни о чем не догадывается. Можешь проваливать в ад.

— Не верю.

— Думаешь, он задержался бы так долго? Саул Дагенхем?

— Но почему ты ему не сказала? После того, как я бросил тебя…

— Потому что я не хочу, чтобы он попал в ад вместе с тобой. Я не имею в виду «Воргу». Речь идет кое о чем другом — ПирЕ. Вот из-за чего тебя преследуют. Вот к чему они рвутся. Двадцать фунтов ПирЕ.

— Что это?

— Вспомни… Когда ты вскрывал сейф, не было там маленькой коробки? Сделанной из ИСИ… Инертсвинцового Изомера?

— Была.

— Что находилось внутри?

— Двадцать зернышек, похожих на кристаллы иода.

— Что ты с ними сделал?

— Два отправил на анализ. Никто не смог выяснить, из чего они. Над третьим вожусь я сам в своей лаборатории… когда не кривляюсь перед публикой.

— Ты возишься… Зачем?

— Я расту, Джиз, — мягко произнес Фойл. — Не трудно сообразить, что именно *это* нужно Престейну и Дагенхему.

— Как ты поступил с остальными зернышками?

— Они в надежном месте.

— Они не могут быть в надежном месте. Не может быть *надежного* места. Я не знаю, что такое ПирЕ, но мне известно, что это дорога в ад. Я не хочу, чтобы по ней пошел Саул.

— Ты так его любишь?

— Я так его уважаю. Он первый человек, кто показал мне, что *стоит* перейти под чужие знамена.

— Джиз, что такое ПирЕ? Ты знаешь.

— Догадываюсь. Я сопоставила все известные мне факты и слухи. И у меня появилась идея…

Но я не скажу тебе, Гулли. — Ее лицо осветилось яростью. — На этот раз я бросаю тебя. Я оставляю тебя беспомощным и во мраке. Испытай, каково это, на собственной шкуре. Насладись!

Она вырвалась и побежала по зале. И в этот момент упали первые бомбы.

Они шли, как метеоритный поток; не столь многочисленны, но куда более смертоносны. Они шли на утренний квадрант; на ту сторону земного шара, которая находилась на границе между светом, и тьмой. Покрыв расстояние в четыреста миллионов миль, они столкнулись с Землей.

Их космической скорости противостояло быстродействие земных военных компьютеров, за микросекунды обнаруживших и перехвативших новогодние подарки с Внешних Спутников. Рой ослепительно ярких звезд вспыхнул в небе; это были бомбы, детонированные на высоте пятьсот миль над их целью.

Но так тонка была грань между скоростью атаки и скоростью обороны, что многие прорвались. Невидимые траектории завершились титаническими сотрясениями.

Первый атомный взрыв, уничтоживший Нью-Йорк, резко встряхнул особняк Престейна. Стены и пол свели страшные судороги. Гости пова-

лились на роскошную мебель и друг на друга. Удар следовал за ударом. Почва содрогалась от землетрясений. Оглушающие, леденящие душу взрывы, неестественно бледные вспышки лишали людей рассудка, оставив лишь голый, примитивный ужас обезумевших животных, в панике вопящих, спасающихся, бегущих. За пять секунд новогодний вечер у Престейна из изысканного приема превратился в дикий хаос.

Фойл поднялся с пола. Он посмотрел на сплетенные, извивающиеся тела на паркете, заметил пытающуюся освободиться Джизбеллу, сделал шаг вперед и остановился. Вокруг продолжало грохотать. Он увидел ошеломленную и раненую Робин Уэднесбери, еле поднимающую голову, и сделал шаг к ней, но снова остановился. Он понял, куда должен идти.

Фойл ускорился. Грохот и молнии обратились вдруг в скрежетанье и мельтешенье. Конвульсии землетрясений стали волнообразными покачиваниями. Фойл перерыл весь колоссальный дворец, пока, наконец, не нашел ее в саду, стоящей на мраморной скамье — мраморная статуя для его ускоренных чувств… статуя экзальтации.

Он замедлился. Ощущения скачком вернулись в норму, и снова он был оглушен и ослеплён.

— Леди Оливия, — окликнул Фойл.

— Кто это?

— Паяц.

— Формайл?

— Да.

— Вы меня искали? Я тронута, воистину тронута.

— Вы с ума сошли… Стоять здесь, на открытом месте… Молю вас позволить мне…

— Нет, нет. Это прекрасно… Великолепно!

— Позвольте мне джантировать с вами в какое-нибудь укрытие.

— А, вы представляетесь себе доблестным рыцарем в доспехах? Благодарны и преданны… Это вам не подходит, мой дорогой. У вас нет к этому склонности. Лучше вам уйти.

— Я останусь.

— Как влюбленный в красоту?

— Как влюбленный.

— Вы все так же утомительны, Формайл. Ну, вдохновитесь! Это Армагеддон… Расцветающее Уродство… Расскажите мне, что вы видите.

— Немногое, — ответил он, оглядываясь и морщась. — Над всем горизонтом свет. Стремительные облака света. А выше… сияние. Словно переливаются огоньки новогодней гирлянды.

— О, вы так мало видите своими глазами… Представьте, что вижу я. В небе раскинулся купол. Цвета меняются от темного привкуса до сверкающего ожога. Так я назвала открытые мне краски. Что это может быть за купол?

— Радарный экран, — пробормотал Фойл.

— И еще… громадные копья света, рвущиеся вверх, покачивающиеся, извивающиеся, колеблющиеся, танцующие. Что это?

— Следящие лучи. Вы видите всю электронную систему обороны.

— Я вижу и летящие бомбы… резкие мазки того, что вы зовете красным. Но не вашего красного — моего. Почему я их вижу?

— Они нагреты трением о воздух, но инертная свинцовая оболочка для нас бесцветна.

— Смотрите, вам гораздо лучше удается роль Галилея, чем Галахада! О! Вот одна появилась на востоке. Следите! Падает, падает, падает… Ну!!

Яркая вспышка на востоке доказала, что это не плод ее воображения.

— А вот другая на севере. Очень близко. Очень. Сейчас!

Земля всколыхнулась.

— И взрывы, Формайл… Не просто облака света — ткань, плетенье, паучья сеть перемешавшихся

красок. Так прекрасно. Будто изысканный саван.

— Так оно и есть, леди Оливия, — отрезвляюще заметил Фойл.

— Вы боитесь?

— Да.

— Тогда убегайте.

— Нет.

— В вас сидит дух противоречия.

— Не знаю. Я испуган, но не уйду.

— Вы нагло выкручиваетесь. Бравируете рыцарской отвагой? Хрипловатый голос зазвучал язвительно. — Только подумайте, Галахад… Ну сколько времени нужно, чтобы джантировать? Через считанные секунды вы можете быть в Мексике, Канаде, Аляске. В полной безопасности. Там сейчас наверняка миллионы. В городе, вероятно, никого, кроме нас, не осталось.

— Не каждый может джантировать так далеко и так быстро.

— Значит, мы последние из тех, кто идет в расчет. Почему вы не бросите меня? Меня скоро убьют. Никто не узнает, что вы струсили и задали стрекача.

— Дрянь!

— Ага, вы злитесь. Что за грубый язык. Это первый признак слабости. Почему же вам не

применить силу и в моих же интересах унести меня? Это был бы второй признак.

— Будь ты проклята!

Он подступил к ней вплотную, яростно сжав кулаки. Она коснулась его щеки холодной спокойной рукой, и снова Фойл ощутил электрический удар.

— Нет, слишком поздно, мой милый, — тихо произнесла она. — Сюда летит целый рой красных мазков… ниже, ниже… ниже... прямо на нас. Нам не спастись. Теперь — быстро! Беги! Джантируй! Возьми меня с собой! Быстро! Быстро!

Он схватил ее.

— Дрянь! Никогда!

Он сжал ее, нашел мягкий коралловый рот и поцеловал. Он терзал ее губы и ждал конца.

Ничего не произошло.

— Надули! — воскликнул он.

Она рассмеялась. Фойл вновь поцеловал ее и, наконец, заставил себя разжать объятья. Она глубоко вздохнула, затем снова засмеялась, сверкая коралловыми глазами.

— Все кончено, — сказала она.

— Ничего еще не начиналось.

— Ты имеешь в виду войну?

— Войну между нами.

— Так пусть же будет война! — неистово проговорила она. — Ты первый, кого не обманула моя внешность. О, боже! Скука обходительного рыцарства и сладенькая любовь к принцессе. Но я не такая… внутри. Не такая… Не такая. Нет. Да здравствует свирепая, жестокая, беспощадная война между нами. Не побеждай меня… — уничтожь!

Внезапно она снова стала леди Оливия, надменная снежная дева.

— Боюсь, что обстрел прекратился, мой дорогой Формайл. Представление окончено. Что за восхитительная прелюдия к Новому Году!.. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи?! — недоверчиво откликнулся тот.

— Спокойной ночи, — повторила она. — Право, любезный Формайл, неужели вы столь неотесанны, что не замечаете, когда надоели? Можете идти.

Фойл заколебался, судорожно пытаясь найти нужные слова, затем повернулся и, пошатываясь, вышел из дома. Он дрожал от возбуждения и брел, как в тумане, едва осознавая беспорядок и смятение вокруг. Горизонт был залит полыханием огненных языков. Взрывные волны так

разворошили атмосферу, что до сих пор то и дело со свистом налетали шквалы ветра. Многие здания были повреждены — стекло разбилось, сталь покорежилась, карнизы обвалились. Город был полуразрушен — несмотря на то, что избежал прямых попаданий.

Улицы пустовали. Все население Нью-Йорка джантировало в отчаянных поисках безопасности… на пределе своих возможностей… на пять миль, на пятьдесят, на пятьсот. Некоторые джантировали прямо под удар бомбы. Тысячи погибли в джант-взрывах, поскольку общественные джант-площадки не были рассчитаны на такой массовый исход.

Фойл осознал, что на улицах стали появляться спасатели в белых защитных костюмах. Властный окрик напомнил ему, что его могут поставить на аварийные работы. Проблемы эвакуации джантирующего населения не было, а вот вынудить людей вернуться, восстановить порядок… Файл никак не намеревался неделю провести в борьбе с пожарами и грабителями. Он ускорился и ускользнул от Аварийной Команды.

На Пятой Авеню он замедлился-; ускорение пожирало огромное количество энергии. Долгие периоды ускорения требовали потом многих

дней восстановления сил.

Грабители и джек-джантеры уже хозяйничали на Авеню — по одиночке и бандами, трусливые, но свирепые; шакалы, раздирающие тело живого, беспомощного животного. Сегодня город принадлежал им, и они орудовали без стеснения. Они налетели на Фойла.

— Я не в настроении, — предупредил он, — Поиграйте с кем-нибудь другим.

Он вывернул все карманы и швырнул им деньги. Они торопливо схватили их, но остались неудовлетворены. Они жаждали забавы, и беспомощный джентльмен вполне мог ее предоставить. С полдюжины бандитов окружили Фойла тесным кольцом.

— Добрый джентльмен, — скалились они. — Давай повеселимся.

Фойл однажды видел изуродованное тело одной из жертв их веселья. Он вздохнул и с трудом отрешился от образа Оливии Престейн.

— Ну что ж, — сказал он, — Повеселимся.

Он нащупал пульт управления во рту и на двадцать губительных секунд превратился в самую смертоносную боевую машину… коммандос-убийца. Все происходило как будто помимо его воли; тело просто следовало вживленным

в мускулы навыкам и рефлексам… На тротуаре остались лежать шесть трупов.

Собор Святого Патрика стоял незыблемый, вечный, своим величием подавляя крошечные языки пламени, лизавшие позеленевшую медь крыши. Он был пуст. Освещенные и обставленные, шатры Пятимильного Цирка заполняли неф церкви, но люди их покинули. Слуги, повара, камердинеры, атлеты, лакеи, философы и мошенники поспешно бежали.

— Но они вернутся пограбить, — пробормотал Фойл.

Он вошел в свой шатер — и увидел сгорбившуюся на ковре фигурку в белом, что-то невнятно про себя мычащую. Это была Робин Уэднсбери — платья в клочья, рассудок в клочья.

— Робин!

Она продолжала мычать. Он поднял ее на ноги, встряхнул, ударил по лицу. Она просияла и продолжала мычать. Фойл достал шприц и ввел ей лошадиную дозу ниацина. Отрезвляющее действие наркотика на ее патетическое бегство от реальности было чудовищно. Ее буквально вывернуло наизнанку. Атласная кожа побелела, прекрасное лицо исказилось. Она узнала Фойла, вспомнила то, что пыталась забыть, закричала и

упала на колени. Она зарыдала.

— Так-то лучше, — произнес Фойл. — Ты великая любительница спасаться бегством. Сперва самоубийство. Теперь это. Что следующее?

— *Уйди.*

— Возможно, религия. Ты чудесно впишешься в какую-нибудь секту. Примешь муки за веру… В состоянии ты смотреть жизни прямо в глаза?

— *Разве тебе никогда не приходилось убегать?*

— Никогда. Бегство — для неврастеников.

— *Неврастеник… Любимое слово нашего образованного умника… Ты ведь образован, не правда ли? Так образован. Так уравновешен. Так спокоен. Да ты удирал всю свою жизнь!*

— Я?! Никогда. Всю свою жизнь я преследовал.

— *Ты удирал. Ты уходил от реальной жизни, нападая на нее… отрицая ее… уничтожая ее… Вот что ты делал.*

— Что?! — Фойл резко встрепенулся. — Ты хочешь сказать, будто я от чего-то спасался?

— *Безусловно.*

— От чего же?

— *От реальности. Ты не в состоянии принять жизнь такой, какая она есть. Ты отказываешься это сделать. Ты пытаешься загнать все в твои собственные рамки. Ты ненавидишь и уничтожа-*

ешь все, что не укладывается в твои безумные рамки. — Она подняла залитое слезами лицо. — Я больше не могу это выдержать. Отпусти меня.

— Отпустить?.. Куда?

— Жить своей жизнью.

— А как же твоя семья?

— ..И искать их самой.

— Почему? Что случилось?

— Слишком много… нет сил… ты *и* война… потому что ты так же страшен, как и война. Страшнее. Что случилось со мной сегодня, происходит постоянно, когда я с тобой. Я могу вынести либо одно, либо другое — но не вместе.

— Нет, — отрезал Фойл. — Ты мне нужна.

— Я готова выкупить себя.

— Каким образом?

— Ты потерял все нити, ведущие к «Ворге», не правда ли?

— И?

— Я нашла еще одну.

— Где?

— Не имеет значения. Ты согласен отпустить меня, если я тебе ее передам?

— Я могу вырвать силой.

— Можешь? После сегодняшней бомбежки? Попробуй.

Он был захвачен врасплох ее вызовом.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Я дам тебе намек. Помнишь того человека в Австралии?

— Форреста?

— Да. Он пытался назвать имена своих товарищей. Помнишь единственное имя, которое он сумел произнести?

— Кемп.

— Он умер, не успев закончить. То имя — Кемпси.

— Это и есть твоя нить?

— Да. Кемпси. Имя и адрес. В обмен на твое обещание отпустить меня.

— По рукам, — сказал он, — Ты свободна. Выкладывай.

Робин подошла к дорожному платью, в котором была в Шанхае, и достала из кармана обгоревший клочок бумаги.

— Я заметила это на столе Ореля, когда пыталась потушить пожар… пожар, который устроил Горящий Человек..

Это был обрывок письма.

«…все, что угодно, только бы вырваться из этого ада. Почему с человеком надо обращаться, как с паршивой собакой, лишь из-за того, что он не

умеет джантировать?! Пожалуйста, помоги мне, прошу Спаси старого товарища по кораблю, который нельзя упоминать. Неужели ты не найдешь 100 Кр? Помнишь, я выручал тебя… Пошли 100 Кр… хотя бы 50. Не покидай меня в беде. Родж Кемпси.

Барак № 3.

„Бактерия, Инк.“

Море Спокойствия, Луна».

— Боже мой! — вскричал Фойл. — Это действительно нить! На этот раз ничто нам не помешает. Я выжму из него все… все. — Он криво ухмыльнулся Робин. — Мы летим на Луну завтра вечером. Закажи билеты. Нет. Купи корабль. Теперь, после атаки, от них будут отделываться по дешевке.

— Мы? — потрясенно проговорила Робин. — Не мы, а ты.

— Нет, мы. Мы летим на Луну. Вдвоем.

— Я ухожу.

— Ты никуда не уходишь. Ты остаешься со мной.

— Но ты поклялся…

— Уймись, девочка. Пора взяться за ум. Ради этого бы я поклялся чем угодно. Теперь ты мне нужна больше, чем когда-либо. Не для «Ворги». С «Воргой» я справлюсь сам. Есть кое-что гораздо

более важное.

Он посмотрел на ее все еще недоверчивое лицо и сочувственно улыбнулся.

— Мне очень жаль, — девочка. Если бы ты дала мне это письмо два часа назад, я бы сдержал свое слово. Но сейчас слишком поздно. Мне нужен Доверенный Секретарь. Я влюблен в Оливию Престейн.

Робин вскочила на ноги, словно сгусток живой ярости.

— Ты влюблен в нее? В Оливию Престейн?! В этот белый труп! — Ее горькое негодование явилось для него ошеломляющим открытием. *— Вот теперь ты потерял меня. Навсегда. Теперь я тебя уничтожу!*

Она исчезла.

12

Капитан Питер Йанг-Йовил принимал донесения в Центральном Разведывательном Штабе в Лондоне со скоростью шесть в минуту. Сообщения приходили по телефону, по телеграфу, по радио, с джант-курьерами. Сложившаяся после бомбардировки ситуация быстро прояснялась.

ОБСТРЕЛ НАКРЫЛ СЕВ. И ЮЖ. АМЕРИКУ ОТ 60

ДО 120° ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ…ОТ ЛАБРАДОРА ДО АЛЯСКИ… ОТ РИО ДО ЭКВАДОРА… ПО ПРИБЛИЖЕННЫМ ОЦЕНКАМ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ (10 %) РАКЕТ ПРОНИКЛО ЧЕРЕЗ ЗАЩИТНЫЙ ЭКРАН… ОРИЕНТИРОВОЧНЫЕ ПОТЕРИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ: ОТ ДЕСЯТИ ДО ДВАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ…

— Спасибо, что существует джантация, — сказал Йанг-Йовил. — Иначе потери были бы в пять раз больше. Но все равно, это нокаут. Еще один такой удар, и с Землей покончено.

Он обращался к помощникам, джантирующим туда и обратно, появляющимся и исчезающим. Они кидали на его стол донесения и мелом заносили результаты и уравнения на стеклянную доску, занимавшую всю стену.

Здесь действовали без церемоний, и Йанг-Йовил был удивлен и насторожен, когда один из помощников постучал в дверь и вошел с соблюдением всех формальностей.

— Ну, что вы еще придумали? — едко спросил он.

— К вам дама.

— Сейчас не время ломать комедии, — раздраженно бросил Йанг-Йовил. Он указал на доску, красноречиво отражавшую весь ужас положе-

ния. — Прочти и поплачь на обратном пути.

— Не обычная дама, Йео. Ваша Венера с Испанской Лестницы.

— Что? Какая Венера?

— Ваша чернокожая Венера.

— Как?.. Та самая?.. — Йанг-Йовил покраснел. — Пусть войдет.

— Вы будете допрашивать ее с глазу на глаз, разумеется?

— Не ехидничай, пожалуйста. Идет война. Если я кому-нибудь понадоблюсь, пускай обращаются ко мне на Секретном Языке.

Робин Уэднесбери ступила в кабинет все в том же рваном белом платье. Она джантировала из Нью-Йорка в Лондон, даже не переодевшись. Грязное и искаженное, ее лицо сохраняло красоту. Йанг-Йовил мгновенно окинул ее взглядом и пришел к выводу, что его первое впечатление было верным. Робин ответила столь же оценивающим взглядом, и ее глаза расширились.

— Вы… повар с Испанской Лестницы! Анжело Погги!

Как офицер Разведки, Йанг-Йовил был готов справиться с критической ситуацией.

— Не повар, мадам. Я не имел возможности проявить свою истинную чарующую личность.

Пожалуйста, садитесь, мисс…

— Уэднесбери. Робин Уэднесбери.

— Очень приятно. Капитан Йанг-Йовил. Как мило с вашей стороны навестить меня, мисс Робин. Вы избавили меня от долгих поисков.

— Н-но я не понимаю. Что вы делали на Испанской Лестнице? Зачем…

Йанг-Йовил обратил внимание, что губы ее не шевелятся.

— О, так вы телепат, мисс Уэднесбери? Как это может быть? Я считал, что знаю всех телепатов.

— Я не телепат. Я могу только слать… а не принимать.

— Что, разумеется, обесценивает ваш дар. Понимаю. — Йанг-Йовил грустно покачал головой. — Что за подлость, мисс Уэднесбери… в полной мере ощущать все недостатки телепатии и в то же время быть лишенной ее преимуществ. Поверьте, я сочувствую вам.

— Господи, он первый, кто понял это сам, без разъяснений…

— Осторожней, мисс Уэднесбери. Я принимаю ваши мысли. Ну, так что же Испанская Лестница?..

Но она не могла справиться со своей тревогой.

— Он меня выслеживал? Из-за семьи? О, ужасно.

Меня будут пытать… Выбивать информацию… Я…

— Моя милая девочка, — мягко произнес Йанг-Йовил. Он взял ее руки и ласково сжал их. — Послушайте. Вы зря волнуетесь. Очевидно, вы числитесь в черных списках, так?

Она кивнула.

— Это плохо, но сейчас не будем об этом беспокоиться. То, что в Разведке мучают людей, выбивая информацию… пропаганда.

— Пропаганда?

— Мы не звери, мисс Уэднесбери. Нам известно, как заставить людей говорить, не прибегая к средневековой жестокости. Но мы специально распространяем подобные слухи, чтобы, так сказать, заранее подготовить почву.

— Правда? Он лжет. Пытается обмануть меня.

— Это правда, мисс Уэднесбери. Я действительно иногда прибегаю к хитрости, но сейчас в этом нет нужды. За, чем? — когда вы пришли сюда по доброй воле.

— Он слишком находчив… слишком быстр. Он…

— Мне кажется, вас жестоко обманули недавно, мисс Уэднесбери… Жестоко обидели.

— Да. Но это, в основном, моих рук дело. Я дура. Проклятая дура!

— Никак не дура, мисс Уэднесбери, и ни в коем случае не проклятая. Не знаю, что могло так подорвать вашу уверенность в себе, но я надеюсь восстановить ее. Итак… вы обмануты? В основном, сами собой? Что ж, это с каждым бывает. Но вам ведь кто-то помогал… Кто?

— Я *предаю его.*

— Тогда не говорите.

— Но я должна найти мать и сестер… Я не могу ему больше верить… — Робин глубоко вздохнула. — Я хочу рассказать вам о человеке по имени Гулливер Фойл.

— Правда, что он приехал по железной дороге? — спросила Оливия Престейн. — На паровозе с вагончиком? Какая удивительная смелость.

— Да, это замечательный молодой человек, — ответил Престейн. Они находились в приемной зале своего особняка, вдвоем во всем доме. Престейн стоял на страже чести и жизни, ожидая возвращения бежавших в панике слуг, и невозмутимо развлекал дочь беседой, не позволяя ей догадаться, какой серьезной опасности они подвергались.

— Папа, я устала.

— У нас была тяжелая ночь, дорогая. Но я прошу тебя пока не уходить.

— Почему?

— Мне одиноко, Оливия. Поговорим еще немного.

— Я сделала дерзкую вещь, папа. Я следила за обстрелом из сада.

— Как! Одна?

— Нет. С Формайлом.

В запертую дверь заколотили.

— Кто это?

— Бандиты, — спокойно сказал Престейн. — Не тревожься, Оливия. Они не войдут, — Он шагнул к столу, где аккуратно в ряд выложил оружие. — Нет никакой опасности. — Он попытался отвлечь ее. — Ты говорила мне о Формайле…

— Ах, да. Мы смотрели вместе… описывая друг другу увиденное.

— Без компаньонки? Это неблагоразумно, Оливия.

— Знаю, я вела себя недостойно. Он казался таким большим, таким спокойным, таким самоуверенным, что я решила разыграть леди Надменность. Помнишь мисс Пост, мою гувернантку, такую бесстрастную и высокомерную, что я прозвала ее леди Надменность? Я вела себя,

как леди Надменность. Он пришел в ярость, папа. Поэтому отправился искать меня в саду.

— И ты позволила ему остаться? Я поражен, дорогая.

— Я тоже. Я, наверное, наполовину сошла с ума от возбуждения. Как он выглядит, папа? Как он тебе показался?

— Он действительно большой. Высокий, жгуче-черный, довольно загадочный. Похож на Борджиа. Он мечется между наглостью и дикостью.

— Ага, так он дикарь, да? Я почувствовала это. Он излучает угрозу… Большинство людей просто мерцают… он же искрится, как молния. Ужасно захватывающе.

— Дорогая, — нравоучительно указал Престейн. — Твои слова недостойны скромной девушки. Я бы огорчился, любовь моя, если бы у тебя появилось романтическое влечение к такому парню, как этот Формайл.

В зал стали джантировать слуги, повара, официанты, лакеи, камердинеры, кучера, горничные. Все они были пристыжены своим паническим бегством.

— Вы бросили свои посты. Это не будет забыто, — холодно отчеканил Престейн. — Моя

безопасность и моя честь снова в ваших руках. Берегите их. Леди Оливия и я удаляемся на покой.

Он взял дочь за руку и помог ей подняться по лестнице, ревностно охраняя свою ледяную принцессу.

— Кровь и деньги, — пробормотал Престейн.

— Что, папа?

— Я подумал о семейном пороке, Оливия. Какое счастье, что ты не унаследовала его.

— Что это за порок?

— Тебе незачем знать. Это все, что у нас есть общего с Формайлом.

— Значит, он испорчен? Я почувствовала. Как Борджиа, ты сказал. Безнравственный Борджиа, с черными глазами и печатью на лице.

— С печатью?

— Да. Я видела какие-то линии… не обычную электрическую сеть нервов и мышц. Что-то на это накладывается. Это поразило меня с самого начала. Фантастическая, чудовищно порочная печать… Не могу описать ее. Дай мне карандаш, я попробую нарисовать.

Они остановились перед чиппендельским секретером. Престейн достал плиту оправленного в серебро хрусталя. Оливия прикоснулась к ней кончиком пальца; появилась черная точка. Она

повела палец, и точка превратилась в линию. Быстрыми штрихами она набросала кошмарные завихрения дьявольской тигриной маски.

Саул Дагенхем покинул затемненную спальню. Через секунду ее залил свет, излучаемый одной стеной. Казалось, гигантское зеркало отражало покои Джизбеллы, но с одним причудливым искажением. В постели лежала Джизбелла, а в отражении на постели сидел Дагенхем. Зеркало было на самом деле свинцовым стеклом, разделяющим две одинаковые комнаты. Дагенхем только что включил в своей свет.

— Любовь по часам, — раздался в динамике голос Дагенхема. — Отвратительно.

— Нет, Саул. Нет.

— Низко.

— Снова нет.

— Горько.

— Нет. Ты жаден. Довольствуйся тем, что имеешь.

— Богу известно, это больше, чем я когда-либо имел. Ты прекрасна.

— Ты любишь крайности… Спи, милый. Завтра едем кататься на лыжах.

— Нет, мои планы изменились. Надо работать.

— Саул… ты же обещал. Достаточно работы,

волнений и беготни. Ты не собираешься сдержать, слово?

— Не могу. Идет война.

— К черту войну. Ты уже в полной мере пожертвовал собой. Что еще они могут требовать от тебя?

— Я должен окончить работу.

— Я помогу тебе.

— Нет. Не вмешивайся в это.

— Ты мне не доверяешь.

— Я не хочу тебе вреда.

— Ничто не может повредить нам.

— Фойл может.

— Ч-что?..

— Формайл — Фойл. Ты знаешь это. Я знаю, что ты знаешь.

— Но я никогда…

— Да, ты мне не говорила. Ты прекрасна. Так же храни верность и мне, Джизбелла.

— Тогда Каким образом ты узнал?

— Фойл допустил ошибку.

— Как?

— Имя.

— Формайл с Цереса? Он купил его.

— Но Джеффри Формайл?

— Просто выдумал.

— Полагает, что выдумал… Он его помнит. Формайл — имя, которое используют в Мегалане. В свое время я применял к Фойлу все пытки Объединенного Госпиталя в Мехико. Имя осталось глубоко в его памяти и всплыло, когда он подыскивал себе новое.

— Бедный Гулли.

Дагенхем улыбнулся.

— Да. Как мы ни защищаемся от внешних врагов, нас всегда подводят внутренние. Против измены нет защиты, и мы все предаем себя.

— Что ты собираешься делать, Саул?

— Покончить с ним, разумеется.

— Ради двадцати фунтов ПирЕ?

— Нет. Чтобы вырвать победу в проигранной войне.

— Что? — Джизбелла подошла к стеклянной перегородке, разделяющей комнаты. — Саул, ты? Патриотичен?

Он кивнул, почти смущенно.

— Странно. Абсурдно. Но это так. Ты изменила меня полностью. Я снова нормальный человек.

Он прижал лицо к стене, и они поцеловались через три дюйма свинцового стекла.

Море Спокойствия идеально подходило для выращивания анаэробных бактерий, редких пле-

сеней, грибков и прочих видов микроорганизмов, требующих безвоздушного культивирования и столь необходимых медицине и промышленности.

«Бактерия, Инк.» была огромной мозаикой возделанных полей, разбросанных вокруг скопления бараков и контор. Каждое поле представляло собой гигантскую кадку ста футов в диаметре, двенадцати футов высотой и не более двух молекул толщиной.

За день до того, как линия восхода, ползущая по поверхности Луны, достигала Моря Спокойствия, кадки заполнялись питательной средой. На восходе — резком и слепящем на безвоздушном спутнике — их засевали, и на протяжении следующих четырнадцати дней непрерывного солнца лелеяли, прикрывали, подкармливали мельтешащие фигурки полевых рабочих в скафандрах. Перед заходом урожай снимали, а кадки оставляли на мороз и стерилизацию двухнедельной лунной ночи.

Джантация была не нужна для этой кропотливой работы. «Бактерия, Инк.» нанимала несчастных, неспособных к джантации, и платила им жалкие гроши. Самый непрестижный труд; занимались им отбросы и подонки со всей

Солнечной системы. И бараки «Бактерии, Инк.» во время вынужденного четырнадцатидневного безделья напоминали Ад. Фойл убедился в этом, войдя в барак № 3.

Ему открылась ужасающая картина. Большое помещение ходило ходуном. Две сотни мужчин жрали, пили, сидели, лежали ничком, тупо смотрели на стены, плясали и горланили. Между ними сновали шлюхи и пронырливые сводники, профессиональные игроки с раскладными столиками, торговцы наркотиками, ростовщики и воры. Клубы табачного дыма перекрывала вонь пота, сивухи и Аналога. На полу валялись безжизненные тела, разбросанное белье, одежда, пустые бутылки и гниющая пища.

Дикий рев отметил появление Фойла, но он был приготовлен.

— Кемпси? — спокойно сказал он первой искаженной роже, возникшей в сантиметрах от его лица. И вместо ответа услышал хохот. Он улыбнулся и сунул банкноту в 100 Кр. — Кемпси? — спросил он другого. И вместо ответа услышал проклятья. Но он снова заплатил и безмятежно стал проталкиваться вглубь, спокойно раздавая банкноты в благодарность за насмешки и оскорбления. В середине барака он нашел того, кого

искал, — капо, огромного, чудовищно безобразного зверя. Громила возился с двумя проститутками и лакал виски, подносимое льстивыми руками лизоблюдов.

— Кемпси? — обратился Фойл на незабытом языке отродья городских трущоб. — Нужно Роджера Кемпси.

— Тебе ни шиша не нужно, — ответил громила, выбрасывая вперед огромную лапу, — Гони монету.

Толпа радостно взревела. Фойл оскалился и плюнул ему в глаз. Все испуганно застыли. Громила отшвырнул проституток и яростно кинулся на Фойла. Через пять секунд он ползал на полу; Фойл придавил его шею ногой.

— Нужно Кемпси, — ласково проговорил Фойл. — Сильно нужно. Лучше скажи, а не то конец тебе, и все.

— В уборной! — прохрипел громила. — Отсиживается. Он всегда там…

Фойл презрительно швырнул остаток денег и быстрым шагом прошел в уборную.

Кемпси скорчился в углу, прижав лицо к стене, глухо постанывая в однообразном ритме, очевидно, не первый час.

— Кемпси?

Ему ответило мычание.

— Что такое, ты?

— Одежда… — всхлипнул Кемпси. — Одежда. Везде. Повсюду. Одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо… Одежда. Кругом одежда.

— Вставай. Вставай, ты.

— Одежда. Везде одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо…

— Кемпси, очнись. Меня прислал Орель.

Кемпси перестал стонать и повернул к Фойлу распухшее лицо.

— Кто? Кто?

— Меня прислал Орель. Я помогу тебе. Ты свободен. Уносим ноги.

— Когда?

— Сейчас.

— Благослови его бог! О, господи, благослови?

Кемпси неуклюже запрыгал. Исцарапанное багровое лицо его расплылось в искаженной улыбке. Он надтреснуто смеялся и скакал; Фойл вывел его из уборной. Но в бараке Кемпси снова застонал и заплакал. Они шли по длинному помещению, а голые шлюхи хватали охапки грязной одежды и трясли перед его глазами… Кемпси что-то нечленораздельно хрипел и трясся; на губах его выступила пена.

— Что такое, с ним? — спросил Фойл у громилы на языке уличных подонков.

Громила демонстрировал ныне почтительный нейтралитет, если не горячую любовь.

— Всегда так, он. Сунешь рванье — и дергается.

— Чего он?

— Чего? Чокнутый, и все.

В тамбуре Фойл натянул на себя и Кемпси скафандры и вывел его на ракетное поле. Антигравитационные лучи бледными пальцами тянулись из шахт к зависшей в ночном небе горбатой Земле. В яхте Фойл достал из шкафчика бутылку и ампулу, нашел стакан и спрятал ампулу в ладони.

Кемпси жадно глотнул виски, — все еще потрясенный, все еще ликующий.

— Свободен, — бормотал он. — Благослови его бог! Свободен… — Он снова выпил. — Что я пережил… До сих пор не могу поверить. Это словно во сне. Почему мы не взлетаем? Я… — Кемпси подавился и выронил стакан, в ужасе глядя на Фойла. — Твое лицо! — воскликнул он. — Боже мой, твое лицо! Что с ним случилось?

— Ты с ним случился, ты, сволочь! — вскричал Фойл.

Он прыгнул — подобранный, как тигр, же-

стокий, как тигр, пылая тигриной маской, — и метнул ампулу. Та вошла в шею Кемпси и, подрагивая, повисла. У Кемпси подогнулись ноги.

Фойл ускорился, подхватил тело в падении и понес в правую каюту. На яхте было всего две каюты, и обе Фойл подготовил заранее. Правая каюта была превращена в операционную. Фойл, привязав тело к столу, открыл чемоданчик с инструментами и начал тончайшую операцию, технику которой усвоил в то же утро гипнообучением… операцию, возможную только благодаря его пятикратному ускорению.

Он разрезал кожу и фасцию, пропилил грудную клетку, обнажил сердце, рассек его и соединил вены и артерии с механизмом искусственного кровообращения, находящимся рядом со столом. Потом наложил на лицо Кемпси маску и включил кислородный насос. Прошло двадцать секунд объективного времени.

Фойл замедлился, проверил температуру Кемпси, сделал противошоковый укол и стал ждать. Клокочущая кровь шла через насос в тело Кемпси. Через пять минут Фойл снял кислородную маску. Дыхательный рефлекс поддерживался. Кемпси жил без сердца. Фойл сидел у операционного стола и ждал. На лице его горело клеймо.

Кемпси был без сознания.

Фойл ждал.

Кемпси пришел в себя и закричал.

Фойл вскочил, затянул ремни и склонился над распростертым телом.

— Здравствуй, Кемпси.

Кемпси кричал.

— Взгляни на себя, Кемпси. Ты мертв.

Кемпси потерял сознание. Фойл наложил кислородную маску и привел его в чувство.

— Дай мне умереть, дай мне умереть, ради бога!

— В чем дело? Что, больно? Я умирал шесть месяцев и не выл.

— Дай мне умереть…

— В свое время… В свое время… если будешь вести себя как следует. Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на «Ворге»…

— О, боже, дай умереть…

— Ты был на «Ворге»?

— Да.

— Вам встретились остатки кораблекрушения. Обломки «Номада». С «Номада» попросили помощи, а вы прошли мимо. Так?

— Да.

— Почему?

— Господи! О, господи, помоги мне!

— Почему?

— Боже мой!

— На «Номаде» был я, Кемпси. Почему вы обрекли меня на смерть?

— О, боже мой, боже мой! Господи, спаси меня!

— Я спасу тебя, Кемпси, если ты мне ответишь. Почему вы бросили меня?

— Мы не могли.

— Не могли взять на борт? Почему?

— Беженцы.

— А-а, значит, я верно догадался. Вы везли беженцев с Каллисто?

— Да.

— Сколько?

— Шестьсот.

— Это немало, но еще для одного места бы хватило. Почему вы меня не подобрали?

— Мы их прикончили.

— Что?! — вскричал Фойл.

— За борт… всех… шестьсот человек… Раздели донага… забрали их одежду, деньги, вещи, драгоценности… За борт, всех, пачками… Боже! Одежда по всему кораблю… Они кричат и… о, господи, если б я только мог забыть! Женщины… голые… синие… вокруг нас. Одежда… Везде одежда…

Шестьсот человек!

— Вы взяли с них деньги, даже и не думая везти на Землю? Ты, сволочь, отвечай, быстро!

— Да.

— Почему не подобрали меня?

— Все равно пришлось бы выбросить за борт.

— Кто отдал приказ?

— Капитан.

— Имя!

— Джойс. Линдси Джойс.

— Адрес!

— Колония Склотски, Марс.

— Что?! — Фойл был оглушен. — Он — Склотски? Я шел по его следам, я гнал его год, я все отдал… и не могу прикоснуться… причинить боль… заставить почувствовать то, что чувствовал я?! — Он отвернулся от корчащегося на столе человека, равно корчась от крушения всех надежд. — Склотски! Единственное, о чем я никогда не думал… Что мне делать?! Что же мне делать?! — взревел он в ярости. Клеймо ярко пылало на его лице.

Фойл пришел в себя от стона Кемпси. Он шагнул к столу и наклонился над рассеченным телом.

— Давай-ка напоследок все уточним. Это Линдси Джойс приказал избавиться от беженцев?

— Да.

— И бросить меня гнить?

— Да. Да. Ради всего святого, довольно. Дай мне умереть.

— Живи, свинья!., мерзкий и бессердечный ублюдок! Живи без сердца. Живи и страдай. Ты у меня будешь жить долго, ты…

Уголком глаз Фойл заметил яркую вспышку и поднял голову. Его горящий лик заглядывал в большой квадратный иллюминатор каюты. Фойл прыгнул к иллюминатору, и пылающий человек исчез.

Фойл выбежал из каюты и помчался в контрольную рубку, дающую обзор на 270°. Горящего Человека нигде не было.

— Этого не может быть, — пробормотал он. — Не может быть такого. Это знак; знак удачи… ангел-спаситель. Он спас меня на Испанской Лестнице. Он велит мне не сдаваться и разыскать Линдси Джойса.

Фойл пристегнулся к пилотскому креслу, врубил двигатель и выжал полное ускорение.

— Линдси Джойс, Колония Склотски, Марс, — шептал он, противясь железной силе, вдавившей его в кресло. — Склотски… Без чувств, без радости, без боли… Он недостижим… Как покарать

его? Мучать, пытать? Затащить в левую каюту и заставить почувствовать то, что чувствовал я, брошенный на «Номаде»? Проклятье! Он все равно, что мертв! Он и есть труп. Живой, ходячий труп. А мне надо победить безжизненное тело и заставить его ощутить боль. Подойти так близко к цели… и оказаться перед захлопнутой дверью. Кошмарный удар… Крушение. Как отомстить?

Через час он освободился от ускорения и ярости, отстегнул ремни и вспомнил о Кемпси. В операционной царила тишина. Перегрузки нарушили работу насоса. Кемпси был мертв.

Неожиданно Фойла захлестнуло новое, незнакомое чувство — отвращение к себе. Он отчаянно попытался побороть его.

— В чем дело, ты? — шептал он. — Подумай о шести сотнях убитых… Подумай о себе… Никак превращаешься в добродетельного христианина-подвальника… готов подставить другую щеку и заскулить о прощении… Оливия, что ты творишь со мной? Силы прошу, а не трусости…

И все же он отвел глаза, выбрасывая тело за борт.

13

ВСЕ ЛИЦА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЛУЖБЕ У ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА ИЛИ СВЯЗАННЫЕ С НИМ ИНЫМ ОБРАЗОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАДЕРЖАНЫ И ПОДВЕРГНУТЬ! ДОПРОСУ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

ВСЕМ СЛУЖАЩИМ КОМПАНИИ В СЛУЧАЕ ПОЯВЛЕНИЯ НЕКОЕГО ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА НЕМЕДЛЕННО ДОКЛАДЫВАТЬ МЕСТНОМУ МИСТЕРУ ПРЕСТО.

ВСЕМ КУРЬЕРАМ. ОСТАВИТЬ ТЕКУЩИЕ ПОРУЧЕНИЯ И ЯВИТЬСЯ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАНИЯ ПО ДЕЛУ ФОЙЛА. ДАГЕНХЕМ.

ПОД ПРЕДЛОГОМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕКРАТИТЬ ВСЕ БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ. ЦЕЛЬ — ОТРЕЗАТЬ ФОЙЛА ОТ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

КАЖДОЕ ЛИЦО, НАВОДЯЩЕЕ СПРАВКИ О К/К «ВОРГА», ДОСТАВЛЯТЬ В ЗАМОК ПРЕСТЕЙНА ДЛЯ ПРОВЕРКИ. ПРЕСТЕЙН.

ВСЕ ПОРТЫ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ ПРИВЕСТИ В СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРИБЫТИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА. КАРАНТИННЫМ И ТАМОЖЕННЫМ СЛУЖБАМ КОНТРОЛИРОВАТЬ

ПОСАДКИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

СОБОР СВЯТОГО ПАТРИКА ОБЫСКАТЬ. УСТАНОВИТЬ КРУГЛОСУТОЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ. ДАГЕНХЕМ.

УСТАНОВИТЬ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ФАМИЛИИ ОФИЦЕРОВ И РЯДОВОГО СОСТАВА К/К «ВОРГА» С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ХОДА ФОЙЛА. ПРЕСТЕЙН.

КОМИТЕТУ ПО ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОСТАВИТЬ СПИСОК ВРАГОВ НАРОДА, НАЧИНАЯ С ФОЙЛА. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

1 000 000 КР. ЗА ИНФОРМАЦИЮ, ВЕДУЩУЮ К ЗАДЕРЖАНИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА, ОН ЖЕ ГУЛЛИ ФОЙЛ, НЫНЕ НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ. КРАЙНЕ ВАЖНО! СРОЧНО! ОПАСНО!

И после двухсотлетней колонизации нехватка воздуха на Марсе была столь резкой, что там до сих пор действовал Закон Р-Л — Закон Растительности-Линча. Повредить или уничтожить любое растение, жизненно необходимое для превращения богатой двуокисью углерода атмосферы Марса в кислородную, считалось тягчайшим преступлением. Предупреждения типа «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» были излишни. Любой че-

ловек, сошедший с дорожки, был бы немедленно пристрелен. Женщину, сорвавшую цветок, убили бы без пощады. Два столетия кислородного голодания породили месть за беззащитную зелень, поднявшуюся почти до уровня святыни.

Фойл вспоминал все это, торопливо шагая по середине старой дороги, ведущей к Сен-Мишелю. Прямо с аэродрома Сиртис он джантировал на площадку Сен-Мишель, в начало дороги, четверть мили тянущейся среди зеленых полей. Остаток пути ему предстояло пройти пешком.

Как и оригинальный Мон-Сен-Мишель на побережье Франции, марсианский Сен-Мишель был величественным готическим собором со множеством шпилей и контрфорсов. Он стоял на холме и стремительно взвивался в небо. Океанские волны окружали Сен-Мишель на Земле. Зеленые волны травы окружали Сен-Мишель на Марсе. Оба были крепостями.

Мон-Сен-Мишель — крепостью веры, до того, как организованную религию запретили. Марсианский Сен-Мишель — крепостью телепатии. Там жил единственный полный телепат Марса Зигурд Магсмэн.

— Итак, Зигурда Магсмэна защищают, — речитативом повторял Фойл, полуистерично,

полублагоговейно. — Во-первых, Солнечная система; во-вторых, военное положение; в-третьих, Дагенхем-Престейн и К.; в-четвертых, сама крепость; в-пятых, охрана, слуги и обожатели седобородого мудреца, прекрасно всем нам известного Зигурда Магсмэна, продающего свои поразительные способности за поразительную цену… — Фойл зашелся смехом и еле отдышался. — Но существует кое-что шестое: ахиллесова пята Зигурда Магсмэна. Я знаю ее, потому что заплатил 1 000 000 Кр. Зигурду III… или IV?..

Он прошел внешний лабиринт Сен-Мишеля по фальшивым документам и чуть не поддался искушению обманом или силой добиться аудиенции с самим Соломоном. Однако время поджимало. Враги обложили его, как медведя, и стягивали кольцо все туже Фойл не мог позволить себе праздное любопытство Вместо этого он ускорился и нашел скромный домик в обнесенном стенами саду. С тусклыми окнами и соломенной крышей, домик по ошибке можно было принять за конюшню. Фойл проскользнул внутрь.

Домик был детской. Три милые няни безжизненно сидели в качалках, сжимая в застывших руках вязанье. Фойл молниеносным пятном сделал им по уколу и замедлился. Он посмотрел

на древнего, древнего младенца; высохшего, сморщенного ребенка, сидящего на полу рядом с моделью электрической железной дороги.

— Здравствуй, Зигурд, — сказал Фойл.

Младенец заплакал.

— Плакса! Чего ты ревешь? Не бойся, я тебя не обижу.

— Ты *плохой человек, с плохим лицом.*

— Я твой друг, Зигурд.

— *Нет, ты хочешь, чтобы я делал б-бяку.*

— Я твой друг. Я все знаю о тех больших дядях, которые выдают себя за тебя — но молчу Прочитай мои мысли и убедись.

— *Ты хочешь обидеть его.*

— Кого?

— *Капитана. Скл… Скол…* — Он не сумел выговорить и заплакал еще горше. — *Уходи. Ты плохой. У тебя в голове вред, горящие люди и…*

— Иди ко мне, Зигурд.

— *Нет. НЯНЯ! НЯНЯ-А-А!*

— *Заткнись, ублюдок!* — *Фойл схватил семидесятилетнего младенца и встряхнул его.* — *Ты испытаешь кое-что совершенно новое для себя, Зигурд. В первый раз тебя заставят сделать что-нибудь силой. Понимаешь?*

Дряхлый ребенок прочел его мысли и завопил.

— Заткнись! Сейчас мы отправимся в Колонию Склотски. Будь паинькой и веди себя хорошо, делай все, что я тебе скажу. Тогда я верну тебя назад целым и невредимым; и дам леденец… или чем там они тебя подкупают. Не будешь слушаться — я из тебя дух вышибу.

— Нет, не вышибешь… не вышибешь… Я — Зигурд Магсмэн. Зигурд-телепат. Ты не посмеешь.

— Сынок, я — Гулли Фойл, Враг Номер Один. Лишь шаг отделяет меня от заветной цели… Я рискую шеей, потому что ты мне нужен для сведения счетов с одной сволочью… Сынок, я — Гулли Фойл. Нет такой вещи, которую я не посмею сделать.

Телепат стал излучать ужас с такой силой, что по марсианскому Сен-Мишелю заревели сирены. Фойл крепко ухватил древнего младенца, ускорился и вынес его из крепости. Затем он джантировал.

СРОЧНО!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПОХИЩЕН ЗИГУРД МАГСМЭН. ПОХИТИТЕЛЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ГУЛЛИ ФОЙЛ, ОН ЖЕ ФОРМАЙЛ С ПЕРЕСА, ВРАГ НОМЕР ОДИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНО УСТАНОВЛЕНО. ПОДНЯТЬ БРИГАДУ КОММАНДОС. СРОЧНО. СРОЧНО.

Члены древней секты Склотски веровали, что корнем всего зла является секс и безжалостно искореняли зло самокастрированием. Современные Склотски, веруя, что корнем зла являются ощущения, практиковали еще более зверский обряд. Вступив в Колонию Склотски и заплатив за эту привилегию целое состояние, вновь посвященные с великой радостью подвергались операции, отделявшей органы чувств от нервной системы, и вели существование, лишенные слуха, зрения, речи, обоняния, осязания и вкусовых ощущений.

Новичкам, впервые вошедшим в монастырь, показывали уютные кельи. Подразумевалось, что здесь, любовно ухоженные, они проведут остаток дней своих в созерцательном раздумье. В действительности несчастных загоняли в катакомбы и кормили раз в сутки. Двадцать три часа из двадцати четырех они сидели в темноте на сырых каменных плитах, забытые, заброшенные, никому не нужные.

— Живые трупы, — пробормотал Фойл.

Он замедлился, опустил Зигурда Магсмэна и активизировал сетчатку глаз до излучения света, пытаясь разглядеть что-нибудь в утробном мраке. Наверху была ночь. Здесь, в катакомбах царила

вечная ночь. Зигурд Магсмэн распространял такой ужас и муку, что Фойлу пришлось снова его встряхнуть.

— Тихо! — прошипел он, — Этих мертвецов ты не поднимешь. Найди мне Линдси Джойса.

— *Они все больны… все больны… в головах будто черви, и болезнь, и…*

— О, господи, мне ли не знать это… Давай скорее, надо кончать. Нам предстоит еще кое-что похуже.

Они пробирались по извивающимся коридорам катакомб. По стенам, от пола до потолка, тянулись каменные полки. Склотски, бледные как слизни, немые как трупы, неподвижные как будды, наполняли каверны смердением разлагающейся плоти. Телепатическое дитя всхлипывало и стонало. Фойл стальной хваткой держал его за воротник; Фойл стальной хваткой держал след.

— Джонсо, Райт, Киили, Графф, Настро, Андервуд… Боже, их здесь тысячи… — Фойл читал бронзовые таблички, прикрепленные к полкам. — Ищи, Зигурд. Ищи мне Линдси Джойса. Мы будем блуждать тут без конца Кон, Брейди, Регаль, Винсент… Что за?..

Фойл отпрянул. Одна из кошмарно-белых фигур

задела его рукой. Она покачивалась и корчилась. Телепатические волны ужаса и муки, излучаемые Зигурдом Магсмэном, достигли их и пытали.

— Прекрати! — рявкнул Фойл, — Найди Линдси Джойса, и мы уберемся отсюда. Ищи его.

— *Дальше вниз,* — всхлипнул Зигурд. — *Прямо вниз. Семь, восемь, девять полок… Я хочу домой. Мне плохо. Я…*

Фойл сорвался с места и побежал по проходу, волоча Зигурда за собой. Потом он увидел табличку: ЛИНДСИ ДЖОЙС. БУГАНВИЛЬ. ВЕНЕРА.

Это был его враг, виновник его смерти и смерти шестисот невинных людей с Каллисто. Это был враг, о котором он мечтал и к которому рвался долгие месяцы. Это был враг, которому он подготовил мучительную агонию в левой каюте яхты. Это был «Ворга». Это была женщина.

Фойла как громом поразило. В дни ханжеского пуританства, в дни, когда женщины ходили в парандже, многие наряжались мужчинами и так вступали в жизнь, иначе для них закрытую… но он никогда не слышал о женщине в космическом флоте, женщине-ка пита не…

— Это?! — яростно вскричал он. — Это Линдси Джойс?! Линдси Джойс с «Ворги»? Спроси ее!

— *Я не знаю, что такое «Ворга».*

— Спрашивай.

— *Но я… Она была… Она командовала.*

— Капитан?

— *Я не люблю, что у нее внутри. Там темно и плохо. Мне больно. Я хочу домой.*

— Спрашивай. Она была капитаном «Ворги»?

— *Да. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня больше. Там мрак. Там боль. Я не люблю ее.*

— Скамей ей, что я тот, кого она не подобрала шестнадцатого сентября 2336 года. Скажи ей, что я, наконец, пришел свести счеты. Скажи ей, что я собираюсь отквитаться.

— *Н-не понимаю. Не понимаю.*

— Скажи ей, что я собираюсь убить ее, медленно и мучительно. Скажи, что у меня на яхте есть каюта… точно такая, как инструментальный шкаф на «Номаде», где я гнил шесть месяцев… где по ее приказу я был брошен издыхать. Скажи, что она будет гнить и издыхать, как я. Скажи! — Фойл неистово затряс сморщенное дитя. — Заставь ее почувствовать это. Неужели она уйдет, превратившись в Склотски?! Скажи, что я убью ее насмерть! Прочти мои мысли и скажи ей!!

— *Она н-но… Она не отдавала этого приказа…*

— Что?!

— *Не могу понять.*

— Она не приказывала меня бросить?

— *Я боюсь…*

— Спрашивай, тварь, или я разорву тебя на части! Что она имеет в виду?

Дитя рыдало. Женщина корчилась. Фойл кипел.

— Ну! Давай же! О, господи, почему единственный телепат на Марсе ребенок?! Зигурд! Зигурд, послушай меня. Спроси: приказывала ли она выбросить беженцев?

— *Нет. Нет!*

— Нет — она не приказывала, или нет — ты не будешь спрашивать?

— *Она не приказывала.*

— Приказывала она пройти мимо «Номада»?

— *Там холодно, темно и страшно. О, пожалуйста! НЯНЯ-А-А! Я хочу домой. Хочу домой.*

— Она приказывала пройти мимо «Номада»?

— *Нет.*

— Не приказывала?

— *Нет. Отведи меня домой.*

— Спроси у нее, кто отдал этот приказ.

— *Я хочу к няне.*

— Спроси, кто ей приказал. Она была капитаном корабля. Кто мог командовать ей? Спрашивай!

— *Я хочу к няне.*

— Спрашивай!

— *Нет. Нет. Нет. Я боюсь. Она больная. Она черная и страшная. Она плохая. Я не понимаю ее Я хочу к няне. Я хочу домой.*

Дитя вскрикивало и тряслось. Фойл орал. Эхо гремело. Фойл в ярости шагнул к ребенку, и тут глаза его ослепил яркий свет. Катакомбы были освещены Горящим Человеком. Перед Фойлом возник его собственный образ — лицо искажено в кошмарной маске, одежда в огне, пылающие глаза прикованы к бьющемуся в конвульсиях Склотски — Линдси Джойс.

Горящий Человек открыл свой тигриный зев. Раздался скрежещущий звук; как охваченный пламенем смех.

— Ей больно. — Горящий Человек сморщился. Слишком ярко, — прохрипел он. — Меньше света.

Фойл шагнул вперед. Горящий Человек страдальчески зажал уши руками.

— Слишком громко! — закричал он. — Не двигайся так громко!

— Ты мой ангел-хранитель?

— Не слепи меня! Тссс! — Внезапно он опять рассмеялся. — Послушай ее. Она кричит Она

ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет подыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

Фойл дрожал.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. — Горящий Человек вытянул указующий перст. — Она говорит — Оливия.

— Что?!

— Она говорит — Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Горящий Человек исчез.

В катакомбах снова воцарилась тьма.

Фойла закружил вихрь калейдоскопических огней и какофония звуков. Он пошатнулся и судорожно глотнул ртом воздух.

— Чертовджант… — пробормотал он. — Оливия. Нет. Нет. Не может быть. Оливия.

Фойл почувствовал чью-то руку.

— Джиз?! — хрипло каркнул он.

За его руку держался плачущий Зигурд Магсмэн Он взял ребенка на руки.

— *Мне больно,* — скулил Зигурд.

— Мне тоже больно, сынок.

— *Хочу домой.*

Так, все еще держа младенца на руках, Фойл побрел по катакомбам.

— Живые трупы, — выдавил он. А потом: — И я среди них.

Он нашел каменные ступени, ведущие из глубины наверх в монастырь, и стал карабкаться, вкушая смерть и отчаяние. Перед ним забрезжил свет, и на какой-то миг он подумал, что уже рассвело Потом он понял, что монастырь ярко освещен прожекторами Донеслось грохотанье сапог и невнятная скороговорка команд. Фойл остановился и собрал все свои силы.

— Зигурд, — прошептал он, — Кто там?

— *Солдатики,* — ответило дитя.

— Солдаты? Какие солдаты?

— *Коммандос.* — Сморщенное лицо Зигурда просветлело. — *Они пришли за мной. Забрать меня домой к няне Я ЗДЕСЬ! Я ЗДЕСЬ!!*

Телепатический вопль вызвал крики наверху. Фойл ускорился и молнией выскочил на свет, на зеленый дворик с арками. В центре дворика стоял огромный ливанский кедр. Дорожки кишели солдатами. Фойл оказался лицом к лицу с соперником, который ему не уступал. Через миг после того, как размытое пятно скользнуло у выхода из катакомб, коммандос ускорились. Они были на равных.

Но Фойл держал ребенка; использование ору-

жия исключалось. Прижимая Зигурда к груди, как бегун по пересеченной местности, он, виляя, помчался через двор монастыря. Никто не посмел остановить его — лобовое столкновение на пятикратном ускорении несло мгновенную гибель обоим. Объективно этот головокружительный бросок казался зигзагом молнии.

Фойл перебежал дворик, пронесся через лабиринт и выскочил на общественную джант-площадку за главными воротами. Там он замедлился и джантировал на аэродром, в четверти мили от монастыря. Взлетное поле сверкало огнями и кишело коммандос. Все антигравитационные шахты занимали военные корабли. Его собственная яхта была под охраной.

Через пятую долю секунды после появления Фойла в аэропорту туда джантировали преследователи из монастыря. Фойл затравленно озирался. Он был окружен бригадой коммандос — все под ускорением, все великолепно обученные и смертельно опасные. Перед ними он был беспомощен. У него не было ни одного шанса.

И тут вмешались Внешние Спутники. Ровно через неделю после уничтожительного рейда на Землю они нанесли удар по Марсу.

Снова ракеты пришлись на рассветный квад-

рант. Снова вспыхнули и заиграли перехватывающие лучи, и небеса содрогнулись от детонаций. На горизонте вспухли зловещие смерчи огня, и задрожала земля. Но была еще одна страшная особенность, ибо наверху вспыхнула Новая, заливая ночную сторону планеты мертвенно-слепящим светом. Рой ядерных боеголовок ударил по крошечному спутнику Марса, Фобосу, и в мгновение ока испарил его.

Смятение, охватившее коммандос, предоставило Фойлу тот единственный шанс. Он снова ускорился и напролом бросился к яхте. Перед люком остановился и молниеносно оценил нерешительность охраны. Какую-то долю секунды они колебались, не зная, выполнять ли задачу или реагировать на новую обстановку. Фойл швырнул застывшее тело Зигурда Магсмэна в воздух, охранники инстинктивно кинулись ловить его, а Фойл рванулся в яхту и захлопнул за собой люк.

Все еще под ускорением, ни на миг не останавливаясь и не проверяя, есть ли кто-нибудь на борту, он ворвался в рубку, ударил по тумблеру взлета, откинув его до предела, и яхта взмыла по антигравитационному лучу с десятикратным ускорением. Фойл не успел привязаться к креслу.

Действие десятикратной тяги на его беззащитное тело было чудовищным.

Сокрушительная сила вырвала его из кресла. Его ускоренным чувствам казалось, что задняя стена рубки приближается со скоростью сомнамбулы. Он выбросил обе руки, ладонями вперед. Неотвратимая сила, толкающая его назад, развела руки в стороны и вжала его в стену, сперва мягко, потом все сильнее и сильнее, пока лицо, челюсть, грудь и тело не распластались на металле.

Нарастающее давление стало невыносимым Фойл попытался нащупать языком выключатель во рту, но сокрушительная сила, медленно раздавливающая его о стену, парализовала чугунное тело. Череда взрывов — так низко по звуковому диапазону, что они казались едва уловимым урчанием, — сказала ему, что Бригада Коммандос обстреливает его снизу Когда яхта, раздирая верхние слои атмосферы, выскочила в иссиня-черную ночь открытого космоса, он завизжал, как летучая мышь, и визжал до тех пор, пока милосердное сознание не покинуло его.

14

Фойл очнулся в темноте. Он был замедлен, но полное истощение свидетельствовало: в бессознательном состоянии он находился под ускорением. Либо иссякла батарея, либо… Он по миллиметру продвинул руку к спине. Батарея исчезла. Ее удалили.

Фойл стал ощупываться дрожащими пальцами. Он лежал в постели. Его окружал гул вентиляторов и кондиционеров, пощелкивание и жужжание сервомеханизмов. Он находился на корабле. К постели его привязывали ремни. Корабль был в свободном падении.

Фойл отстегнул ремни, оттолкнулся локтями и взмыл в воздух. Он парил в темноте, тщетно надеясь нашарить выключатель или кнопку вызова. Его руки наткнулись на графин с рельефными буквами на стекле. Он прочитал их кончиками пальцев. В.О.Р.Г.А. *Ворга.* Он закричал.

Дверь каюты открылась. Из светлого помещения с роскошной обстановкой выплыла фигура.

— На этот раз мы тебя подобрали, — сказала Оливия Престейн.

— Оливия?

— Да.

— Значит, это правда?

— Да, Гулли.

Фойл заплакал.

— Ты очень слаб, — мягко произнесла она. — Ложись.

Она выплыла с ним в соседнее помещение и уложила его в шезлонг, пристегнув ремни. Шезлонг еще хранил тепло ее тела.

— Ты был в таком состоянии шесть дней. Мы не думали, что ты выживешь. Тебя покинули все силы, прежде чем хирург нашел эту батарею на спине.

— Где она? — выдавил Фойл.

— Можешь взять ее в любой момент. Не волнуйся, дорогой.

Он пристально посмотрел на Оливию… его Снежная Дева… его возлюбленная Принцесса… белая шелковая кожа, слепые коралловые глаза, тонкие коралловые губы… Она коснулась его влажных щек надушенным платком.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Тсс. Знаю, Гулли.

— Ты знаешь обо мне все. Давно?

— Я знала, что Гулли Фойл — мой враг, с самого начала. Но до нашей встречи я не догадывалась,

что он — Формайл. Ах, если б я только знала раньше… Сколько было бы спасено…

— Ты знала и смеялась надо мной!

— Нет.

— Была рядом и давилась смехом.

— Была рядом и любила тебя. Нет, не перебивай, дай мне сказать. Я стараюсь быть рациональной, а это нелегко. — На мраморное лицо пал румянец. — Я не играю с тобой. Я… я выдала тебя своему отцу. Да. И через час поняла, что совершила ошибку — я люблю тебя. Теперь мне приходится расплачиваться. Тебе незачем знать.

— Ты рассчитываешь, что я поверю?

— Зачем тогда здесь я? — Она слегка задрожала. — Почему я последовала за тобой? Эта кошмарная бомбежка… Еще пару минут, и ты был бы мертв, если бы мы тебя не подобрали. От твоей яхты ничего не осталось.

— Где мы сейчас?

— Какая разница?

— Я тяну время.

— Время? Для чего?

— Чтобы собраться с силами.

— Мы на орбите вокруг Земли.

— Как вы нашли меня?

— Я знала, тебе нужна Линдси Джойс, и взяла

один из отцовских кораблей. Это снова оказался «Ворга».

— Ему известно?

— Ничего ему неизвестно. У меня своя жизнь.

Фойл не мог отвести от нее глаз, и в то же время ему было больно смотреть на нее. Он жаждал и ненавидел… жаждал изменить содеянное и ненавидел правду за то, что она такова. Он осознал, что гладит ее платок дрожащими пальцами.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я люблю тебя, Гулли, враг мой.

— Ради бога! — взорвался он. — Почему ты это сделала?

— Что?! Ты требуешь извинения?! — хлестнула она.

— Я требую объяснения.

— От меня ты его не услышишь.

— Кровь и деньги — сказал твой отец. И он прав. О-о… Дрянь! Дрянь! Дрянь!

— Кровь и деньги — да; и не стыжусь!

— Я тону, Оливия. Кинь мне хоть тростинку…

— Тогда тони. Меня не спасал никто. Нет, нет… Все не так… не так… Подожди, мой милый. Подожди. — Она взяла себя в руки и заговорила спокойно и очень нежно. — Я могу солгать, Гулли, любимый, и заставить тебя поверить, но я буду

честной. Объяснение очень простое. У меня есть своя личная жизнь. У всех есть. И у тебя…

— Какая же жизнь у тебя?..

— Ничем не отличающаяся от твоей… от любой другой. Я лгу, я обманываю, я уничтожаю… как все мы. Я преступник… как все мы.

— Зачем? Ради денег? Тебе не нужны деньги.

— Нет.

— Ради власти… могущества?

— Нет.

— Тогда зачем?

Она глубоко вздохнула, как будто признание мучило ее страшно.

— Ради ненависти… чтобы отомстить.

— За что?

— За мою слепоту, — проговорила она низким голосом. — За беспомощность… Меня следовало убить в колыбели. Известно ли тебе, что такое быть слепой… воспринимать жизнь из вторых рук? Быть зависимой, искалеченной, бессильной… «Если ты беспомощна, раздави их. Отплати им… всем им».

— Оливия, ты безумна.

— А ты?

— Я люблю чудовище.

— Мы оба чудовища.

— Нет!

— Нет? Ты не чудовище?! — Она вспыхнула. — Что же ты делал, если не мстил, подобно мне, всему миру? Что такое твоя месть, если не сведение счетов с невезением? Кто не назовет тебя безумным зверем? Говорю тебе, мы пара, Гулли. Мы не могли не полюбить друг друга.

Правда сказанных слов ошеломила его. Он примерил на себя пелену ее откровения, и она подошла, облегая туже, чем тигриная маска, вытатуированная на его лице.

— «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй! — произнес он, — Зверь! Хуже зверя!» Это правда. Я ничем не лучше тебя. Хуже. Но богу известно, я не убивал шестьсот человек.

— Ты убиваешь шесть миллионов.

— Что?

— Возможно, больше. У тебя есть что-то, необходимое им для окончания войны.

— Ты имеешь в виду ПирЕ?

— Да.

— Что это, что за миротворец эти двадцать фунтов чуда?

— Не знаю. Знаю лишь, что он им нужен отчаянно. Но мне все равно. Да, сейчас я честна. Мне все равно. Пускай гибнут миллионы. Для нас это

не имеет значения. Потому что мы стоим выше, Гулли. Мы стоим выше и сами творим мир. Мы сильны.

— Мы прокляты.

— Мы освящены. Мы нашли друг друга. — Внезапно она рассмеялась и протянула руки. — Я спорю, когда нет нужды говорить. Приди ко мне, любимый… Где бы ты ни был, приди ко мне…

Он сперва слегка коснулся ее, потом обнял, сжал, стал яростно целовать… И тут же выпустил.

— Что, Гулли, милый мой?

— Я больше не ребенок, — устало проговорил он. — Я научился понимать, что нет ничего простого. Простых ответов не бывает. Можно любить и презирать. И ты заставляешь меня презирать себя.

— Нет, дорогой.

— Всю свою жизнь я был тигром. Я выдрессировал себя… дал себе образование… сам тянул за свои тигриные полосы, отращивая еще более мощные лапы и острые клыки… становясь еще более быстрым и смертоносным.

— Ты и есть такой. Ты такой. Самый смертоносный.

— Нет Нет Я зашел чересчур далеко. Я миновал

простоту Превратился в мыслящее существо. Я смотрю на себя твоими слепыми глазами, любовь моя, которую я презираю, и вижу — тигр исчез.

— Тигру некуда деться. Ты обложен, Гулли, — Дагенхемом, Разведкой, моим отцом, всем светом.

— Знаю.

— Но со мной ты в безопасности. Мы оба в безопасности. Им никогда не придет в голову искать тебя рядом со мной. Мы можем вместе жить, вместе драться, вместе уничтожать их…

— Нет Только не вместе.

— Ты что?! — вновь вспыхнула она, — Все еще охотишься за мной?! Дело в этом? Ты еще жаждешь мести? Ну так мсти. Вот я. Ну же!..

— Нет. С этим покончено.

— А, я знаю, что тебя беспокоит. — Она мгновенно стала опять ласковой. — Твое лицо. Ты стыдишься своего тигриного лика; но я люблю его. Ты горишь так ярко!.. Ты горишь сквозь слепоту. Поверь мне..

— Боже мой, что за пара кошмарных чудовищ!

— Что с тобой случилось? — потребовала она. Она отпрянула, сверкая незрячими глазами. — Где человек, который стоял возле меня во время рейда? Где бесстыжий дикарь, который…

— Пропал, Оливия. Ты потеряла его. Мы оба потеряли его.

— Гулли!

— Да-да.

— Но почему?! Что я сделала?

— Ты не понимаешь, Оливия.

— Где ты? — Она потянулась, коснулась его и приникла. — Послушай меня, милый. Ты устал. Ты обессилен. Вот и все. Ничего не пропало, — Слова лились из нее бессвязным потоком. — Ты прав. Конечно, прав. Мы были плохими, отвратительными. Но сейчас все позади. Ничего не потеряно. Мы были испорчены, потому что были одиноки и несчастны. Но мы нашли друг друга; и можем спастись. Будь моей любовью. Всегда. Вечно. Я так долго ждала тебя, ждала, надеялась и молилась..

— Нет Ты лжешь, Оливия, и знаешь это.

— Ради бога, Гулли!

— Опускай «Воргу», Оливия.

— Вниз?

— Да.

— Что ты собираешься делать? Ты сошел с ума Они же гонятся за тобой по пятам., ловят тебя., ждут, пока ты угодишь им в лапы. Что ты собираешься делать?

— Думаешь, мне просто?.. Я все еще одержим, и мне не вырваться из плена. Но теперь в седле иная страсть, и шпоры жгут, черт их подери. Жгут невыносимо.

Он подавил ярость и совладал с собой. Он взял ее руки и поцеловал в ладони.

— Все кончено, Оливия, — тихо произнес он. — Но я люблю тебя. Всегда. Вечно.

— Подытожим, — мрачно сказал Дагенхем. — В ночь, когда мы нашли Фойла, нас бомбили. Мы потеряли его на Луне, а обнаружили через неделю на Марсе. Нас опять бомбили. Мы опять его потеряли. Прошла еще неделя. Предстоит очередная бомбежка. Венеры? Луны? Снова Земли? Кто знает. Ясно одно: еще один рейд без возмездия, и нам конец.

Дагенхем скользнул взглядом вокруг стола. Золото и слоновая кость убранства Звездного Зала замка Престейна еще больше подчеркивали напряженность его лица, напряженность лиц всех трех присутствующих. Йанг-Йовил тревожно нахмурился. Престейн крепко сжал тонкие губы.

— И еще одно нам известно, — продолжал Дагенхем. — Мы не можем нанести ответный удар без ПирЕ, и не можем найти ПирЕ без Фойла.

— Я давал указание, — вмешался Престейн, —

не упоминать ПирЕ публично.

— Во-первых, это не простая публика, — резко ответил Дагенхем. — Это общий фонд информации. Во-вторых, сейчас нам не до прав на собственность. Обсуждается вопрос выживания, и здесь у всех равные права. Да, Джиз?

Джизбелла Маккуин джантировала в Звездный Зал, полная решимости и ярости.

— До сих пор никаких следов Фойла.

— Собор под наблюдением?

— Да.

— Доклад Бригады Коммандос с Марса?

— Не пришел.

— Это мое дело, и совершенно секретное, — мягко заметил Йанг-Йовил.

— У вас так же мало секретов от меня, как у меня от вас, — безжалостно усмехнулся Дагенхем. — Постарайся опередить Разведку с этим докладом, Джиз. Иди.

Она исчезла.

— Кстати, о правах, — проворковал Йанг-Йовил. — Центральная Разведка гарантирует Престейну полную оплату его прав на ПирЕ.

— Что ты с ним нянчишься, Йовил?

— Наше совещание записывается, — холодно указал Престейн. — Предложение капитана за-

регистрировано. — Он повернул свое застывшее лицо к Дагенхему. — Вы у меня на службе, мистер Дагенхем. Пожалуйста, оставьте все ваши замечания мне.

— И вашей собственности? — с убийственной улыбкой осведомился Дагенхем. — Вы и ваша проклятая собственность… Мы на грани уничтожения — ради вашей собственности. Я не преувеличиваю. Если этой войне не положить конец, то больше уже войн не будет.

— Мы всегда можем сдаться, — заметил Престейн.

— Нет, — сказал Йанг-Йовил. — Этот вариант уже обсуждался и был отклонен в Штаб-квартире. Нам известны дальнейшие планы Внешних Спутников — они включают тотальную эксплуатацию Внутренних Планет. Нас просто-напросто выпотрошат, а потом выкинут за ненадобностью. Сдаться — все равно, что погибнуть.

— Но не для Престейна, — добавил Дагенхем.

— Скажем… за исключением присутствующих, — изящно поправил Йанг-Йовил.

— Ну, Престейн, — нетерпеливо потребовал Дагенхем. — Мы ждем.

— Прошу прощения, сэр?

— Выкладывайте все о ПирЕ. У меня есть идея,

как выманить Фойла, но для этого необходимо знать все факты.

— Нет, — сказал Престейн.

— Что «нет»?

— Я принял решение воздержаться от выдачи информации о ПирЕ.

— Боже всемогущий, Престейн! Вы спятили? Сейчас не время ломаться.

— Все очень просто, Дагенхем, — заметил Йанг-Йовил, — Мое сообщение указало Престейну, как улучшить свое положение. Вне всякого сомнения, он намеревается предложить эти сведения врагу в обмен на имущественные выгоды.

— Неужели ничто не может вас тронуть? — презрительно бросил Престейну Дагенхем. — Неужели в вас ничего не осталось, кроме собственности?.. Уйди, Джиз, все пропало.

Джизбелла снова джантировала в Звездный Зал.

— Доклад Бригады Коммандос, — сказала она, — Мы знаем, что случилось с Фойлом. Он у Престейна.

— Что?!

Дагенхем и Йанг-Йовил вскочили на ноги.

— Он покинул Марс на частной яхте, был сбит и подобран престейновской «Воргой».

— Будь ты проклят, Престейн! — вскричал Дагенхем. — Так вот почему…

— Подождите, — приказал Йанг-Йовил, — Он впервые это слышит, Дагенхем. Посмотрите на него.

Красивое лицо Престейна посерело, как пепел. Он попытался подняться и тяжело свалился назад в кресло.

— Оливия, — прохрипел он. — С ним… с этим подонком…

— Престейн!

— Моя дочь, джентльмены, некоторое… некоторое время занималась определенной деятельностью. Семейный порок. Кровь и… Я закрывал глаза… Почти убедил себя, что ошибаюсь. Я… Но Фойл! Грязь! Мерзость! Его надо уничтожить!

Голос Престейна перешел в визг и сорвался. Его голова неестественно запрокинулась назад, как у повешенного, тело забилось в конвульсиях.

— Какого…

— Эпилепсия, — коротко бросил Йанг-Йовил. — Подайте ложку, мисс Маккуин. Живо!

Он вытащил Престейна из кресла, уложил на полу и засунул ложку между зубами, чтобы уберечь язык. Приступ прошел так же внезапно, как и начался. Дрожь прекратилась. Престейн

открыл глаза.

— Petit mal, — пробормотал Йанг-Йовил, убирая ложку. — Еще некоторое время он будет не в себе.

Неожиданно Престейн заговорил слабым монотонным голосом.

— ПирЕ — пирофорный сплав. Пирофор — это металл, который испускает искры, когда его скоблят или трут. ПирЕ испускает энергию, отсюда «Е» — символ энергии. ПирЕ — твердый раствор трансплутониевых изотопов. Его открыватель был убежден, что получил эквивалент первичного протовещества, давшего начало Вселенной.

— О, боже! — воскликнула Джизбелла.

Дагенхем жестом прервал ее и склонился над Престейном.

— Как подвести его к критической массе? Каким образом высвобождается энергия?

— Как создавалась энергия в начале времен, — бесстрастно произнес Престейн. — Через Волю и Идею.

— Уверен, что он христианин-подвальник, — тихо сказал Дагенхем Йанг-Йовилу. Он повысил голос. — Объясните.

— Через Волю и Идею, — повторил Престейн. — ПирЕ можно детонировать лишь психокинетиче-

ски. Его энергия высвобождается мыслью. Нужно *захотеть*, чтобы он взорвался. Направленная мысль. Вот единственный способ.

— И нет никакого ключа? Никакой формулы?

— Нет. Лишь Воля и Идея.

Остекленевшие глаза Престейна закрылись.

— Боже всемогущий! — Дагенхем ошеломленно стер пот со лба. — Заставит это задуматься Внешние Спутники, Йовил?

— Это всех нас заставит подумать.

— Это дорога в ад, — прошептала Джизбелла.

— Так давайте отыщем эту дорогу и сойдем с нее. У меня есть предложение, Йовил. Фойл возился с ПирЕ в своей лаборатории в соборе, пытаясь анализировать его.

— Я рассказала тебе об этом по строжайшему секрету! — гневно вспыхнула Джизбелла.

— Прости, дорогая. Теперь не время церемониться. Гляди, Йовил… какие-то остатки этого вещества должны были сохраниться, остаться вокруг нас. В растворе, как пыль… Надо детонировать эти остатки и взорвать цирк Фойла к чертовой матери.

— Зачем?

— Чтобы выманить его. Где-то он спрятал основную массу ПирЕ… Он примчится, чтобы спасти

свое сокровище.

— А если взорвется все?

— Не может быть. ПирЕ в сейфе из инертсвинцового изомера.

— Возможно, он не весь внутри.

— По словам Джиз — весь; так, по крайней мере, сказал Фойл. Мы вынуждены рисковать.

— Рисковать! — воскликнул Йанг-Йовил. — Мы рискуем всю Солнечную систему превратить в Сверхновую.

— А что остается делать? Выбирай любой путь… и это путь к уничтожению. Есть у нас выбор?

— Мы можем подождать, — предложила Джизбелла.

— Чего? Пока Фойл не взорвет нас своими экспериментами?

— Мы его предупредим.

— Нам неизвестно, где он.

— Найдем.

— Как скоро? Разве это не риск? А пылинки ПирЕ вокруг нас? Будут ждать, пока кто-нибудь не превратит их случайно в энергию? А если сейф взломают джек-джантеры в поисках добычи? Тогда уже не пыль, а двадцать фунтов будут ждать случайной мысли.

Лицо Джизбеллы покрылось смертельной бе-

лизной. Дагенхем повернулся.

— Тебе решать, Йовил.

Йанг-Йовил тяжело вздохнул.

— Я боюсь… Будь прокляты все ученые… Есть еще одно обстоятельство. Внешние Спутники тоже занимаются этим. У нас имеются основания полагать, что все их агенты отчаянно ищут Фойла. Если мы будем ждать, они могут добраться до него первыми. Да что там, возможно, он уже сейчас у них в лапах.

— Итак, твое решение…

— Взрывать.

— Нет! — вскричала Джизбелла.

— Как? — спросил Дагенхем, не обращая на нее внимания.

— О, у меня как раз есть человек для такой работы. Односторонний телепат по имени Робин Уэднесбери.

— Когда?

— Немедленно. Мы эвакуируем соседние районы. Новости получат полное освещение и будут переданы по всей системе. Если Фойл находится на Внутренних Планетах, он услышит об этом.

— Не «об этом», — отчаянно проговорила Джизбелла. — Он услышит *это.* Это последнее, что каждый из нас услышит.

Как всегда, возвращаясь после тяжелого, бурного, но выигранного процесса, Регис Шеффилд был доволен и благодушен, словно нахальный петух, только что победивший в жестоком бою. Он остановился у Блекмана в Берлине, где выпил и поболтал о ходе военных действий, добавил и еще поболтал в Париже и основательно посидел в лондонском «Кожа-да-кости». В свою нью-йоркскую контору он попал уже изрядно навеселе.

Миновав узкие коридоры и внешние комнаты, он ступил в приемную, где его встретил секретарь с пригоршней бусинок-мемеографов.

— Я заткнул их за пояс! — восторженно сообщил Шеффилд, — Осуждены, плюс возмещение всех убытков.

Он взял бусинки и стал кидать в самые неподходящие места по всей комнате, включая разинутый рот секретаря.

— Как, мистер Шеффилд! Вы пили!..

— Ничего, сегодня уже работы нет, а военные новости чересчур унылые. Надо оставаться бодрым. Не поскандалить ли нам на улице?

— Мистер Шеффилд!

— Есть что-нибудь неотложное?

— В вашем кабинете ждет один джентльмен.

— Ого! Ему удалось проникнуть так далеко? —

Шеффилд уважительно покачал головой. — Кто он? Сам господь бог?

— Он не представился. Но дал мне это.

Секретарь протянул Шеффилду запечатанный конверт со сделанной небрежным почерком надписью «КРАЙНЕ ВАЖНО». Движимый любопытством, Шеффилд быстро вскрыл конверт. Затем глаза его расширились. Внутри лежали две банкноты по 50 000 кредитов. Не говоря ни слова, Шеффилд повернулся и ворвался в кабинет.

— Они настоящие! — выпалил он.

— Насколько мне известно.

— Ровно двадцать таких купюр было выпущено в прошлом году. Все хранятся в Земном Казначействе. Как они к вам попали?

— Мистер Шеффилд?

— Кто же еще?.. Как они к вам попали?

— Взятка.

— Зачем?

— Я полагал в ту пору, что они могут пригодиться.

— Для чего? Для других взяток?

— Если законную оплату считать взяткой.

— Я сам устанавливаю размер платы, — отрезал Шеффилд и кинул бумажку Фойлу. — Достанете их снова, *если я* решу взять ваше дело, и *если* я

решу, что могу быть настолько вам полезен. В чем суть вашей проблемы?

— В преступлении.

— Пока не уточняйте. И?..

— Я хочу прийти с повинной.

— В полицию?

— Да.

— Какое преступление?

— Преступлен-и-я.

— Назовите два.

— Грабеж и изнасилование.

— Еще два.

— Шантаж и убийство.

— Еще.

— Измена и геноцид.

— Это исчерпывает ваш реестр?

— Пожалуй. Хотя, возможно, когда мы станем уточнять, вскроется еще несколько.

— Я вижу, вы времени зря не теряли… Либо вы Принц Злодеев, либо сумасшедший.

— Я был и тем, и другим, мистер Шеффилд.

— Почему вы решили сдаться в руки правосудия?

— Я пришел в себя, — с горечью ответил Фойл.

— Я имею в виду не это. Преступник никогда не сдается, пока его не настигли. Вас явно не настиг-

ли. В чем дело?

— Произошло самое ужасное, что может случиться с человеком. Я подхватил редкое заболевание, называемое «совесть».

Шеффилд фыркнул.

— Это может плохо кончиться.

— Уже кончилось. Я понял, что вел себя, как зверь.

— И теперь желаете искупить вину?

— Нет, все не так просто, — мрачно сказал Фойл. — Собственно, поэтому я пришел к вам… для коренной переделки. Человек, который ставит свои решения выше общества — преступник. Человек, который нарушает морфологию общества — это рак. Но бывают цепные реакции. Искупить вину наказанием недостаточно. Все еще нужно расставить на свои места. Если бы положение можно было исправить, просто-напросто казнив меня, или отправив обратно в Жофре Мартель…

— Обратно? — быстро вставил Шеффилд.

— Уточнять?

— Пока не надо… Продолжайте. Похоже, вы мучаетесь душевной болью.

— В том-то и дело. — Фойл возбужденно вскочил на ноги и зашагал по комнате, нервно сминая

банкноты длинными пальцами. — Все смешалось в одну дьявольскую кашу, Шеффилд. Есть девушка, которая должна заплатить за ужасное, тягчайшее преступление. То, что я люблю ее — впрочем, не обращайте внимания. Она — раковая опухоль, и ее необходимо вырезать… как меня. Видимо, мне придется дополнить свой реестр. Моя личная явка с повинной, собственно, ничего не меняет.

— Черт подери, о чем вы?! Что за чушь?

Фойл поднял глаза и пристально посмотрел на Шеффилда.

— Одна из Новогодних бомб только что вошла в ваш кабинет и заявляет: «Пожалуйста, сделайте все, как было. Соберите меня снова и отправьте домой. Восстановите города, которые я стерла с лица земли, и людей, которых я уничтожила». Вот зачем я хочу нанять вас. Не знаю, как ведут себя преступники, но…

— Спокойно и благоразумно; как здравомыслящий бизнесмен, которому не повезло, — с готовностью подсказал Шеффилд. — Так обычно ведут себя профессиональные преступники… Абсолютно ясно, что вы любитель, если преступник вообще. Мой дорогой сэр, пожалуйста, будьте разумны. Вы приходите ко мне, сумасбродно и

несдержанно обвиняя себя в грабеже, насилии, убийстве, геноциде, измене и еще бог весть в чем. Неужели вы ожидаете, что я всему этому поверю?

Внезапно в кабинет джантировал личный секретарь Шеффилда, Банни.

— Шеф! — возбужденно затараторил он. — Подвернулось кое-что совершенно новое. Джант-камера. Два типа подкупили кассира сфотографировать внутренние помещения Земного Кредитного… О-о, простите. Я не заметил, что у вас… — Банни неожиданно замолчал и широко раскрыл глаза. — Формайл! — воскликнул он.

Что? Кто?

— Как, вы не знаете его, шеф? — Банни запнулся — Это Формайл с Цереса. Гулли Фойл.

Больше года назад Регниса Шеффилда, как тетиву лука, гипнотически взвели для этой минуты. Его тело было готово реагировать мгновенно. С быстротой молнии Шеффилд поразил Фойла тремя ударами: висок, горло, пах. Заранее было решено не полагаться на оружие — его могло не оказаться под рукой.

Фойл упал. Так же мгновенно Шеффилд расправился с Банни. Затем он плюнул на ладонь. Было решено не полагаться на наркотики — их могло

не оказаться под рукой. Его слюнные железы под воздействием раздражителя выделяли антиген. Шеффилд разорвал рукав Фойла, глубоко процарапал ногтем его локоть и втер в рану слюну, вызывая анафилаксию.

Странный крик сорвался с губ Фойла; на лице выступила багровая татуировка. Прежде чем оглушенный секретарь успел пошевельнуться, Шеффилд взвалил Фойла на плечо и джантировал.

Он материализовался в самом центре Пятимильного Цирка в соборе Св. Патрика. Это был дерзкий, но рассчитанный ход. Здесь его стали бы искать в последнюю очередь, и в то же время именно здесь, скорее всего, находился ПирЕ. Шеффилд был готов к любым встречам, но цирк оказался пуст.

Тут уже похозяйничали грабители. Гигантские шатры выглядели потускневшими и заброшенными. Шеффилд вбежал в первый попавшийся и очутился в походной библиотеке Формайла, наполненной сотнями книг и тысячами блестящих мемео-бусинок. Джек-джантеров не интересовала литература. Шеффилд свалил Фойла на пол и только тогда достал из кармана пистолет.

Веки Фойла затрепетали; глаза открылись.

— Я ввел наркотик, — быстро сказал Шеффилд. — Не вздумай джантировать. И не шевелись. Предупреждаю Ты у меня в руках.

Плохо соображая, что к чему, Фойл попытался подняться Шеффилд мгновенно выстрелил и опалил его плечо Фойла швырнуло на каменный пол. В ушах шумело, по жилам текла отравленная кровь.

— Предупреждаю, — повторил Шеффилд. — Я готов на все.

— Чего вам надо? — проговорил Фойл.

— Две вещи. Двадцать фунтов ПирЕ и тебя. Тебя самого больше всего.

— Вы псих! Проклятый маньяк! Я пришел к вам с повинной… сдаваться… отдать добровольно…

— Отдать ВС?

— …Чему?

— Внешним Спутникам? Произнести по буквам?

— Нет… — еле слышно пробормотал Фойл. — Мне следовало догадаться. Шеффилд… патриот… агент ВС. О-о, я болван…

— Ты самый ценный болван на свете, Фойл. Ты нужен нам еще больше, чем ПирЕ. Про ПирЕ мы мало что знаем, зато нам отлично известно, кто ты.

— О чем вы? Что вы несете?

— Господи! Ты ничего не знаешь, да? Итак, ты ничего не знаешь… и не подозреваешь…

— Что?!

— Послушай. — Шеффилд говорил громким резким голосом. — Вернемся на два года назад. Гибель «Номада». Наш крейсер снял тебя с обломков «Номада». Единственного, кто остался в живых.

— Значит, «Номад» был уничтожен кораблем ВС?

— Да. Не помнишь?

— Я *ничего* не помню об этом. Я не мог вспомнить, сколько ни пытался.

— Сейчас объясню почему. У капитана крейсера родилась идея. Тебя должны были использовать… превратить в подсадную утку, понимаешь? Таким же полумертвым, как нашли, тебя выбросили в космос с работающим маяком. Ты передавал сигнал бедствия и молил о помощи на всех волнах. Согласно замыслу, крейсер подстерегал в засаде любой корабль ВП, который придет на твое спасение.

Фойл начал смеяться.

— До тебя все еще не дошло?! — взревел Шеффилд. — «Номада» там и в помине не было! Тебя выкинули из крейсера в шестистах тысячах миль

от «Номада».

— В шестистах тыс…

— «Номад» находился слишком далеко от основных путей… Итак, ты оказался в космосе, и крейсер отошел назад. С тебя не спускали глаз. На скафандре мигали фонари, а ты молил о помощи на всю мощь передатчика. Затем ты пропал.

— Пропал?

— Просто исчез. Ни огней, ни сигналов. Крейсер вернулся для проверки. Ты исчез без следа. А потом мы узнали… ты вернулся на «Номад».

— Невозможно.

— Да пойми же, черт подери! — яростно прошипел Шеффилд. — Ты джантировал в космосе. Полуживой, на грани смерти, в бреду — ты джантировал шестьсот тысяч миль в абсолютной пустоте! Сделал то, что никому не удавалось раньше. Одному богу известно, каким образом. Ты сам не знаешь; но мы узнаем. Я заберу тебя на Спутники, и там мы добудем этот секрет, даже если нам придется вырывать его раскаленными клещами.

Он перебросил пистолет в левую руку, а правой схватил Фойла за горло.

— Но сперва нам нужен ПирЕ. Ты отдашь его, Фойл. Не тешь себя надеждой. — Он наотмашь

ударил Фойла рукояткой пистолета. — Я на все пойду. Не сомневайся. — Он снова ударил Фойла, холодно, рассчетливо. — Ты жаждал наказания? Ты его обрел!

Банни соскочил с общественной джант-площадки и помчался к главному входу нью-йоркского филиала Центральной Разведки как испуганный кролик. Он проскочил через внешний кордон охраны, через защитный лабиринт и ворвался во внутренние помещения. Его преследовали по пятам. Впереди вырастали новые фигуры… Охранники окружили его со всех сторон и спокойно ждали.

Банни начал кричать:

— Йовил! Йовил! Йовил!

Продолжая бежать, он метался между столами, опрокидывая стулья и создавая страшный шум. При этом он продолжал истошно орать:

— Йовил! Йовил!

Когда его уже скрутили, появился Йанг-Йовил.

— Что все это значит?! — рявкнул он. — Я приказал, чтобы мисс Уэднесбери работала в абсолютной тишине.

— Йовил! — закричал Банни.

— Кто это?

— Секретарь Шеффилда.

— Что!.. Банни?

— Фойл! — взвыл Банки. — Гулли Фойл!

Йанг-Йовил покрыл разделявшие их пятьдесят футов ровно за одну и шестьдесят шесть сотых секунды.

— Что — Фойл?!

— Он у Шеффилда.

— Когда?

— Полчаса назад.

— Почему тот его сюда не привел?

— Не знаю… кажется… он агент ВС…

— Почему не пришли сразу?

— Шеффилд джантировал с Фойлом… Нокаутировал его и исчез. Я искал. Повсюду. Джантировал в пятьдесят мест за двадцать минут…

— Любитель! — презрительно воскликнул Йанг-Йовил. — Почему вы не предоставили это профессионалам?

— Нашел их.

— Нашли! Где?

— Собор Святого Патрика. Шеффилду нужен…

Но Йанг-Йовил крутанулся на каблуках и бежал по коридору с криком:

— Робин! Робин! Остановись!

И в этот миг уши заложило грохотом взрыва.

15

Как разбегающиеся круги на воде, распространялись Идея и Воля, ширились и ширились, выискивая, нащупывая и спуская чувствительный субатомный курок ПирЕ. Мысль находила частички, пыль, дым, пар, молекулы.

В Сицилии, где д-р Франко Торре до изнеможения бился, пытаясь раскрыть секрет одного кусочка ПирЕ, осадки и отстой из лаборатории по дренажной трубе попадали в море. Много месяцев течения разносили их по дну. В единый миг морская поверхность сгорбилась, колоссальные массы воды вознеслись на пятьдесят футов и покатили по их следам, на северо-восток к Сардинии и на юго-запад к Триполи. В микросекунду все Средиземноморье оказалось во власти гигантского водяного червя, обвивавшегося вокруг островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоса и Мальта.

Какие-то мили граммы были сожжены; ушли в трубу вместе с дымом и паром и продрейфовали сотни миль, прежде чем осесть. Эти частички заявили о себе в Марокко, Алжире, Ливии и Греции слепящими точечными взрывами, невероятной

краткости и мощности. А другие, еще блуждающие в стратосфере, обнаружили себя, засверкав дневными звездами.

В Техасе, где над ПирЕ безрезультатно бился профессор Джон Мантли, большая часть отходов попала в выработанную нефтяную скважину, используемую для хранения радиоактивных отбросов. ПирЕ просочился в водозаборник и медленно распространился по площади около десяти кв. миль. Десять кв. миль техасских квартир взлетели на воздух. Большое скрытое месторождение газа нашло, наконец, выход наружу и с ревом устремилось на поверхность, где искры от летящих камней воспламенили его и превратили в беснующийся факел в две сотни футов высотой.

Милиграмм ПирЕ отложился на кружке фильтровальной бумаги, давным-давно смятой, выброшенной и забытой. Переработанная вместе с макулатурой, она попала в форму для гарта и уничтожила целиком вечерний тираж «Глазго Обзервер». Частичка ПирЕ осела на лабораторном халате, переработанном в тряпичную бумагу, и развеяла на молекулы благодарственную записку, написанную леди Шрапнель, а заодно и тонну почты.

Манжет рубашки, ненароком попавший в кис-

лотный раствор ПирЕ и много месяцев назад выкинутый хозяином вместе с рубашкой, в одно мгновение яростной ампутации оторвал руку джек-джантера. Миллионная доля грамма ПирЕ, оставшаяся на хрустальной лабораторной посуде для выпаривания, ныне используемой в качестве пепельницы, в мгновение ока сожгла кабинет некоего Бэйкера — торговца уродами и поставщика чудовищ.

По всей планете гремели взрывы, отдельные и целые очереди, бушевали пожары, сверкали вспышки, горели метеориты в небе, узкие каналы и гигантские воронки вспахивали землю, вспучивали землю, извергались из земли. Как будто разгневанный Бог снова посетил Свой народ с огнем и серой.

В лаборатории Формайла в соборе Св. Патрика оставалась почти десятая доля грамма ПирЕ. Остальное было заперто в сейфе из Инертсвинцового Изомера, надежно защищено от случайного или намеренного психокинетического воспламенения. Колоссальная энергия, высвободившаяся из этой десятой доли грамма, разбросала стены и расколола полы словно в судороге землетрясения. Какое-то мгновение контрфорсы еще поддерживали колонны, а затем рухнули. Ревущей лавиной

повалились башни; шпили, устои, подпоры и крыша; и застыли над зияющим кратером пола в безумно переплетенном равновесии. Дуновение ветра, слабая дрожь, — и обвал завершится, наполняя воронку камнями и размельченной пылью.

Звездная температура взрыва зажгла сотни пожаров и расплавила древнюю толстую медь обвалившейся крыши. Участвуй во взрыве еще один миллиграмм ПирЕ, и жара хватило бы, чтобы немедленно испарить металл. Вместо этого он добела раскалился и начал течь. Каплями, струйками и потоками расплавленная медь нащупывала путь вниз через нагромождение камней, железа, дерева и стекла, как некий чудовищный огненный змей, ползущий сквозь дебри.

Дагенхем и Йанг-Йовил джантировали почти одновременно. Через мгновение появилась Робин Уэднесбери, а затем Джизбелла Маккуин. Прибыли дюжина оперативных работников Разведки, шесть курьеров Дагенхема, престейновская джант-стража и полиция. Они оцепили полыхающие развалины, хотя любопытных почти не было. (Нью-йоркские жители, в памяти которых осталось Новогоднее Нападение, в пани-

ке джантировали прочь.)

С протяжным гулом свирепствовал огонь, пожирая зависшие в угрожающе шатком равновесии развалины. Чтобы перекрыть страшный рев, приходилось кричать, хотя каждый и боялся вибрации. Йанг-Йовил наклонился к Дагенхему и проорал на ухо новости о Фойле и Шеффилде. Дагенхем кивнул, и на его лице появилась смертельная улыбка.

— Нужно попасть внутрь, — закричал он.

— Защитные костюмы, — крикнул Йанг-Йовил.

Он исчез и материализовался с парой белых огнеупорных костюмов. При виде их Робин и Джизбелла истерически закричали. Дагенхем и Йанг-Йовил, не обращая внимания, залезли в инерт-изомерную броню и двинулись в ад.

Гигантская рука смяла собор Святого Патрика и сложила обломки в некое подобие шатра. Сверху медленно текли языки расплавленной меди, забираясь в каждую щель, осторожно нащупывая, обходя или покрывая обугленное дерево, раздробленные камни, разбитое стекло. Тонкие струйки меди едва светились вишневым светом, но мощные потоки полыхали и разбрасывали искры раскаленного добела металла.

Под образовавшимся шатром на месте кафедрального пола зияла огромная дыра. Взрыв расколол и отбросил в стороны плиты, обнажая подвалы, погреба и хранилища. Они тоже были заполнены каменным крошевом, балками, трубами, проволокой, остатками шатров Пятимильного Цирка и освещались неверным светом маленьких огоньков. Потом в кратер потекли первые потоки расплавленной меди, и все озарилось слепящим светом.

Привлекая внимание Йанг-Йовила, Дагенхем постучал его по плечу и указал вниз. На середине склона кратера, в самой гуще каменного завала, виднелись изуродованные остатки тела Регриса Шеффилда. Йанг-Йовил постучал по плечу Дагенхема и указал: почти на самом дне огромной воронки лежал Гулли Фойл. Вдруг сверху сорвалась струя расплавленной меди, и в свете брызг они увидели, что он шевелится. Дагенхем и Йанг-Йовил немедленно повернулись и выбрались из собора.

— Он жив.

— Невообразимо.

— Я, кажется, могу это объяснить. Заметил рядом остатки тента? Очевидно, взрыв произошел в дальнем углу собора, и шатры ослабили удар.

А потом Фойл провалился под пол прежде, чем стали падать обломки.

— Что ж, похоже. Надо его вытащить. Он — единственный человек, кто знает, где находится ПирЕ.

— Разве могло остаться что-то… невзорванное?

— В сейфе из И СИ — да. Но *как* нам его вытащить?

— Сверху к нему не подобраться.

— Почему?

— Одно неверное движение, и все обрушится.

— Ты видел стекающую медь? Так вот, если через десять минут мы его не вытащим, он окажется на дне пруда из расплавленного металла.

Что же делать?

— Есть одна задумка…

— Какая?

— Подвалы здания Эр-Си-Эй так же глубоки, как собора.

— И?..

— Спустимся и попытаемся пробить ход. Может быть, мы доберемся до Фойла снизу.

В старое здание Эр-Си-Эй, давным-давно запертое и заброшенное, ворвался отряд. Они вломились в нижние пассажи, ветхие музеи древних розничных магазинов. Они нашли гру-

зовые шахты и спустились по ним в подвалы, заполненные электрооборудованием, обогревательными и холодильными системами. Они спустились еще ниже, на уровень фундамента, по грудь в воде от ручьев доисторического острова Манхэттен, от ручьев, которые все еще текли под покрывающими их улицами.

Медленно продвигаясь по направлению собора Св. Патрика, они неожиданно обнаружили, что непроглядная тьма освещается огненным мерцанием. Дагенхем закричал и бросился вперед. Взрыв, открывший подвалы Св. Патрика, расколол перегородку между склепами двух зданий. Через искромсанные разрывы в земле и камне открывался вид на дно ада.

В лабиринте искореженных труб, балок, камней, проволоки и металла лежал Гулли Фойл. Его освещало мерцающее сияние сверху и маленькие языки пламени вокруг. Его одежда горела; на лице пылала татуировка. Он слабо шевелился.

— Боже мой! — воскликнул Йанг-Йовил. — Горящий Человек!

— Что?

— Горящий Человек, которого я видел на Испанской Лестнице. Впрочем, сейчас это неважно. Как нам быть?

— Идти вперед, разумеется.

Слепящий белый плевок меди внезапно упал сверху и с громким чавканьем расплескался в десяти футах от Фойла. За ним последовал второй, третий, мощный тягучий поток. Начало образовываться маленькое озеро. Дагенхем и Йанг-Йовил опустили лицевые пластины своих костюмов и полезли через щель. После трех минут отчаянных попыток им стало ясно, что они не смогут подобраться к Фойлу Снаружи пройти через лабиринт было невозможно. Дагенхем и Йанг Йовил попятились назад.

— Нам к нему не подойти, — прокричал Дагенхем. — Но он выбраться может.

— Каким образом? Он, очевидно, не в состоянии джантировать, иначе бы его здесь не было.

— Он может ползти. Смотри. Налево, потом вверх, назад, обогнуть балку, поднырнуть под нее и выпихнуть тот спутанный клубок проволоки. Внутрь нам его не протолкнуть, а вот Фойл выбраться может.

Озеро расплавленной меди медленно ползло к Фойлу.

— Если он сейчас же не вылезет, то зажарится заживо.

— Ему надо подсказать, что делать.

Они начали кричать:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Горящий человек в лабиринте продолжал слабо копошиться. Ливень шипящего металла полыхал огнем.

— Фойл! Поверни влево. Ты слышишь? Фойл?! Поверни влево и лезь наверх. Потом… Фойл!

— Он не слушает… Фойл! Гулли Фойл! Ты слышишь нас?

— Надо послать за Джиз. Может быть, он ее послушает.

— Нет, лучше за Робин.

— Но согласится ли она? Спасти именно его?

— Ей придется. Это больше, чем ненависть. Это больше, чем все на свете. Я приведу ее.

Йанг-Йовил повернулся, но Дагенхем остановил его.

— Погоди, Йео. Взгляни на него. Он мерцает.

— Мерцает?

— Смотри! Он… исчезает и появляется. Часто-часто. Вот он есть, и вот его нет.

Фойла словно била мелкая дрожь. Он напоминал неистово трепещущего мотылька, полоненного манящий огнем.

— Что это? Что он пытается сделать? Что происходит?

Он пытался спастись. Как загнанный зверь, как раненая птица, как бабочка, заманенная открытой жаровней маяка, Фойл отчаянно бился… опаленное измученное создание, из последних сил пытающееся выжить, кидающееся в неведомое.

Звук он видел, воспринимал его как странной формы свет. Они выкрикивали его имя, а он воспринимал яркие ритмы:

Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л
Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л
Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л
Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л
Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л Ф ОЙ Л

Движение казалось ему звуком. Он слышал корчащееся пламя, он слышал водовороты дыма, он слышал мерцающие глумящиеся тени… Все обращались к нему на странных языках.

— БУРУ У ГИАР РУУАУ РЖЖИНТ? — вопрошал пар.

— Аш. Ашша. Кири-тики-зи мдик, — причитали мельтешащие тени.

— Ооох. Аааx. Хиии. Ччиии. Оооо. Аааа, — пульсировал раскаленный воздух. — Аааx. Мааа. Паaа.

Лаааaа!

И даже огоньки его собственной тлеющей одежды выговаривали белиберду в его уши:

— МАНТЕРГЕЙСТМАНН! — ревели они. — УНТРАКИНСТЕЙН ГАНЗЕЛЬСФУРСТИНЛАСТЭНБРУ ГГ!

Цвет был болью… жаром, стужей, давлением; ощущением непереносимых высот и захватывающих дух глубин, колоссальных ускорений и убийственных сжатий.

КРАСНОЕ ОТСТУПИЛО
ЗЕЛЕНОЕ НАБРОСИЛОСЬ
ИНДИГО С ТОШНОТВОРНОЙ СКОРОСТЬЮ
ЗАСКОЛЬЗИЛО ВОЛНАМИ, СЛОВНО
СУДОРОЖНО ТРЕПЕЩУЩАЯ ЗМЕЯ

Осязание было вкусом… прикосновение к дереву отдавало во рту кислотой и мелом, металл был солью, камень казался кисло-сладким на ощупь, битое стекло, как приторное пирожное, вызывало тошноту.

Запах был прикосновением… Раскаленный

камень пах как ласкающий щеку бархат. Дым и пепел терпким шероховатым вельветом терли его кожу. От расплавленного металла несло яростно колотящимся сердцем; озонированный взрывом воздух пах как сочащаяся сквозь пальцы вода.

Фойл не был слеп, не был глух, не лишился чувств. Ощущения поступали к нему; но поступали профильтрованные через нервную систему исковерканную, перепутанную и короткозамкнутую. Он находился во власти синестезии, того редкого состояния, когда органы чувств воспринимают информацию от объективного мира и передают ее в мозг, но там все ощущения путаются и перемешиваются друг с другом. Звук выражался светом, движение — звуком, цвета казались болью, прикосновения — вкусом, запах — прикосновением. Фойл не просто затерялся в адском лабиринте под собором Святого Патрика; он затерялся в калейдоскопической мешанине собственных чувств.

Снова доведенный до отчаяния, на самой грани исчезновения, он отказался от всех порядков и привычек жизни; или, может быть, ему было в них отказано. Из сформированного опытом и окружающей средой существа Фойл превра-

тился в зачаточное, рудиментарное создание, жаждущее спастись и выжить и делающее для этого все возможное. И снова, как два года назад, произошло чудо.

Вся энергия человеческого организма, целиком, каждой клетки, каждого нерва, мускула, фибра питала эту жажду, и снова Фойл джантировал в космос.

Его несло по геопространственным линиям искривленной Вселенной со скоростью мысли, далеко превосходящей скорость света. Пространственная скорость была столь пугающе велика, что его временная ось отошла от вертикальной линии, начертанной от Прошлого через Настоящее в Будущее. Он мчался по новой, почти горизонтальной оси, по новой геопространственной линии, движимый неисчерпаемыми возможностями человеческого мозга, не обузданного более концепциями невозможного.

Снова он достиг того, чего не смогли Гельмут Грант, Энрико Дандридж и множество других экспериментаторов, потому что слепая паника заставила его забыть пространственно-временные оковы, обрекшие на неудачу предыдущие попытки. Он джантировал не в Другое Место; он джантировал в Другое Время. Но самое важное

— сознание четвертого измерения, завершенная картина Стрелы Времени и своего положения на ней, которые заложены в каждом человеке, но находятся в зачаточном состоянии, подавляемые тривиальностью бытия, — у Фойла выросло и окрепло. Он джантировал по пространственно-временным линиям, переводя «i» — квадратный корень из минус единицы — из мнимого числа в действительность великолепным действом воображения.

Он джантировал.

Он был на борту «Номада», плывя через бездонную стужу космоса.

Он стоял у двери в никуда.

Холод казался вкусом лимона, а вакуум когтями раздирал кожу. Солнце и звезды - били все тело лихорадочной дрожью.

— ГЛОММНА ФРЕДНИИТ КЛОМОХАМАГЕНЗИН! — ревело в его уши движение.

Фигура, обращенная к нему спиной, исчезала в конце коридора; фигура с медным котлом, наполненным пищевыми концентратами. То был Гулли Фойл.

— МЕЕХАТ ДЖЕСРОТ К КРОНАГАНУ НО ФЛИММКОРК, — рычало его движение.

— Ох-хо! Ах-ха! О-оооо? Соооо? Нееее. А-аххххх, —

стонали завихрения света и теней.

Лимонный вкус во рту стал невыносим; раздирающие тело когти были мукой.

Он джантировал.

И появился в полыхающем горниле под собором Св. Патрика всего через секунду после своего исчезновения. Его тянуло сюда, как снова и снова притягивает мотылька манящее пламя. Он выдержал в ревущей топке всего лишь миг.

И джантировал.

Он находился в глубинах Жофре Мартель.

Бархатная бездонная тьма была раем, блаженством, эйфорией.

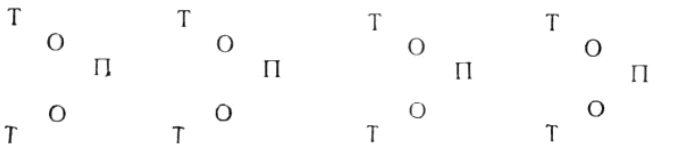
— А-ах! — облегченно выдохнул он.

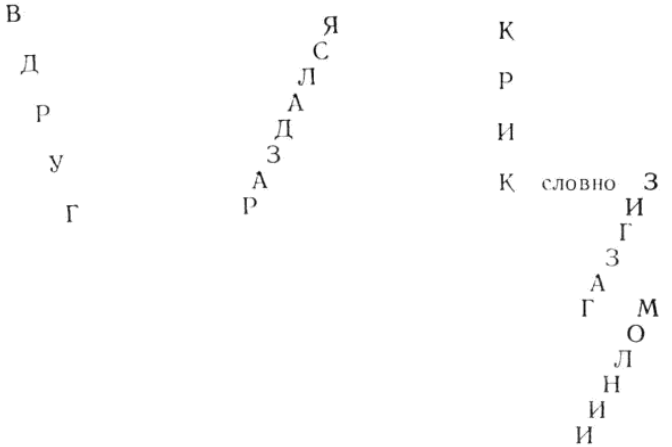
АХ! — раздалось эхо его голоса, и звук предстал ослепительно ярким узором света:

А ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА Х ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА А ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА ХА Х ХАХАХА

ПрекраАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
ПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрА
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекр

Отдаленный топот явился его глазам затейливым узором развевающегося вертикального вымпела:





УДАРИЛ ЛУЧ СВЕТА

То была поисковая группа из госпиталя Жофре Мартель; при помощи геофона выслеживающая Фойла и Джизбеллу Маккуин. Горящий Человек исчез, но невольно сбил ищеек со следа беглецов.

Он снова появился под собором. Отчаянное трепыхание швыряло его вверх по геодезическим линиям; те же неотвратимо возвращали его назад, в то Настоящее, которого он стремился

избежать; ибо Настоящее было самой низкой точкой параболы пространства-времени.

Он мог гнать себя вверх и вверх, в прошлое или будущее, но рано или поздно падал в Настоящее, подобно брошенному со дна бесконечного колодца мячу, который сперва катится вверх по пологому склону, потом на миг застывает и падает вниз.

И все же снова и снова он бился в неведомое.

Он джантировал.

И оказался на пустынном австралийском побережье.

Бурление пенящихся волн оглушало.

ЛОГГЕРМИСТ КРОТОХАВЕН ЙАЛЛ ЛУГ ГЕРМИСК МОТЕСЛАВЕН ДЖУЛЛ

Шум пузырящегося прибоя слепил.

Рядом стояли Гулли Фойл и Робин Уэднесбери. Недвижное тело лежало на песке, отдававшем уксусом во рту Горящего Человека. Обдувавший ветер пахнул оберточной бумагой.

Фойл шагнул.

— ГРАШШШ! — взвыло движение.

Горящий Человек джантировал.

И появился в кабинете доктора Ореля в Шанхае. Фойл снова стоял рядом и говорил узорами света:

к т о К
ы т т ы ы т ы т т ы
о о к о о
Джантировал.

Он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице.

Горящий Человек джантировал.

Вновь холод, вкус лимонов и раздирающие кожу когти… Он заглядывал в иллюминатор серебристой яхты. Сзади высились зазубренные горы Луны. Он увидел резкое перестукивание подающих кровь и кислород насосов и услышал грохот движения Гулли Фойла. Безжалостные клешни вакуума удушающе сжали горло.

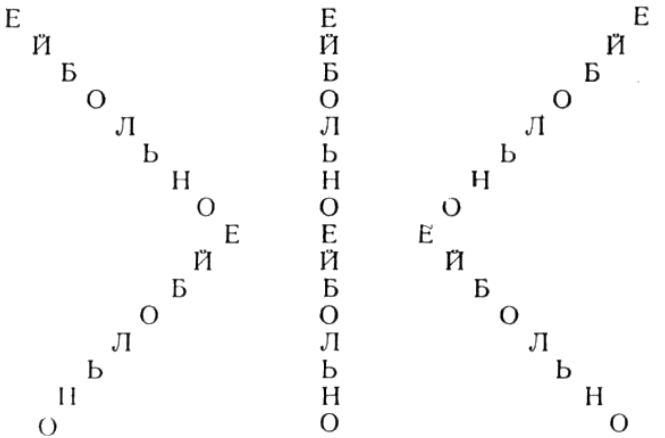
Геодезические линии пространства-времени понесли его назад, в Настоящее, в сатанинскую жаровню под собором Святого Патрика, где едва истекли две секунды с тех пор, как он начал бешеную борьбу за существование. Еще раз, словно огненное копье, Фойл швырнул себя в неведомое.

Он был в катакомбах колонии Склотски на Марсе. Перед ним извивался и корчился белый слизняк, Линдси Джойс.

— НЕТ! НЕТ? НЕТ! — кричало ее судорожное дерганье. — НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ УБИВАЙТЕ МЕНЯ. ПОЖАЛУЙСТА… НЕ НАДО… ПОЖАЛУЙСТА… ПОЖАЛУЙСТА…

Горящий Человек оскалил тигриную пасть и засмеялся.

— Ей больно, — сказал он. Звук собственного голоса обжег его глаза.



— Кто ты? — прошептал Фойл.

КККККККККККККККККККККК

ТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТ

ОООООООООООООООООООО

ТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТ
ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ

Горящий Человек содрогнулся.

— Слишком ярко. Меньше света.

Фойл шагнул вперед.

— БЛАА-ГАА-ДАА — МАА-ФРАА-МАШИН-ГЛИ СТОН ВИСТА! — загремело движение.

Горящий Человек страдальчески скривился и в ужасе зажал уши.

— Слишком громко! — крикнул он. — Не двигайся так громко!

Извивания корчащегося Склотски продолжали заклинать:

— НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. Горящий Человек снова засмеялся.

— Послушай ее. Она кричит. Она ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет сдыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

— ПРИКАЗ ОТДАЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. НЕ Я. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. Она говорит — Оливия.

Шахматное сверкание вопроса Фойла было непереносимо.

— Она говорит Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Он джантировал.

Он был в каменном капкане под собором Св. Патрика, и внезапно смятение и отчаяние подсказали ему, что он мертв. Это конец Гулли Фойла. Это вечность и реальный ад. То, что он видел, — прошлое, проносящееся перед распадающимся сознанием в заключительный момент смерти. То, что он перенес, ему суждено переносить бесконечно. Он мертв. Он знал, что мертв.

Он отказался подчиниться вечности.

И снова швырнул себя в неведомое.

Горящий Человек джантировал.

И оказался в искрящемся тумане… в вихре звезд-снежинок… в потоке жидких бриллиантов. Тела его коснулись невесомые трепетные крылья… Язык ощутил вкус нити прохладных жемчужин… Его перемешавшиеся чувства не могли помочь ему сориентироваться, но он отчетливо понимал, что хочет остаться в этом Нигде навсегда.

— *Здравствуй, Гулли.*

— Кто это?

— *Робин.*

— Робин?

— *Бывшая Робин Уэднесбери.* Бывшая?..

— *Ныне Робин Повил.*

— Не понимаю. Я мертв?

— *Нет, Гулли.*

— Где я?

— *Далеко, очень далеко от Св. Патрика.*

— Но где?

— *Мне некогда объяснять, Гулли. У тебя мало времени.*

— Почему?

— *Потому что ты еще не умеешь джантировать через пространство-время. Тебе надо вернуться и научиться.*

— Я умею. Должен уметь. Шеффилд сказал, что я джантировал к «Номаду»… шестьсот тысяч миль.

— *Тогда это было случайностью, Гулли. Ты снова сделаешь это… когда научишься… А пока ты не знаешь, как удержаться… как обратить любое Настоящее в реальность. Вот-вот ты опять сорвешься в собор Святого Патрика.*

— Робин, я только что вспомнил. У меня для тебя плохие новости.

— *Знаю, Гулли.*

— Твоя мать и сестры погибли.

— *Я знаю это очень давно.*

— Давно?

— *Тридцать лет.*

— Это невозможно.

— *Возможно. Ты далеко, далеко от Св. Пат-*

рика… Я хочу рассказать тебе, как спастись от огня, Гулли. Ты будешь слушать?

— Я не мертв?

— *Нет.*

— Я буду слушать.

— *Ты страдаешь синестезией, все твои чувства перепутаны. Это скоро пройдет, но пока придется говорить так, чтобы ты понял.*

— Почему ты мне помогаешь?.. После того, что я сделал с тобой…

— *Все прощено и забыто, Гулли. Слушай меня. Когда опять окажешься в соборе, повернись к самой громкой тени. Ясно?*

— Да.

— *Иди на шум, пока не ощутишь покалывание на коже. Остановись. Сделай пол-оборота в давление и чувство падения. Иди туда. Пройдешь через столб света и приблизишься ко вкусу хинина. На самом деле это клубок проволоки. Продирайся прямо через хинин; там увидишь что-то, стучащее словно паровой молот. Ты будешь в безопасности.*

— Откуда все это тебе известно, Робин?

— *Мне объяснил специалист, Гулли.* — Появилось ощущение смеха. — *Вот-вот ты сорвешься в прошлое… Здесь Питер и Саул. Они передают*

тебе привет, и желают удачи. Джиз Дагенхем тоже. Счастливо, Гулли, милый…

— В прошлое?.. Это будущее?..

— *Да, Гулли.*

— А я там есть?.. А… Оливия?

И в этот миг он, кувыркаясь, полетел вниз, вниз, вниз, по пространственно-временным линиям вниз в кошмарную яму Настоящего.

16

Его ощущения пришли в норму в Звездном Зале дворца Престейна. Зрение стало зрением, и он увидел высокие зеркала и золотые стены, библиотеку с библиотекарем-андроидом на шаткой библиотечной лесенке. Звук стал звуком, и он услышал стук механического пишущего устройства, за которым сидела секретарша-андроид. Вкус стал вкусом, когда он при губил коньяк, поданный роботом-барменом.

Фойл понимал, что находится в безвыходном положении; он приперт к стене; сейчас ему предстоит принять самое важное решение в жизни. На данный момент он пренебрег врагами и обратился к сияющей улыбке, застывшей на металлическом лице бармена, классическому

ирландскому оскалу.

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — ответил робот, ожидая следующей реплики.

— Приятный день, — заметил Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — просиял робот.

— Отвратительный день, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — отозвался робот.

— Погода, — сказал Фойл.

Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Это я, — сказал он, указывая на робота. — Это мы все. Мы болтаем о свободе, воли, но не представляем из себя ничего, кроме реакции… механической реакции однозначно заданной и определенной. И вот… вот я, здесь, готовый реагировать. Нажмите на кнопочку и я подпрыгну. — Он передразнил холодный голос робота.

— Счастлив служить, сэр. — Внезапно его тон изменился и прозвучал, как удар бича, — Что вам надо?

Они беспокойно зашевелились. Фойл был обожжен, обессилен, изранен… и все же оставался

хозяином положения.

— Давайте оговорим условия, — продолжал Фойл, — Меня повесят, утопят, четвертуют, если я не… Чего вы хотите?

— Я хочу вернуть свою собственность, — холодно улыбаясь, заметил Престейн.

— Восемнадцать с лишним фунтов ПирЕ. Так. Что вы предлагаете?

— Я не делаю никаких предложений. Я требую то, что принадлежит мне по праву.

Заговорили Дагенхем и Йанг-Йовил. Фойл резко оборвал их.

— Пожалуйста, давите на кнопку по одному, джентльмены. — Он повернулся к Престейну. — Жмите сильнее… кровь и деньги… или найдите другую кнопку. Кто вы такой, чтобы выставлять сейчас требования?

Престейн поджал губы.

— Закон… — начал он.

— Что? Угрозы? — Фойл рассмеялся. — Хотите меня запугать? Не валяйте дурака, Престейн. Разговаривайте со мной так, как говорили на Новогоднем балу… без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

Престейн склонил голову, глубоко вздохнул и прекратил улыбаться.

— Я предлагаю власть, — сказал он. — Признание вас моим наследником, равную долю в предприятиях Престейна, руководство кланом и семьей. Вместе мы сможем править миром.

— С ПирЕ?

— Да.

— Ваше предложение рассмотрено и отклонено. Предложите свою дочь.

— Оливию?! — Престейн подавился и сжал кулаки.

— Да, Оливию. Где она?

— Ты!.. — вскричал Престейн. — Подонок… мерзавец… Ты смеешь…

— Вы предложите дочь за ПирЕ?

— Да, — едва слышно произнес Престейн.

Фойл повернулся к Дагенхему.

— Ваша очередь, мертвая голова.

— Если разговор будет идти подобным образом… — возмущенно начал Дагенхем.

— Будет. Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия. Что вы предлагаете?

— Славу. Мы не можем предложить денег или власть. Мы можем предложить честь. Гулли Фойл — человек, спасший Внутренние Планеты от уничтожения. Мы можем предложить безопасность. Мы ликвидируем ваше досье, дадим уважаемое

имя, прославим навеки.

— Нет, — вмешалась неожиданно Джизбелла Маккуин, — Не соглашайся. Если хочешь быть спасителем, уничтожь секрет. Не давай ПирЕ никому.

— Что такое ПирЕ?

— Тихо! — рявкнул Дагенхем.

— Это термоядерное взрывчатое вещество, которое воспламеняется одной лишь мыслью… психокинезом, — сказала Джизбелла.

— Какой мыслью?

— Просто желанием взорвать его, направленным желанием. Этого достаточно, если ПирЕ не изолирован Инертсвинцовым Изомером.

— Я велел тебе молчать, — прорычал Дагенхем. — Это больше, чем идеализм.

— Ничего нет больше идеализма.

— Секрет Фойла больше, — пробормотал Йанг-Йовил. — ПирЕ сейчас сравнительно маловажен. — Он улыбнулся Фойлу. — Секретарь Шеффилда подслушал часть вашей милой беседы в соборе. Нам известно, что вы джантировали в космосе.

Воцарилась внезапная тишина.

— Джантация в космосе! — воскликнул Дагенхем. — Невозможно! Ты не знаешь, что

говоришь.

— Знаю. Фойл доказал, что это возможно. Он джантировал на шестьдесят тысяч миль от крейсера ВС до остатков «Номада». Как я сказал, это гораздо больше, чем ПирЕ. Мне кажется, этим следует заняться в первую очередь.

— Тут каждый говорит о том, что он хочет, — медленно произнесла Робин Уэднесбери. — Чего хочешь ты, Гулли Фойл?

— Спасибо тебе, — промолвил Фойл. — Я жажду понести наказание.

— Что?

— Я хочу очищения, — сказал он сдавленным голосом. Позорное клеймо стало проступать на его перебинтованном лице. — Я хочу искупить содеянное, свести счеты. Я хочу освободиться от своего тяжкого креста… эта боль раскалывает мне спину. Я хочу вернуться в Жофре Мартель, лоботомию, если я заслуживаю… И я хочу знать. Я хочу…

— Вы хотите спасения, — перебил Дагенхем. — Спасения нет.

— Я хочу освобождения!

— Исключено, — отрезал Йанг-Йовил. — Ваша голова слишком ценна, чтобы отдавать ее на лоботомию.

— Нам не до простых детских понятий — преступление… наказание… — вставил Дагенхем.

— Нет, — возразила Робин, — Должен быть грех, и должно быть прощение. Мы никогда не сможем преступить их.

— Нажива и убыток, грех и прощение, идеализм и практицизм… — горько улыбнулся Фойл. — Вы все так уверены, так прямодушны… А у меня сплошные сомнения. Посмотрим, насколько вы действительно уверены. Итак, вы отдадите Оливию? Мне да, так? А закону? Она — убийца.

Престейн попытался встать, но рухнул в кресло Должно быть прощение, Робин? Ты простишь Оливию Престейн? Она убила твоих родных.

Робин смертельно побледнела.

— Вы, Йовил. У Внешних Спутников ПирЕ нет. Шеффилд признался в этом. Все равно будете испытывать его на них? Чтобы мое имя вспоминали рядом с именами Линча и Бойкота?

Фойл повернулся к Джизбелле.

— Вернешься ты ради своего идеализма в Жофре Мартель отсиживать срок до конца? А вы, Дагенхем, откажетесь от нее? Спокойно отпустите в тюрьму?.. Жизнь так проста, — иронично продолжал он. — И это решение так просто, не правда ли? Уважить права Престейна? Благо-

получие планет? Идеалы Джизбеллы? Реализм Дагенхема? Совесть Робин? Нажмите на кнопку, и робот дернется. Но я не робот. Я выродок Вселенной… мыслящее животное… Я пытаюсь разглядеть путь через эту трясину. Возвратить ПирЕ миру, и пусть он себя губит? Обучить мир джантации в космосе, и пусть себе величаво ступает от, галактики к галактике, распространяя повсюду заразу своего уродливого образа жизни? Каков же ответ?

Робот-бармен внезапно швырнул миксер через всю комнату. В последовавшей тишине надсадно прозвучал голос Дагенхема:

— Проклятье! Ваши куклы, Престейн, опять разладились от радиации.

— Ответ — «да», — отчетливо произнес робот.

— Что? — ошарашенно спросил Фойл.

— Ответ на ваш вопрос — «да».

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — отозвался робот. — Человек в первую очередь — член общества, а только потом уже индивидуум. И независимо от того, обречет ли себя общество на уничтожение или нет, вы должны оставаться с ним.

— Совсем спятил, — раздраженно бросил Дагенхем. — Выключите его, Престейн.

— Погодите, — приказал Фойл, не сводя глаз с ослепительной улыбки, застывшей на металлическом лице робота. — Но общество может быть таким тупым, таким бестолковым, таким запутавшимся… Ты свидетель нашего разговора.

— Верно, сэр, но вы должны учить, а не диктовать. Вы должны учить общество.

— Джантации в космосе? Зачем? Стоит ли нам рваться к звездам и галактикам? Ради чего?

— Потому что вы живы, сэр. С таким же успехом можно задаться вопросом «Ради чего жизнь?». Об этом не спрашивают. Просто живут.

— Сумасшествие, — пробормотал Дагенхем.

— Но увлекательное, — заметил Йанг-Йовил.

— Жизнь должна быть больше, чем простое выживание, — сказал Фойл роботу.

— Тогда определите это «большее» для себя, сэр. Не требуйте от мира гибели, если у вас появились сомнения.

— Но почему мы не можем все идти вперед?

— Потому что вы все разные. Вы не лемминги. Кому-то нужно вести и надеяться, что остальные не отстанут.

— Кому же вести?

— Тем, кто *должен*… одержимым…

— Выродкам.

— Все вы выродки, сэр. Вы всегда были выродками. Жизнь — это выродок.

— Спасибо тебе большое.

— Счастлив служить, сэр.

— Ты спас сегодняшний день. И не только сегодняшний.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — проговорил робот. Потом он заискрился, затрещал и развалился.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Он прав; а вы неправы. Кто мы такие, любой из нас, чтобы принимать решения за весь мир? Пускай мир сам принимает решения. Кто мы такие, чтобы хранить секреты от мира? Пускай мир знает их и решает за себя. Идем в собор.

Он джантировал; остальные — следом. Район до сих пор был оцеплен, но вокруг собралась колоссальная толпа. Столько опрометчивых и любопытствующих людей джантировало в курящиеся развалины, что полиция установила защитный индукционный экран. И все равно озорники и зеваки пытались проникнуть на руины; опаленные индукционным полем, они убегали с жалобным воем.

По знаку Йанг-Йовила поле выключили. Фойл прошел по горячему щебню к восточной стене со-

бора, от которой еще осталось футов пятнадцать в высоту Он ощупал почерневшие камни, раздался скрежещущий звук, и кусок стены три на пять футов с резким визгом стал открываться, потом заел Фойл нетерпеливо схватил его и дернул. Перекаленные петли не выдержали и рассыпались, панель упала.

Двумя столетиями раньше, когда религия была запрещена, а истовые верующие всех исповеданий ушли в подполье, несколько преданных благочестивых душ устроили эту потайную нишу и обратили ее в алтарь. Золото распятия до сих пор сияло негасимым огнем веры. У подножия креста покоился маленький черный ящик из Инертсвинцового Изомера.

— Знак?.. — выдохнул Фойл. — Ответ, который я ищу?

Он выхватил тяжелый сейф прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться, джантировал сотню ярдов на остатки кафедральных ступеней и там, на виду у всей толпы, открыл. Вопль ужаса сорвался с губ сотрудников Разведки; они знали его содержимое.

— Фойл! — бешено закричал Дагенхем.

— Ради бога, Фойл! — заревел Йанг-Йовил.

Фойл вытащил кусочек ПирЕ — цвета кристал-

лов иода, размера сигареты… один фунт твердого раствора трансплутониевых изотопов.

— ПирЕ! — выкрикнул он, обращаясь к толпе. — Держите его! Это ваше будущее. ПирЕ! — Он швырнул кусочек в гущу людей и добавил через плечо: — Сан-Франциско!

Фойл джантировал Сент-Луис-Денвер-Сан-Франциско; там было четыре часа пополудни, и улицы кипели озабоченно снующими служащими.

— ПирЕ!! — взревел Фойл. Его дьявольская маска налилась кровью и устрашающе горела. — ПирЕ… Он ваш. Заставьте их рассказать вам, что это… Ном! — крикнул он прибывшим преследователям и джантировал.

В толпе оцепеневших от ужаса лесорубов, торопящихся к своим бифштексам с пивом, возникла кошмарная фигура с тигриным оскалом. Фигура размахнулась и бросила что-то в гущу людей.

— ПирЕ! Эй, там, слышите меня, нет? ПирЕ! Хватайте — и без вопросов. Слышите там, вы? Пусть расскажут про ПирЕ, и все!

Дагенхем, Йанг-Йовил и прочие, джантирующие за Фойлом с секундным опозданием, услышали:

— Токио. Императорская площадка!

Он исчез за миг до того, как долетели их пули.

Фойл побывал в Бангкоке, где дождь лил как из ведра, и в Дели, где бушевал муссон… преследуемый по пятам гончими псами. В Багдаде в три часа ночи его встретили пьяным умилением завсегдатаи ночных баров, джантирующие вокруг света, вечно опережая время закрытия на полчаса. В Лондоне и Париже стояла полночь; шумные толпы на Елисейских Полях и Пикадилли бурлили, как море, от странных действий и страстных призывов Фойла.

Проведя своих преследователей за пятьдесят минут почти полный путь вокруг света, Фойл позволил в Лондоне настичь себя. Он позволил им повалить себя, вырвать из рук сейф из ИСИ и пересчитать оставшиеся кусочки ПирЕ.

— Для войны осталось достаточно. Вполне достаточно для полного уничтожения… если посмеете. — Фойл смеялся и рыдал в истерическом триумфе. — Миллиарды на оборону, но ни гроша на выживание…

— Ты понимаешь, что ты наделал, убийца?! — закричал Дагенхем.

— Я знаю, что сделал.

— Девять фунтов ПирЕ разбросаны по миру! Одна мысль и мы… *Как* забрать его, не говоря

им правды?! Ради бога, Йео, осади эту толпу. Они могут услышать.

— Это выше наших сил.

— В таком случае джантируем.

— Нет! — прорычал Фойл. — Пусть слышат. Пусть слышат все.

— Ты сошел с ума. Только безумец даст заряженный револьвер несмышленому ребенку.

— Прекратите относиться к ним, как к детям. Объясните им про заряженный револьвер. Откройте все. — Фойл свирепо рассмеялся. — Только что я положил конец последней тайне. Никаких больше секретов… Никаких больше указаний детишкам, что для них лучше… Пусть взрослеют. Пора уже.

— Господи, он в самом деле потерял рассудок.

— Разве? Я вернул жизнь и смерть в руки людей, которые живут и умирают. Простого человека слишком долго бичевали и вели такие одержимые, как мы… необузданные, неукротимые люди… люди-тигры, которые не могли не Подхлестывать мир. Мы все тигры, все трое, но кто мы такие, какое право имеем решать за всех? Пусть мир сам выбирает между жизнью и смертью. Почему мы навьючены такой ответственностью?

— Мы не навьючены, — тихо сказал Йанг-Йо-

вил. — Мы одержимы. Мы вынуждены принять ответственность, которой страшится средний человек.

— Так пускай перестанет страшиться, перестанет увиливать! Пускай прекратит перекладывать свой долг и свою вину на плечи первого попавшегося выродка, который поспешит принять их на себя. Или нам суждено вечно быть козлами отпущения?

— Будь ты проклят! — бушевал Дагенхем. — Неужели до тебя не доходит, что людям доверять нельзя?! Они сами не знают, чего им надо!

— Так пусть узнают — или сдохнут! Мы все в одной упряжке. Будем жить вместе — или вместе умирать.

— Хочешь сдохнуть из-за их невежества?! Тебе придется найти способ собрать все кусочки ПирЕ, не взлетев на воздух.

— Нет. Я в них верю. Я сам был одним из них — до того, как стал тигром. И каждый может стать необыкновенным, если его встряхнуть, как меня, если его пробудить.

Фойл неожиданно вырвался, джантировал на бронзовую голову Эроса, пятьюдесятью футами выше Пикадилли, и яростно взревел:

— Слушайте меня! Слушайте все! Буду пропо-

ведь читать, я!

Ему ответил дружный рев.

— Вы свиньи, вы. Вы гниете, как свиньи, и все. В вас есть многое, а вы довольствуетесь крохами. Слышите меня, вы? У вас есть миллионы, а расходуете гроши. В вас есть гений, а мыслей, что у чокнутого. В вас есть сердце, а чувствуете пустоту… Вы все. Каждый и всякий.

Его осыпали насмешками; над ним глумились. Он продолжал со страстной, истеричной яростью одержимого.

— Нужна война, чтоб вы раскошелились. Нужен хлыст, чтоб вы соображали. Нужен вызов, чтобы пробудить гений… Остальное время вы пускаете слюни Лентяи! Свиньи, вы все! Ну хорошо, вызываю вас, я! Сдохните или живите в величии Сдохните, сволочи, будьте вы прокляты, или придите ко мне, Гулли Фойлу, и я сделаю вас великими. Я помогу вам встать на ноги. Я сделаю вас людьми!

НАСТОЯЩЕЕ: Ригель в Орионе, иссиня-белый, пятьсот сорок световых лет от Земли, в десять тысяч раз ярче Солнца, котел чудовищной энергии, окруженный тридцатью семью громадными планетами… Фойл завис в космосе, замерзая и задыхаясь, лицом к лицу с судьбой, в которую

верил, но которая оставалась непостижима. Он завис в космосе на ослепительный миг, такой же беспомощный, такой же ошеломленный и такой же неизбежный, как та первая рыба, выползшая из моря выпученными глазами посмотреть на доисторический берег у истоков жизни.

Он джантировал, обращая пара-Настоящее в…

НАСТОЯЩЕЕ: Вега в Лире, звезда типа АО в двадцати шести световых годах от Земли, беспланетная, но окруженная роем сверкающих комет, прочерчивающих огненные хвосты на небесном своде…

И вновь он обратил настоящее в НАСТОЯЩЕЕ: Канопус, желтый как Солнце, гигантский, грозовой в безмолвных просторах космоса, свидетель появления некоего создания; создания, у которого когда-то были жабры. Создание зависло, выпучив глаза на берег Вселенной; ближе к смерти, чем к жизни, ближе к будущему, чем к прошлому, в десяти лигах за краем света. Создание пораженно глядело…

НАСТОЯЩЕЕ: Альдебаран в Тельце, одна из пары чудовищных красных звезд, чьи шестнадцать планет неслись по эллиптическим орбитам вокруг взаимно-вращающихся родителей… Он мчался через пространство-время с растущей

уверенностью…

НАСТОЯЩЕЕ: Антарес, красный гигант, спаренный подобно Альдебарану, двести пятьдесят световых лет от Земли, двести пятьдесят планетоидов размером с Меркурий, с климатом Эдема…

И наконец… НАСТОЯЩЕЕ:

Он находился на борту «Номада».

Мойра нашла его в инструментальном шкафу «Номада», свернувшимся в зародышевый комочек, с пустым лицом, с горящими священным откровением глазами.

Фойл спал и размышлял, переваривал обретенное величие. Он очнулся от мечтаний и выплыл из шкафа, обжигая Мойру слепыми очами, минуя пораженную девушку, которая отступила назад и пала на колени. Он бродил по пустынным проходам и, наконец, вернулся в утробу шкафа; там свернулся снова и был утерян.

Она коснулась его; он не шевельнулся. Она произнесла имя, выжженное на его лбу; он не дал ответа. Она повернулась и кинулась вовнутрь астероида, в святая святых, где правил Джозеф.

— Мой муж вернулся к нам, — выпалила Мойра.

— Твой муж?

— Человек-бог, который нас уничтожил.

Лицо Джозефа потемнело от гнева.

— Где он?! Покажи мне!

— Ты не тронешь его?

— Долги нужно платить. Покажи мне.

Джозеф прошел за ней к шкафчику на борт «Номада» и посмотрел пристально на Фойла. Ярость на его лице сменилась изумлением. Он коснулся Фойла и обратился к нему; ответа не было.

— Ты не можешь его наказать, — сказала Мойра. — Он умирает.

— Нет, — тихо промолвил Джозеф. — Он не умирает. Он грезит. Я, жрец, знаю эти грезы. Придет время, и он очнется, и откроет нам, своему народу, все свои помыслы.

— И тогда ты покараешь его?

— Он уже нашел кару в самом себе, — сказал Джозеф.

Он устроился рядом со шкафчиком, готовый ожидать пробуждения. Девушка, Мойра, побежала по изогнутым коридорам и вернулась с серебряным тазиком теплой воды и серебряным подносом с едой. Она обмыла Фойла нежно и опустила перед ним поднос как приношение. Потом устроилась рядом с Джозефом… рядом со всем миром… ждать пробуждения.

Выбор[6]
(пер. с англ. В. Баканова)

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, таким, как вы, я или Адьер.

Не можно вы потратить на одна чашка кофе, достопочтенный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался средними величинами и распределениями, гомогенными группами и случайными отборами. Ночью же Адьер погружался в сложные, тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, прихватив, разумеется, энциклопедии, бестселлеры и таблицы с результатами скачек; либо воображал себя в Золотом Веке далекого будущего.

Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, дражайшая мадам? Для благословенная щед-

---

[6] Примечания: 6

Печатается по изд. Бестер А. Выбор. в сб: Гея/Пер. с англ М. Мысль. 1990.

рость. Я признателен.

В понедельник Адьер ворвался в кабинет своего шефа, размахивая бумагами.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О, черт! — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего Департамента… Вам известно, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что… Должно быть, где-то ошибка, — пробормотал Гранк, пролистав бумаги — Проверьте

— Есть, сэр, затараторил Адьер, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы идеальный статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость-смертность» и ростом населения. Адьер представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось

искать прибежища в Золотом Веке королевы Виктории, в котором он изумил и покорил мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалость.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента! Так!.. Литл-Рок — 1,1329. Сент-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, произошедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а на следующий день начертил на карте останков США концентрические окружности, цветами обозначив плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер, охваченный высокой статистической страстью, — Ответ, таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — велел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, почтенная мисс? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарлстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если бы я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарлстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, по счастью, железнодорожное полотно. Он лечился весь путь: Бирмингем (бубонная чума), Мэмфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на поверхности земли; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в гостинице Адьер отправился в местный Статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское Бюро, надеясь получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повитухи, но их списков не имеется. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на клочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу и с молитвой выпустил единственного выжившего почтового голубя. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. Наг площадь, расположенную внизу, только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая колымага

со скрежетом затормозила, с большим трудом открылись двери, и вышел одноногий мужчина с забинтованным обожженным лицом. Очевидно, это был состоятельный фермер, который мог позволить себе разъезжать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда… абсолютно ниоткуда… Появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин… они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с самками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не

на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я инороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги, и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса в Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонсона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Район кишит шпионами.

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидает восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ключ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила: «Эврика. Я нашел».

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, бесценная мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Счастливый случай представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не уместились. Вовсе не обескураженные, они замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, затем повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не скрылись в старом амбаре.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, *где* искать ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватили за руки, к лицу прижали что-то мягкое…

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр. Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником., В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу, засмеялась и затараторила:

— Вд-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Середина XV века. Простите.

Он снова включил радио Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью:

— Мууу, фууу, блууу, уауу, хауду, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через несколько минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да… Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории… И никто не видел истинного его назначения — терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие

средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю.

— Вы попали в иммиграционное бюро.

О, Господи! Адьер подскочил на койке. Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи Откуда?

Из будущего, разумеется Перемещение во времени стало возможным лишь с… э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные. Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, однако первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно утрачивают контакт с реальностью. Знал я одного… его не устраивало ничто другое, как времена королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он, — испанская армада. Дрейк и Рэли. Самый мужественный период истории. Золотой Век». Я не смог его образумить, и вот… Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки…

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются.

Извините…

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, чуть не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг. Кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной… Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Теперь он был одет и двигался с нормальной скоростью. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что та кое водопровод по сравнению с древнегреческими философами? Но потом вам надоедает

натыкаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про избитые истины. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше и не замечали.

— Это поверхностный подход, — возразил Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств… Или, наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я…

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Величайшее заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция!

— Э-ээ! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни малейших проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам Бог принадлежать к меньшинству.

Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, сотню лет назад те же убеждения сделали бы вас опасным радикалом. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богаты; а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни… уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести… радио, например. Я сделал бы состояние на одном радио!

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и многое другое Вам придется для начала получить электрический ток,

построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам… Но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще ничего не известно о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я и не думал… А книги? Я мог бы запомнить…

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет прибыльной, если ее не будут покупать.

— А если отправиться в будущее?

Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? *Думать* на этом языке? Приспособиться к иным темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер, — если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой Век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути… Половина попрошаек, которых вы когда-либо видели, наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда… думают, что попали в Золотой Век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер — Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самый ужасный период в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется *вам.* Представители каждого поколения твердят, что *их* время самое тяжелое. Но поверьте моему слову когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом Веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — нам надо хранить тайну.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не обратит на вас внимания. Вы будете иностранцем, чудаком…

— А если я вернусь?

— Вы не сможете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это утешит, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец…

— Значит, вы отправите меня…

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер. — Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят… или на сто лет

позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете… прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме своего собственного, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет… Что день сегодняшний, плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный, — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно тратить цена одна чашка кофе,

достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность: Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945. Я хочу домой.

Пи-человек[7]
(пер. с англ. В. Баканова)

Как сказать? Как написать? Порой я выражаю свои мысли изящно, гладко, даже изысканно, и вдруг — reculer pour mieux sauter[8] — это завладевает мною. Толчок. Сила. Принуждение.

Иногда я
должен
возвращаться,

но не для того, чтобы прыгнуть; даже не для того, чтобы прыгнуть дальше. Я не владею собой, своей речью, любовью, судьбой. Я должен уравнивать, компенсировать. Всегда.

Quae nocent docent. Что в переводе означает: вещи, которые ранят, — учат. Я был раним и многих ранил. Чему мы научились? Тем не менее. Я просыпаюсь утром величайшей боли, соображая, где нахожусь. Ч-черт! Коттедж в Лондоне, вилла в Риме, апартаменты в Нью-Йорке, ран-

---

[7] Примечания: 7

Печатается по изд.: Бестер А. Пи-Человек: в сб... Человек, который дружил с электричеством/Пер. с англ. — М.: Радио и связь, 1989.

[8] Примечания: 8

Отступить, чтобы прыгнуть дальше (франц.)

чо в Калифорнии. Богатство, вы понимаете… Я просыпаюсь. Я осматриваюсь. Ага, расположение знакомо:

Спальня Прихожая Т
Ванная Е
Ванная Р
Гостиная Р
Спальня А
Кухня С
Терраса А

О-хо-хо! Я в Нью-Йорке. Но эти ванные… Фу! Сбивают ритм. Нарушают баланс. Портят форму. Я звоню привратнику. В этот момент забываю английский. (Вы должны понять, что я говорю на всех языках. Вынужден. Почему? Ах!)

— Pronto. Ecco mi Signore Storm[9]. Нет. Приходится pariato Italiano[10]. Подождите. Я перезвоню через cinque minute[11].

Re infecta[12]. Латынь. Не закончив дела, я при-

---

[9] Примечания: 9
Алло Да, это я — синьор Сторм (итал.)

[10] Примечания: 10
Говорить по-итальянски (итал.)

[11] Примечания: 11
Пять минут (итал.).

[12] Примечания: 12
С незавершенным делом (лат.)

нимаю душ, мою голову, чищу зубы, бреюсь, вытираюсь и пробую снова. Voiia[13]! Английский вновь при мне. Назад к изобретению А. Г. Белла («Мистер Ватсон, зайдите, вы мне нужны»).

— Алло? Это Абрахам Сторм. Да. Точно. Мистер Люндгрен, пришлите, пожалуйста, сейчас же несколько рабочих. Я намерен две ванные переоборудовать в одну. Да, оставлю пять тысяч долларов на холодильнике. Благодарю вас, мистер Люндгрен.

Хотел сегодня ходить в сером фланелевом костюме, но вынужден надеть синтетику. Проклятье! У африканского национализма странные побочные эффекты. Пошел в заднюю спальню (см. схему) и отпер дверь, установленную компанией «Нэшнл сейф».

Передача шла превосходно… По всему электромагнитному спектру. Диапазон от ультрафиолетовых до инфракрасных. Микроволновые всплески. Приятные альфа-бета- и гамма-излучения. А прерыватели пррррр ерррррр ыввва ютттт — выборочно и умиротворяюще. Кругом спокойствие. Боже мой! Познать хотя бы миг спокойствия!

---

[13] Примечания: 13
Ну вот (франц.).

К себе в контору на Уолл-стрит я отправляюсь на метро. Персональный шофер слишком опасен — можно сдружиться; я не смею иметь друзей. Лучше всего утренняя переполненная подземка — не надо выправлять никаких форм, не надо регулировать и компенсировать. Спокойствие! Я покупаю все утренние газеты — так требует ситуация, понимаете? Слишком многие читают «Таймс»; чтобы уравнять, я читаю «Трибьюн». Слишком многие читают «Ньюс» — я должен читать «Миррор». И т. д.

В вагоне подземки ловлю на себе быстрый взгляд — острый, блеклый, серо-голубой, принадлежащий неизвестному человеку, ничем не примечательному и незаметному. Но я поймал этот взгляд, и он забил у меня в голове тревогу. Человек понял это. Он увидел вспышку в моих глазах, прежде чем я успел ее скрыть. Итак, за мной снова «хвост». Кто на этот раз?

Я выскочил у муниципалитета и повел их по ложному следу к Вулворт-билдинг на случай, если они работают по двое. Собственно, смысл теории охотников и преследуемых не в том, чтобы избежать обнаружения. Это нереально. Важно оставить как можно больше следов, чтобы вызвать перегрузку.

У муниципалитета опять затор, и я вынужден идти по солнечной стороне, чтобы скомпенсировать. Лифт на десятый этаж Влврт. Здесь что-то налетело оттт кк уда тттo и схватило меня. Ччччттo тто сстт рррррa шшшшшшшнное. Я начал кричать, но бесполезно. Из кабинета появился старенький клерк с бумагами и в золотых очках.

— Не его, — взмолился я кому-то. — Милые, не его. Пожалуйста.

Но вынужден. Приближаюсь. Два удара — в шею и пах. Валится, скорчившись, как подожженный лист. Топчу очки. Рву бумаги. Тут меня отпускает, и я схожу вниз. 10.30. Опоздал. Чертовски неловко. Взял такси до Уолл-стрит, 99. Вложил в конверт тысячу долларов (тайком) и послал шофера назад в Влврт. Найти клерка и отдать ему.

В конторе утренняя рутина. Рынок неустойчив. Биржу лихорадит: чертовски много балансировать и компенсировать, хотя я знаю формы денег. К 11.30 теряю 109872,43 доллара, но к полудню выигрываю 57075,94.

57075 — изумительное число, но 94 цента… Фу! Уродуют весь баланс. Симметрия превыше всего. У меня в кармане только 24 цента. Позвал секретаршу, одолжил еще 70 и выбросил всю сумму

из окна. Мне сразу стало лучше, но тут я поймал ее взгляд, удивленный и восхищенный. Очень плохо. Очень опасно.

Немедленно уволил бедную девочку.

— Но почему, мистер Сторм? Почему? — спрашивает она, силясь не заплакать. Милая маленькая девочка. Лицо веснушчатое и веселое, но сейчас не слишком веселое.

— Потому что я начинаю тебе нравиться.

— Что в этом плохого?

— Я ведь предупреждал, когда, брал тебя на работу.

— Я думала, вы шутите.

— Я не шутил. Уходи. Прочь! Вон!

— Но почему?

— Я боюсь, что полюблю тебя.

— Это новый способ ухаживания? — спросила она.

— Отнюдь.

— Хорошо, можете меня не увольнять! — Она в ярости. — Я вас ненавижу.

— Отлично. Тогда я могу с тобой переспать.

Она краснеет, не находит слов, но уголки ее глаз дрожат. Милая девушка, нельзя подвергать ее опасности. Я подаю ей пальто, сую в карман годовую зарплату и вышвыриваю за дверь. Делаю

себе пометку: не нанимай никого, кроме мужчин, предпочтительно неженатых и способных ненавидеть.

Завтрак. Пошел в отлично сбалансированный ресторан. Столики и стулья привинчены к полу, никто их не двигает. Прекрасная форма. Не надо выправлять и регулировать. Заказал изящный завтрак.

Мартини Мартини
Мартини
Сыр Рокфор
Салат
Кофе

Но здесь едят так много сахара, что мне приходится брать черный кофе, который я недолюбливаю. Тем не менее приятно.

$X^2+X+41=$ простое число. Простите, пожалуйста. Иногда я в состоянии контролировать себя. Иногда какая-то сила налетает на меня неизвестно откуда и почему. Тогда я делаю то, что принужден делать, слепо. Например, говорю чепуху, часто поступаю против воли, как с клерком в Вулворт-билдинг. В Любом случае уравнение нарушается при $X=40$.

День выдался тихий. Какой-то момент мне казалось, что придется улететь в Рим (Италия),

но положение выправилось без моего вмешательства. Общество защиты животных наконец застукало меня и обвинило в избиении собаки, но я пожертвовал 10 тысяч долларов на их приют. Отвязались с подхалимским тявканьем… Пририсовал усы на афише, спас тонущего котенка, разогнал наглеющих хулиганов и побрил голову. Нормальный день.

Вечером в балет — расслабиться в прекрасных фор мах, сбалансированных, мирных, успокаивающих За тем я сделал глубокий вдох, подавил тошноту и за ставил себя пойти в «Ле битник» Ненавижу «Ле битник», но мне нужна женщина, и я должен идти в ненавистное место Эта веснушчатая девушка. Итак, poisson d'avril[14], я иду в «Ле битник». Хаос. Темнота. Какофония звуков и запахов. В потолке одна двадцатипятиваттная лампочка Меланхоличный пианист играет «Прогрессив» У лев. стены сидят битники в беретах, темных очках и непристойных бородах, играют в шахматы. У прав, стены — бар и битницы с бумажными коричневыми сумками под мышками. Они шныряют и рыскают в поисках ночлега.

Ох уж эти битницы! Все худые… волнующие

---

[14] Примечания: 14
Первоапрельская шутка (франц)

меня этой ночью, потому что слишком много американцев мечтают о полных, а я должен компенсировать. (В Англии я люблю пухленьких, потому что англичане предпочитают худых.) Все в узких брючках, свободных свитерах, прическа под Брижит Бардо, косметика по-итальянски… черный глаз, белая губа… А двигаются они походкой, что подхлестнула Херрика три столетия назад:

И дарят взору наслажденье
Свободно-смелые движенья
*И шелка блеск, как наваждень*е[15].

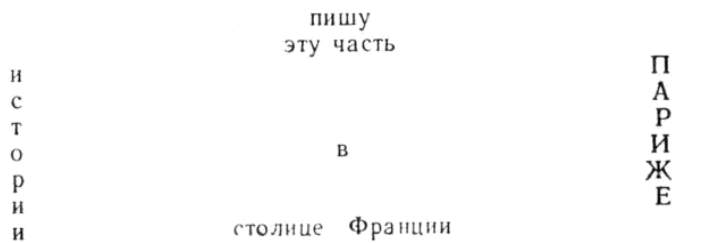
Я подбираю одну со свободно-смелыми движениями. Заговариваю. Она оскорбляет. Я отвечаю тем же и заказываю выпивку. Она пьет и оскорбляет в квадрате. Я выражаю надежду, что она лесбиянка и оскорбляю в кубе. Она рычит, но тщетно. Крыши-то на сегодня нет. Нелепая сумка. Я подавляю симпатию и отвечаю ненавистью. Она немыта, ее мыслительные формы — абсолютные джунгли. Безопасно. Ей не будет вреда. Беру ее домой для соблазнения взаимным презрением. А в гостиной (см. схему) сидит гибкая, стройная,

[15] Примечания: 15
Перевод К. Лукьяненко

гордая, милая моя веснушчатая секретарша, недавно уволенная, ждет меня.

Я

теперь



Адрес: 49-бис Авеню Фош, Париж, Франция.

Вынужден был поехать туда из-за событий в Сингапуре. Потребовалась громадная компенсация и регулировка. В какой-то миг даже думал, что придется напасть на дирижера «Опера комик», но судьба оказалась благосклонна ко мне, и все кончилось безвредным взрывом в Люксембургском саду. Я еще успел побывать в Сорбонне, прежде чем меня забросило назад.

Так или иначе, она сидит в моей квартире с

одной (I) ванной и 1997,00 сдачи на холодильнике. Ух! Выбрасываю шесть долларов из окна и наслаждаюсь оставшимися 1991. А она сидит там, в скромном черном вечернем платье, черных чулках и черных театральных туфельках. Гладкая кожа рдеет от смущения, как свежий бутон алой розы. Красное к опасности. Дерзкое лицо напряжено от сознания того, что она делает. Проклятье, она мне нравится.

Мне нравится изящная линия ее ног, ее фигура, глаза, волосы, ее смелость, смущение… румянец на щеках, пробивающийся несмотря на отчаянное применение пудры. Пудра… гадость. Я иду на кухню и для компенсации тру рубашку жженой пробкой.

— Ох-хо, — говорю. — Буду счастлив знать, зачем твоя ходи-ходи моя берлога. Пардон, масс, такая языка скоро уйдет.

— Я обманула мистера Люндгрена, — выпаливает она. — Я сказала, что несу тебе важные бумаги.

— Entschuldigen Sie, bitte. Meine Pidgin Haben sich geändert. Sprachen Sie Deutsch?[16]

— Нет.

---

[16] Примечания: 16

Прошу меня извинить. Мой английский изменился. Вы говорите по-немецки? (нем.).

— Dann warte ich[17].

Битница повернулась на каблучках и выплыла свободно-смело. Я нагнал ее у лифта, сунул 101 доллар (превосходная форма) и пожелал на испанском спокойной ночи. Она ненавидела меня. Я сделал с ней гнусную вещь (нет прощения) и вернулся в квартиру, где обрел английский.

— Как тебя зовут? — требую я Я работаю у тебя три месяца, а ты не знаешь моего имени? В самом деле?

— Нет, и знать не желаю.

— Лиззи Чалмерс.

— Уходи, Лиззи Чалмерс.

— Так вот почему ты звал меня «мисс». Зачем ты побрил голову?

— Неприятности в Вене.

— Что ты имеешь в виду?

— Не твое дело. Что тебе здесь надо? Чего ты хочешь?

— Тебя, — говорит она, отчаянно краснея.

— Уходи, ради бога, уходи!

— Что есть у нее, чего не хватает мне? — потребовала Лиззи Чалмерс. Затем ее лицо сморщилось. — Правильно? Что. Есть. У. Нее. Чего. Не.

---

[17] Примечания: 17
Тогда я подожду (нем.).

Хватает. Мне. Да, правильно. Я учусь в Бенингтоне, там грамматика хромает.

— То есть как это — учусь в Бенингтоне?

— Это колледж. Я думала, все знают.

— Но — учусь?

— Я на шестимесячной практике.

— Чем же ты занимаешься?

— Раньше экономикой. Теперь тобой. Сколько тебе лет?

— Сто девять тысяч восемьсот семьдесят два.

— Ну перестань. Сорок?

— Тридцать.

— Нет, в самом деле? — Она счастлива — Значит, между нами всего десять лет разницы.

— Ты любишь меня, Лиззи?

— Я хочу, чтобы между нами что-то было.

— Неужели обязательно со мной?

— Я понимаю, это бесстыдно. — Она опустила глаза. — Мне кажется, женщины всегда вешались тебе на шею.

— Не всегда.

— Ты что, святой? То есть., понимаю, я не головокружительно красива, но ведь и не уродлива.

— Ты прекрасна.

— Так неужели ты даже не коснешься меня?

— Я пытаюсь защитить тебя.

— Я сама смогу защититься, когда придет время.

— Время пришло, Лиззи.

— По крайней мере, мог бы оскорбить меня, как битницу перед лифтом.

— Подсматривала?

— Конечно. Не считаешь ли ты, что я буду сидеть сложа руки? Надо приглядывать за своим мужчиной.

— Твоим мужчиной?

— Так случается, — проговорила она тихо. — Я раньше не верила, но… Ты влюбляешься и каждый раз думаешь, что это настоящее и навсегда. А затем встречаешь кого-то, и это больше уже не вопрос любви. Просто ты знаешь, что он твой мужчина.

Она подняла глаза и посмотрела на меня. Фиолетовые глаза, полные юности, решимости и нежности, и все же старше, чем глаза двадцатилетней… гораздо старше. Как я одинок — никогда не смея любить, ответить на дружбу, вынужденный жить с теми, кого ненавижу. Я мог провалиться в эти фиолетовые глаза.

— Хорошо, — сказал я. И посмотрел на часы. Час ночи. Тихое время, спокойное время. Боже, сохрани мне английский… Я снял пиджак и рубашку и

показал спину, исполосованную шрамами. Лиззи ахнула.

— Самоистязание, — объяснил я. — За то, что позволил себе сдружиться с мужчиной. Это цена, которую заплатил я. Мне повезло. Теперь подожди.

Я пошел в спальню, где в правом ящике стола, в серебряной коробке, лежал стыд моего сердца. Я принес коробку в гостиную. Лиззи наблюдала за мной широко раскрытыми глазами.

— Пять лет назад меня полюбила девушка. Такая же, как ты. Я был одинок в то время, как и всегда. Вместо того, чтобы защитить ее от себя, я потворствовал своим желаниям. Я хочу показать тебе цену, которую заплатила она. Это отвратительно, но я должен…

Вспышка. Свет в доме ниже по улице погас и снова загорелся. Я прыгнул к окну. На пять долгих секунд погас свет в соседнем доме. Ко мне подошла Лиззи и взяла меня за руку. Она дрожала.

— Что это? Что случилось?

— Погоди, — сказал я.

Свет в квартире погас и снова загорелся.

— Они обнаружили меня, — выдохнул я.

— Они? Обнаружили?

— Засекли мои передачи уном.

— Чем?

— Указателем направления. А затем отключали электричество в домах во всем районе, здание за зданием… пока передача не прекратилась. Теперь они знают, в каком я доме, но не знают квартиры.

Я надел рубашку и пиджак.

— Спокойной ночи, Лиззи. Хотел бы я поцеловать тебя.

Она обвила мою шею руками и стала целовать; вся тепло, вся бархат, вся для меня. Я попытался оттолкнуть ее.

— Ты шпион, — прошептала она. — Я пойду с тобой на электрический стул.

— Если бы я был шпионом… — Я вздохнул. — Прощай, моя Лиззи. Помни меня.

Soyez ferme[18]. Колоссальная ошибка, как это только могло сорваться у меня с языка. Я выбегаю, и тут этот маленький дьявол скидывает туфельки и рвет до бедра узенькую юбчонку, чтобы та не мешала бежать. Она рядом со мной на пожарной лестнице, ведущей вниз к гаражу. Я грубо, ругаюсь, кричу, чтобы она остановилась. Она ругается еще более грубо, все время смеясь и

---

[18] Примечания: 18
Будьте стойкими (франц.).

плача. Проклятье! Она обречена.

Мы садимся в машину, «астон-мартин», но с левосторонним управлением, и мчимся по Пятьдесят третьей, на восток по Пятьдесят четвертой и на север по Первой авеню. Я стремлюсь к мосту, чтобы выбраться из Манхаттана. На Лонг-Айленде у меня свой самолет, припасенный для подобных случаев.

— J'y suis, J'y reste[19] — не мой девиз, — сообщаю я Элизабет Чалмерс, чей французский так же слаб, как грамматика… трогательная слабость.

— Однажды меня поймали в Лондоне на почтамте. Я получал почту до востребования. Послали мне чистый лист в красном конверте и проследили до Пикадилли, 139, Лондон. Телефон: Мейфэр 7211. Красное — это опасность. У тебя везде кожа красная?

— Она не красная! — возмущенно воскликнула Лиззи.

— Я имею в виду розовая.

— Только там, где веснушки, — сказала она. — Что за бегство? Почему ты говоришь так странно и поступаешь так необычно? Ты действительно не шпион?

---

[19] Примечания: 19
Я здесь, я здесь и останусь.(франц.)

— Вероятно.

— Ты существо из другого мира, прилетевшее на неопознанном летающем объекте?

— Это тебя пугает?

— Да, если мы не сможем любить друг друга.

— А как насчет завоевания Земли?

— Меня интересует только завоевание тебя.

— Я никогда не был существом другого мира.

— Тогда кто ты?

— Компенсатор.

— Что это такое?

— Знаешь словарь Франка и Вагнелла? Издание Франка Х. Визетелли? Цитирую: «То, что компенсирует, устройство для нейтрализации местных влияний на стрелку компаса, автоматический аппарат для выравнивания газового давления в…» Проклятье!

Франк Х. Визетелли не употреблял этого нехорошего слова. Оно вырвалось у меня, потому что мост заблокирован. Следовало ожидать. Вероятно, заблокированы все мосты, ведущие с 24-долларового острова. Можно съехать с моста, но ведь со мной чудесная Элизабет Чалмерс. Все. Стоп, машина. Сдавайся.

— Kamerad, — произношу я и спрашиваю: — Кто вы? Ку-клукс-клан?

Он пристально смотрит на меня, наконец открывает рот:

— Специальный агент Кримс из ФБР, — и показывает значок.

Я ликую и радостно его обнимаю. Он вырывается и спрашивает, в своем ли я уме. Мне все равно. Я целую Лиззи Чалмерс, и ее раскрытый рот под моим шепчет:

— Ни в чем не признавайся. Я вызову адвоката.

Залитый светом кабинет на Фоли-сквер. Так же расставлены стулья, так же стоит стол. Мне часто доводилось проходить через это. Напротив — неприметный человек с блеклыми глазами из утренней подземки. Его имя — С. И. Долан.

Мы обмениваемся взглядами. Его говорит: я блефовал сегодня. Мой: я тоже. Мы уважаем друг друга. И начинается допрос с пристрастием.

— Вас зовут Абрахам Мейсон Сторм?

— По прозвищу Бейз.

— Родились 25 декабря?

— Рождественский ребенок.

— 1929 года?

— Дитя депрессии.

— Я вижу, вам весело.

— Юмор висельника, С. И. Долан. Отчаяние. Я знаю, что вы никогда ни в чем не сможете меня

обвинить, и оттого в отчаянии.

— Очень смешно.

— Очень грустно. Я хочу быть осужденным… но это безнадежно.

— Родной город Сан-Франциско?

— Да.

— Два года в Беркли. Четыре во флоте. Кончили Беркли, по статистике.

— Стопроцентный американский парень.

— Нынешнее занятие — финансист?

— Да.

— Конторы в Нью-Йорке, Риме, Париже, Лондоне?

— И в Рио.

— Имущества в акциях на три миллиона долларов?

— Нет, нет, нет! — Яростно. — Три миллиона триста тридцать три тысячи триста тридцать три доллара тридцать три цента.

— Три миллиона долларов, — настаивал Долан. — В круглых числах.

— Круглых чисел нет, есть только формы.

— Сторм, чего вы добиваетесь?

— Осудите меня! — взмолился я. — Я хочу попасть на электрический стул, покончить со всем этим.

— О чем вы говорите?

— Спрашивайте, я отвечу.

— Что вы передаете из своей квартиры?

— Из какой именно? Я передаю изо всех.

— Нью-йоркской. Мы не можем расшифровать.

— Шифра нет, лишь набор случайностей.

— Что?

— Спокойствие, Долан.

— Спокойствие!

— Об этом же меня спрашивали в Женеве, Берлине, Лондоне, Рио. Позвольте мне объяснить.

— Слушаю вас.

Я глубоко вздохнул. Это всегда так трудно. Приходится обращаться к метафорам. Время три часа ночи. Боже, сохрани мне английский.

— Вы любите танцевать?

— Какого черта?!.

— Будьте терпеливы, я объясню. Вы любите танцевать?

— Да.

— В чем удовольствие от танца? Мужчина и женщина вместе составляют… ритм, образец, форму. Двигаясь, ведя, следуя. Так?

— Ну?

— А парады… Вам нравятся парады? Масса людей, взаимодействуя, составляют единое целое.

— Погодите, Сторм…

— Выслушайте меня, Долан. Я чувствителен к формам… больше, чем к танцам или парадам, гораздо больше. Я чувствителен к формам, порядкам, ритмам Вселенной… всего ее спектра… к электромагнитным волнам, группировкам людей, актам враждебности и радушия, к ненависти и добру… И я обязан компенсировать. Всегда.

— Компенсировать?

— Если ребенок падает и ушибается, его целует мать. Это компенсация. Негодяй избивает животное, вы бьете его. Да? Если нищий клянчит у вас слишком много, вы испытываете раздражение. Тоже компенсация. Умножьте это на бесконечность и получите меня. Я должен целовать и бить. Вынужден. Заставлен. Я не знаю, как назвать это принуждение. Вот говорят: экстрасенсорное восприятие, пси. А как назвать экстра-форменное восприятие? Пи?

— Пик? Какой пик?

— Шестнадцатая буква греческого алфавита, обозначает отношение длины окружности к ее диаметру 3,141592… Число бесконечно., бесконечно мучение для меня…

— О чем вы говорите, черт побери?!

— Я говорю о формах, о порядке во Вселенной

Я вынужден поддерживать и восстанавливать его. Иногда что-то требует от меня прекрасных и благородных поступков; иногда я вынужден творить безумства: бормотать нелепицу, срываться сломя голову неизвестно куда, совершать преступления… Потому что формы, которые я воспринимаю, требуют регулирования, выравнивания.

— Какие преступления?

— Я могу признаться, но это бесполезно. Формы не дадут мне погибнуть. Люди отказываются присягать. Факты не подтверждаются. Улики исчезают. Вред превращается в пользу.

— Сторм, клянусь, вы не в своем уме.

— Возможно, но вы не сумеете запрятать меня в сумасшедший дом. До вас уже пытались. Я сам хотел покончить с собой. Не вышло.

— Так что же насчет передач?

— Эфир переполнен излучениями. К ним я тоже восприимчив. Но они слишком запутанны, их не упорядочить. Приходится нейтрализовывать. Я передаю на всех частотах.

— Вы считаете себя сверхчеловеком?

— Нет, никогда. Просто я тот, кого повстречал Простак Симон.

— Не стройте из себя шута.

— Я не строю. Неужели вы не помните считалку: «Простак Симон вошел в вагон, нашел батон. Но тут повстречался ему Пирожник. „Отдай батон!“ воскликнул он». Я не Пирожник. Я — Пи-человек.

Долан усмехнулся.

— Мое полное имя Симон Игнациус Долан.

— Простите, я не знал.

Он взглянул на меня, тяжело вздохнул, отбросил в сторону мое досье и рухнул в кресло. Это сбило форму, и мне пришлось пересесть. Он скосил на меня глаза.

— Пи-человек, — объяснил я.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Не можем вас задерживать.

— Все пытаются, — заметил я, — никто не может.

— Кто «все»?

— Контрразведки, убежденные, что я шпион; полиция, интересующаяся моими связями с самыми подозрительными лицами; опальные политики в надежде, что я финансирую революцию; фанатики, возомнившие, что я их богатый мессия… Все выслеживают меня, желая использовать. Никому не удается. Я часть чего-то гораздо большего.

— Между нами, что это были за преступления?

Я набрал воздуха.

— Вот почему я не могу иметь друзей. Или девушку. Иногда где-то дела идут так плохо, что мне приходится делать пугающие жертвы, чтобы восстановить положение. Например, уничтожить существо, которое люблю. Я… имел собаку, лабрадора, настоящего друга… Нет… не хочу вспоминать. Парень, с которым мы вместе служили во флоте… Девушка, которая любила меня… А я… Нет, не могу… Я проклят! Некоторые формы, которые я должен регулировать, принадлежат не нашему миру, не нашему ритму… ничего подобного на Земле вы не почувствуете. 29/51… 108/303… Вы удивлены? Вы не знаете, что это может быть мучительно? Отбейте темп в 7/5.

— Я не разбираюсь в музыке.

— И не надо. Попробуйте за один и тот же промежуток времени отбить правой рукой пять раз, а левой — семь. Тогда поймете сложность и ужас наплывающих на меня форм. Откуда? Я не знаю. Эта непознанная Вселенная слишком велика для понимания. Но я должен следовать ритму ее форм, регулировать его своими действиями, чувствами, помыслами, а какая-то

чудовищная

сила
меня
подталкивает
вперед
и
назад
выворачивает
наизнанку…

— Теперь другую, — твердо произнесла Элизабет, — Подними.

Я на кровати. Половина (0,5) в пижаме; другая половина (0,5) борется с веснушчатой девушкой. Я поднимаю. Пижама на мне, и уже моя очередь краснеть. Меня воспитали гордым.

— Om mani padme hum, — сказал я. — Что означает: о сокровище в лотосе. Это о тебе. Что произошло?

— Мистер Долан сказал, что ты свободен, — объяснила она. — Мистер Люндгрен помог внести тебя в квартиру Сколько ему дать?

— Cinque lire. No. Parla Italiana, gentile Signorina?[20]

— Мистер Долан мне все рассказал. Это снова твои формы?

---

[20] Примечания: 20
Пять лир. Нет. Вы говорите по-итальянски, милая синьорина? (итал.).

— Si[21].

Я кивнул и стал ждать. После остановок на греческом и португальском английский, наконец, возвращается.

— Какого черта ты не уберешься отсюда, пока цела, Лиззи Чалмерс?

— Я люблю тебя, — сказала она. — Забирайся в постель… и оставь место для меня.

— Нет.

— Да. Женишься на мне позже.

— Где серебряная коробка?

— В мусоропроводе.

— Ты знаешь, что в ней было?

— Это чудовищно — то, что ты сделал! Чудовищно! — Дерзкое личико искажено ужасом. Она плачет. — Что с ней теперь?

— Чеки каждый месяц идут на ее банковский счет в Швейцарию. Я не хочу знать. Сколько может выдержать сердце?

— Кажется, мне предстоит это выяснить.

Она выключила свет. В темноте зашуршало платье. Никогда раньше не слышал я музыки существа, раздевающегося для меня… Я сделал последнюю попытку спасти ее.

---

[21] Примечания: 21
Да (итал.).

— Я люблю тебя, — сказал я. — Ты понимаешь, что это значит. Когда ситуация потребует жертвы, я могу обойтись с тобой даже еще более жестоко…

— Нет. Ты никогда не любил.

Она поцеловала меня.

— Любовь сама диктует законы.

Ее губы были сухими и потрескавшимися, кожа ледяной. Она боялась, но сердце билось горячо и сильно.

— Ничто не в силах разлучить нас. Поверь мне.

— Я больше не знаю, во что верить. Мы принадлежим Вселенной, лежащей за пределами познания. Что, если она слишком велика для любви?

— Хорошо, — прошептала Лиззи. — Не будем собаками на сене. Если любовь мала и должна кончиться, пускай кончается. Пускай такие безделицы, как любовь, и честь, и благородство, и смех, кончаются… Если есть что-то большее за ними…

— Но что может быть больше? Что может быть за ними?

— Если мы слишком малы, чтобы выжить, откуда нам знать?

Она придвинулась ко мне, холодея всем телом.

И мы сжались вместе, грудь к груди, согревая друг друга своей любовью, испуганные существа в изумительном мире вне познания… страшном, но все же ожжж иддд аю щщщщщ еммм…

Феномен исчезновения[22] (пер. с англ. Ю. Абызова)

Это была не последняя война. И не война, которая покончит с войнами вообще. Ее звали Войной за Американскую Мечту. На эту идею как-то наткнулся сам генерал Карпентер и с тех пор только о ней и трубил.

Генералы делятся на вояк (такие нужны в армии), политиков (они правят) и специалистов по общественному мнению (без них нельзя вести войну). Генерал Карпентер был гениальным руководителем общественного мнения. Сама Прямота и само Простодушие, он руководствовался идеалами столь же высокими и общепонятными, как девиз на монете. Именно он представлялся Америке армией и правительством, щитом и мечом нации. Его идеалом была Американская Мечта.

— Мы сражаемся не ради денег, не ради могущества, не ради господства над миром, — заявил генерал Карпентер на обеде в Объединении Печати.

---

[22] Примечания: 22

Печатается по изд.: Бестер А. Феномен исчезновения. БСФ т. 10/ Пер. с анг. — Молодая Гвардия, 1967.

— Мы сражаемся лишь ради воплощения Американской Мечты, — провозгласил он на заседании конгресса 162-го созыва.

— Мы стремимся не к агрессии и не к порабощению народов, — изрек он на ежегодном обеде в честь выпускников военной академии.

— Мы сражаемся за дух цивилизации, — сообщил он сан-францисскому Клубу Пионеров.

— Мы воюем за идеалы цивилизации, за культуру, за поэзию, за Непреходящие Ценности, — сказал он на празднике чикагских биржевиков-хлеботорговцев.

— Мы сражаемся не за себя, а за наши мечты, за Лучшее в Жизни, что не должно исчезнуть с лица земли.

Итак, Америка воевала. Генерал Карпентер потребовал сто миллионов человек. И сто миллионов человек были призваны в армию. Генерал потребовал десять тысяч водородных бомб. И десять тысяч водородных бомб были сброшены на голову противника. Противник тоже сбросил на Америку десять тысяч водородных бомб и уничтожил почти все ее города.

— Что ж, уйдем от этих варваров под землю! — заявил генерал Карпентер. — Дайте мне тысячу специалистов по саперному делу!

И под грудами щебня появились подземные города.

— Мы должны стать нацией специалистов, — заявил генерал Карпентер перед Национальной Ассоциацией Американских Университетов. — Каждый мужчина и каждая женщина, каждый из нас должен стать прежде всего закаленным и отточенным орудием для своего дела.

Дайте мне пятьсот медицинских экспертов, триста регулировщиков уличного движения, двести специалистов по кондиционированию воздуха, сто — по управлению городским хозяйством, тысячу начальников отделений связи, семьсот специалистов по кадрам…

— Наша мечта, — сказал генерал Карпентер на завтраке, данном Держателями Контрольных Пакетов на Уолл-стрит, — не уступает мечте прославленных афинских греков и благородных римских… э-э… римлян. Это мечта об Истинных Ценностях в Жизни. Музыка. Искусство. Поэзия. Культура. Деньги лишь средство в борьбе за нашу мечту.

Уолл-стрит аплодировал. Генерал Карпентер запросил сто пятьдесят миллиардов долларов, полторы тысячи честолюбивых людей, три тысячи специалистов по минералогии, петрографии,

поточному производству, химической войне и научной организации воздушного транспорта. Страна дала ему все это. Генералу Карпентеру стоило только нажать кнопку, и любой специалист был к его услугам.

В марте 2112 года война достигла своей кульминационной точки, и именно в это время решилась судьба Американской Мечты. Это произошло не на одном из семи фронтов, не в штабах и не в столицах, а в палате-Т армейского госпиталя, находившегося на глубине трехсот футов под тем, что когда-то называлось городом Сент-Олбанс в штате Нью-Йорк.

Палата-Т была загадкой Сент-Олбанса. Как и во многих других армейских госпиталях, в Сент-Олбансе имелись особые палаты для однотипных больных. В одной находились все раненые, у которых была ампутирована правая рука, в другой — все, у которых была ампутирована левая.

Повреждение черепа и ранения брюшной полости, ожоги просто и ожоги радиоактивные — для всего было свое место. Военно-медицинская служба разработала девятнадцать классов ранений, которые включали все возможные разновидности повреждений и заболеваний, как душевных, так и телесных. Они обозначались буквами от А

до S. Но каково же было назначение палаты-Т?

Этого не знал никто. Туда не допускали посетителей, оттуда не выпускали больных. Входили и выходили только врачи. Растерянный вид их заставлял строить самые дикие предположения, но выведать у них что бы то ни было не удавалось никому.

Уборщица утверждала, что она как-то наводила там чистоту, но в палате никого не было. Ни души. Только две дюжины коек, и больше ничего. А на койках хоть кто-нибудь спит? Да. Некоторые постели смяты. А есть еще какие-нибудь признаки, что палатой кто-то пользуется? Ну, как же! Личные вещи на столиках и все такое. Только пыли на них порядком — как будто их давно уж никто и в руки не брал.

Общественное мнение склонилось к тому, что это палата для призраков.

Но один санитар сообщил, что ночью из закрытой палаты доносилось пение. Какое пение? Похоже, что на иностранном языке. На каком? Этого санитар сказать не мог. Некоторые слова звучали вроде… ну, вот так: «Гады в ямы с их гитар…»

Общественное мнение склонилось к выводу, что это палата для иностранцев. Для шпионов.

Сент-Олбанс включил в дело кухонную службу и установил наблюдение за подносами с едой. — Двадцать четыре подноса следовали в палату-Т три раза в день. Двадцать четыре возвращались оттуда. Иногда пустые. Чаще всего нетронутые.

Общественное мнение поднатужилось и пришло к решению, что палата-Т — сплошная липа. Что это просто неофициальный клуб для пройдох и комбинаторов, которые устраивают там попойки. Во тебе и «гады в ямы с их гитар…»!

По части сплетен госпиталь не уступает дамскому рукодельному кружку в маленьком городе, а больные легко раздражаются из-за любой мелочи. Потребовалось всего три месяца, чтобы праздные догадки сменились возмущением. Еще в январе 2112 года Сент-Олбанс был вполне благополучным госпиталем. А в марте психиатры уже забили тревогу. Снизился процент выздоровлений. Появились случаи симуляции. Участились мелкие нарушения распорядка.

Перетрясли персонал. Не помогло. Волнение из-за палаты-Т грозило перейти в мятеж. Еще одна чистка, еще одна, но волнения не прекращались.

Наконец по официальным каналам слухи дошли до генерала Карпентера.

— В нашей битве за Американскую Мечту, —

сказал он, — мы не имеем права забывать тех, кто проливал за нас кровь. Подать сюда эксперта по госпитальному делу.

Эксперт не смог исправить положение в Сент-Олбансе. Генерал Карпентер прочитал рапорт и разжаловал его автора.

— Сострадание, — сказал генерал Карпентер, — первая заповедь цивилизации. Подать мне Главного медика.

Но и Главный медик не смог потушить гнев Сент-Олбанса, а посему генерал Карпентер разжаловал и его. Но на этот раз в рапорте была упомянута палата-Т.

— Подать мне специалиста по той области, которая касается палаты-Т, — приказал генерал Карпентер.

Сент-Олбанс прислал врача — это был капитан Эдсель Диммок, коренастый молодой человек, почти лысый, окончивший медицинский факультет всего лишь три года назад, но зарекомендовавший себя отличным специалистом по психотерапии. Генерал Карпентер питал слабость к экспертам. Диммок ему понравился. Диммок обожал генерала как защитника культуры, который сам он, будучи чересчур узким специалистом, не мог вкусить сейчас, но соби-

рался насладиться ею, как только война будет выиграна.

— Так вот, Диммок, — начал генерал, — каждый из нас ныне прежде всего закаленный и отточенный инструмент. Вы знаете наш девиз: «Свое дело для каждого, и каждый для своего дела». Кто-то там не при своем деле в палате-Т, и мы его оттуда выкинем. А теперь скажите-ка, что же это такое палата-Т?

Диммок, заикаясь и мямля, кое-как объяснил, что это палата для особых заболеваний, вызванных шоком.

— Значит, там у вас содержатся пациенты?

Да, сэр Десять женщин и четырнадцать мужчин.

Карпентер помахал пачкой рапортов.

— А вот здесь заявление пациентов Сент-Олбанса о том, что в палате-Т никого нет.

Диммок был ошарашен.

— Это ложь! — заверил он генерала.

— Ладно, Диммок. Значит, у вас там двадцать четыре человека. Их дело — поправляться. Ваше дело — лечить. Какого же черта весь госпиталь ходит ходуном?

— В-видите ли, сэр… Очевидно, потому, что мы держим палату-Т под замком.

— Почему?

— Чтобы удержать там пациентов, генерал.

— Удержать? Как это понять? Они что, пытаются сбежать? Буйные, что ли?

— Никак нет, сэр. Не буйные.

— Диммок, мне не нравится ваше поведение. Вы все хитрите и ловчите. И вот что мне еще не нравится. Эта самая классификация. При чем тут Т? Я справился в медицинском учреждении — в их классификации никакого Т не существует. Что это еще за петрушка?

— Д-да, сэр… Мы сами ввели этот индекс. Они… Тут… особый случай, сэр. Мы не знаем, что делать с этими больными. Мы не хотели огласки, пока не найдем способа лечения. Но тут совсем новая область, генерал. Новая! — Здесь специалист взял в Диммоке верх над дисциплинированным служакой. — Это сенсационно! Это войдет в историю медицины! Этого еще никто, черт возьми, не видел!

— Чего этого, Диммок? Точнее!

— Слушаюсь, сэр. Это бывает после шока. Полнейшее безразличие к раздражителям. Дыхание чуть заметно. Пульс слабый.

— Подумаешь! Я видел такое тысячи раз, — проворчал генерал Карпентер. — Что тут необыч-

ного?

— Да, сэр, пока все подходит под разряд Q или R. Но тут одна особенность. Они не едят и не спят.

— Совсем?

— Некоторые совсем.

— Почему же они не умирают?

— Вот этого мы и не знаем. Метаболический цикл нарушен, но отсутствует только его анаболический план. Катаболический продолжается. Иными словами, сэр, они выделяют отходы пищеварения, но не принимают ничего внутрь. Они изгоняют из организма токсины и восстанавливают изношенные ткани, но все это без еды и сна. Как — один бог знает!

— Значит, потому вы и запираете их? Значит… Вы полагаете, что они таскают еду и ухитряются вздремнуть где-то на стороне?

— Н-нет, сэр. — Диммок был явно смущен. — Я не знаю, как объяснить вам это. Я… Мы запираем их, потому что тут какая-то тайна. Они… Ну, в общем они исчезают…

— Чего-чего?..

— Исчезают, сэр. Пропадают. Прямо на глазах.

— Что за бред!

— Но это так, сэр. Смотришь, сидят на койках или стоят поблизости. Проходит какая-то минута

— и их уже нет. Иногда в палате-Т их две дюжины. Иногда — ни одного. То исчезают, то появляются — ни с того ни с сего. Поэтому-то мы и держим палату под замком, генерал. За всю историю военной медицины такого еще не бывало. Мы не знаем, как быть.

— А ну, подать мне троих таких пациентов, — приказал генерал Карпентер.

Натан Райли съел хлеб, поджаренный на французский манер, с парой яиц по-бенедектински, запил все это двумя квартами коричневого пива, закурил сигару «Джон Дрю», благопристойно рыгнул и встал из-за стола. Он дружески кивнул Джиму Корбетту Джентльмену, который прервал беседу с Джимом Брэди Алмазом, чтобы перехватить его на полпути.

— Кто, по-твоему, возьмет в этом году приз, Нат? — спросил Джим Джентльмен.

— Доджерсы, — ответил Натан Райли.

— А что они могут выставить?

— У них есть «Подделка», «Фурилло» и «Кампанелла». Вот они и возьмут приз в этом году, Джим. Тринадцатого сентября. Запиши. Увидишь, ошибся ли я.

— Ну, ты никогда не ошибаешься, Нат, — сказал Корбетт.

Райли улыбнулся, расплатился, фланирующей походкой вышел на улицу и взял экипаж возле Мэдисон-сквер гарден. На углу 50-й улицы и 8-й авеню он поднялся в маклерскую контору, находящуюся над мастерской радиоприемников. Букмекер взглянул на него, достал конверт и отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

— Рокки Марчиано техническим нокаутом положил Роланда Ла Старца в одиннадцатом раунде И как это вы угадываете, Нат?

— Тем и живу, — улыбнулся Райли. — На результаты выборов ставки принимаете?

— Эйзенхауэр — двенадцать к пяти. Стивенсон…

— Ну, Эдлай не в счет, — и Райли положил на стойку двенадцать тысяч долларов. — Ставлю на Айка.

Он покинул маклерскую контору и направился в свои апартаменты в отеле «Уолдорф», где его уже нетерпеливо поджидал высокий и стройный молодой человек.

— Ах да! Вы ведь Форд? Гарольд Форд?

— Генри Форд, мистер Райли.

— И вы хотели бы, чтобы я финансировал производство машины в вашей велосипедной мастерской. Как, бишь, она называется?

— Я назвал ее имсомобиль, мистер Райли.

— Хм-м… Не сказал бы, что название мне очень нравится. А почему бы не назвать ее «автомобиль»?

— Чудесное предложение, мистер Райли. Я так и сделаю.

— Вы мне нравитесь, Генри. Вы молоды, энергичны, сообразительны. Я верю в ваше будущее и в ваш автомобиль. Вкладываю двести тысяч долларов.

Райли выписал чек и проводил Генри Форда к выходу. Потом посмотрел на часы и неожиданно почувствовал, что его потянуло обратно, захотелось взглянуть, как там и что. Он прошел в спальню, разделся потом натянул серую рубашку и серые широкие брюки. На кармане рубашки виднелись большие синие буквы: «Госп. США».

Он закрыл дверь спальни и исчез.

Объявился он уже в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя. И не успел перевести дух, как его схватили три пары рук. Шприц ввел ему в кровь полтора кубика тиоморфата натрия.

— Один есть, — сказал кто-то.

— Не уходи, — откликнулся другой. — Генерал Карпентер сказал, что ему нужны трое.

После того как Марк Юний Брут покинул ее

ложе, Лела Мэчен хлопнула в ладоши. В покой вошли рабыни. Она приняла ванну, оделась, надушилась и позавтракала смирненскими фигами, розовыми апельсинами и графином «Лакрима Кристи». Потом закурила сигарету и приказала подать носилки.

У ворот дома, как обычно, толпились полчища обожателей из Двадцатого легиона Два центуриона оттолкнули носильщиков от ручек носилок и понесли ее на своих широких плечах. Лела Мэчен улыбалась. Какой-то юноша в синем, как сапфир, плаще пробился сквозь толпу и подбежал к ней. В руке его сверкнул нож. Лела собралась с духом, чтобы мужественно встретить смерть.

— Лела! — воскликнул он. — Повелительница!

И полоснул по своей левой руке ножом так, что алая кровь обагрила одежды Лелы.

— Кровь моя — вот все, что я могу тебе отдать! — воскликнул он.

Лела мягко коснулась его лба.

— Глупый мальчик, — проворковала она, — Ну, зачем же так?

— Из любви к тебе, моя госпожа!

— Тебя пустят сегодня ко мне, — прошептала Лела. Он смотрел на нее так, что она засмеялась. — Я обещаю. Как тебя зовут, красавчик?

— Бен Гур.

— Сегодня в девять, Бен Гур.

Носилки двинулись дальше. Мимо форума как раз проходил Юлий Цезарь, занятый жарким спором с Марком Антонием. Увидев ее носилки, он сделал резкий знак центурионам, которые немедленно остановились. Цезарь откинул занавески и взглянул на Лелу. Лицо Цезаря передернулось.

— Ну почему? — хрипло спросил он, — Я просил, умолял, подкупал, плакал — и никакого снисхождения. Почему, Лела? Ну почему?

— Помнишь ли ты Боадицею? — промурлыкала Лела.

— Боадицею? Королеву бриттов? Боже милостивый, Лела, какое она имеет отношение к нашей любви? Я не убил ее. Я только разбил ее в сражении.

— И убил ее, Цезарь.

— Она же отравилась, Лела.

— Это была моя мать, Цезарь! Убийца! Ты будешь наказан. Берегись мартовских ид, Цезарь!

Цезарь в ужасе отпрянул. Толпа поклонников, окружавшая Лелу, одобрительно загудела. Осыпаемая дождем розовых лепестков и фиалок на всем пути, она проследовала от форума к храму Весты.

Перед алтарем она преклонила колени, вознесла молитву, бросила крупинку ладана в пламя на алтаре и скинула одежды. Она оглядела свое прекрасное тело, отражающееся в серебряном зеркале, и вдруг почувствовала мимолетный приступ ностальгии. Лела надела серую блузу и серые брюки. На кармане блузы виднелись буквы: «Госп. США».

Она еще раз улыбнулась алтарю и исчезла.

Появилась она в палате-Т армейского госпиталя, где ей тут же вкатили полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и вторая, — сказал кто-то.

— Надо еще одного.

Джордж Хэнмер сделал драматическую паузу и скользнул взглядом по скамьям оппозиции, по спикеру, по серебряному молотку на бархатной подушке перед спикером. Весь парламент, загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаив дыхание ожидал его дальнейших слов.

— Мне больше нечего добавить, — произнес, наконец, Хэнмер. Голос его дрогнул. Лицо было бледным и суровым. — Я буду сражаться за этот билль в городах, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль до смерти, а если бог попустит, то и после смерти. Вызов это или мольба,

пусть решает совесть благородных джентльменов, но в одном я решителен и непреклонен: Суэцкий канал должен принадлежать Англии.

Хэнмер уселся. Овация! Под гул одобрения он протиснулся в кулуары, где Гладстон, Каннинг и Пит останавливали его, чтобы пожать ему руку. Лорд Пальмерстон холодно взглянул на Хэнмера, но Пэма оттолкнул подковылявший Дизраэли — это был сплошной энтузиазм, сплошной восторг.

— Мы завтракаем в Тэттерсоле, — сказал Дизи. — Машина ждет внизу.

Леди Биконсфильд сидела в своем «роллс-ройсе» возле парламента. Она приколола к лацкану Дизраэли первоцвет и одобрительно потрепала Хэнмера по щеке.

— Вы, Джорджи, проделали большой путь с тех пор, как были школяром, которому нравилось задирать Диззи.

Хэнмер рассмеялся. Диззи запел «Гаудеамус игитур», и Хэнмер подхватил этот древний гимн школяров. Распевая его, они подъехали к Тэттерсолу. Здесь Диззи заказал пиво и жареные ребрышки, тогда как Хэнмер поднялся в клуб переодеться.

Почему-то вдруг он почувствовал тягу вернуться, взглянуть на все в последний раз. Возможно,

потому, что ему не хотелось окончательно порывать с прошлым. Он снял сюртук, нанковый жилет, крапчатые брюки, лоснящиеся ботфорты и шелковое белье. Затем надел серую рубашку, серые брюки и исчез.

Объявился он в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, где тут же получил свои полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и третий, — сказал кто-то.

— Давай их к Карпентеру.

И вот они в штабе генерала Карпентера — рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер. Все трое в серой госпитальной одежде, оглушенные изрядной дозой усыпляющего.

В помещении не было посторонних. Здесь находились эксперты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и центрального разведывательного управления. Увидев безжалостно-стальные лица этой братии, поджидавшей пациентов и его самого, капитан Эдсель Диммок вздрогнул. Генерал Карпентер мрачно усмехнулся.

— А вы что думали, так мы и клюнем на эту сказочку об исчезновениях, а, Диммок?

— В-виноват, сэр?

— Я ведь тоже специалист своего дела, Диммок. И раскусил вас. Война идет плохо. Очень плохо. Где-то к противнику просачивается информация. И вся эта Сент-Олбанская история говорит не в вашу пользу.

— Но они действительно исчезают, сэр. Я…

— Вот мои специалисты и хотят поговорить с вами и вашими пациентами насчет этих исчезновений. И начнут они с вас, Диммок.

Специалисты взялись за Диммока, — пустив в ход эффективные средства ослабления психического сопротивления и устройства, выключающие волю. Были испробованы все известные в литературе реакции на искренность и все виды физического и психического давления. Отчаянно вопящий Диммок был трижды сломлен, хотя и ломать-то, собственно, было нечего.

— Пусть отдышится, — сказал Карпентер. — Переходите к пациентам.

Специалисты замялись: ведь эти клиенты были больны.

— О господи, давайте не миндальничать! — вскипел Карпентер. — Мы ведем войну за цивилизацию и защищаем наши идеалы. За дело!

Специалисты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и централь-

ного разведывательного управления взялись за дело. И в ту же минуту рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер исчезли. Вот только-только они сидели на стульях, отданные во власть насилия. А в следующее мгновение их уже не стало.

Специалисты ахнули. Генерал Карпентер подошел к Диммоку.

— Капитан Диммок, приношу свои извинения. Полковник Диммок, вы повышены в чине за открытие чрезвычайной важности!.. Только какого черта все это значит? Нет, сначала нам надо проверить самих себя!

И Карпентер щелкнул переключателем селектора.

— Подать мне эксперта по шокам и психиатра.

Экспертов вкратце познакомили с сутью дела. Обследовав свидетелей, они вынесли заключение.

— Вы все перенесли шок средней степени, — сказал специалист по шокам. — Нервное расстройство, вызванное военной обстановкой.

— Так вы считаете, что на самом деле они не исчезли? Что мы этого не видели?

Специалист по шокам покачал головой и

взглянул на психиатра, который тоже покачал головой.

— Массовая галлюцинация, — сказал психиатр.

В этот момент рядовой первого класса Райли, мастер-сержант Мэчен и капрал второго класса Хэнмер появились вновь. Только что они были массовой галлюцинацией, и вот, пожалуйста, — сидят себе на своих стульях.

— Усыпите их снова, Диммок! — закричал Карпентер. — Впрысните им целый галлон, — он щелкнул переключателем селектора. — Подать мне всех специалистов, какие только у нас имеются.

Тридцать семь экспертов, каждый — закаленное и отточенное орудие, изучили пребывающие в бессознательном состоянии «случаи исчезновения» и три часа обсуждали этот феномен. Факты гласили только одно. Это новый фантастический синдром, возникший на основе нового фантастического страха, вызванного войной. Каждому действию соответствует равное, противоположно направленное противодействие. Так и подписали. На том и сошлись.

Видимо, пациенты вынуждены время от времени возвращаться в то место, откуда исчезают,

иначе они не стали бы объявляться в палате-Т или здесь, в штабе генерала Карпентера.

Видимо, пациенты принимают пищу и спят там, где они бывают, поскольку в палате-Т ни того ни другого не делают.

— Одна небольшая деталь, — заметил полковник Диммок. — В палату-Т они возвращаются все реже. Раньше они исчезали и появлялись каждый день. Теперь многие отсутствуют неделями или не возвращаются вовсе.

— Это не важно, — сказал Карпентер. — Важно другое: куда они исчезают?

— И не попадают ли за вражеские линии? — спросил кто-то. — Вот по каким каналам может утекать информация!

— Я хочу, чтобы разведка установила, — щелкнул переключателем Карпентер, — столкнулся ли противник с подобными случаями исчезновения и появления людей в своих лагерях для военнопленных. Ведь там могут быть и наши больные из палаты-Т.

— Они просто отправляются к себе домой, — высказался полковник Диммок.

— Я хочу, чтобы служба безопасности проверила это, — приказал Карпентер. — Выяснить обстоятельства домашней жизни и все связи

каждого из этих двадцати четырех исчезающих больных. А теперь., относительно наших дальнейших действий в палате-Т У полковника Диммока имеется план.

— Мы ставим в палате-Т шесть дополнительных коек, — изложил свой план Эдсель Диммок, — И помещаем туда шесть наших специалистов, чтобы они вели наблюдение.

— Вот что, господа, — резюмировал Карпентер. — Это величайшее потенциальное оружие в истории войн. Представьте-ка себе телепортацию армии за вражеские линии! Мы можем выиграть войну за Американскую Мечту в один день, если овладеем секретом этих помраченных умов. И мы должны им овладеть!

Специалисты лезли из кожи, разведка добывала сведения, служба безопасности вела тщательную проверку. Шесть закаленных и отточенных орудий, разместившись в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, все ближе и ближе знакомились с исчезающими пациентами, которые все реже и реже появлялись там. Напряжение возрастало.

Служба безопасности сообщила, что ни одного случая необычного появления людей на территории Америки за последний год не наблюдалось. Разведка сообщила, что не замечено,

чтобы противник сталкивался с аналогичными осложнениями у своих больных.

Карпентер кипел.

— Совсем новая область. И у нас нет в этой области специалистов. Нам нужны новые орудия. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне университет!

Ему дали Йельский университет.

— Мне нужны специалисты по парапсихологии. Подготовьте их, — приказал Карпентер.

И в университете тут же ввели три обязательных курса — по Чудотворству, Сверхчувственному восприятию и Телекинезу.

Первый просвет забрезжил, когда одному эксперту из палаты-Т потребовалась помощь другого эксперта. И не кого-нибудь, а гранильщика.

— За каким чертом? — поинтересовался Карпентер.

— Он поймал обрывок разговора о драгоценном камне, — пояснил полковник Диммок. — И не может сам разобраться. Он же специалист по кадрам.

— А иначе и быть не может, — одобрительно заметил Карпентер. — Свое дело для каждого, и каждый для своего дела. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне гранильщика.

Специалист по гранильному делу получил увольнительную из арсенала и явился к генералу, где его попросили уточнить, что это за алмаз «Джим Брэди» Сделать этого он не смог.

— Попробуем с другого бока, — сказал Карпентер и щелкнул переключателем. — Подать мне семантика.

Семантик покинул свой стол в департаменте Военной пропаганды, но так и не понял, что стоит за словами «Джим Брэди». Для него это было просто имя. Не больше. И он предложил обратиться к специалисту по генеалогии.

Специалист по генеалогии получил на один день освобождение от службы в Комитете по неамериканским предкам, но ничего не смог сказать о Джиме Брэди, кроме того, что это имя было распространено широко в Америке лет пятьсот назад, и, в свою очередь, предложил обратиться к археологу.

Археолог был извлечен из Картографической службы Частей вторжения и тут же установил, что это за Джим Брэди Алмаз. Им оказалось историческое лицо, известное в городе Малый-Старый-Нью-Йорк в период между губернатором Питером Стивесантом и губернатором Фьорелло Ла Гардиа.

— Господи! — изумился Карпентер. — Столько веков назад! Откуда этот Натан Райли такое выкопал? Вот что, подключитесь-ка к экспертам в палате-Т.

Археолог довел дело до конца, проверил свои данные и представил отчет. Карпентер прочитал его и тут же устроил экстренное совещание всех своих специалистов.

— Господа, — объявил он, — палата-Т — это нечто большее, нежели телепортация. Шоковые больные проделывают нечто более невероятное… более внушительное. Они перемещаются во времени.

Все растерянно зашушукались. Карпентер энергично кивнул.

— Да, да, господа. Это путешествие во времени. И прежде чем я буду продолжать, просмотрите вот эти отчеты.

Все участники совещания уткнулись в размноженные для них материалы. Рядовой первого класса Натан Райли… исчезает в Нью-Йорк начала XX века; мастер-сержант Лела Мэчен… отправляется в Рим первого века нашей эры; капрал второго класса Джордж Хэнмер… путешествует в Англию XIX века. И остальные из двадцати четырех пациентов, спасаясь от безумия и ужасов

современной войны, скрываются из XXII века в Венецию дожей, на Ямайку времен пиратов, в Китай династии Ханей, в Норвегию Эрика Рыжеволосого, в самые разные места земного шара и самые разные века.

— Мне нет нужды указывать на колоссальное значение этого открытия, — продолжал генерал Карпентер. — Представьте, как это скажется на ходе войны, если мы сможем посылать армию на неделю или год назад. Мы сможем выиграть войну до ее начала. Мы сможем защитить от варварства нашу Мечту… поэзию и красоту и замечательную культуру Америки… даже не подвергая их опасности.

Присутствующие попытались представить себе победоносное сражение, выигранное еще до его начала.

— Положение осложняется тем, что эти люди из палаты-Т невменяемы. Они могут знать, но могут и не знать, как они все это проделывают, беда только в том, что они не в состоянии войти в общение с экспертами, которые могли бы овладеть методом этого чуда. Придется искать ключ самим. Эти люди не могут нам помочь.

Закаленные и отточенные орудия беспомощно переглянулись.

— Нам нужны эксперты, — сказал генерал Карпентер.

Присутствующие облегченно вздохнули, обретя под ногами привычную почву.

— Нам нужен специалист по церебральной механике, кибернетик, психоневролог, анатом, археолог и перворазрядный историк. Они отправятся в эту палату и не выйдут оттуда, пока не сделают свое дело: пока не разберутся в технике путешествия во времени.

Первую пятерку экспертов легко удалось раздобыть в разных военных департаментах. Вся Америка была сплошным набором закаленных и отточенных специалистов. Труднее оказалось найти перворазрядного историка. Наконец федеральная каторжная тюрьма, также работающая для нужд армии, выявила доктора Брэдли Скрима, приговоренного к двадцати годам каторжных работ. Доктор Скрим, довольно язвительный и колючий субъект, руководил кафедрой истории философии в Западном университете, пока не выложил все, что он думает о войне за Американскую Мечту. За это он и получил свои двадцать лет.

Скрим был настроен все так же вызывающе, но его удалось втянуть в игру, заинтриговав пробле-

мой пала ты — Т.

— Но я же не эксперт, — огрызнулся он. — В этой невежественной стране сплошных экспертов я последняя стрекоза среди полчищ муравьев…

Карпентер щелкнул переключателем.

— Энтомолога!

— Ни к чему. Я объясню. Вы — гнездо муравьев — работаете, трудитесь и специализируетесь. А для чего?

— Чтобы сохранить Американскую Мечту, — с жаром ответил Карпентер. — Мы воюем за поэзию, культуру, образование и Непреходящие Ценности.

— Словом, за то, чтобы сохранить меня, — сказал Скрим. — Ведь этому я посвятил всю свою жизнь. А что вы сделали со мной? Бросили в тюрьму.

— Вас обвинили в симпатиях к противнику, в антивоенных настроениях.

— Меня обвинили в том, что я верю в Американскую Мечту. Говоря иными словами, в том, что у меня своя голова на плечах.

Таким же неуживчивым Скрим оставался и в палате-Т. Он провел там ночь, насладился трехразовым хорошим питанием, прочитал все отчеты, затем отшвырнул их и начал кричать, чтобы его

выпустили.

— Свое дело для каждого, и каждый для своего дела, — сказал ему полковник Диммок. — Вы не выйдете, пока не докопаетесь до секрета путешествия во времени.

— Никакого здесь секрета для меня нет.

— Они путешествуют во времени?

— И да, и нет.

— Ответ должен быть только однозначным. Вы уклоняетесь от…

— Вот что, — устало прервал его Скрим, — вы специалист в какой области?

— Психотерапия.

— Тогда вы ни черта не поймете в том, что я скажу Это же философская проблема. Я заявляю, что здесь нет секрета, которым могла бы воспользоваться армия. *И* вообще им не может воспользоваться какая-либо группа. Этим секретом может овладеть только личность.

— Я вас не понимаю.

— А я и не надеялся, что поймете. Отведите меня к Карпентеру.

Скрима отвели к генералу, и он злорадно усмехнулся в лицо Карпентеру — рыжий дьявол, тощий от недоедания.

— Мне нужно десять минут, — сказал Скрим, —

Можете вы на это время оторваться от вашего ящика с инструментами?

Карпентер кивнул.

— Так вот, слушайте внимательно. Сейчас я дам вам ключи от чего-то столь грандиозного, необычайного и нового, что вам понадобится вся ваша смекалка!

Карпентер выжидающе взглянул на него.

— Натан Райли уходил в начало двадцатого века. Там он жил своей излюбленной мечтой. Он игрок высокого полета. Он зашибает деньги, делая ставки на то, что ему известно заранее. Он ставит на то, что на выборах пройдет Эйзенхауэр. Он ставит на то, что профессиональный боксер по имени Марчиано побьет Ла Старца. Он вкладывает деньги в автомобильную компанию Генри Форда. Вот они, ключи. Вам это что-нибудь говорит?

— Без социолога-аналитика — ничего, — ответил Карпентер и потянулся к переключателю.

— Не беспокойтесь, я объясню. Только вот вам еще несколько ключей. Лела Мэчен, например, скрывается в Римскую империю, где живет как роковая женщина. Каждый мужчина влюблен в нее. Юлий Цезарь, Брут, весь Двадцатый легион, человек по имени Бен Гур. Улавливаете

нелепицу?

— Нет.

— Да она еще ко всему курит сигареты.

— Ну и что? — спросил Карпентер, помолчав.

— Продолжаю. Джордж Хэнмер убегает в Англию девятнадцатого века, где он член парламента, друг Гладстона, Каннинга и Дизраэли. Последний везет его в своем «роллс-ройсе» Вы знаете, что такое «ролле ройс»?

Скрим в возбуждении заметался по комнате.

— Карпентер, это открытие куда грандиознее телепортации или путешествия во времени. Это может спасти человечество.

— Что же может быть грандиознее путешествия во времени, Скрим?

— Так вот, Карпентер, слушайте. Эйзенхауэр баллотировался в президенты не ранее середины двадцатого века. Натан Райли не мог одновременно быть другом Джима Брэди Алмаза и в то же время ставить на Эйзенхауэра… Брэди умер за четверть века до того, как Айк стал президентом. Марчиано побил Ла Старца через пятьдесят лет после того, как Генри Форд основал свою автомобильную компанию. Путешествие во времени Натана Райли полно подобных анахронизмов.

Карпентер ошеломленно хлопал глазами.

— Лела Мэчен не могла взять Бен Гура в любовники. Бен Гур никогда не бывал в Риме. Его вообще не было. Это персонаж романа и кинофильма. Она не могла курить. Тогда не было табака. Понятно? Опять анахронизмы. Дизраэли не мог усадить Джорджа Хэнмера в свой «роллс-ройс», потому что автомобилей при жизни Дизраэли не было.

— Черт знает, что вы говорите! — воскликнул Карпентер. — Выходит, все они врали?

— Нет. Не забывайте, что они не нуждаются во сне. Им не нужна пища. Они не лгут. Они возвращаются вспять во времени по-настоящему. И там едят и спят.

— Но вы же только что сказали, что их истории несостоятельны. Что они полны анахронизмов.

— Потому что они отправляются в Придуманное ими время. Натан Райли имеет свое собственное представление о том, как выглядела Америка начала двадцатого века. Эта картина ошибочна и полна анахронизмов, потому что он не ученый. Но для него она реальна. Он может жить там. Точно так же и с остальными.

Карпентер выпучил глаза.

— Эту концепцию почти невозможно осознать. Эти люди открыли, как превращать мечту в

реальность. Они знают, как проникнуть в мир воплотившейся мечты. Они могут жить там. Господи, вот она ваша Американская Мечта, Карпентер. Это чудо, бессмертие, почти божественный акт творения… Этим непременно нужно овладеть. Это необходимо изучить. Об этом надо сказать всему миру.

— И вы можете это сделать, Скрим?

— Нет, не могу. Я историк. Я не творческая натура. И мне это не под силу. Вам нужен поэт… От воплощения мечты на бумаге или холсте, должно быть, не так уж трудно шагнуть к воплощению в действительность.

— Поэт?! Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно. А вы знаете, что такое поэт? Вы пять лет вдалбливали нам, что эта война ведется ради спасения поэтов.

— Перестаньте паясничать, Скрим. Я…

— Пошлите в палату-Т поэта. Он изучит, как они это делают. Только поэту это под силу. Поэт уже наполовину живет в мечте. А уж от него научатся и ваши психологи и анатомы. Они смогут научить нас. Поэт — необходимое звено между больными и вашими специалистами.

— Мне кажется, вы правы, Скрим.

— Тогда не теряйте времени, Карпентер. Паци-

енты из палаты-Т все реже и реже возвращаются в этот мир. Мы должны овладеть секретом, пока они не исчезли навсегда. Пошлите в палату-Т поэта.

Карпентер щелкнул переключателем.

— Найдите мне поэта.

И он все сидел и ждал, ждал, ждал... А Америка лихорадочно перебирала свои двести девяносто миллионов закаленных и отточенных инструментов, эти орудия для защиты Американской Мечты о красоте, поэзии и Истинных Ценностях в Жизни. Сидел и ждал, пока среди них найдут поэта. Ждал, не понимая, почему так затянулось ожидание, не понимая, почему Брэдли Скрим покатывается от хохота над этим последним, воистину роковым исчезновением.

Бестер А.

Человек Без Лица: Сб. науч.-фантаст. произведений; Пер. с англ./Сост. В. П. Кирчев.— М.: Мир, 1991.— 480 с.— (Зарубежная фантастика: Вып. 3)

ISBN 5—03—002728—9

4 р. 50 к.

